

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

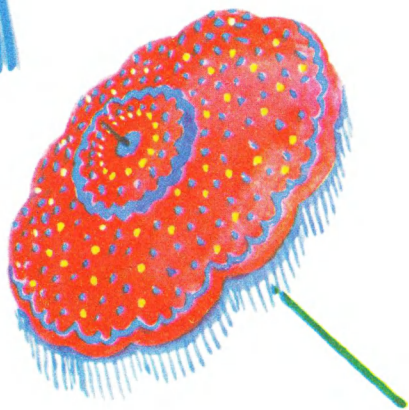
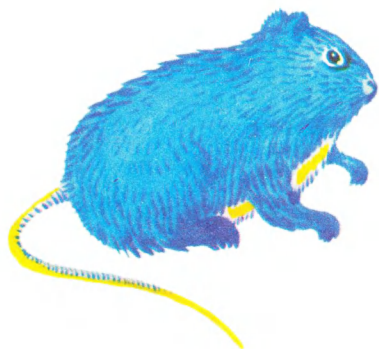
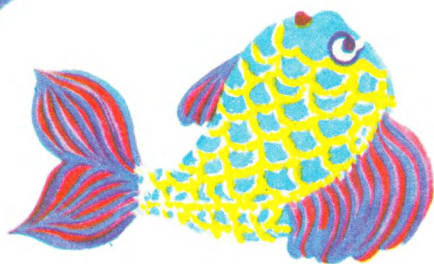

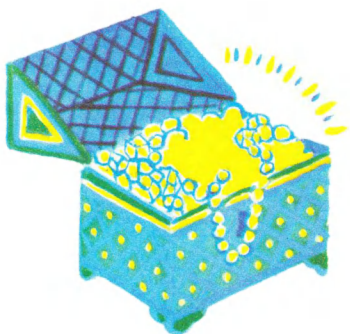
Жил-был король...

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Жил-был король...

Сказки писателей
Европы

1 9 9 3

Москва — Санкт-Петербург
«КИМОС» — фирма «РИТА» — «БИБЛИОПОЛИС»

**Оформление серии
Владимира Волипца**

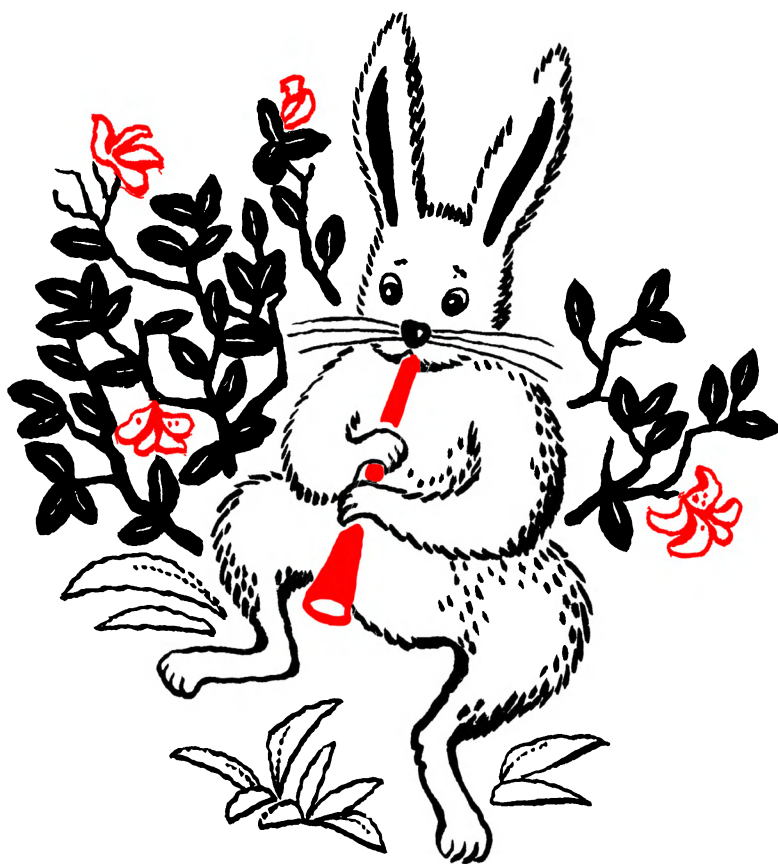
**Художник
Вера Волипец**

ISBN 5-86138-006-6

© Составление А.Трошин, 1993

© Оформление. «КИМОС», 1993

Королевские зайцы

БРАТЯ ГРИММ

ГНОМ-ТИХОГРОМ

ил на свете мельник. Был он стар и беден, и ничего-то у него не было хорошего, кроме дочки. Зато дочка и вправду была хороша — красивая, веселая, работающая. Старик нахвалиться ею не мог. Вот раз довелось мельнику разговаривать с самим королем. Ну, каждому человеку приятно своими детьми похвастаться. Он возьми да и скажи:

— Есть у меня дочка. Уж такая умница, такая разумница — из соломы золотую пряжу прядет!

Король очень удивился.

— Неужели, — говорит, — из соломы? Это мне нравится. Если твоя дочь и в самом деле такая мастерица, приведи ее завтра ко мне во дворец. Надо испытать ее искусство.

Мельник очень обрадовался. А на самом-то деле рано было радоваться. Он, видите ли, попросту хотел сказать, что дочка у него славная рукодельница и может даже из плохого волокна напрядь хорошей пряжи, а из плохой пряжи — наткать хорошего полотна. Только и всего.

А король подумал, что она и вправду умеет прядь из простой соломы золотую пряжу.

В том-то и беда, что короли не всегда понимают, о чем толкуют простые люди. А простые люди не всегда знают, что думают короли.

Но как бы там ни было, а мельник очень обрадовался такому почетному приглашению и велел дочке собираться назавтра в гости к королю.

Она принарядилась, как могла, — надела свое праздничное платье, цветную ленточку на шею, колечко на палец — и, веселая, отправилась во дворец, раздумывая по дороге о том, что ей велят делать — ткать, шить, вязать или всего-навсего чистить кастрюли и мыть лестницы?..

«Ну пусть что хотят, то и приказывают, — говорила она себе. — Уж я-то не ударю лицом в грязь».

Каково же было ее удивление, когда сам король встретил ее на пороге, отвел в комнату, битком набитую соломой, велел принести ей прялку и сказал:

— Ну вот что, девушка! Твой отец рассказал мне, какая ты искусница. Принимайся-ка за работу. Если ты к завтрашнему дню перепрядешь мне всю эту солому в золото, я тебя по-королевски награжу. А нет — на себя пеняй. Ни тебе, ни твоему отцу несдобровать — вам обоим палач отрубит головы на городской площади. — И с этими словами король вышел, запер дверь на ключ и вернулся к своим делам.

Ах, как испугалась мельникова дочка! Она была мастерица на все руки: умела печь пироги, варить пиво, начинять колбасы; она вышивала золотом по бархату и цветным шелком по кисее; плела кружева легкие, как паутина; умела ткать самое тонкое полотно и вязать из шерсти узорные чулки, колпаки и одеяла, — но прясть из соломы золото она не умела. Да и никто не умеет.

Целый день просидела бедная девушка, ломая голову над тем, как ей выпутаться из беды. Она плакала, вытирала слезы своим вышитым передником и опять принималась плакать. Но так ничего и не придумала. Впрочем, она еще надеялась вечером, когда стемнеет, как-нибудь ускользнуть из этой страшной комнаты.

«Ведь откроют же они дверь хоть на минутку», — думала она.

И в самом деле — дверь открылась. Ей принесли ужин и три толстые свечи, чтобы она могла работать до рассвета. Но не успела она и с места встать, как дверь снова захлопнулась и ключ дважды повернулся в замке.

А под окном ходили все время двое часовых с алебардами, да и окно находилось под самой крышей. Разве что на крыльях можно было из него вылететь. Но мельникова дочка не умела летать, так же как и прясть из соломы золото.

От таких мыслей она заплакала еще горше, хотя ей и казалось, что за день она выплакала все свои слезы до одной.

И вот, когда она совсем уже потеряла надежду на спасение, в углу что-то заскреблось, словно мышка пробирается из подполья на волю, солома зашевелилась, и в комнате появился маленький юркий человечек — большеголовый, длиннорукий, на тонких ножках.

— Добрый вечер, прекрасная мельничиха! — сказал он. — О чем это ты так горько плачешь?

— Ах, как же мне не плакать! — ответила девушка. — Король приказал мне напрядь из этой соломы золота, а я не умею.

— Ну и что же? — спросил человечек.

— Мне отрубят за это голову, — ответила она.

Человечек задумался.

— Да, это очень неприятно, — сказал он. — Ну а что ты мне дашь, если я за тебя напряду золота из соломы?

— Цветную ленточку с шеи и мою благодарность до конца дней моих.

— Очень хорошо, — сказал человечек.

Она пододвинула ему свой ужин и зажгла свечу. Ужин он съел с удовольствием, а свечу задул и сказал, что ему и так светло — от собственных глаз.

После этого он уселся перед прялкой и — ж-ж-ж... Колесо так и жужжало. Не успела девушка сосчитать до трех, как вся шпулька была обмотана золотой пряжей.

Тогда он взял другую шпульку, третью, четвертую...

До самого рассвета жужжало колесо прялки. Девушка только и успевала подавать человечку шпульки и сматывать в клубки золотую пряжу.

И вот в комнате не осталось ни одной соломинки. Человечек взял у девушки обещанную ленточку и пропал, будто его и не было.

А тут и король постучался в дверь. Он так и обмер, увидев, что вся солома превратилась в чистое золото. Об одном только он пожалел: о том, что комната, набитая соломой, была недостаточно велика.

Но комнат во дворце было много, а соломы на дворе — еще больше.

Король велел набить соломой от пола до потолка другую комнату, гораздо больше прежней, сам отвел туда мельникову дочку и приказал сейчас же приниматься за работу, если только жизнь ей дорога.

Бедняжка ничего не ответила и молча села за прялку, вытирая слезы.

Но, когда стало совсем темно, в комнате опять появился маленький человечек и спросил у нее:

— Что ты мне дашь, если я и на этот раз напряду тебе золота из соломы?

— Вечную мою благодарность и колечко с пальца.

— Хорошо.

Человечек взял кольцо. И снова завертелось и зажужжало колесо прялки.

А когда наутро король пришел поглядеть, что поделывает его пряха, он увидел, что она крепко спит, а вокруг нее лежит столько золота, сколько вчера было соломы.

Король еще больше обрадовался, но сказать «довольно» у него не хватило сил.

Он приказал набить соломой третью комнату. Она была втрое больше, чем обе прежние, вместе взятые, и соломы в ней помещалось тоже втрое больше.

— Ну вот что, — сказал король. — Если ты и эту солому превратишь в золото, ты станешь моей женой и королевой.

«Ничего, что она простая девушка, мельникова дочка, — думал он. — На всем свете я не найду себе невесты богаче, чем она».

И вот девушка опять осталась одна. А когда стемнело, к ней снова явился маленький человечек и спросил:

— Ну что ты мне дашь, если я и в третий раз напряду тебе золота из соломы?

— У меня больше ничего нет, кроме благодарности, — ответила она.

— Этого мне мало, — сказал человечек. — Ты скоро станешь королевой. Обещай мне отдать своего первого ребенка — и я сейчас же сяду за прялку. А нет — прощай!..

«Кто знает, что еще будет, — подумала мельникова дочка. — Может, король вовсе и не женится на мне? Может, у меня и детей-то никогда не будет...» — И она пообещала человечку своего первенца.

Человечек опять сел за прялку. И, когда король поутру вошел в комнату, он зажмурился и закрыл лицо руками: вокруг лежало столько золота и оно так блестело, что даже смотреть на него было больно.

Король сдержал слово. Не прошло и трех дней, как во дворце сыграли пышную свадьбу. И мельникова дочка стала королевой.

А через год у нее родился ребенок.

Королева была очень счастлива и даже думать забыла о человечке и о своем обещании.

И вот как-то раз ночью, когда она сидела у колыбели, в углу что-то заскреблось, словно мышка хотела выкарабкаться из подполья на волю.

Королева вздрогнула, подняла глаза и увидела, что рядом с ней стоит маленький юркий человечек — большеголовый, длиннорукий, на тонких ножках.

— Ну, — сказал он, — мое — мне! Давай-ка сюда то, что обещала! — И он протянул к ребенку свои длинные руки.

Ах, как испугалась королева! Как горько она заплакала, умоляя человечка взять у нее все драгоценности, все богатства в королевстве — даже мантию и корону — и только оставить ей ребенка!.. Но человечек стоял на своем.

— Нет, — говорил он. — Живое, тепленькое для меня милее всех сокровищ на свете.

Тут уж королева едва не лишилась чувств. Она упала перед человечком на колени и сказала, что умрет, если он не сжалится над ней.

И человечек сжалился.

— Хорошо, — сказал он. — Даю тебе три дня сроку. Если за это время ты узнаешь, как меня зовут, дитя твое останется у тебя. — И с этими словами он исчез.

Всю ночь королева перебирала в памяти имена, которые когда-либо слышала. На рассвете она разослала во все концы своего королевства гонцов и велела им разузнать в городах и деревнях, какие где встречаются имена и прозвища.

И вот пришла ночь, и человечек опять появился у нее в комнате.

— Может быть, тебя зовут Каспар? — спросила королева дрожащим от страха голосом.

— Нет.

— Мельхиор?

— Нет.

— Бальцер?

— Нет.

Королева называла по порядку все имена, какие только знала, но человек всякий раз качал головой и усмехался.

— Нет, — говорил он. — Меня зовут не так.

На другой день она послала гонцов в соседние государства, чтобы узнать, какие имена дают людям в чужих странах.

Когда человек явился к ней, она перебрала самые мудреные имена и прозвища, которые узнала от гонцов.

— Может быть, тебя зовут Реброхвост?

— Нет.

— Круторог?

— Нет.

— Лови-Догоняй?

— Нет, нет.

Что бы она ни сказала, он твердил в ответ одно и то же:

— Меня зовут не так!

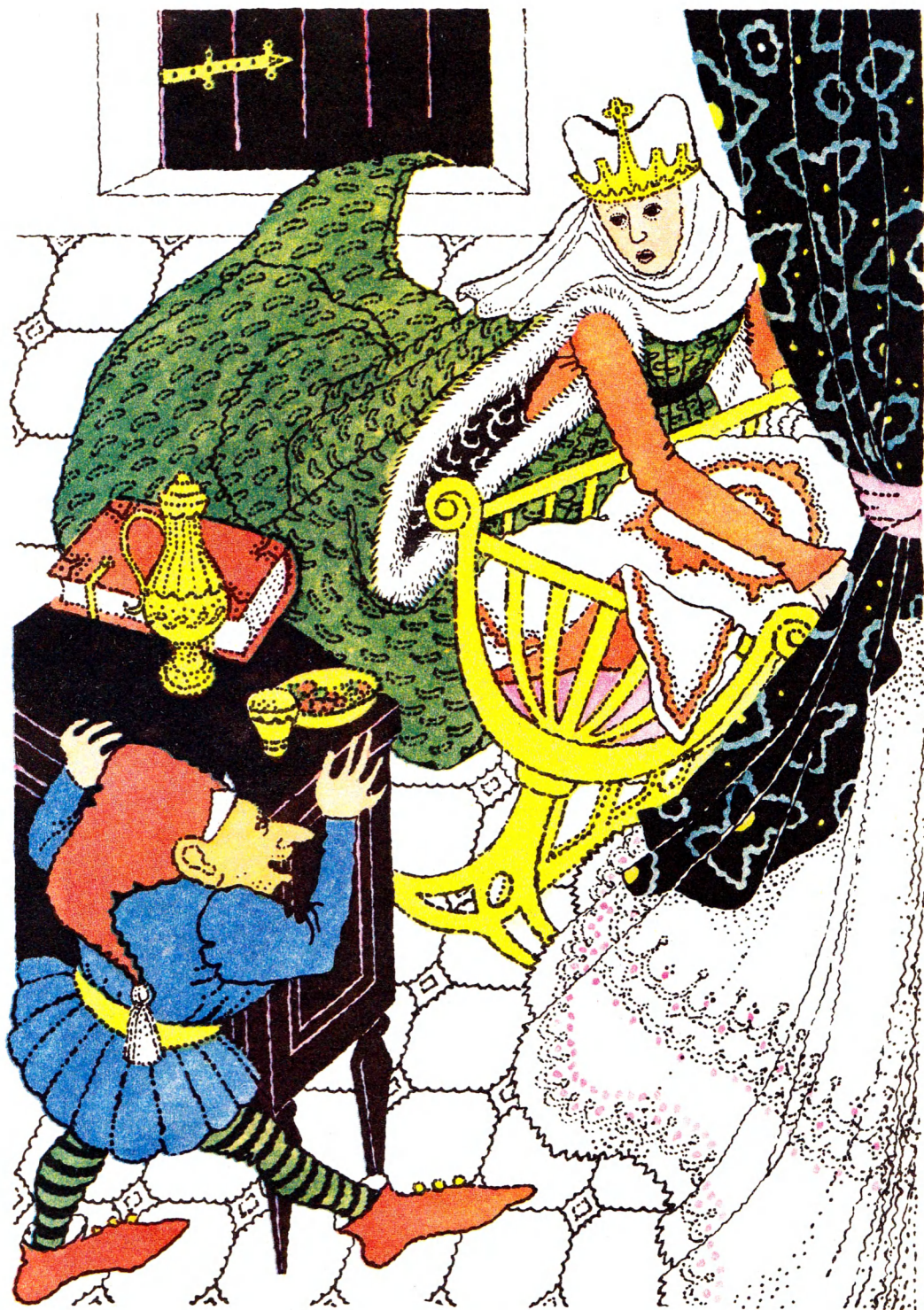
И вот наступил третий день. Королева не могла больше припомнить ни одного нового имени и с нетерпением ждала возвращения своих гонцов, которым велела побывать на этот раз в самых глухих углах и закоулках, в хижинах угольщиков и в пещерах горных пастухов.

Один за другим гонцы возвращались во дворец, но никто из них не сказал королеве ничего нового.

Наконец вошел последний гонец.

— Королева! — доложил он. — Целый день ходил я по горам и лесам, но не услышал ни одного неизвестного нам прозвания. Имен на свете меньше, чем людей. Новые люди рождаются и получают старые имена. Я уж хотел было возвращаться домой, да зашел невзначай в такую чащу, где только лисы да зайцы желают друг другу доброй ночи, а человеческого духу и не бывало. И тут, меж тремя старыми деревьями, увидел я маленький-маленький домик. Перед домиком был разложен костер, а вокруг костра плясал человек — большеголовый, длиннорукый, на тоненьких ножках. Он подскакивал то на одной ноге, то на другой и распевал:

*Пусть клубится дымок,
Пусть печется пирог —
Славный выкуп мне завтра дадут!
На земле никому, никому невдомек,*

Как меня под землею зовут.

А зовут меня Гном,

А зовут меня Гном,

А зовут меня Гном-

Тихогром!

Можете себе представить, как обрадовалась королева, услышав это имя. Она щедро наградила гонца и села у колыбели поджидать человечка.

Он скоро появился, потирая свои длинные руки и посмеиваясь.

— Ну, госпожа королева, — сказал он, — как меня зовут?

— Может быть, Франц? — спросила она.

— Нет.

— Может быть, Кунц?

— Нет.

— А может быть, Гейнц?

— Нет.

— Ну так, может быть, Гном-Тихогром?

— Это тебе сам черт подсказал! Сам черт подсказал! — закричал человечек и от гнева так сильно топнул ногой, что она ушла в землю по самое бедро. Тогда он обеими руками схватился за левую ногу и в ярости разорвал себя пополам.

КОРОЛЕВИЧ - ЛЯГУШКА, ИЛИ ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕНРИХ

Давным-давно, еще в те времена, когда обещания исполнялись, а желания сбывались, жил на свете старый король. Все дочери у него были красавицы, а уж младшая была до того хороша, что даже солнце, которое столько видело на своем веку, и то заглядывалось на ее личико.

Неподалеку от королевского замка стеной стоял большой темный лес, а в лесу под старой липой был колодец.

В жаркие дни младшая королевна выходила в лес к старой липе и садилась на каменную ограду колодца. А чтобы не было скучно, она брала с собой золотой мячик, подбрасывала его и опять ловила. Это была ее любимая игра.

И вот случилось как-то раз, что мяч взлетел очень уж высоко. Королевна подставила ручки, чтобы поймать его, но он пролетел мимо, ударился о землю и, подскочив выше ограды, упал в колодец.

Как ни старалась королевна разглядеть свой мячик в темной воде, он пропал, словно его никогда не было. Колодец был глубокий, такой глубокий, что и дна-то в нем не было видно.

Королевна горько заплакала. Она плакала все громче, громче и никак не могла утешиться.

Вот сидит она, плачет и вдруг слышит — кто-то говорит ей хрипло:

— Что с тобой, королевна? Ты так горько плачешь, что холодный камень и тот пожалеет тебя.

Кто же это сказал? Она поглядела по сторонам и заметила в колодце лягушонка, который выставил из воды свою противную плоскую голову.

— Ах, это ты, бедный мокрошлеп! — сказала овца. — Я горюю о моем золотом мячике — он упал в воду...

— Успокойся и не плачь больше, — сказал лягушонок. — Я могу тебе помочь в этой беде. Но скажи сначала, что ты мне дашь, если я достану твою игрушку.

— Все, что захочешь, милый лягушонок, — сказала королевна, — мои платья, мои жемчуга, мои драгоценные камни... Я отдам тебе даже золотую корону, которую всегда ношу!

— Нет, — сказал лягушонок, — не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней. И твоей золотой короны я тоже не хочу. А хочу я, чтобы ты полюбила меня и подружилась со мной, хочу играть с тобой во всякие игры, сидеть рядом с тобой за твоим столиком, есть из твоей золотой тарелочки, пить из твоего золотого стаканчика и спать в твоей постельке. Вот если ты мне все это пообещаешь, я сейчас же нырну в колодец и достану твой мячик.

— Ну конечно, обещаю, — сказала королевна. — Я сделаю все, что ты пожелаешь. Только достань мне поскорее мой золотой мяч.

А сама подумала: «Что он там болтает, этот глупый лягушонок? Сидел бы в луже со своей родней да квакал! Ну разве он может быть товарищем человеку?»

А лягушонок, едва только она сказала: «Обещаю», сразу скрылся под водой. Он нырнул на самое дно и, прежде чем королевна

успела сосчитать до пяти, вынырнул с золотым мячиком во рту и бросил его на траву к ее ногам.

Королевна очень обрадовалась, увидев свою любимую игрушку, подняла мячик и бегом побежала из леса домой.

— Постой! Постой! — крикнул лягушонок ей вслед. — Возьми же меня с собой. Я не могу бегать так быстро, как ты!

Но сколько он ни кричал, сколько ни квакал — она даже не обернулась. Может быть, второпях она его не слышала, кто знает?! Во всяком случае, она ничего не сказала дома и скоро совсем позабыла про бедного лягушонка, которому пришлось ни с чем спуститься в свой темный колодец.

На другой день младшая королевна вместе с королем и со всеми придворными сидела за столом и ела из своей золотой тарелочки. И вдруг все услышали: шлеп-шлеп-шлеп-шлеп... Кто-то вскарабкался по мраморной лестнице и, добравшись до верхней ступеньки, постучался в дверь и сказал:

— Королевна-младшая, от-во-ри!

Королевна вскочила и побежала посмотреть, кто это к ней пришел. Отворяет дверь, а на пороге сидит лягушонок!..

Она скорей захлопнула дверь, вернулась на свое место и опять села за стол. Но ей стало очень страшно.

Король сразу услышал, что сердце у нее стучит, будто выскочить хочет, и спрашивает:

— Что с тобой, дитя мое? Отчего ты так испугалась? Уж не стоит ли там за дверью какой-нибудь великан, который задумал тебя похитить?

— О нет, — ответила королевна. — Это совсем не великан, это просто гадкий лягушонок.

— А чего же ему надо от тебя, этому лягушонку?

— Ах, милый отец! — сказала королевна. — Сидела я вчера в лесу, у колодца, играла в мяч, и вдруг мой золотой мячик упал в воду... Я заплакала. Тогда этот лягушонок достал мне его и потребовал, чтобы я за это взяла его к себе в товарищи. Ну я пообещала, ведь мне и в голову не приходило, что он может вылезти из своей лужи. А теперь он явился сюда и хочет, чтоб я его впустила.

В это время в дверь опять постучали — во второй раз, — и тот же голос хрипло проквакал:

— Королевна-младшая, от-во-ри! Разве ты забыла, что сказала мне у глубокого холодного колодца?.. Королевна-младшая, от-во-ри!

Тогда король сказал:

— То, что обещано, должно быть исполнено. Ступай и отвори ему!

Делать нечего! Она пошла и отворила. лягушонок перескочил через порог и поскакал дальше, вслед за нею, прямо к ее стулу. Тут он остановился и говорит:

— Ну посади меня рядом с собой!

Но королевна до тех пор не решалась взять его в руки, пока король не приказал ей.

Едва только лягушонок очутился на стуле, как ему захотелось на стол. Пришлось посадить его на стол. Он уселся и говорит:

— А теперь подвинь поближе ко мне свою золотую тарелочку. Будем есть вместе.

Волей-неволей пододвинула она к нему свою тарелочку.

лягушонок с удовольствием принялся за еду, а у нее чуть ли не каждый кусочек застревал в горле.

Наконец лягушонок наелся и говорит:

— Ну вот я и сыт. Теперь внеси меня в свою комнатку, приготовь свою шелковую постельку, и ляжем мы с тобой вместе спать. Я что-то устал.

Королевна так и залилась слезами. Ей было противно даже притронуться к этому скользкому, холодному лягушонку, а не то что уложить его рядом с собой в свою чистую мягкую постельку.

Тут король рассердился и сказал:

— Стыдно гнушаться тем, кто помог тебе в беде!

И бедная королевна осторожно взяла лягушонка двумя пальчиками, снесла к себе наверх и посадила в угол.

Но, чуть только она улеглась в постель, лягушонок подполз к ней и говорит:

— Я тоже устал и хочу спать! Возьми меня к себе, а не то я пожалуюсь твоему отцу.

Ах, как рассердилась королевна! Она схватила его, размахнулась да как швырнет изо всех сил.

— Ну теперь-то ты уймешься наконец, мерзкий лягушонок!..

лягушонок ударился об пол, и вдруг вместо него перед королевной оказался прекрасный королевич с голубыми глазами и золотыми кудрями.

Он рассказал королевне, что злая колдунья превратила его в лягушонка и что из всех людей на свете только она одна,

младшая дочь короля, могла освободить его от злых чар. И вот теперь он наконец свободен.

А на другое утро, едва только солнце поднялось над лесом, к воротам замка подъехала карета, запряженная восьмеркой белых коней. На головах у коней качались страусовые перья, вся упряжь была из золотых цепочек, а на запятках стоял слуга королевича — верный Генрих.

Верный Генрих так горячо любил своего молодого господина и так горько горевал, когда колдунья превратила того в лягушонка, что ему пришлось сковать свое сердце тремя железными обручами, чтобы оно не разорвалось от печали и горя.

В этой-то карете и должен был вернуться королевич с невестой в свое королевство.

И вот верный Генрих усадил молодых в карету, а сам снова стал на запятки, от всего сердца радуясь избавлению своего господина.

Но не успели они доехать до первого поворота, как вдруг что-то треснуло позади, будто сломалось.

Королевич обернулся и говорит:

— Генрих, ломается ось пополам!

Нет, господин, это кажется вам.

Лопнул тот обруч, которым сковал

Я свое сердце, когда тосковал,

Пока вы в колодце глубоком, студеном

Сидели на дне лягушонком зеленым!

Еще раз и еще раз треснуло что-то во время пути, и королевичу с королевной все казалось, что это ломается карета. А это один за другим лопались железные обручи на сердце верного Генриха, потому что большая радость не умещалась в сердце, окованном железными обручами.

КОРОЛЬ-ДРОЗДОБОРОД

У одного короля была дочь, которая прославилась на весь свет своей красотой. И правда, хороша она была выше всякой меры, но зато и высокомерна, как никто. Никого из женихов не считала она достойным своей руки. Кто ни сватался к ней, все получали отказ да еще какое-нибудь злое словечко

или насмешливое прозвище в придачу. Старый король все прощал своей единственной дочке, но под конец даже ему надоели ее прихоти и причуды.

Он велел устроить пышное празднество и созвать из дальних краев и соседних городов всех молодых людей, еще не потерявших надежду понравиться королевне и добиться ее благосклонности.

Съехалось немало женихов. Их построили в ряд, одного за другим, по старшинству рода и величине дохода. Сначала стояли короли и наследные принцы, потом — герцоги, потом — князья, графы, бароны и, наконец, простые дворяне.

После этого королевну повели вдоль ряда, чтобы она могла поглядеть на женихов и выбрать себе в мужа того, кто больше всех придется по сердцу.

Но и на этот раз никто не приглянулся королевне.

Один жених показался ей слишком толстым.

— Пивная бочка! — сказала она.

Другой — долговязым и долгоносым, как журавль на болоте:

— Журавлины долги ноги не найдут пути-дороги.

Третий ростом не вышел:

— От земли не видать — боюсь растоптать!

Четвертого она нашла слишком бледным:

— Белый, как смерть, тощий, как жердь!

Пятого — слишком румяным:

— Краснокожий, на рака похожий!..

Шестого — недостаточно стройным:

— Свежее дерево — за печкой сушено. Было сырое, стало сухое, было прямое, стало кривое!

Словом, всем досталось на орехи.

Но почему-то хуже всех пришлось молодому королю, который занимал в ряду женихов чуть ли не самое почетное место.

Уж в нем-то, кажется, не было ничего смешного. Всякой девушке пришелся бы он по вкусу, только не нашей королевне. Она, видите ли, разглядела, что борода у него острее, чем следует, и слишком выдается вперед. И этого было довольно, чтоб потешаться над ним всю.

— Ах! — воскликнула она и засмеялась. — Посмотрите! Посмотрите! У него борода, словно клюв у дрозда! Король Дроздобород! Король Дроздобород!

А так как на свете немало охотников посмеяться над соседом, то словцо это тут же подхватили, и никто с той поры не называл иначе молодого короля, как король Дроздобород.

Но всякой потехе приходит конец.

Когда старый король, отец прекрасной королевны, увидел, что дочка его вовсе и не думает выбирать себе жениха, а только зря потешается над людьми, явившимися по его приглашению, он сильно разгневался и поклялся своей головой и короной, что выдаст ее замуж за первого попавшегося нищего, который постучится у ворот.

Прошло два дня. И вот под окнами дворца задребезжали струны, и какой-то бродячий музыкант затянул свою песенку. Пение стоило музыки, да и песня была из тех, что поются не ради веселья, а только для того, чтобы разжалобить слушателей и выпросить у них несколько грошей или кусок хлеба.

Но король прислушался и послал за музыкантом своих слуг.

— Впустите-ка его. Пусть войдет сюда! — сказал он.

Грязный, оборванный нищий робко вошел во дворец и пропел перед королем и королевной все, что знал и помнил. А потом низко поклонился и попросил милостиво наградить его не столько за умение, сколько за старание.

Король сказал:

— Какова работа, такова и плата. Мне так понравилось твое пение, братец, что я решил выдать за тебя замуж родную дочь.

Услышав эти слова, королевна в ужасе упала перед отцом на колени, но король даже не поглядел на нее.

— Ничего не поделаешь! — сказал он. — Я поклялся своей головой и короной, что отдам тебя за первого попавшегося нищего, и я сдержу свою клятву!

Сколько ни плакала королевна, сколько ни молила — все было напрасно. Ее тут же обвенчали с нищим музыкантом.

А после венчания король сказал:

— Не пристало жене нищего жить в королевском дворце. Можешь отправляться со своим мужем на все четыре стороны.

Нищий музыкант, не говоря ни слова, взял за руку молодую жену и вывел за ворота. Первый раз в жизни королевна пешком вышла из отцовского дворца.

Опустив голову, не глядя по сторонам, шла она вслед за своим мужем по каменистой пыльной дороге.

Долго брели они так по равнинам и холмам, по дорогам, дорожкам и тропинкам. И наконец тропинка вывела их в сень густого леса.

Они сели отдохнуть под старым дубом, и королева спросила, невольно залюбовавшись тенистыми деревьями:

— Чей это лес закрыл небесный свод?

Владеет им король Дроздобород.

А если б ты была его женой —

То был бы твой.

Королева задумалась, а потом вздохнула и прошептала:

Ах, кабы мне дана была свобода,

Я стала бы женой Дроздоборода...

Музыкант искоса поглядел на нее, но ничего не сказал. Они пошли дальше.

И вот перед ними — полноводная река, а вдоль берега стелется свежий, сочный луг.

Королева опять спросила:

— Чей это луг над гладью синих вод?

Владеет им король Дроздобород.

А если б ты была его женой —

То был бы твой.

— Ах, — сказала королева, глотая слезы.

Будь мне возвращена моя свобода,

Я стала бы женой Дроздоборода!

Музыкант нахмурился, покачал головой, но и тут ничего не сказал ей. И они опять пошли дальше.

Когда солнце стало опускаться за холмы, королева и нищий музыкант подошли к стенам большого богатого города. Над золотыми тяжелыми воротами возвышалась круглая башня.

Королева спросила:

— Чей это город с башней у ворот?

Владеет им король Дроздобород.

А если б ты была его женой —

То был бы твой!

Тут королева не выдержала. Она горько заплакала и воскликнула, ломая руки:

Вернись ко мне опять моя свобода —

Я стала бы женой Дроздоборода!..

Музыкант рассердился.

— Слушай-ка, голубушка! — сказал он. — Не больно-то мне по вкусу, что ты на каждом слове поминаешь другого и жалеешь, что не пошла за него замуж. А я-то что же, недостаточно хорош для тебя?

Королевна притихла. Не обменявшись ни одним словом, они прошли через весь город и остановились на самой окраине, около маленького, вросшего в землю домика. Сердце дрогнуло в груди у королевны. Она поглядела на домик, на мужа и робко спросила:

— Чей это домик, старый и кривой?

— Он мой и твой! — ответил с гордостью музыкант и отворил покосившуюся дверь. — Здесь мы с тобою будем жить. Входи!

Ей пришлось наклониться, чтобы, переступая через порог, не удариться головой о низкую притолоку.

— А где же слуги? — спросила королевна, поглядев по сторонам.

— Какие там слуги! — ответил нищий. — Что понадобится, сделаешь сама. Вот разведи-ка огонек, поставь воду да приготовь мне чего-нибудь поесть. Я изрядно устал.

Но королевна не имела ни малейшего понятия о том, как разводят огонь и стряпают, и бедняге пришлось самому приложить ко всему руки, чтобы дело кое-как пошло на лад.

Наконец скудный ужин поспел. Они поели и легли отдохнуть.

А на другой день нищий ни свет ни заря поднял с постели бедную королевну:

— Вставай, хозяйюшка, некогда нежиться! Никто за тебя работать не станет!

Так прожили они дня два, ни шатко ни валко, и мало-помалу все припасы бедного музыканта подошли к концу.

— Ну, жена, — сказал он, — хорошенького понемножку. Это безделье не доведет нас до добра. Мы с тобой только проедаемся, а зарабатывать ничего не зарабатываем. Начни-ка ты хоть корзинки плести, что ли... Прибыль от этого небольшая, да зато и труд не велик.

Он пошел в лес, нарезал ивняку и принес домой целую вязанку.

Королевна принялась плести корзины, но жесткие прутья не слушались ее. Они не хотели ни сгибаться, ни переплетаться и только исцарапали да покололи ее белые ручки.

— Так! — сказал муж, поглядев на ее работу. — Вижу, что это дело не для таких белоручек, как ты. Садись-ка лучше пряхь. Авось хоть на это у тебя хватит ума да умения.

Она села за прялку, но грубая нитка врезалась в нежные пальцы, и кровь капала с них так же часто, как слезы из ее глаз.

— Чистое наказание с тобой! — сказал муж. — Ну посуди сама — на что ты годишься!.. Попробовать, что ли, торговать горшками да всякими там глиняными чашками-плошками?.. Будешь сидеть на рынке, моргать глазами и получать денежки.

«Ах, — подумала королева, — что, если кто-нибудь из нашего королевства приедет в этот город, придет на площадь и увидит, что я сижу на рынке и торгую горшками!.. Как они будут смеяться надо мной!»

Но делать было нечего. Либо помирай с голоду, либо соглашайся на все. И королева согласилась.

Сначала торговля пошла славно. Люди нарасхват брали горшки у прекрасной торговки и платили ей, не торгуясь, все, что она ни запрашивала. Мало того, иные давали ей деньги да еще в придачу только что купленные горшки.

Так жили они до тех пор, пока все чашки и плошки до последней не были распроданы. А потом муж снова закупил целый воз глиняной посуды. Королева уселась на рыночной площади, возле дороги, расставила вокруг свой товар и приготовилась торговать.

Как вдруг, откуда ни возьмись, какой-то пьяный гусар на горячем коне вихрем вылетел из-за угла и пронесся прямо по горшкам, оставив за собою облако пыли да груды битых черепков.

— Ах, как мне достанется! — в страхе приговаривала она, перебирая остатки растоптанной посуды. — Ах, что теперь скажет мой муж!..

Она побежала домой и, плача, рассказала ему о своем несчастье.

— Да кто же садится с глиняной посудой на рынке с краю, у проезжей дороги!.. — сказал муж. — Ну ладно!.. Полно реветь! Я отлично вижу, что ты не годишься ни для какой порядочной работы. Нынче я был в королевском замке и спросил там на кухне, не нужна ли им судомойка. Говорят — нужна. Собирайся-ка! Я отведу тебя в замок и пристрою к месту. Будешь, по крайней мере, сыта.

Так прекрасная королева стала судомойкой. Она была теперь на посылках у повара и делала самую черную работу. В глубокие карманы своего большого фартука она засунула по горшочку и складывала туда остатки кушаний, достававшиеся на ее долю. А вечером уносила эти горшочки домой, чтобы поужинать после работы.

В то самое время, когда королевна-судомойка чистила на кухне закопченные котлы и выгребала из очага золу, во дворце готовились отпраздновать большое событие — свадьбу молодого короля.

Настал наконец и торжественный день.

Окончив работу, королевна тихонько пробралась из кухни наверх и притаилась за дверью парадной залы, чтобы хоть издали полюбоваться на королевский праздник.

И вот зажглись тысячи свечей. Огни заиграли на золоте, серебре и драгоценных камнях, и гости — один нарядней другого — стали входить в королевские покои.

Королевна смотрела на них из своего угла и, чем дольше она смотрела, тем тяжелее становилось у нее на сердце.

«Я считала когда-то, что я лучше всех на свете, что я первая из первых, — думала она. — И вот теперь я — последняя из последних...»

Мимо нее вереницей проходили слуги, неся на вытянутых руках огромные блюда с дорогими кушаньями. А возвращаясь назад, то один, то другой бросал ей какой-нибудь оставшийся кусок — корку от пирога, крылышко птицы или рыбий хвост, и она ловила все эти хвосты, крылышки и корочки, чтобы припрятать их в свои горшочки, а потом унести домой.

Вдруг из залы вышел сам молодой король — весь в шелку и бархате, с золотой цепью на шее.

Увидев за дверью молодую, красивую женщину, он схватил ее за руку и потащил танцевать. Но она отбивалась от него изо всех сил, отворачивая голову и пряча глаза. Королевна так боялась, что он узнает ее! Ведь это был король Дроздобород — тот самый король Дроздобород, которого еще совсем недавно она высмеяла неизвестно за что и прогнала с позором.

Но не так-то легко было вырваться из его крепких рук. Король Дроздобород вывел королевну-судомойку на самую середину залы и пустился с ней в пляс.

И тут завязка ее фартука лопнула. Горшочки вывалились из карманов, ударились об пол и разлетелись на мелкие черепки. Брызнули во все стороны и первое и второе, и суп и жаркое, и косточки и корочки.

Казалось, стены королевского замка рухнут от смеха. Смеялись знатные гости, прибывшие на праздник, смеялись придворные дамы и кавалеры, смеялись юные пажи и седые советники, хохотали и слуги, сгибаясь в три погибели и хватаясь за бока.

Одной королевне было не до смеха. От стыда и унижения она готова была провалиться сквозь землю.

Закрыв лицо руками, выбежала она из залы и опрометью бросилась вниз по лестнице.

Но кто-то догнал ее, схватил за плечи и заставил вернуться назад.

Королевна подняла голову, взглянула и увидела, что это опять был он — король Дроздобород!

Он ласково сказал ей:

— Не бойся! Разве ты не узнаешь меня? Ведь я тот самый бедный музыкант, который был с тобой в маленьком покосившемся домике на окраине города. И я тот самый гусар, который растоптал твои горшки на базаре. И тот осмеянный жених, которого ты обидела ни за что ни про что. Из любви к тебе я сменил мантию на нищенские лохмотья и провел тебя дорогой унижений — чтобы ты поняла, как горько человеку быть обиженным и осмеянным, чтобы сердце твое смягчилось и стало так же прекрасно, как и лицо.

Королевна горько заплакала.

— Ах, я так виновата, так виновата, что недостойна быть твоей женой... — прошептала она.

Но король не дал ей договорить.

— Полно! Все дурное осталось позади, — сказал он. — Давай же праздновать нашу свадьбу!

Придворные дамы нарядили молодую королевну в платье, расшитое алмазами и жемчугами, и повели в самую большую и великолепную залу дворца, где ее ждали знатные гости и среди них — старый король, ее отец.

Все поздравляли молодых и без конца желали им счастья и согласия.

Тут-то и началось настоящее веселье. Жаль только, нас с тобой там не было...

Петер Кристен АСБЪЁРНСЕН

КОРОЛЕВСКИЕ ЗАЙЦЫ

У одного старика было три сына. Старшего звали Пер, среднего — Поль, а младшего Эспен, по прозванию Лежебока. Хотя, если правду говорить, все трое были порядочные

лентяи. Делать они ничего не хотели, потому что для всякой работы они, видите ли, были слишком хороши, а для них всякая работа была слишком плоха.

Как-то раз услышал старший брат Пер, что король ищет пастуха для своих зайцев, и говорит:

— Вот эта работа по мне! Ни забот, ни хлопот. Зайцы ведь не коровы, не лошади: их ни купать, ни поить, корму им не задавать... А честь немалая — как-никак самому королю служишь!

Отец стал его отговаривать:

— Да куда тебе, сынок, в пастухи наниматься! Зайцев пасти — не то что галок в небе считать. Ты вот с утра до вечера на лежанке валяешься, так тебе с боку на бок и то повернуться лень, а пойдешь в заячьи пастухи — только успевай во все стороны поворачиваться.

Но сколько ни говорил отец — только напрасно слова трагил. Уж если Пер что-нибудь вбил себе в голову, значит, так тому и быть. Вскинул он дорожный мешок за плечи и пошел наниматься к королю.

Шел он, шел и зашел так далеко, что дальше, кажется, уж некуда. Вдруг видит: у самой дороги стоит пенёк, а возле пня — старуха. Топчется старуха на одном месте, а отойти не может, будто кто ее привязал. Только на самом деле никто ее не привязывал, а просто это нос у нее в расщелину попал, — вот ей и не отойти от пня.

Как увидел это Пер — давай хохотать!

Рассердилась старуха.

— Ну чего зубы скалишь? — говорит. — Ты бы лучше помог мне. Вот уж сто лет прошло, а я дальше своего носа ничего не вижу. Крошки во рту не держала, маковой росинки не отведала.

Пер захохотал пуще прежнего.

— Вот это потеха так потеха!.. Ну, коли ты сто лет терпела, так можешь еще сто потерпеть! — сказал Пер. И пошел дальше.

Наконец пришел он в королевский замок и потребовал, чтобы его провели прямо к королю.

Король сидел на золотом троне в королевской короне и в мантии.

Он милостиво принял Пера, и они быстро обо всем сговорились. Работы от Пера не требовалось никакой — только пасти зайцев, — а еду и жалованье король назначил ему прямо

королевские. Правда, король сказал, что, если хоть один заяц из его королевского стада пропадет, у Пера вырежут из спины три ремня, а самого его бросят живым в змеиный ров. Ну да Пера не так-то легко было запугать. Он и слушать про это не стал и сразу потребовал себе королевский ужин.

На другой день Пер отправился пасти зайцев.

Зайцы оказались послушными и смиренными, как ягнята. Они чинно шли по лугу, и ни один не отбился от стада даже на полшага. Но едва только Пер дошел со своим стадом до леса, как зайцы — словно следом за ними неслась стая гончих — бросились врассыпную кто куда.

Пер с ног сбился, гоняясь за ними, — да где там! Разве зайца догонишь!

Целый день бегал Пер по холмам, по горам, но не поймал даже самого маленького зайчонка. Так и вернулся он в королевский замок один, без стада.

А в замке его уже поджидал палач с острым ножом в руках. Палач вырезал у Пера из спины три ремня и бросил его в змеиный ров.

Одним словом, что король пообещал, то Пер и получил.

Прошло немного времени, и стал средний брат Поль собираться в путь-дорогу. Тоже легкой работы захотел.

Уж как только отец его не отговаривал! Но Поль, так же как и Пер, и слушать его не стал.

Вскинул Поль дорожный мешок за спину и пошел наниматься в королевские пастухи.

Ну, про это и рассказывать долго не стоит. Все, что случилось с Пером, случилось и с Полем.

По дороге увидел он ту же самую старуху и пожелал ей — так же, как и его старший братец — простоять, не сходя с места, еще сто лет.

Потом он пришел в королевский замок, нанялся в пастухи, утром вышел из ворот замка со стадом, а вечером вернулся в королевский замок без единого зайца.

Ну и дальше все было точь-в-точь, как с его старшим братом: вырезали у Поля из спины три ремня и бросили самого его в змеиный ров.

Пришло время Эспену собираться в путь.

— Чем я хуже братьев? — говорит Эспен. — Зайцев пасти — дело нетрудное. Лежи себе, полеживай, грейся на

солнышке да по сторонам поглядывай. От такой работы грех отказываться.

— Да что ты, сынок! — говорит ему отец. — Не берись не за свое дело, не по тебе эта работа. За таким зверем, как заяц, не то что бегать — птицей летать надо. А ты, как муха, прилипшая к смоле, ползаешь. К ногам у тебя словно гири стопудовые привязаны. Зайца поймать — не то что блоху рукавицей убить. Пропадешь ты, как пропали твои старшие братья. Лучше бы ты дома сидел. А работа тебе и здесь найдется.

Но Эспена не так-то легко было уговорить.

Недолго думая, вскинул он дорожный мешок за плечи и отправился в путь.

Шел он, шел и порядком проголодался. Вдруг видит — у дороги стоит пенёк.

«Вот сяду я на этот пенёчек да и подкреплюсь немного», — думает Эспен.

Подходит — что за диво! — старуха носом в пенёк вросла.

— Добрый день, бабушка, — поздоровался с ней Эспен. — Что это ты тут стоишь? Носик свой об пенёк точишь?

— Какое там — нос точу! Хотела я себе щепок наколоть, обед сготовить, — говорит старуха, — да и попала невзначай носом в щель. Сто лет возле этого пня стою, сто лет не пила, не ела, и никто меня не пожалел — ты первый ласковое слово сказал. Сослужи мне, добрый человек, службу, помоги нос вытащить, а я уж тебя отблагодарю, в долгу не останусь.

Ну, Эспен живо скинул мешок, вогнал в расщелину пня толстый клин — старуха и вытащила нос.

— А теперь, бабушка, — говорит Эспен, — давай закусим. Самое время сейчас завтракать.

Достал Эспен из мешка хлеб и сало и протянул старухе.

Сами понимаете, уговаривать ее не пришлось — за сто лет порядком проголодалась!

Поела старуха как следует и говорит:

— Ну, парень, ты меня пожалел, от беды избавил, и я тебя пожалею, от беды спасу. На вот, возьми эту дудочку. Эта дудочка не простая. Свистнешь в один конец — все от тебя мигом разбегутся, свистнешь в другой конец — все к тебе назад прибегут. Да к тому же эта дудочка никогда не потеряется: продашь ли ты ее, или обронишь, или выманят ее у тебя — она все равно к тебе вернется.

— Вот это подарок! — говорит Эспен. — Спасибо тебе, бабушка!

Он засунул дудочку поглубже за пазуху — потому что хоть и волшебная она, хоть и не мог ее никто украсть, а все-таки лучше ее от чужих глаз подальше припрятать, — потом распрощался со старухой и пошел своей дорогой.

Приходит он к королевскому дворцу, а там его как раз и ждали. Король сразу нанял его в пастухи, положил ему хорошее жалованье и даже пообещал отдать за него принцессу, если только он будет исправно пасти зайцев.

— Ну, а если не убережешь стадо, — сказал король, — тогда пеняй на себя: вырежут у тебя из спины три ремня, а самого тебя бросят живым в змеиный ров.

— Что ж, согласен! — сказал Эспен. — А теперь давайте-ка мне скорее ужинать, а то с дороги я очень проголодался.

Поел Эспен, поспал, а утром, чуть свет, повел зайцев на луг. Да прежде чем за ворота замка выйти, говорит королевским слугам:

— А ну-ка, сосчитайте ваших зайцев, чтобы потом лишних споров-разговоров не было.

— Чего там считать, — говорят ему слуги, — они у нас давно пересчитаны. Ровным счетом девяносто девять зайцев.

Ну, девяносто девять так девяносто девять.

Ушел Эспен.

А король, чуть только закрылись за ним ворота, приказал сейчас же точить нож, да поострее! Король отлично знал, что никакому пастуху не уберечь зайцев, будь их девяносто девять или сто, — все равно.

Тем временем Эспен преспокойно пас себе зайцев.

Зайцы шли по лугу так чинно и послушно, словно они были не зайцы, а смирные овечки. Ни один не отобьется, не вырвется, все друг к другу жмутся, один другого держится.

Так потихонечку, полегонечку добрел Эспен со своим стадом до опушки леса. И тут, словно бес какой вселился в зайцев, все кинулись врассыпную.

Да только Эспен не стал особенно горевать.

— Скачите, — говорит, — себе на здоровье, куда ваши косые глаза глядят.

Достал он свою дудочку да еще и посвистел зайцам вслед, чтобы они подальше убралась и не мелькали перед глазами.

А сам преспокойно улегся на травке, да так и проспал весь день...

Вечером, когда солнце спряталось за горами, Эспен снова достал свою дудочку и только свистнул разок, как все зайцы сбежались на лужайку. Да мало того, что сбежались, а еще выстроились рядами — точь-в-точь как солдаты на параде.

— Ну, теперь — шагом марш! — скомандовал Эспен и повел зайцев в королевский замок.

В это самое время король, королева и принцесса вышли из своих покоев, чтобы поглядеть, как палач будет расправляться с Эспеном. И вдруг видят: идет себе по дороге Эспен, а за ним — в целости и сохранности — заячье стадо. Все так удивились, что глазам своим не поверили. Да и было чему удивляться! Зайцы шли в ногу, точно солдаты, а впереди шагал Эспен и наигрывал на дудочке марш.

У ворот замка Эспен остановился и скомандовал:

— Раз! Два! Смирно!

И зайцы, притопнув лапками, остановились и замерли.

Тут уж король не выдержал и, забыв о своем королевском достоинстве, принялся сам считать зайцев.

Как только он не старался! И справа налево считал, и слева направо пересчитывал, и с начала до конца, и с конца до начала, а все-таки зайцев было ровно девяносто девять — откуда ни считай, — и ни одним меньше.

Тогда королева и принцесса тоже стали пересчитывать зайцев. Но и это не помогло ни на волос — зайцев было ровно девяносто девять.

— Я вижу, ты неплохой пастух, — проворчал король и, не глядя на Эспена, пошел в замок. Король был очень недоволен.

А принцесса подумала:

«Вот это молодец так молодец!» — и ласково взглянула на Эспена.

На другой день Эспен снова пошел в лес со своим стадом. Зайцев он разогнал подальше, чтобы они не вертелись у него под носом, а сам опять улегся на травке.

Солнышко ласково припекало, земляники кругом было столько, что Эспен, не сходя с места, собирал ее целыми пригоршнями, под боком у него была сумка, доверху набитая и печеным, и соленым, и жареным, а в кармане лежала волшебная дудочка.

Кажется, чего уж лучше! И в самом деле Эспен ничего лучшего и выдумать не мог!

А король тем временем не знал ни одной спокойной минуты. Он даже от завтрака отказался и все думал да раздумывал, как это Эспен ухитрился собрать всех зайцев. А так как додуматься он все равно не мог, то он решил сделать вот что: подослать к Эспену фрейлину, чтобы она выведала у Эспена его секрет.

Фрейлина не очень-то обрадовалась такому поручению. Слыхано ли дело, чтобы первая фрейлина королевского двора разговаривала с простым пастухом! Но король не любил, когда с ним спорили, и ей пришлось пойти.

С кочки на кочку, от цветочка к цветочку, точно стрекоза, запрыгала фрейлина по лужайке и наконец добралась до опушки леса.

Разговор она начала издалека:

— Добрый день, Эспен!

— Добрый день, фрейлина!

— Не правда ли, какая хорошая погода, Эспен!

— Ваша правда, отличная погода, фрейлина!

— И птички так хорошо поют!

— Прекрасно поют, фрейлина!

Фрейлина замолчала, не зная, что бы еще сказать.

И Эспен молчал.

— Послушай, Эспен, а что ты тут делаешь? — спросила наконец фрейлина.

— Как видите, пасу зайцев.

— Да ведь они у тебя все разбежались, — засмеялась фрейлина. — Я ни одного не вижу.

— Что ж, что разбежались — сказал Эспен. — Когда надо будет, я их позову, они и сбегутся ко мне.

— Это удивительно! — воскликнула фрейлина. — И почему это зайцы тебя слушаются?

— Да они не меня слушаются, а мою дудочку, — сказал Эспен. — Вот поглядите сами.

Эспен дунул в свою дудочку — и верно, все зайцы мигом сбежались на лужайку.

— А хотите, дуну еще раз, и все зайцы снова разбегутся.

Эспен дунул еще раз, и верно, все зайцы разбежались.

— Ах, Эспен, что за прелесть эта дудочка! — воскликнула фрейлина. — Не продашь ли ты ее? Я охотно дам тебе за эту

безделицу сто талеров.

— Сто талеров, пожалуй, маловато за такую дудочку, — сказал Эспен.

— Да что ты, Эспен! Надо все-таки и совесть иметь! Ты подумай только — сто талеров! Тебе, верно, и не снились такие деньги!

— Что правда, то правда — больше одного талера я никогда ни во сне, ни наяву не видал. Ну ладно, давайте мне сто талеров да в придачу снимите-ка с меня сапоги. Жара такая, что шевельнуться неохота.

Ух, как рассердилась фрейлина!

— Невежа! Грубиян! Как ты смеешь!.. Чтобы я, первая фрейлина королевского двора, снимала сапоги с какого-то пастуха!..

— Да я ведь вас не заставляю, — сказал ей Эспен спокойно. — Не хотите, не надо. Только дудочку я иначе не отдам.

Фрейлина чуть не заплакала с досады.

Нет, она ни за что не станет снимать сапоги с этого невежи! Во-первых, она знатная дама, первая фрейлина при дворе короля. Во-вторых, кто-нибудь может увидеть это, и тогда все придворные поднимут ее на смех...

Но что там ни говори, а ведь без дудочки нельзя во дворец вернуться.

Она поглядела по сторонам. Нигде никого не было.

— Давай сюда ногу! — решительно сказала фрейлина.

Она зажмурила покрепче глаза, чтобы даже самой не видеть того, что делает, и стащила с Эспена сапоги — сперва левый, потом правый.

Наконец все было кончено. Фрейлина отсчитала сто талеров, получила взамен дудочку и, очень довольная тем, что все так хорошо обошлось, побежала домой.

Но все обошлось не так уж хорошо. Когда фрейлина пришла в замок, дудочки у нее не было.

Она готова была поклясться чем угодно, что не потеряла дудочку, а все-таки дудочки у нее не было. И в этом нет ничего удивительного. Ведь фрейлина не знала, что дудочка эта — самая волшебная из всех волшебных дудочек на свете и что она всегда возвращается к своему хозяину, кто бы ее ни взял, куда бы ни спрятал.

Так оно и случилось. Не прошло и пяти минут, после того как фрейлина ушла, а дудочка уже лежала в кармане у Эспена,

и, когда наступил вечер, он опять собрал всех зайцев и привел их в королевский замок — всех до одного.

На следующий день король и королева решили подослать к Эспену принцессу.

— Уж она-то выманит дудочку у Эспена, — сказала королева.

Принцесса сразу приступила к делу.

— Послушай, Эспен, — сказала она голосом нежным, как пение жаворонка, — я знаю, ты такой добрый, что не откажешь мне в просьбе. Моя фрейлина говорила, что у тебя есть чудесная дудочка. Продай мне эту дудочку! Я дам тебе за нее двести талеров.

— Такую дудочку я бы никому и за тысячу талеров не уступил, — сказал Эспен. — Но вам, прекрасная принцесса, уж так и быть, отдам за двести, только вдобавок набейте-ка мне трубку да раскурите ее хорошенько.

— Ты, кажется, с ума сошел! — закричала принцесса и даже топнула ножкой. — Я скажу моему отцу, чтобы он сегодня же отрубил тебе голову. Ты забываешь, что я принцесса!

— Ну что ж, что принцесса, — преспокойно сказал Эспен. — А вот такой дудочки и у вас нет!

«Это верно», — подумала принцесса. Потом еще немного подумала и сказала:

— Ну ладно, давай сюда трубку.

Принцессе пришлось немало потрудиться, прежде чем она раскурила трубку. От горького дыма слезы ручьем катились у нее из глаз, а в носу у нее так щекотало, что она чихнула по крайней мере двадцать семь раз. И это еще не так много — ведь она была самая настоящая принцесса, а принцессы трубок, как известно, не курят.

Наконец противная трубка раскурилась, принцесса отдала Эспену двести талеров, получила дудочку и бегом побежала домой.

Всю дорогу она так крепко сжимала кулак, в котором держала дудочку, что у нее даже рука онемела. И все-таки, когда принцесса вернулась в замок, оказалось, что дудочки у нее нет, словно она сквозь пальцы выскользнула.

Тогда сама королева решила идти к пастуху.

Надо сказать, что королева была скуповата и никогда денег на ветер не бросала, но тут она сразу, не торгуясь, обещала Эспену триста талеров.

Но Эспену даже этого было мало. Он захотел, чтобы королева еще почистила ему куртку.

Сначала королева отказалась наотрез и даже припугнула пастуха змеиным рвом.

Но дудочку надо было получить во что бы то ни стало. Что же королеве оставалось делать, как не согласиться? И она согласилась.

Правда, куртку королева вычистила из рук вон плохо, но много с нее и нельзя было спрашивать — ведь все-таки она была королева.

Получив дудочку, она крепко-накрепко завязала ее в свой шелковый носовой платок, а платок спрятала в кружевной рукав.

Но это нисколько не помогло, и, когда королева вернулась в замок, платок был на месте, и завязан он был по-прежнему, а дудочки в нем не было.

Тут уж король совсем рассердился:

— Что за ерунда! Я вижу, что у меня в королевстве никто ничего не умеет делать. Придется идти мне самому. Иначе мы так и не получим эту дурацкую дудочку.

И вот на следующее утро король отправился в лес.

Он милостиво кивнул Эспену и запросто уселся рядом с ним на травку.

Король угостил Эспена своим королевским табаком и даже дал ему затянуться из своей королевской трубки. Они беседовали как самые добрые друзья, и никто бы не сказал, что один из них — король, а другой — пастух.

Когда все любезности были закончены, король наконец приступил к делу.

— Послушай, Эспен, — сказал он, пуская дым кольцами, — говорят, у тебя есть какая-то дудочка.

— Да, у меня есть дудочка, — сказал Эспен. — Она, правда, не золотая, но ни один король не отказался бы от такой дудочки.

И он вытащил ее из кармана.

Дудочка, и верно, на вид была неказистая.

Король долго рассматривал ее и для верности даже испробовал ее волшебную силу. Дунул в один конец — и все зайцы сбежались, дунул в другой — все зайцы разбежались.

— Да, отличная дудочка, — сказал король. — Я понимаю, что

даром ты ее не отдашь. Но я король и во всем поступаю по-королевски — я даю тебе за эту дудочку тысячу талеров.

— Тысяча талеров — это, конечно, не мало, но для такой дудочки и тысяча талеров цена небольшая. Ну, да вот что: видите, там на лугу пасется белая лошадь?

— Конечно. Это моя королевская лошадь. Если хочешь, я дам тебе ее в придачу.

— Нет уж, оставьте ее себе. А я хочу вот что: дайте мне тысячу талеров и поцелуйте эту лошадь, тогда дудочка будет ваша.

Король был очень смущен.

— Послушай, Эспен, нельзя ли придумать какое-нибудь другое условие?

— Нет, ни на что другое я не согласен, — сказал Эспен и лениво зевнул.

— Ну, а можно мне поцеловать лошадь через шелковый платок?

— Через платок? — Эспен задумался. — А он королевский?

— Ну конечно, королевский. Он — мой, а я король, значит, платок королевский.

— Ладно, на это я согласен. Целуйте через платок.

И вот — вы только представьте себе! — король подошел к лошади, накрыл ей морду своим королевским платком и звонко чмокнул лошадь три раза.

После этого он отсчитал Эспену тысячу талеров, взял дудочку, положил ее в кошелек, кошелек положил в карман, а карман застегнул на пуговицу. И не на какую-нибудь, а на королевскую, потому что у короля даже пуговицы королевские.

Вернувшись в замок, король позвал королеву, принцессу и фрейлину, расстегнул карман, вынул оттуда кошелек, раскрыл его — и что же вы думаете? — дудочки в нем как не бывало.

Это было уж слишком!

Король так рассердился, что решил немедленно казнить Эспена!

Королева была совершенно согласна с королем, а это случилось не так уж часто.

И вот, когда вечером Эспен привел стадо в замок, король сказал ему, что сегодня его казнят.

Эспен очень удивился.

— Это несправедливо, — сказал он. — Я исправно пас заячье

стадо, и теперь вы должны не казнить меня, а отдать мне в жены свою дочь.

— Пустяки, — возразил король, — сказал, казню — значит, казню. Я король — и мое королевское слово неизменно. Разве вот что: если ты сумеешь наговорить целую бочку лжи, да так, чтобы ложь через край потекла, — тогда я тебя, пожалуй, помилую.

— Ну, это проще простого! — сказал Эспен. — Прикажете только выкатить во двор бочку!

И он стал рассказывать обо всем, что с ним было, с самого начала: как он пошел наниматься в пастухи, как встретил на дороге старуху, которая прищемила себе нос, как он помог ей вытащить нос и в награду за это получил волшебную дудочку.

Все очень смеялись над небылицами, которые сочинял Эспен.

— И вот, — рассказывал Эспен, — пришла ко мне первая фрейлина королевского двора и стала просить эту дудочку. Ей так хотелось получить дудочку, что она даже согласилась прислуживать мне и сняла с меня сапоги — сперва левый, потом правый.

— Неправда! — закричала фрейлина.

И все придворные закричали:

— Неправда!

— Ну, может быть, сперва правый, а потом левый! — сказал Эспен.

— Неправда! Неправда! Он все лжет! — кричала фрейлина, чуть не плача.

— Да ведь мне и велено говорить неправду, — сказал Эспен. — Целую бочку надо наполнить ложью!.. Слушайте-ка лучше, что было дальше. На другой день явилась ко мне принцесса. Чтобы получить волшебную дудочку, ей пришлось набить и раскурить мне трубку...

— Это ложь! Как ты смеешь! — закричала принцесса.

— Ну конечно, ложь, — сказал Эспен. — Правдой бочку не наполнишь, вот и приходится плести невесть что... А потом пришла ко мне сама королева...

— Кажется, бочка уже совсем полна, — сказала королева, с беспокойством поглядывая на Эспена.

— Э, нет, еще далеко не с верхом, — сказал король.

— Ну, раз не с верхом, надо еще врать, — сказал Эспен. —

Пришла, значит, ко мне сама королева. Торговалась она и рядилась, словно на базаре, и все-таки пришлось ей выложить триста талеров и вычистить мне куртку.

Все придворные так и замерли, а Эспен как ни в чем не бывало спросил:

— Ну, как там — полна уже бочка?

— Полна, совсем полна, — поспешно сказал король.

— Нет, нет, еще не с верхом, — решительно сказала королева.

— Эспен почесал в затылке.

— Что бы мне еще придумать? А, знаю! После всех пришел ко мне король. А как раз в это время на лугу паслась его белая лошадь...

— Стой! Стой! — закричал король. — Не видишь, что ли, — ложь через край бьет!..

Так и пришлось королю отдать принцессу за простого пастуха да в придачу еще подарить половину королевства, чтобы жил там Эспен, как ему вздумается, а на его королевскую половину и не заглядывал.

Эдуард Рене ЛАБУЛЕ де ЛЕФЕВР

ПАЛЬЧИК

Финская сказка

I

Жил когда-то на свете крестьянин. У него было три сына: Пьер, Поль и Жан.

Пьер был толстый, румяный, ленивый и глупый.

Поль — тощий, желтый, завистливый и злой.

Жан — маленький, шустрый, веселый и смелый.

Старшие братья в насмешку называли его Пальчиком и уверяли, что он может спрятаться в отцовском сапоге.

У крестьянина только и было добра, что три сына. В кладовой у него валялись пустые мешки, а в погребе стояли пустые бочки. Поэтому даже тень медной монетки считалась у них в доме богатством.

Рожь была дорога, жизнь тяжела. И вот, как только сыновья подросли, отец стал уговаривать их пойти по свету поискать счастья.

— Не так-то легко жить у чужих людей и гнуть спину из-за куска хлеба, — говорил он, — а лучше, чем помирять дома с голоду.

Братья подумали, подумали и решили, что оно и вправду лучше.

А не так далеко от тех мест, где они жили, стоял королевский дворец.

Такого великолепного дворца не было, пожалуй, на всем свете. Хотя он и был деревянный, но зато с двадцатью резными балкончиками, а окон в нем была целая дюжина — шесть вверху, шесть внизу, и все со стеклами.

Но вот неожиданно-негаданно за одну ночь прямо перед окнами дворца вырос огромный дуб, да такой ветвистый, что в королевских покоях сразу стало темно.

Король приказал немедленно срубить дуб. Но как ни старались придворные дровосеки, у них ничего не получалось. Самые острые топоры тупились после первого же удара. А если кому-нибудь и удавалось срубить хоть одну ветку, вместо нее в тот же миг вырастали две, да притом вдвое толще срубленной.

Король обещал мешок золота тому, кто избавит его от этого неприятного соседства.

Однако и королевское обещание не помогло. Хочешь не хочешь, а пришлось королю сидеть среди бела дня при свечах.

Но это бы еще полбеды. Гораздо хуже было то, что колодец королевского замка неизвестно почему вдруг пересох до самого дна.

Королю, принцессе и придворным приходилось пить мед и умываться пивом. Вот до чего дожили! И это в стране, где чуть ли не из-под каждого камня текут ручьи.

Король был в отчаянии. Он обещал наградить поместьями, деньгами и титулом маркиза всякого, кто выкопает во дворе замка колодец такой глубины, чтобы из него можно было брать воду сколько угодно и когда только понадобится.

Охотников до денег, поместий и титулов нашлось немало. Но заработать эту награду оказалось не так-то легко. Где бы ни начинали рыть, лопаты всюду натывались на твердый камень.

— Ваше величество, — сказали министры, — вырыть колодец так же невозможно, как срубить дуб.

— Ну что ж, — сказал король, — раз это невозможно, значит, это должно быть сделано.

Хоть королевство его, по правде говоря, было не бог весть как велико, упрям он был ничуть не меньше китайского императора.

И вот король приказал вывесить на воротах указ, скрепленный большой королевской печатью.

В указе черным по белому было написано: его королевское величество обещает тому, кто выроет колодец и срубит дуб, руку принцессы, своей единственной дочери, да еще полкоролевства в придачу.

Принцесса была прекрасна, как день, половина королевства тоже чего-нибудь да стоила — поэтому немудрено, что всякий, кто умел держать в руках топор или заступ, захотел попытать счастья.

Не успели слуги вывесить королевский указ, как со всех концов двинулись ко дворцу толпы здоровых молодцов с топорами, пилами, заступами и кирками на плечах.

Они принялись пилить и рубить, копать и долбить, но все было напрасно: дуб становился тверже, а гранит не делался мягче.

II

События во дворце взбудоражили весь народ. В городах и деревнях только и разговору было, что о королевском указе. И вот Пьер, Поль и Жан решили тоже отправиться во дворец, благо дворцовые ворота открывались для всех, кто приходил с топором и заступом.

Не то чтобы братья надеялись жениться на принцессе или получить половину королевства, но — кто знает! — может быть, при дворе найдется и для них подходящая работа и кусок хлеба. Это все, чего они хотели.

Дорога была не такая уж длинная и трудная, но не успели братья отойти от дома и ста шагов, как старший из них, Пьер, стал жаловаться, что устал и поранил ноги острыми камнями, а средний брат, Поль, принялся проклинать свою судьбу, а заодно — отца, мать и обоих братьев.

Только меньшой брат, Пальчик, был доволен путешествием и весело шагал, поглядывая по сторонам.

Птицы, пчелы, кузнечики, травы, камни — ничто не ускользало от его быстрых глаз.

Все надо было ему знать: в какие цветы любят забираться пчелы? Почему ласточки летают так низко над рекой? Почему бабочки порхают зигзагами?.. Но стоило ему заговорить об этом с братьями, как Пьер поднимал его на смех, а Поль обрывал на полуслове, называя пустомелей и дурачком.

По дороге им надо было обойти гору, поросшую от подножия до вершины дремучим лесом.

Откуда-то сверху доносился мерный стук топора и треск ломающихся ветвей.

— Кому это вздумалось на такой высоте рубить лес? — сказал Пальчик. — Право, меня это очень удивляет.

— А меня очень удивило бы, если бы тебя что-нибудь не удивило, — со злостью сказал тощий Поль. — Для дурака все диво.

Толстый Пьер потрепал младшего брата по щеке и добродушно сказал:

— Эх ты, глупенький! Ну кто же станет стучать в лесу топором? Ясно, что дровосек.

— А все-таки я пойду посмотреть, кто это, — сказал Пальчик.

— Что ж, ступай, ступай! — сказал Поль. — Желаю тебе сломать шею. Это будет для тебя наука: в другой раз не захочешь знать больше, чем твои старшие братья.

Пальчик не стал спорить и полез вверх, цепляясь за ветки, перескакивая с камня на камень и все время прислушиваясь к стуку топора, чтобы не сбиться с пути.

Как вы думаете, что увидел он, добравшись до вершины горы? Топор. Да, да, топор, который сам по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней помощи, рубил огромную сосну.

— Здравствуй, топор, — сказал Пальчик. — Неужели тебе не скучно рубить в одиночку это большое, старое дерево?

— На то я и топор, чтобы рубить! — ответил топор. — Рублю и поджидаю хозяина.

— Отлично! — сказал Пальчик. — Я тут.

Он преспокойно взял топор, положил в свой кожаный мешок и весело спустился к братьям.

— Ну, любознателька, какое чудо ты видел наверху? Что там стучало? — спросил его Поль, криво усмехаясь.

— Это и в самом деле стучал топор, -- ответил Пальчик.

— Ну, я же говорил тебе! — сказал Пьер, похлопав его по спине. — Было из-за чего взбираться на такую кручу!

Пальчик ничего не ответил, и они пошли дальше.

Дорога становилась все труднее. Скоро они оказались в узком скалистом ущелье. Пробираясь по заваленной камнями тропинке, они слышали где-то вдалеке гулкие удары, как будто кто-то бил железом по гранитной скале.

— Что это? — сказал Пальчик. — Неужели там наверху каменоломня?

— Нет, это дятел долбит носом дерево! — сказал Пьер насмешливо. — Право, можно подумать, что этот мальчишка только вчера вылупился из яйца!

Пальчик покачал головой:

— Никогда не слышал, чтобы дятел стучал так громко! Надо пойти поглядеть.

— Дурачок, — сказал Пьер, — не понимает шуток! Разве ты сам не слышишь, что это работают киркой?

— А все-таки я пойду посмотрю, — сказал Пальчик и на четвереньках полез вверх по крутому утесу.

Как вы думаете, что он увидел, добравшись до вершины? Кирку! Кирку, которая сама по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней помощи, долбила камень. Твердый гранит поддавался, словно это был не гранит, а мягкая земля, и с каждым ударом кирка уходила в глубь скалы чуть ли не на фут.

— Здравствуй, кирка! — сказал Пальчик. — Неужели тебе не скучно долбить в одиночку этот огромный гранитный утес?

— На то я и кирка, чтобы долбить, — ответила кирка. — Долблю и поджидаю хозяина.

— Отлично, — сказал Пальчик. — Я тут.

Он преспокойно взял кирку, снял с рукоятки и, положив то и другое в свой кожаный мешок, весело спустился к братьям.

— Ну, какое еще чудо видела ваша милость наверху? — усмехаясь, спросил Поль.

— Вы и на этот раз были правы: это стучала кирка, — сказал Пальчик и, не прибавив больше ни слова, пошел вслед за братьями.

Скоро они подошли к прозрачному и чистому ручью. Всем троим очень хотелось пить, и, низко наклонившись, они принялись черпать студеною воду полными пригоршнями.

— Какая вкусная холодная вода! — сказал Пальчик. — Хотел бы я знать, откуда вытекает этот ручей.

— Нашел о чем спрашивать! — пробурчал Поль, едва не захлебнувшись от злости. — Ручей как ручей! И вытекает он, как все ручьи на свете, из земли.

— Может быть, — сказал Пальчик. — А все-таки я пойду посмотрю, где он начинается.

— Можешь лезть хоть на небо, к самому господу Богу! — закричал Поль.

А Пьер грустно добавил:

— Какой глупый ребенок! Ума не приложу, в кого он такой.

И братья зашагали по дороге, а Пальчик бегом побежал в другую сторону, вверх по течению ручья.

Ручей становился все уже и уже и наконец превратился в тоненькую серебристую ниточку.

И что же, вы думаете, увидел Пальчик, когда добрался до самого начала ручья?

Ореховую скорлупку, из которой, играя на солнце всеми цветами радуги, выбивалась струйка прозрачной воды.

— Здравствуй, скорлупка! — сказал Пальчик. — Неужели тебе не скучно лежать в этой глуши совсем одной?

— Конечно, скучно, да что ж поделаешь, — ответила скорлупка. — Вот уже сколько лет я лежу здесь и поджидаю хозяина.

— Отлично, — сказал Пальчик. — Я тут. — И он преспокойно поднял ореховую скорлупку, заткнул ее мхом, чтобы не вытекала вода, и положил в свой кожаный мешок.

После этого он побежал догонять братьев.

— Ну, что, — закричал Поль, заведя его издали, — узнал теперь, откуда ручей течет?

— Узнал, — ответил Пальчик. — Он вытекает из ореховой скорлупки.

— Этого дурака не переделаешь! — проворчал Поль и махнул рукой.

— Видно, такой уж он уродился... — вздохнув, добавил Пьер.

Пальчик ничего не ответил и весело зашагал вслед за братьями.

«Я увидел то, что хотел увидеть, — думал он, — и узнал то, что хотел узнать. А больше мне ничего и не надо».

III

Наконец братья дошли до королевского дворца.

На воротах они увидели большое объявление о том, что король обещает руку принцессы и полкоролевства человеку любого рода и звания — будь то дворянин, горожанин или даже простой крестьянин, — если только он исполнит оба желания его величества: срубит дуб и выкопает колодец.

Но так как охотников оказалось очень много, а после каждого неудачного удара топора и взмаха кирки дуб разрастался все шире и гранит становился все тверже, то под большим объявлением король приказал повесить маленькое, написанное красными буквами.

Вот что было сказано в этом объявлении:

«Да будет известно всем, что его величество король в своей неисчерпаемой милости повелел отсекасть правое ухо всякому — будь то крестьянин, горожанин или даже знатный дворянин, — кто вызовется срубить дуб и вырыть колодец, но не сделает ни того, ни другого.

Его величество надеется, что это маленькое наказание послужит к исправлению нравов и отучит дерзких братья не за свое дело».

Для большей убедительности вокруг объявления было прибито десятка два отрезанных ушей с указанием имени и звания их бывших владельцев.

Прочтя это объявление, Пьер засмеялся, закрутил усы, поглядел на свои огромные жилистые руки, потом повертел топор над головой и одним махом срубил самую толстую ветку заколдованного дерева.

И сейчас же вместо нее выросли две ветки, каждая вдвое больше и толще срубленной.

Королевская стража схватила несчастного и тут же на месте отрубила ему правое ухо.

— Эх ты, простофиля! — сказал Поль. — Разве так надо братья за дело?

Он медленно обошел вокруг дерева, высмотрел узловатый корень, вылезший из земли, несколько раз примерился, а потом с одного удара перерубил корень пополам.

И в то же мгновение два огромных новых корня вырвались из-под земли, и каждый из них дал по крепкому молодому побегу, сразу же покрывшемуся листьями.

— Схватить этого негодяя! — закричал в бешенстве король. — Он заслуживает того, чтобы ему отрубили оба уха.

Сказано — сделано. Поль не успел и за ухом почесать, как у него уже не было ушей — ни правого, ни левого.

Тут выступил вперед Пальчик и сказал, что тоже хочет попытать счастья.

— Гоните прочь этого недоростка! — закричал король. — А если ему так уж хочется избавиться от своих ушей, отрубите их сейчас же, и пусть он убирается на все четыре стороны.

— Простите, ваше величество, — сказал Пальчик, — король должен быть верен своему слову. Я тоже хочу испытать свои силы, а уши отрубить вы мне всегда успеете.

— Ладно, попробуй! — вздохнув, сказал король. — Но берегись, как бы я не приказал в придачу к ушам отрезать тебе и нос!

Однако и эта угроза не испугала Пальчика. Он достал из своего кожаного мешка топор, не без труда насадил его на топорище, которое было чуть ли не больше самого Пальчика, и звонко крикнул:

— Руби, топор!

И топор принялся за дело. Он рубил, колот, крошил, рассекал. Щепки так и летели во все стороны — направо, налево, вверх и вниз... Не прошло и четверти часа, как от дуба осталась только куча дров. Дров было так много, так много, что их могло с избытком хватить на все дворцовые печи в течение целого года.

Когда дерево было срублено и расколото, Пальчик подошел к балкону, на котором сидели король и принцесса, и, низко поклонившись, сказал:

— Довольны ли вы своим покорным слугой, ваше величество?

— Не совсем, — ответил король, хотя на самом деле он не мог прийти в себя от изумления и радости. — Мне нужен еще колодец. Если у меня не будет колодца, у тебя не будет ушей.

— Соблаговолите указать место, которое вам нравится, — сказал Пальчик, — и я попытаюсь еще раз доставить удовольствие вашему величеству.

Король с принцессой и придворными спустился во двор. Королю подали бархатное кресло, а принцесса уселась на золоченой скамеечке у его ног. С тревогой и любопытством погля-

дывала она на этого маленького человека, который добивался высокой чести стать ее мужем.

— Ну, принимайся за дело! — сказал король и указал место, где уже многие безуспешно пытались вырыть колодец.

Нимало не смущаясь, Пальчик вытащил из кожаного мешка кирку, насадил ее на рукоятку и звонко крикнул:

— Долби, кирка!

И кирка принялась долбить и дробить камень так, что осколки гранита брызгами полетели вверх.

Не прошло и четверти часа, как посреди двора, в гранитной скале, был выдолблен глубокий-преглубокий колодец.

— Ваше величество, — спросил Пальчик, кланяясь королю, — достаточно ли глубок этот колодец?

— Глубок-то он глубок, — сказал король, — но в нем нет воды.

— Потерпите еще одну минуту, ваше величество, и вода будет, — сказал Пальчик.

Он достал из своего мешка волшебную скорлупку и осторожно положил ее на край колодца. Потом вытащил из скорлупки кусочек мха, которым она была заткнута, и звонко крикнул:

— Бей ключом!

И сразу же из скорлупки, звеня и рассыпаясь дождем, высокой струей забил фонтан. В воздухе стало так свежо, что король, принцесса и все придворные даже продрогли.

А фонтан все бил и бил. Не прошло и четверти часа, как вода наполнила колодец, а потом перелилась и через край. Пришлось спешно рыть канавы, чтобы спастись от наводнения.

— Ну, теперь вы довольны мной, ваше величество? — спросил Пальчик. — Я сделал все, что обещал сделать. Надеюсь, что и вы исполните свои обещания.

— Да, маркиз Пальчик, — ответил король, — я готов уступить тебе половину моего королевства. Если же ты не охотник носить корону (кстати, должен тебя предупредить, что это дело довольно хлопотливое), можешь получить стоимость короны деньгами. Выбирай сам. Что же касается женитьбы на принцессе, то здесь мало одного моего согласия. Попытайся понравиться ей самой.

— Что же нужно для этого сделать? — спросил Пальчик, подбоченившись и поглядывая на принцессу.

— Ты узнаешь об этом завтра, — ответил король. — А пока ты мой гость. Тебе отведут лучшую комнату в замке.

Король удалился вместе с принцессой и придворными. А Пальчик с братьями остался во дворе замка.

— Ну, дорогие мои, — сказал Пальчик, — теперь вы видите, что я недаром сделал в пути несколько лишних миль!

— Тебе просто повезло, — сухо ответил Поль. — Недаром же говорится:

« Дуракам — счастье ».

— Ты молодец, малыш! — добродушно сказал Пьер. — Даю второе ухо на отсечение, что ты далеко пойдешь.

В это время из дворца вышел камергер и пригласил маркиза Пальчика в его покои. Пальчик позвал с собой обоих братьев. И так как считалось, что он в большой милости у короля, то камергер обещал завтра же найти для Пьера и Поля подходящее занятие при дворе.

IV

В эту ночь король не мог уснуть. Такой зять, как Пальчик, был ему совсем не по вкусу. Его величество ломал голову, раздумывая о том, как бы это сдержать слово и в то же время не сдержать его. Король долго ворочался с боку на бок и наконец приказал позвать Пьера и Поля. Ему хотелось узнать всю подноготную своего непростого зятя, а кто же лучше братьев мог выдать ему недостатки и слабости Пальчика!

Пьер расхвалил младшего брата как только мог. Это не слишком-то понравилось королю. Гораздо больше удовольствия доставил ему Поль.

Поль, не жалея громких слов и нимало не заботясь о правде, доложил его величеству, что Пальчик с детства был бездельником, хвастуном и нахалом и что было бы просто смешно из-за такого пустяка, как честное слово короля, отдавать за него замуж принцессу.

— Этот мальчишка слишком много думает о себе, — сказал Поль. — После своей случайной удачи он, кажется, считает себя сильнее и умнее всех на свете. Здесь в окрестных лесах живет великан, который наводит страх на всю округу. Говорят, что к обеду он съедает чуть ли не целого быка в один присест. Так вот, я собственными ушами слышал (тут Поль немного замялся

и хотел было почесать за ухом, но вовремя вспомнил, что у него нет ушей)... собственными ушами слышал, будто наш новоиспеченный маркиз хвалится, что, стоит ему только захотеть, и он заставит этого великана чистить себе сапоги.

— Посмотрим, — сказал король.

После этого он отпустил братьев и спокойно уснул.

На следующее утро его величество приказал позвать Пальчика. Он принял его в присутствии всего двора.

— Мой дорогой будущий зять, — сказал король, делая ударение на предпоследнем слове, — я слышал, что в наших местах живет великан. Говорят, что он выше самой высокой сосны и может съесть за обедом целого быка. Так вот, я полагаю, что в ливрее с золотыми нашивками, в треуголке с плюмажем и с алебардой в руках этот великан был бы достоин стоять на страже у дверей нашего замка. Моя дочь просит вас сделать ей этот маленький подарок, а после этого она готова подарить вам свою руку и сердце.

— Это нелегкая задача, — сказал Пальчик, — но чтобы понравиться ее высочеству, я попробую.

Он положил в свой кожаный мешок волшебный топор, волшебную скорлупку, круг сыра и каравай хлеба, вскинул мешок за спину и отправился в лес.

Пьер утирал слезы, а Поль ухмылялся. Он думал, что Пальчик уже не вернется, и был очень доволен.

А Пальчик тем временем шагал по лесу, поглядывая то направо, то налево. Но нигде не было и следа великана.

Так бродил он целую неделю и наконец зашел в такую чащу, где, наверно, никогда не ступала человеческая нога.

Тут он остановился и закричал во весь голос:

*Эй, чудовище лесное,
На тебя иду войною!
Выходи на смертный бой —
Я разделаюсь с тобой!..*

— Со мной?.. — загремел в вершинах сосен страшный голос. — А вот погоди, я тебя сейчас раздавлю, как мошку.

— Ну, ну, не хвастай раньше времени! — сказал Пальчик.

Великан что-то зарычал в ответ, и Пальчик услышал, как затрещали, сгибаясь, деревья и захрустели сломанные ветки.

Великан, тяжело топая, бежал по лесу. Он остановился возле Пальчика и стал озираться по сторонам, стараясь разглядеть своего противника.

Но никого не было видно.

Наконец, случайно поглядев себе под ноги, он заметил маленького человечка, спокойно сидящего на стволе поваленного дерева.

— Так это ты, муравей, посмел разбудить меня? — заревел великан и так топнул ногой, что земля вздрогнула.

— Да, дружок, это я, — ответил Пальчик. — Мне нужен усердный и послушный слуга, и я решил взять тебя на эту должность.

— Ну и потеха!.. — сказал великан. — А вот я сейчас закину тебя на дерево, в это воронье гнездо, — тогда будешь знать, как шататься по моему лесу!

— По твоему лесу? — удивился Пальчик. — Он такой же твой, как и мой. А если ты посмеешь мне сказать еще хоть одно грубое слово, я в четверть часа вырублю весь этот лес до последнего дерева.

— Фу ты, напугал!.. — засмеялся великан. — Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь.

— Сейчас увидишь, — сказал Пальчик. Он достал из своего мешка волшебный топор и тихонько сказал: — Руби, топор!

И топор начал рубить, ломать, колоть, крошить... Огромные стволы валялись прямо на великана. Ветки дождем сыпались ему на голову...

— Довольно, довольно! — в страхе закричал великан. — Ты погубишь весь мой лес. Кто ты такой?

— Я могущественный волшебник Пальчик. Стоит мне только сказать слово, и мой топор снесет тебе голову. Ты еще узнаешь, с кем имеешь дело!.. А ну-ка, води меня к себе в дом!

Великан так удивился, что не стал спорить и повел Пальчика прямо к своему жилью.

По дороге Пальчик проголодался. Он достал из своего мешка каравай хлеба, круг сыра и принялся уплетать за обе щеки.

— Что это ты ешь — такое белое и такое черное? — спросил великан, который никогда не видел ни хлеба, ни сыра.

— Камни, — ответил Пальчик и откусил большой кусок сыра.

— Ты ешь камни?

— Да, я их очень люблю. Потому-то я и такой сильный, что ем камни. Да ты сам попробуй — вон там лежит славный камешек! Увидишь, как это вкусно.

Великан, который был так же глуп, как и высок, поднял большую каменную глыбу и принялся грызть.

Но, должно быть, угощение пришлось ему не по вкусу. Он сломал два зуба и отшвырнул камень в сторону.

— Эх, ты! — сказал Пальчик, дожевывая горбушку. — А еще великан!

Наконец они подошли к хижине великана. Эта хижина была выше самого высокого дворца и чуть ниже самой высокой горы.

— Слушай, — сказал Пальчик великану, усаживаясь возле очага, в котором с треском пылало несколько сосен, переломленных пополам, — давай уговоримся: один из нас двоих будет хозяином, а другой — слугою. Если я не смогу сделать того, что сделаешь ты, я буду твоим слугой, а ты — моим хозяином. Если же ты не сможешь сделать того, что сделаю я, — я буду твоим хозяином, а ты — моим слугой.

— Идет! — сказал великан. — Я не прочь иметь слугою такого пройдоху, как ты. Ты будешь за меня думать, а то я ужасно устаю, когда мне приходится ворочать мозгами. Ну, давай начнем наше состязание. Для первого раза сходи-ка на реку, принеси воды, будем варить обед. Вон там, в углу, стоят ведра.

Чтобы посмотреть на ведра, Пальчику пришлось задрать голову. Они были в два человеческих роста вышиной и в три обхвата шириной. Пальчику было бы легче утонуть в них, чем сдвинуть с места.

— Ага, — сказал великан, скаля уцелевшие зубы, — испугался, сынок? Еще бы — где тебе справиться с моими ведерками! А ведь я каждый день хожу с ними на реку и даже не хожу, а бегаю.

— Ну, и бегай себе на здоровье! — сказал Пальчик. — А что до меня, так я лучше реку заставлю прибежать сюда.

Он украдкой вытащил из мешка свою волшебную скорлупку и сказал шепотом:

— Бей ключом!

И в ту же минуту кипучая струя с шумом вырвалась из скорлупки и вода, весело журча, растеклась по всей хижине.

— Не надо, не надо!.. — закричал великан в ужасе. — Не зови сюда реку! Уж лучше я сам схожу за водой.

Он подхватил свои огромные ведра и, перешагнув через лужу, побежал на реку.

Вернувшись в хижину, великан повесил над очагом чугунный котел, выплеснул в него воду из одного ведра, бросил тушу только что освежеванного быка, пятьдесят кочанов капусты и целый воз моркови.

Пока суп варился, великан несколько раз пробовал его и снимал пену огромным решетом.

— Ну, готово, — сказал он наконец. — Садись за стол. Посмотрим, сможешь ли ты утнаться за мной в еде. Я так проголодался, что готов съесть этого быка целиком, да и тебя в придачу. Знаешь, бывают такие пряничные человечки? Их едят на сладкое.

— Ладно, ладно, — ответил Пальчик, — еще посмотрим, кто кого съест.

Он уселся за стол и, пока великан снимал котел с огня, незаметно подсунул себе под куртку свой большой кожаный мешок.

И вот оба принялись за еду.

Великан отправлял себе в рот кусок за куском, а Пальчик не отставал от него, отправляя кусок за куском в свой мешок.

— Уф, — сказал великан, обсасывая кость, — славно! Теперь пора расстегнуть одну пуговку на жилетке...

— Как! Уже? — спросил Пальчик и опустил в мешок полкочана капусты. — Ты, я вижу, плохой едок.

Великан ничего не ответил. Он заложил за щеку чуть ли не целый окорок и стал его жевать вместе с костью, так что хруст пошел по всей хижине.

— Уф, — сказал он, проглотив последний кусок, — придется расстегнуть вторую пуговицу, а то жилетка лопнет.

— Нет, ты мне не товарищ! — сказал Пальчик и сунул в мешок огромный кусок говядины. — Только сели за стол, а ты уже вторую пуговицу расстегиваешь.

Великан тяжело вздохнул и вытащил из котла три кочана капусты.

Он без передышки проглотил их один за другим и отвалился от стола.

— Уф!.. — простонал он. — Надо расстегнуть третью пуговку, а не то я и сам сейчас лопну.

— Эх ты, неженка! — сказал Пальчик. — Ну, давай съедем еще по кусочку!

— Места нет, — прохрипел великан. — Я по самое горло сыт.

Пальчик засмеялся:

— Ну и что ж из этого! Распори ножом брюхо, а потом зашей его и снова набивай. Вот, смотри!..

И он с размаху распорол свой кожаный мешок сверху донизу.

— Теперь мы можем начинать обед сначала. Бери-ка нож, пори себе брюхо!

— Нет уж, слуга покорный, — сказал великан, отмахиваясь от него обеими руками.

— А если ты мой покорный слуга, так забирай свое добро и носи меня к королю.

Великан послушно посадил своего маленького повелителя к себе на плечо, на другое взвалил мешок золота и зашагал через лес к замку короля.

V

В замке был праздник. Все танцевали и веселились, и никто больше не думал о Пальчике.

Прошло уже восемь дней с тех пор, как он ушел. Кто же мог сомневаться в том, что великан его съел?

И вдруг раздался страшный грохот. Дворец задрожал и зашатался от основания до самой крыши.

Это великан ударом ноги вышиб большие дворцовые ворота, которые были для него слишком низки.

Все бросились к окнам и увидели Пальчика — он преспокойно сидел на плече у страшного великана.

Дамы закричали от ужаса, мужчины схватились за шпаги, а Пальчик как ни в чем не бывало перешагнул с плеча великана прямо на балкон второго этажа и, преклонив перед своей невесомой колено, произнес:

— Принцесса, вы желали иметь одного раба, перед вами — два!

Эту любезную фразу на следующий день напечатали в «Придворной газете», и все кавалеры повторяли ее своим дамам, хотя ни у кого из них не было такого слуги, как у Пальчика. Но

в ту минуту, когда Пальчик произнес эти слова, они привели в замешательство весь двор.

Разумеется, больше всех были встревожены принцесса и король.

Его величество отозвал свою дочь в сторону и сказал ей шепотом:

— Дочь моя, к сожалению, у нас нет больше никаких оснований отказывать этому отважному молодому человеку. Пожертвуй собой для блага государства. Принцессы редко выбирают женихов по собственному вкусу.

Но принцессу не так-то легко было уговорить. Она сделала глубокий реверанс и сказала:

— Дорогой отец! Принцессы, как и все другие девушки, мечтают выйти замуж за того, кто им понравится. Позвольте же мне самой защищать свои права. — И, повернувшись к Пальчику, она сказала: — Маркиз Пальчик, я вижу, что вы смелый юноша и что вам везет во всех делах, за которые вы беретесь. Но прежде чем согласиться выйти за вас замуж, я хотела бы знать, так ли вы умны и находчивы, как сильны и отважны. Я предлагаю вам последнее испытание. На этот раз вам не придется бродить по дремучим лесам и покорять великанов. Вашим противником буду я сама, а вашей наградой, если вы окажетесь победителем, будет моя рука.

В знак согласия Пальчик отвесил низкий поклон, и все отправились в тронный зал. К ужасу придворных, великан уже был там.

Он сидел посреди зала на полу, чуть ли не упираясь головой в потолок. Если бы он вздумал встать на ноги, он пробил бы головой крышу.

Пальчик сделал ему знак. Великан сейчас же подполз к нему на четвереньках и уселся у его ног, готовый в любую минуту защитить своего господина. Это была сила на службе у разума.

— Посмотрим, — сказала принцесса, — кто из нас способен, не сморгнув глазом, выслушать любую ложь и небылицу. Первый, кто не выдержит и скажет: «Это уж слишком!» — будет считаться побежденным.

— В угоду вашему высочеству я готов вытерпеть все на свете — не только шутливую ложь, но и суровую правду, — сказал Пальчик.

— Ну что ж, начнем, — сказала принцесса. — Знаешь ли ты,

что за луга в наших поместьях? Если два пастуха на разных концах луга заиграют в рожок, то один не услышит другого. Вот какие у нас поместья!

— Это что! — сказал Пальчик. — Посмотрели бы вы, какой скотный двор у моего отца! Если в одни ворота впустить двухмесячную телку, то из других она выйдет уже дойной коровой.

— Что же тут удивительного! — сказала принцесса. — Зато уж наверное у вас нет такого большого быка, как у нас. Если два человека сядут к нему на рога и каждый возьмет палку в десять локтей, то все равно они не смогут дотянуться друг до друга.

— Это что! — сказал Пальчик. — У нашего быка такая голова, что если на рогах у него усядутся два человека, то им не разглядеть друг друга даже в подзорную трубу.

— Что ж тут удивительного! — сказала принцесса. — Но, уж наверно, ваши коровы не дают столько молока, сколько наши. Одного только сыру — не говоря о масле и сметане — у нас столько, что мы складываем из него каждую неделю гору ничуть не ниже большой египетской пирамиды.

— Это что! — сказал Пальчик. — У нас дома делают такие большие круги сыра, что однажды, когда наша кобыла упала в сыроварный котел, мы искали ее целых шесть дней. А когда мы наконец нашли лошадку, оказалось, что она, падая на дно, сломала себе спинной хребет. Мы вырубили молодую сосенку и поставили ее на место хребта. И что же вы думаете, в одно прекрасное утро сосна пустила росток, а через три дня он поднялся так высоко, что я вскарабкался по его веткам на самое небо. А на небе сидела какая-то старушка и пряла пряжу из морской пены. Мне захотелось узнать, прочная ли это пряжа. Я взялся за ниточку, потянул, вдруг — крак! — нитка оборвалась, и я полетел с неба на землю, да так прямо и угодил в мышиную норку. И знаете, кого я там увидел? Мою покойную бабушку и вашего дедушку — покойного короля. Они сидели и вязали на спицах шерстяные чулки. И за то, что ваш дедушка спустил петлю, моя бабушка дала ему такую оплеуху, что у него даже усы затряслись...

— Ну, это уж слишком! — возмутилась принцесса. — Никто никогда в нашем роду не вязал чулок и не получал оплеух!

— Она сказала: “Это уж слишком!” — закричал великан. — Ура! Принцесса наша!

— Нет еще, — упрямо сказала принцесса. — Я хочу загадать

маркизу Пальчику три загадки. Скажите, маркиз, что вечно падает и никогда не разбивается?

— Ах, эту загадку я слышал еще от моей матушки! — сказал Пальчик. — Это водопад.

— А ведь верно! — закричал великан и захлопал в ладоши. — Ну подумайте, кто бы еще мог догадаться!

Принцесса покраснела от досады.

— Теперь скажите, — продолжала она, нахмутив брови, — кто каждый день ходит по одной и той же дорожке, но никогда по ней не возвращается?

— Ах, эту загадку я слышал еще от моей бабушки! — сказал Пальчик. — Это солнце.

— Он знает все на свете! — закричал великан и хлопнул себя по колену.

— Предположим, — сказала принцесса, бледнея от гнева. — Остается одна, последняя загадка. Отгадайте: что я думаю, а вы не думаете? Что вы думаете, а я не думаю? Что думаем мы оба? И чего не думаем ни вы, ни я.

Пальчик нахмурился и замолчал.

— Не ломайте понапрасну голову, мой повелитель, — сказал великан. — Я-то хорошо знаю, какое это неприятное занятие — ворочать мозгами! Если задача такая уж трудная, я унесу принцессу — и баста! Только мигните мне.

— Силой, мой друг, ничего не сделаешь, — ответил Пальчик. — Кто-кто, а уж ты-то должен это хорошо знать. Помолчи и не мешай мне думать.

Великан замолчал, а Пальчик стал думать. Чем больше он думал, тем веселее становилась принцесса и тем печальнее делался великан.

Но вот Пальчик усмехнулся, поклонился принцессе и заговорил:

— Вы думаете, ваше высочество, что я ни за что не придумаю отгадки к вашей загадке, а я этого не думаю. Я думаю, что вы, ваше высочество, по доброте души думаете, будто я не так уж недостоин вашей благосклонности, а вы думаете, что я этого не думаю. Оба мы думаем, что на свете немало людей поглупее нас с вами. И, наконец, ни вы, ни я не думаем, что высокий рост моего бедного великана и высокий пост вашего высокочтимого отца являются свидетельством...

— Довольно! — сказала принцесса. — Вот вам моя рука.

— Но что же вы все-таки думаете обо мне? — воскликнул король. — Или, вернее, не думаете?

— Мы думаем, дорогой отец, что среди королей вы самый мудрый, — и больше мы ничего не думаем.

— Совершенно правильно, — ответил король. — Я и сам это думаю. Маркиз Пальчик, за такие здравые мысли я жалую вам титул герцога.

— Ура! Да здравствует герцог Пальчик! Да здравствует мой повелитель! — закричал великан так громко, что можно было подумать, будто во дворце грянул гром.

К счастью, все обошлось благополучно, если не считать трех обмороков и двадцати разбитых стекол.

VI

О свадьбе принцессы и Пальчика не стоит долго рассказывать. Все свадьбы похожи одна на другую.

Однако правдивый историк не может умолчать о том, что присутствие великана прибавило много блеска этому великолепному торжеству.

При выходе из церкви он поднял карету новобрачных, поставил ее вместе с лошадьми себе на голову и так донес до ворот замка.

Это одно из тех происшествий, которое стоит отметить, потому что их можно увидеть не каждый день.

Вечером в столице было устроено пышное празднество. Пиршества, речи, свадебные песни, фейерверки, гирлянды и букеты — всего было вдоволь. Словом, было всеобщее ликование.

Во дворце и на городских площадях пели, ели, пили, говорили. Только одному человеку было не до веселья, и он угрюмо сидел, забившись в самый темный угол дворца: это был Поль. Он даже радовался, что у него отрезаны уши и от этого он почти не слышит восторженных похвал Пальчику. Он даже сам готов был выколоть себе глаза, чтобы не смотреть на счастливые лица новобрачных. Со злости он в конце концов убежал в лес, и там его съели медведи. От души желаю того же всем, кто завидует чужому счастью.

Теперь остается только сказать, что после смерти тестя король Пальчик царствовал целых шестьдесят два года и считался самым мудрым не только среди королей, но и среди людей. А

уж о доброте его и говорить нечего! Историки так и прозвали его: Пальчик Добрый.

Но зачем прославлять его доброту? Ведь это свойство всех умных людей. Что бы там ни говорили, а добрых дураков на свете нет. Глупый не бывает добрым, добрый не бывает глупым — поверьте моей многолетней опытности. Если и не все дураки злы (в чем я сильно сомневаюсь), то зато все злые — дураки. В этом и вся мораль моей сказки.

Придумайте лучшую — я найду ей место на этих страницах.

Жорж САНД

ИСТОРИЯ ИСТИННОГО ПРОСТОФИЛИ ПО ИМЕНИ ГРИБУЛЬ

Часть 1

О ТОМ, КАК ГРИБУЛЬ, БОЯСЬ ПРОМОКНУТЬ, БРОСИЛСЯ В ВОДУ

Когда-то, давным-давно, жил на свете один лесничий. У него была жена и семеро детей: три девочки и четыре мальчика. Самого младшего звали Грибуль.

Жили они в лесу, в красивом домике с садом. Рядом, весело журча, протекал лесной ручеек. Лес этот принадлежал королю. Когда-то король любил там охотиться, но потом состарился и перестал показываться в этих местах. За хорошую службу король подарил отцу Грибуля клочок плодородной земли и разрешил ему стрелять дичь и ловить в своих угодьях.

Казалось бы, лесничий должен был жить да радоваться. Но нет! Жадный и завистливый, он ничего так не любил в целом свете, как золото. Обманом вымогал деньги у путешественников, случайно забредавших в эти края, безжалостно отправлял в тюрьму бедняков, которые собирали в лесу хворост, зато богачам за хорошую плату позволял охотиться в королевском лесу сколько душе угодно. Старый король, разумеется, ничего не знал о разбойничьих проделках своего лесничего и продолжал доверять ему, как в прежние времена.

Мать Грибуля была не такая бессердечная, как ее муж, но и доброй эту женщину нельзя было назвать. Она тоже любила

деньги. И если лесничий приносил домой награбленное золото, она не ругала его, зато готова была поколотить, когда он возвращался с пустыми руками. Дети, как это часто бывает, брали пример с родителей. Все они, кроме маленького Грибуля, сделались обманщиками и воришками, едва только научились ходить и говорить.

Лесничего и его жену это нисколько не огорчало. Напротив, они чрезвычайно гордились своими детьми и без конца нахваливали их.

— Ты только посмотри, — говорила жена мужу, — до чего жемышленные у нас детки! Из них наверняка выйдет толк.

И, глядя на Грибуля, со вздохом добавляла:

— Один только ты простофилей растешь! Ну, да что поделаешь, в семье не без урода.

Несладко жилось Грибулю в родительском доме. Братья и сестры издевались над ним: ведь он никак не мог научиться воровать и обманывать. Отец и мать давали ему тумака всякий раз, как он подворачивался им под руку. А между тем Грибуль был кротким и добрым мальчиком. Он никогда никого не обижал и легко прощал обиды другим. Если он бывал голоден, а нищий просил у него хлеба, мальчик тотчас же отдавал ему свой обед, думая про себя:

«Я знаю, что такое голод, и должен непременно помочь этому бедному человеку».

— Простофиля! Простофиля! — кричали Грибулю братья и сестры. — Самому есть нечего, а он еще всяких оборванцев кормит! Наш дуралей-братец все делает наоборот!

И правда, во всем и всегда Грибуль вел себя иначе, чем они.

Он давно понял: далеко не всегда надо делать то, что хочется. Например, если днем у него слипались глаза, он не укладывался в кровать, а старался победить сон, чтобы лучше спалось ночью. Он никогда не шел на улицу играть, не закончив работы: ведь доделать ее все равно рано или поздно придется, так лучше уж веселиться с легким сердцем. Зимой он не кутал нос и щеки шарфом, а натирал их снегом, и это был самый лучший способ не обморозить их. Братья и сестры за животы держались от смеха, но Грибуль не обращал внимания. Он не плакал, когда его дразнили, смеялся, если ему было больно, и пел, если было страшно.

Вот и судите сами, был ли Грибуль простофилей и заслуживал ли он те насмешки и колотушки, которыми чуть ли не каждый день награждали его домашние! Впрочем, надо сказать, что все это Грибуль сносил спокойно и терпеливо и никому на свое горе не жаловался. Он любил бродить один по лесу и часто возвращался домой уже затемно. Грибуль был храбрым мальчиком. Он не боялся ни темноты, ни диких зверей. Боялся он по-настоящему только двух вещей: воды, так как чуть не утонул в реке, когда был маленький, и огня, потому что однажды больно обжег руку о печную дверцу.

Он смело забирался в самую чащу леса, чтобы там, на своей любимой полянке, посидеть под старым дубом.

Это было огромное, увитое плющом дерево с раскидистыми ветвями и большим дуплом. Вокруг росла великолепная зеленая трава и чудесные цветы, а у самых корней дуба протекал ручей: он бежал, петляя во мху, и терялся в скалах поблизости. Поляна эта находилась довольно далеко от дома Грибуля, и, чтобы добраться до нее, приходилось продираться сквозь заросли колючего терновника. Поэтому туда редко кто-нибудь забредал. Называлась она поляной Шмеля. Местные жители не помнили, откуда взялось это название. Некоторые говорили, что дуб здесь посадил когда-то один очень богатый человек по прозвищу «Шмель», но больше никто об этом ничего не знал.

Однажды, когда Грибуль, как обычно, сидел под дубом и размышлял о своей несчастной судьбе, его кто-то ужалил в руку. Он подскочил от боли и вдруг увидел огромного шмеля, который вовсе не думал улетать и, казалось, нарочно дразнил мальчика. Грибуль осторожно взял шмеля за крылышки и, посадив к себе на ладонь, проговорил:

— Зачем ты меня так больно ужалил, ведь я не сделал тебе ничего плохого?

Вместо ответа шмель выгнул спинку и принялся невозмутимо чистить крылышки, всем своим видом давая понять, что на ладони Грибуля чувствует себя превосходно.

— Тебе бы следовало попросить прощения, — сказал ему Грибуль. — Ай-ай-ай, такой красивый шмель и такой невоспитанный! Ты ведь действительно очень красивый и к тому же самый большой из всех шмелей, которых я когда-либо видел. А твое черное одеяние с фиолетовым отливом похоже на королев-

скую мантию. Быть может, ты и вправду какой-нибудь важный господин среди шмелей, раз ты так больно жалишь? Но не бойся, я не стану убивать тебя. Ведь если ты умрешь, рука у меня все равно болеть не перестанет. Что ж ты не улетаешь? Лети и радуйся!

Шмель словно ждал этих слов. Услышав их, он взмахнул крыльями и с низким, глуховатым жужжанием поднялся в воздух. Через секунду он уже исчез в ветвях дуба.

Когда шмель улетел, Грибуль сорвал несколько зеленых стебельков — не надо забывать, что он вырос в лесу и прекрасно знал целебные свойства трав, — и, промыв руку в ручье, приложил их к больному месту. Потом он прилег под деревом и уснул.

Во сне ему слышалась странная музыка и голоса, доносившиеся словно из-под земли. Они пели:

Жужжите все!

Жужжите все!

Король идет!

Король идет!

А ручеек, казалось, говорил своим чистым голосом, обращаясь к цветам:

Трепещите!

Трепещите!

Близко враг!

Близко враг!

В это время толстые корни старого дуба зашевелились и начали по-змеиному извиваться в траве. Закачались на своих стебельках ромашки и колокольчики. Любопытные кузнечики выглянули из своих убежищ, а большие черные муравьи, искавшие добычу в коре деревьев, удивленно поднялись на задние лапки. Затрепетал тростник, застонали ветки дуба, и вокруг началась такая суматоха, что Грибуль проснулся.

Он увидел перед собой высокого толстого господина, одетого во все темное и глядевшего на мальчика круглыми черными глазами. Господин обратился к нему низким, хрипловатым голосом, сильно раскатывая букву «р»:

— Ты оказал мне услугу, которую я никогда не забуду. Можешь требовать у меня чего угодно, я выполню любое твоё желание.

— Ах, сударь, — ответил Грибуль, дрожа от страха, — боюсь, мое единственное желание вы не в силах выполнить. Дело в том, что отец с матерью меня не любят. Они говорят, что из

всех их детей я самый глупый. А я бы так хотел, чтобы они меня полюбили!

— Это действительно исполнить нелегко, — ответил господин в черном, — однако я все-таки постараюсь тебе помочь. Хочешь, я сделаю тебя таким же умным, как твои братья и сестры?

— Сударь, — воскликнул Грибуль, — я мечтал бы стать умным, но я не хочу быть таким же бессовестным и злым, как они! Если умным и добрым одновременно быть нельзя, то лучше уж я останусь дурачком!

— Да что ты станешь делать со своей добротой среди злых людей? — спросил господин еще более суровым голосом.

— Не знаю, что вам ответить, — пролепетал Грибуль, — я недостаточно умен, но одно знаю твердо: я никому не хочу делать зла.

— Ну, я вижу, ты и в самом деле глуп, — быстро ответил черный господин. — Прощай, я тороплюсь, мне некогда тебя уговаривать, но мы еще встретимся, и, если ты захочешь о чем-нибудь меня попросить, помни, что я ни в чем тебе не откажу.

— Вы очень добры, сударь, — дрожа от страха, пробормотал Грибуль.

В это время на незнакомца сквозь листву упал солнечный луч. Его черный бархатный костюм сделался темно-синим, потом фиолетовым. Плащ раздулся и превратился в крылья. Он испустил глухой рев, еще более страшный, чем рычание льва, тяжело оторвался от земли и исчез в ветвях дуба.

Грибуль протер глаза. Приснилось ли ему все это или случилось на самом деле? Наверное, это был сон. Только теперь, когда странный господин исчез, мальчик почувствовал, что окончательно проснулся. Он поднял свою палку и поспешил домой, так как боялся, что родители опять поколотят его за то, что он слишком долго гулял.

Едва Грибуль переступил порог, как мать набросилась на него.

— Ага, явился наконец! — закричала она. — Где это ты пропадал столько времени? Нет, вы только полюбуйтесь на этого дурака, которому привалило огромное счастье, а ему хоть бы что!

Бедный Грибуль долго не мог понять, о каком счастье она толкует, пока мать наконец не объяснила ему, бранясь по привычке, что им интересуется один очень важный человек.

Оказывается, в полдень, когда Грибуль спал под своим дубом, в домик лесничего постучался роскошно одетый незнакомец и попросил разрешения немного передохнуть. От обеда он отказался, зато с удовольствием съел целый горшок меда и заплатил за него монетой из чистого золота. Затем гость внимательно оглядел всех детей лесничего и сказал хозяйке: «Простите, сударыня, нет ли у вас, случайно, сыновей помладше?» Когда же он узнал, что в доме действительно живет еще один мальчик, которому всего двенадцать лет и которого зовут Грибуль, он воскликнул: «Какое замечательное имя! Именно этот ребенок мне и нужен! Пришлите его ко мне, я хочу его осчастливить». И не сказав больше ни слова, он поднялся и вышел.

— Но кто же этот человек? — спросил Грибуль, пораженный до глубины души. — И как мне его найти?

— Это новый владелец замка, того, что на опушке леса, — ответила мать. — Имени своего он не назвал, но я слыхала, что все в округе зовут его господин Шмель. Говорят, это только прозвище, но он охотно на него откликается. Ходят слухи, будто он очень богат и швыряет золото и серебро направо и налево. Быть может, он не в своем уме, но нас с тобой это не касается. Ты должен отправиться к нему как можно скорее, пока он не передумал. Этот господин Шмель наверняка собирается сделать тебе богатый подарок. Только не вздумай утаить от нас то, что он тебе даст!

— Дорогая матушка, я скорее умру, чем обману вас! — воскликнул Грибуль.

— И верно, ты для этого слишком глуп. Ну, иди же, да поторапливайся, а то скоро стемнеет.

По дороге мальчик присел отдохнуть под смоковницей и вдруг услышал над головой жужжание пчелиного роя. Он встал на цыпочки и увидел в дупле соты, полные золотистого меда. Грибуль, который с утра ничего не ел, очень обрадовался. Он всласть полакомился медом и собрался было продолжать свой путь, но тут из дупла раздался властный голос:

— Ко мне, дочери мои, служанки и рабыни! Хватайте злодея! Не дайте грабителю уйти живым!

Представьте себе, как испугался Грибуль!

— Милые сударыни пчелы, — проговорил он, едва дыша от страха, — простите меня! Я был очень голоден и забыл попросить разрешения отведать вашего меда. А он оказался таким

вкусным и ароматным! Я сразу понял, что его могли сделать только необыкновенные пчелы.

— А он, однако, неглуп, этот малыш, — донесся из дупла нежный голосок. — Я прошу вас, Ваше Величество, моя дорогая матушка, пощадить его на этот раз!

В дупле послышалось громкое жужжание, словно все заговорили разом и заспорили между собой. Но ни одна пчела оттуда не вылетела, и Грибуль бросился бежать. Когда он был уже далеко и понял, что никто его не преследует, мальчик оглянулся. Каково же было его удивление!

В ярких лучах заходящего солнца он увидел множество легких крылатых фигурок. Под мелодичную музыку они водили в воздухе хороводы вокруг знакомой смоковницы.

Солнце слепило Грибулю глаза, и он не мог хорошенько рассмотреть танцующих. То они казались ему очаровательными дамами в золотистых платьях, то обыкновенными пчелами, снующими взад и вперед на фоне огненно-красного неба.

Солнце скоро скрылось за деревьями, и таинственные фигурки растаяли в темноте. Грибуль двинулся дальше вдоль опушки, но через некоторое время заметил, что заблудился. Ему очень хотелось спать, но, не желая достаться волкам на ужин, он заставлял себя идти вперед, пока ноги не отказались ему повиноваться. Мальчик в изнеможении опустился на землю. Вдруг он увидел сквозь ветви деревьев яркий свет, поднялся и пошел в ту сторону. Через несколько минут Грибуль стоял перед высоким замком, все окна в нем были освещены разноцветными огнями. До мальчика донеслись звуки музыки, веселые голоса и звон посуды.

Грибуль почувствовал себя неловко оттого, что явился в такой поздний час, но возвращаться у него уже не было сил. Он постучал в ворота и попросил разрешения поговорить с хозяином.

— Кто ты такой? — спросил его усатый привратник, отворив скрипучие ворота. — Мой хозяин ждет мальчика по имени Грибуль. Уж не ты ли это?

— Вы не ошиблись, мое имя действительно Грибуль.

— Вот и прекрасно, — сказал привратник, подкручивая длинные черные усы. — Сейчас тебе дадут поужинать и проведут в спальню, а господин Шмель примет тебя завтра. Пока что

он занят наверху с гостями. У нас новоселье, и хозяин дает бал своим соседям.

Тем временем навстречу Грибулю уже спешил лакей в блестящей ливрее. Низко поклонившись, он проводил Грибуля в отведенную ему комнату. Она была так богато убрана, что Грибуль принял ее поначалу за спальню самого хозяина дома. Несколько слуг тотчас же накрыли для Грибуля стол и принесли ужин: фрукты, мед и варенье разных сортов. Пожалуй, Грибуль охотнее съел бы горячего супа и ломоть хлеба, но сказать об этом не осмелился.

Лакей тем временем приготовил ему постель. Кое-как утолив голод, Грибуль с удовольствием бросился на чистые простыни и закрыл глаза. Однако заснуть ему не удалось. Его неотступно преследовали мысли о загадочном господине Шмеле. Кто он? Откуда взялся? Почему его слуги оказывают сыну простого лесничего такой роскошный прием? В замке поминутно хлопали двери, топот танцующих и рев контрабасов сотрясали весь дом. Когда двери наверху закрывались, музыка звучала тише, слышалось звяканье бутылок в буфетной, грохот кастрюль и шушуканье лакеев. Казалось, они замышляли что-то недоброе. Грибуль ненадолго впадал в забытие, снова просыпался, так и не понимая до конца, спит он или бодрствует.

Внезапно Грибуль услышал шаги. Чуть-чуть приподняв ресницы, он увидел знакомого лакея. Тот, крадучись, подошел к его кровати и остановился, как будто хотел убедиться в том, что Грибуль действительно спит. Его огромные выпученные глаза вращались, словно черные стеклянные шары. Только теперь мальчик заметил, что глаза у лакея находятся гораздо выше, чем у всех людей, почти на самой макушке. Грибулю сделалось не по себе, и он решил заговорить с лакеем, но тот вдруг неуклюже взмахнул руками и подпрыгнул к самому потолку. Когда он опустился на пол, Грибуль увидел, что в руках он держит прозрачную серебристую нить. Лакей подпрыгнул еще раз, затем еще и при каждом прыжке издавал какие-то странные звуки, похожие на тиканье часов.

Грибуль подумал, что это, наверно, новая, неизвестная ему игра. Он с любопытством следил за тем, как проворно поднимается в воздух этот пузатый и нескладный на вид человечек и ловко сплетает из прозрачных нитей замысловатые узоры. Грибуль был так увлечен этим зрелищем, что не заметил, как

очутился в ловушке: его ложе опутывала теперь прочная сеть, и не было видно ни малейшей лазейки. Грибуль похолодел от страха и хотел позвать на помощь, но вместо крика из его груди вырвался слабый писк. Он попытался высвободить руки и с ужасом увидел, что рук у него нет, а есть лишь тонюсенькие лапки, наподобие комариных. Грибуль понял, что превратился в крохотную беспомощную букашку. А отвратительное существо, которое он принимал за лакея, оказалось огромным мохнатым пауком. Паук явно хотел задушить Грибуля своей паутиной и сожрать. От ужаса Грибуля прошиб холодный пот, и он проснулся.

Открыв глаза, Грибуль решил, что все это ему приснилось. Никакого паука не было и в помине, а лакей, который действительно находился в комнате, торопливо засовывал в шкаф бутылки с заморскими винами, серебряные приборы и драгоценные вазы, украденные во время праздника. Почувствовав, что Грибуль проснулся, лакей обернулся с испуганным и в то же время угрожающим видом.

— Чего ты на меня уставился? — проговорил лакей сухим надтреснутым голосом, напоминавшим тиканье часов. — И вообще почему ты не спишь в такой поздний час?

Грибуль вовсе не был так прост, как все полагали. Он ни словом не обмолвился ни о своем сне, ни о темных делишках этого жулика. Он вежливо объяснил лакею, что спать ему мешает шум, и попросил разрешения взглянуть на празднество.

— Смотри себе на здоровье, — ответил лакей, который рад был избавиться от непрошеного свидетеля. — Никто тебя здесь силком не держит.

Грибуль оделся и отправился бродить по комнатам. Он пересекал многочисленные залы, спускался и поднимался по лестницам, и повсюду ему встречались богато одетые люди, которые не обращали на него никакого внимания и развлекались каждый на свой лад. В одной комнате несколько мужчин в черном и нарядные дамы со сверкающими камешками на шее играли в кости. И время от времени подгребали к себе горки золотых монет. Грибуль немного постоял возле столика, с любопытством глядя на это занятие, и двинулся дальше.

Во второй комнате он опять увидел мужчин в черном и нарядных сверкающих дам, только уже других, которые чинно танцевали под музыку. Те, кто не танцевал, выстроились вдоль стен и разглядывали кружащиеся пары.

В третьей комнате был накрыт стол с угощением. Гости ели стоя, хватая пищу руками, и Грибуля удивило, что эти знатные господа так громко чавкают и проливают вино на одежду.

Он бродил по замку до самого рассвета. Гости тоже слонялись по комнатам, толкались, жаловались на духоту и почему-то выглядели не то печальными, не то сердитыми.

Наконец сквозь ставни пробился первый луч солнца, и лакеи распахнули окна. Грибуль, который прикорнул в углу, на маленьком диванчике, заметил — или это ему почудилось? — что в открытые окна вылетели целые тучи шмелей, шершней и ос. Мальчик огляделся: он был один в пыльной, замусоренной комнате. Люстры гасли одна за другой, лакеи в изнеможении засыпали где придется, а те, кто пошустрее, растаскивали остатки угощения. Грибуль выбрался в сад и там, в траве, под деревьями, сладко проспал до утра.

Когда он проснулся, то увидел перед собой высокого толстого господина в черном бархатном костюме. Господин этот был похож на того, которого Грибуль видел на поляне Шмеля. Ни на минуту не усомнившись в том, что это один и тот же человек, Грибуль радостно приветствовал его.

— Доброе утро, господин Шмель, — сказал он. — Вы вчера так быстро исчезли, что я не успел даже поблагодарить вас за вашу доброту!

— Грибуль, — ответил господин тем же хриловатым голосом, что и накануне, и все так же раскатывая букву «р», — я рад приветствовать тебя в моем доме, но твои слова меня удивляют, ведь я вижу тебя впервые. Мне доложили, что ты явился сюда поздно вечером. Но сам я в это время был занят, и мы с тобой не встретились.

Грибуль понял, что сказал глупость. Чтобы исправить неловкость, он вежливо спросил у господина Шмеля, не болен ли он.

— Благодарю, я ни на что не жалуюсь, — пророкотал тот, — но почему, собственно говоря, тебя беспокоит мое здоровье?

— Вы вчера давали бал, но я не мог отыскать вас среди гостей, — пролепетал Грибуль.

— Я просто хотел показать соседям, как я богат, но у меня и в мыслях не было почтить этот праздник своим присутствием. Я уже не так молод, чтобы отплясывать вместе с гостями, и вообще балы мне давно наскучили. Давай-ка лучше поговорим о тебе, мой дорогой Грибуль. Ты правильно сделал, что пришел

ко мне. Я желаю тебе добра. Итак, скажи, чего бы тебе хотелось больше всего на свете?

Грибуль растерялся.

Он вспомнил, что мать толковала ему о каком-то подарке.

Но ни одна из дорогих вещей, которые он успел увидеть в замке, не приглянулась ему.

К тому же он вообще считал неприличным выпрашивать подарки. Поразмыслив немного, Грибуль сказал:

— Больше всего на свете я бы хотел, чтобы меня любили родители.

— Скажи на милость, — спросил господин Шмель, — отчего же они тебя не любят? По-моему, ты очень славный мальчик.

— Увы, сударь, — ответил Грибуль, — и отец, и мать, и все мои братья и сестры говорят, что я простофиля, что я все делаю наоборот. За это они вечно бранят меня и нещадно колотят.

— В таком случае, выход только один: я должен сделать тебя умным!

Грибуль, который уже однажды, во сне, отказался променять доброту на ум, не осмелился на сей раз перечить своему таинственному покровителю.

— А что нужно сделать, чтобы стать умным? — спросил он.

— Нужно изучать науки, мой юный друг. Я мог бы обучить тебя секретам черной магии и искусству вызывать духов.

— Но как же я сумею изучить эти науки, о которых я никогда прежде не слышал, если родители говорят, что я вообще не способен ничему выучиться?

— Это не так трудно, как кажется, — возразил господин Шмель, — я все беру на себя, но при условии, что ты останешься жить здесь и будешь моим приемным сыном.

Грибуль задумался. В отцовском доме ему жилось несладко, но мысль о том, чтобы поселиться в лесном замке, где шныряют подозрительные лакеи и никто никогда не смеется, наводила на Грибуля уныние и страх.

Он поблагодарил гостеприимного хозяина и сказал, что все-таки будет лучше, если он вернется к родителям.

— Что ж, как угодно, — ответил господин Шмель с недовольным видом. — Я вовсе не собираюсь удерживать тебя силой. Но имей в виду: если ты вернешься домой с пустыми руками, отец устроит тебе такой нагоняй, что ты проклянешь тот час, когда родился на свет. Пойдем со мной, я дам тебе для него

кое-что. Это, по, крайней мере спасет тебя от побоев.

С этими словами хозяин замка повел мальчика в свои кладовые. Золото, жемчуга и бриллианты горами лежали там прямо на полу, так что Грибулю приходилось наступать на них. Господин Шмель предложил ему взять столько золота и драгоценностей, сколько он сможет унести. Желая доставить родителям удовольствие, Грибуль набил карманы золотыми монетами: ни жемчугов, ни бриллиантов он брать не стал, так как принял их за обыкновенные стекляшки.

Господин Шмель проводил его до дверей.

— Если передумаешь, — сказал он мальчику на прощание, — и захочешь вернуться в замок, помни: в моем доме ты всегда желанный гость.

Золото оказалось тяжелым. Грибуль быстро устал, и ему захотелось немного передохнуть. Он решил сделать небольшой крюк и вздремнуть под своим любимым дубом, на поляне Шмеля. Так он и поступил. Но едва Грибуль закрыл глаза, из чащи выбежали его братья и сестры. Все вместе они набросились на Грибуля и до тех пор били и щипали его, пока не отобрали все золото, подаренное господином Шмелем.

Вдруг в ветвях дуба послышался ужасный шум, словно загудели десять тысяч контрабасов разом. И в ту же секунду гигантский рой шмелей налетел на братьев и сестер Грибуля. Те бросились врассыпную, но шмели пустились в погоню. Они преследовали маленьких разбойников до самого дома, пока те не побросали на землю все отнятое у Грибуля золото. А Грибуля шмели не тронули, и он, подобрав по пути монеты, явился домой целым и невредимым.

Пока мать делала компрессы и перевязки своим любимым деткам, которые все еще тряслись от страха и орали как безумные, отец пересчитывал золотые монеты. На этот раз он похвалил Грибуля, хотя и назвал его тут же лентяем и неженкой за то, что у него не хватило сил притащить золота побольше. Старших детей уложили в постель: лица у них опухли от укусов, и мать долго опасалась, как бы они не остались уродами на всю жизнь.

На следующий день отец с матерью решили еще раз сосчитать монеты, но золото в их руках вдруг растаяло.

Оно превратилось в желтую липкую жидкость, которая оказалась обыкновенным медом, причем весьма скверным. Мате-

ри пришлось немало повозиться, чтобы отмыть обеденный стол.

— Этот господин Шмель — негодяй и обманщик! — бушевала она, яростно орудуя тряпкой. — Но он наверняка колдун, и, пожалуй, лучше с ним не ссориться. Мне кажется, он любит мед больше, чем подобает нормальному человеку, и, конечно, неспроста сыграл с нами эту шутку. Не иначе как он хотел нам намекнуть, чтобы мы прислали ему меду.

— Похоже, ты права, — задумчиво проговорил отец. — Давай-ка отправим ему меду из нашего лучшего улья. Он наверняка заплатит за него хорошие деньги.

На следующий день они навьючили на осла бочонок меда и отправили Грибуля в замок. Когда Грибуль проходил мимо смоковницы, из знакомого дупла неожиданно вылетел пчелиный рой. Едва увидев пчел, бедный ослик сбросил на землю бочонок и умчался прочь.

Но пчелы исчезли, и вместо них Грибуль увидел двух красавиц. У старшей на плечах была королевская мантия, а на голове корона, которая так ярко сверкала на солнце, что Грибуль зажмурился. По левую руку от нее стояла грациозная юная девушка. Она что-то тихо говорила королеве, называя ее матушкой. Их сопровождало несметное множество придворных дам, державшихся, однако, на почтительном расстоянии.

— О безрассудный! — воскликнула королева. — Ты дважды заслужил смертную казнь. Мало того, что ты пытался ограбить недавно наш улей. Ты к тому же освободил от заклятия злейшего врага пчел, короля шмелей, и сделался его союзником. Но моя дочь вымолила для тебя прощение. Она надеется, что ты сумеешь оказать нам одну услугу, и теперь мы посмотрим, можно ли на тебя рассчитывать.

— Мне кажется, ваше величество, что это ошибка, — пролепетал Грибуль. — Я не знаю никакого короля шмелей... Впрочем, не смею спорить с вами. Пожалуйста, располагайте мной, как вам будет угодно. Вы так прекрасны, что ради вас и вашей дочери я готов на все.

Слова Грибуля понравились королеве, которая очень любила, когда ее называли красавицей. Она улыбнулась, и голос ее стал ласковым.

— Слушай внимательно, малыш, что я тебе скажу, — молвила она. — Оставь здесь этот несчастный бочонок, отправляйся

налегке к королю шмелей и передай ему мои слова, которые, поверь мне, доставят ему гораздо больше удовольствия, чем твой мед. Ты скажешь ему, что королева пчел устала от бесконечной вражды. Я признаю, что шмели стали в последнее время слишком сильны и многочисленны, и мы, пчелы, наверняка не сможем победить их в открытом бою. Мне известно, что король шмелей собирается вскоре идти на нас войной, чтобы захватить наши богатства. Но мне известно также, что он мечтает жениться на моей дочери, хотя и не надеется получить согласие. Скажи ему, что я готова выдать за него принцессу с условием, что он оставит в покое пчелиные ульи и удовольствуется той долей наших сокровищ, которую моя дочь принесет ему в приданое.

Едва окончив свою речь, королева исчезла, а вместе с ней и принцесса, и все придворные. Оглядевшись вокруг, Грибуль увидел только пчелиный рой, с громким жужжанием носившийся вокруг смоковницы. Мальчик отправился дальше и благополучно добрался до лесного замка.

Грибуль рассказал господину Шмелю все, что случилось с ним по дороге, и осторожно добавил:

— Я знаю, сударь, что вы чрезвычайно ученый человек. Быть может, вам известно, где живет король шмелей? Помогите мне отыскать его, если, конечно, король шмелей — это не вы. Мне сдается, что вы должны состоять с ним в родстве, но это не мешает мне питать к вам самое глубокое уважение.

— Ну и фантазер же ты! — рассмеялся господин Шмель. — Ладно, забудь свои выдумки и считай, что поручение ты выполнил. Но довольно об этом, дитя мое. Скажи лучше, не надумал ли ты остаться у меня? Тогда тебе не пришлось бы больше дрожать перед своими родителями. За несколько лет ты проник бы в сокровенные тайны вселенной и стал бы самым могущественным человеком на земле.

Грибуль вздохнул и ничего не ответил, а господин Шмель принялся расхаживать взад-вперед по своему кабинету: он вообще не мог долго сидеть или стоять на одном месте.

Грибуль вернулся домой с тяжелым сердцем и рассказал родителям все, что с ним произошло. Ему было страшно признаваться, что он потерял осла и бочонок. Он боялся, что отец не поверит всем тем чудесам, которые с ним приключились, и

изобьет его до полусмерти. Но тот только почесал в затылке и сказал жене:

— Похоже, что здесь кроется какое-то колдовство. Этот господин Шмель наверняка волшебник, и, если мы не отдадим ему Грибуля, он разорит нас и погубит наших детей. Я думаю, шмели, которые их искушали, тоже не простые насекомые. Грибуль, разумеется, слишком глуп, чтобы освоить искусство черной магии, но если за дело берется сам господин Шмель, то уж, будьте покойны, он обучит его всему, чему надо. А когда Грибуль станет богачом, пусть только попробует забыть своих бедных родителей.

При этих словах он так грозно посмотрел на Грибуля, что мальчик задрожал от страха.

— Возвращайся сейчас же в замок, — приказал ему отец, — и скажи, что я отдаю тебя господину Шмелю на воспитание. Но не вздумай сбежать от него, не то я так тебя отделаю, что ты своих не узнаешь.

Грибуль ушел из дому в слезах. Деваться ему теперь было некуда, и он медленно побрел к замку господина Шмеля...

Господин Шмель принял Грибуля очень хорошо. Он приказал одеть его в богатое платье, отвел ему прекрасную комнату и приставил к нему трех пажей и учителя.

Так началась жизнь Грибуля в лесном замке, где ему суждено было провести три года. Своего приемного отца он видел мало. Господин Шмель вечно куда-то спешил и торопил всех вокруг. Он проносился мимо Грибуля с видом чрезвычайно занятого человека, бормоча на ходу, что дел у него по горло. Но при этом никто никогда его не видел за каким-нибудь занятием. Когда они с Грибулем встречались за столом, господин Шмель поглаживал его по щеке, приговаривая: «Учись, учись, дитя мое», — и, словав тарелку меда, уходил к себе в кабинет.

Надо сказать, что господин Шмель питал особое пристрастие к меду, сиропам и варенью и, несмотря на свою прожорливость, ничего другого не ел. У него была липкая борода, и Грибуль никак не мог решиться поцеловать его перед сном.

Господин Шмель жил на широкую ногу. Он быстро богател, но откуда бралось это богатство, никто не знал. Господин Шмель постепенно скупал у старого короля земли и города. В конце концов он купил даже его придворных и армию. Коро-

левская казна пустела с каждым днем, и вскоре король так обнищал, что, если бы не забота нескольких преданных слуг, он бы просто-напросто умер с голоду. Ему по-прежнему кланялись и говорили «ваше величество», но настоящим королем этой страны был теперь господин Шмель, хотя он и не носил короны.

Через некоторое время в замок приехала юная принцесса со своей матерью. Грибуль глазам своим не верил, так похожи они были на принцессу и королеву пчел, с которыми он беседовал когда-то под смоковницей. Однако обе дамы вели себя так, будто никогда прежде с ним не встречались. И Грибуль притворился, что видит их впервые.

Господин Шмель всячески старался угодить своим гостям, был с ними на редкость любезен и обходителен. Стали поговаривать о свадьбе. И правда, принцесса вскоре обвенчалась с господином Шмелем.

После свадьбы жизнь снова пошла своим чередом. Господин Шмель все так же куда-то торопился, Грибуль учил уроки, а принцесса присматривала за хозяйством. Она была очень ласкова с Грибулем, но он немного ее побаивался. Чем-то все-таки она неуловимо напоминала пчелу, и Грибулю постоянно казалось, что она вот-вот его ужалит. Так же, как и ее супруг, принцесса питалась одними сиропами, вареньем и медом. И с утра до вечера твердила о бережливости, об экономии, о том, что надо знать счет деньгам.

На Грибуля все это наводило тоску, но он не мог не заметить, как богатеют владения господина Шмеля благодаря рвению его молодой жены. Принцесса заставляла всех своих подданных трудиться не покладая рук. Всюду строились города, морские порты, дворцы и театры.

Одного только не мог взять в толк Грибуль: почему в таком богатом, процветающем королевстве столько недовольных и несчастных людей.

Сам Грибуль мог бы считать себя счастливым, потому что господин Шмель ни в чем не отказывал ему, а отец и мать, которые наконец разбогатели, перестали донимать сына и кланяться золоту у его покровителя. Но на сердце у Грибуля было тяжело, он сам не знал отчего. Ему было скучно жить в полном одиночестве. Друзей у него не было, потому что все дети в округе, по примеру своих родителей, завидовали богатству Грибуля. Учился он прилежно, хотя и не тому, чему хотел бы: его

заставляли без конца делить, умножать и складывать длиннющие колонки цифр и ничего не рассказывали о жизни зверей и птиц, о свойствах растений. Однажды он попросил у своего приемного отца разрешения учиться рисованию и пению, но тот лишь расхохотался в ответ: как и большинство обитателей королевства, господин Шмель не видел в музыке и рисовании никакого проку. Да и учителей по этим предметам давно уже не осталось: чтобы не умереть с голоду, все они покинули страну.

Господин Шмель постоянно осыпал Грибуля дорогими подарками, но, в сущности, интересовался им не больше, чем первым встречным. Однажды Грибуль решил сообщить ему, что пучеглазый лакей, похожий на паука, таскает все, что плохо лежит. Но господин Шмель, ничуть не удивившись, ответил: «Пушай, пушай! Меня тошнит от честных лакеев!»

Когда Грибулю исполнилось пятнадцать лет, господин Шмель позвал его к себе в кабинет и сказал:

— Милый Грибуль, со временем ты станешь моим наследником. Судьбой определено, что у меня не будет детей от последнего брака. Я знал об этом и потому смело женился, не боясь повредить тебе. Ты будешь очень богат, впрочем, ты богат и сейчас, потому что все, чем я владею, принадлежит и тебе. Но когда меня не станет, тебе придется немало потрудиться и выдержать не одно сражение, чтобы сохранить свое богатство. Семейство моей жены ненавидит меня. Вся ее родня плетет заговоры и строит против меня бесконечные козни. Они ждут лишь удобного момента, чтобы наброситься на мои владения. Мой юный друг, наступило время, когда я должен открыть тебе кое-какие секреты и преподать урок природоведения, которое так тебя интересует. Пойдем со мной!

Господин Шмель приказал кучеру заложить карету, и они отправились вместе с Грибулем на поляну Шмеля. Когда они оказались возле старого дуба, господин Шмель отпустил кучера и, взяв Грибуля за руку, усадил на корни дерева.

— Пробовал ли ты когда-нибудь желуди с этого дуба? — спросил он.

— Да, — ответил Грибуль. — Они сладкие, а все остальные желуди в этом лесу горькие и невкусные. Их разве что свинья станет есть.

— Ну что ж, прекрасно! Раз тебе так нравятся эти желуди, отведай-ка сейчас несколько штук.

Грибуль с удовольствием принялся жевать желуди: они напомнили ему детство. Внезапно на него напала дремота, и ему показалось, что даже господина Шмеля он видит во сне.

Господин Шмель постучал кулаком по дубу. Скрипя, словно старые ворота, кора расступилась, и Грибуль увидел в дупле пчелиный рой и золотистые соты. Каждая пчелка сидела в отдельной келье, и все они, по-видимому, чувствовали себя очень уютно. Они работали и напевали тоненькими голосами:

Копим, жалим, бережем, бережем;

Жалим, копим, стережем, стережем.

Но внезапно раздался властный голос, заставивший их замолчать:

Тише,

Тише!

Близко враг,

Близко враг!

Господин Шмель принялся громко жужжать и карабкаться вверх по стволу дуба. Грибуль с ужасом увидел, что у этого почетного господина появились огромные крылья, а взгляд сделался свирепым и алчным. Господин Шмель испустил воинственный клич, словно протрубил охотничий рог. Сейчас же невесть откуда налетели тысячи шмелей и черной тучей заслонили солнце. Постепенно они начали снижаться и предстали перед взором Грибуля в виде страшного войска. Пчелы выступили им навстречу, и завязалась битва, в которой каждый старался пронзить врага своим жалом, растоптать, убить, уничтожить. Мед ручьями вытекал из разрушенных сот, превращаясь в вязкую лаву, в которой тонули солдаты обеих армий...

Сражение закончилось победой шмелей. Победители набросились на мед и принялись с такой жадностью пожирать его, что у многих разболелись животы. Когда господину Шмелю принесли на серебряном блюде ключи от улья, он разразился отвратительным злобным хохотом и, схватив Грибуля за шиворот, закричал ему прямо в ухо:

— Ну что же ты стоишь, трусишка! Хватай что можешь, ведь это ради тебя я устроил побоище, теперь ты знаешь, как в этом мире добывается богатство! Хватай, ешь, грабь! Ну, давай же!

И он втолкнул потрясенного Грибуля в разрушенный улей. Грибуль начал отбиваться, рванулся прочь из дупла и упал вниз. Он рухнул в огромный муравейник, столицу муравьиного царства, жители которого тоже не прочь были поживиться за счет побежденных и тащили из разграбленного улья все, что могли. Они сначала не поняли, что это такое свалилось на крыши их домов, но раздумывать долго не стали. Грибуля тотчас же принялись кусать и рвать на части. Он закричал от боли и — проснулся!

Открыв глаза, он увидел самую обыкновенную картину: дуб закрылся, муравьи исчезли, пчелы перепархивали с цветка на цветок, несколько шмелей пили из листьев капельки росы.

Господин Шмель, спокойный, как обычно, смотрел на Грибуля и посмеивался:

— Ну и соня! Так-то ты слушаешь свой первый урок! Я рассказываю, а он, видите ли, изволит спать!

— Извините, пожалуйста, — пробормотал Грибуль, все еще насмерть перепуганный. — Я сполна наказан за свое невнимание, потому что сон мне приснился чудовищный!

— Ну, полно, полно, — возразил господин Шмель, — ты уже взрослый, пора привыкать ко всему. Но на чем же мы с тобой остановились?

— Право, сударь, я уже не помню. Кажется, вы советовали хватать, грабить или что-то в этом роде.

— Да, да, — подхватил господин Шмель, — я как раз объяснял тебе законы жизни насекомых. Так вот, пчелы день-деньской трудятся, делают бесконечные запасы. Они очень искусны, трудолюбивы, богаты и скупы. А шмели работать не любят. Зато у них есть другой талант, ничуть не хуже пчелиного: они умеют брать! Муравьи тоже не дураки, они наполняют свои кладовые тем, что им удастся наgrabить во время чужих войн. Итак, ты видишь, что в этом мире можно быть либо грабителем, либо ограбленным. Выбирай, что тебе больше по вкусу: быть трудолюбивым и глупым, как пчелы, алчным и мелочным, как муравьи, или дерзким и беспощадным, как шмели? По-моему, самое надежное — это смотреть, как другие работают, а потом брать. Брать, брать, мой мальчик! Силой или ловкостью. Это единственный способ быть всегда счастливым. Ведь бережливые труженики на свете не переводятся, и всегда есть возможность поживиться за их счет. Теперь ты должен решить: если ты

захочешь стать шмелем, то я сделаю тебя волшебником, как и я сам.

— А когда я стану волшебником, что со мной будет дальше?

— Ты научишься брать, — ответил господин Шмель.

— А что нужно сделать, чтобы стать волшебником?

— Нужно дать клятву, что ты навсегда забудешь о жалости и о том странном и редком свойстве человеческого характера, которое называют честностью.

— Неужели все волшебники дают такую клятву? — спросил Грибуль.

— Нет, не все. Есть и такие, которые дают клятву любить и защищать все живое. Но это просто глупцы, которые из тщеславия принимают имя добрых духов и не имеют никакой власти на земле. Они живут в цветах, в ручьях, в скалах, а чаще всего в пустынях. Люди не повинуются им и даже не подозревают об их существовании. Это жалкие болтуны, которые питаются только воздухом и росой, и головы их так же пусты, как и желудки.

— Что ж, сударь, — ответил Грибуль, — вам, видно, не удалось сделать меня умным, потому что добрые духи нравятся мне гораздо больше, чем вы. Я вовсе не хочу учиться грабить. Благодарю вас за то добро, которое вы мне сделали, и желаю вам всего наилучшего! Отпустите меня теперь к моим родителям.

— Ты действительно самый настоящий простофиля! — воскликнул господин Шмель. — Все ты делаешь наоборот! Тебе привалило такое счастье, а ты отказываешься! Так знай же, что твои родители просто шмели, забывшие о своем происхождении. Но они сохранили все замашки и обычаи этой породы. Всю жизнь они били тебя за то, что ты не умел воровать, а теперь они просто убьют тебя за то, что ты ничему у меня не научился.

— Что ж, — ответил Грибуль с горечью, — тогда я отправлюсь в те пустыни, где, по вашим словам, обитают добрые духи.

— Ну уж нет, друг мой, никуда ты отсюда не отправишься! — взревел господин Шмель, выкатив свои горящие глазницы. — У меня есть свои причины, чтобы не отпускать тебя. И раз ты не желаешь мне повиноваться, я сейчас так тебя искусаю, что ты умрешь!

С этими словами его покровитель принял облик огромного шмеля и, взмахнув крыльями, бросился на мальчика.

Грибуль пустился бежать со всех ног, но шмель не отставал.

Какое-то время мальчику удавалось отгонять его шляпой, но вдруг шмель на глазах начал раздуваться и расти. Через минуту он сделался больше шляпы, больше самого Грибуля и уже готов был вонзить свое ядовитое жало ему в сердце, как вдруг Грибуль воскликнул:

— Спасите меня, добрые духи!

В ту же секунду из прибрежных трав выпорхнула красивая стрекоза с голубыми крылышками. Подлетев к Грибулю, она проговорила человеческим голосом:

— Следуй за мной и ничего не бойся!

Стрекоза полетела вперед. И в это мгновение хлынул ужасный ливень. Стена воды заслонила Грибуля от его преследователя.

— Прыгай в ручей! Скорее! — приказала стрекоза.

Грибуль, который не умел плавать и боялся воды, на мгновение застыл у берега: от дождя знакомый ручей в один миг превратился в бурную реку.

— Прыгай или ты погиб! — крикнула стрекоза.

«Здесь смерть и там смерть, — промелькнуло в голове у Грибуля, — но лучше уж утонуть в реке, чем погибнуть от жала этого чудовища».

И Грибуль бросился в воду.

Стремительный поток подхватил его. О чудо! Грибуль вовсе не пошел ко дну и не захлебнулся. Ему казалось, что чьи-то руки поддерживают его и оберегают от острых камней и водоворотов. А перед ним летела стрекоза, указывая путь.

Однако шмель вовсе не намерен был так легко отступить от добычи. Он продолжал преследовать Грибуля, испуская хриплый рев, похожий на рычание раненого льва. Он уже почти настиг свою жертву, и Грибуль, забыв о том, что может утонуть, с головой ушел под воду. К счастью, крылья шмеля отяжелели от дождя, и сильные струи все ниже и ниже прибивали его к воде, пока наконец огромная волна не накрыла его. Клопоча от бессильной злобы, побежденный шмель вновь принял человеческий облик и кое-как добрался до берега. Долго еще грозил он вслед Грибулю, пока тот не скрылся за пеленой дождя.

Теперь Грибуль почувствовал себя намного увереннее. Стрекозе, очевидно, дождь был не страшен: она по-прежнему летела впереди, легко взмахивая крылышками. Грибуль изо всех сил старался поспеть за ней: потеряй он ее из виду, мальчик тут же угодил бы в какой-нибудь водоворот. Грибуль с удивлением

обнаружил, что, барахтаясь в воде, незаметно для себя самого научился плавать.

Он огляделся вокруг и внезапно узнал родные места. Здесь, на берегу ручья, он жил когда-то с отцом и матерью, но вместо маленького домика на знакомой поляне стоял теперь новый каменный дом, обнесенный оградой, а из окон выглядывали его братья и сестры в бархатных курточках и кружевных платьях. Грибуль хотел было вылезти из воды, чтобы повидать своих родителей, и уже схватился за ветку ивы, но в это время услышал над собой голос стрекозы:

— Следуй за мной, Грибуль! Иначе ты пропал!

Грибуль не осмелился спорить со своей спасительницей. Он выпустил ветку и поплыл дальше. Увидев, что вода увлекает Грибуля за собой, словно щепку, братья и сестры принялись насмехаться над ним и хохотать во все горло.

— Наш простофиля Грибуль ничуть не поумнел! — кричали они. — Он же любит все делать наоборот: смеется, когда ему больно, и поет, когда ему страшно! Вот и теперь: льет дождь, а он в ручье отсиживается. Ну и глупец! Боясь промокнуть, он бросился в воду.

Часть II

О ТОМ КАК ГРИБУЛЬ, БОЯСЬ СГОРЕТЬ, БРОСИЛСЯ В ОГОНЬ

Итак, Грибуль плыл и плыл, пока не почувствовал сильный голод и усталость. Он огляделся. Кругом, насколько хватало глаз, была вода. Он и не заметил, как его вынесло в открытое море. Голубая стрекоза исчезла. Но это было еще не самое страшное. С ужасом Грибуль обнаружил, что все его тело покрыто древесной корой. Он хотел ощупать себя, но не смог, так как вместо рук у него теперь были мокрые дубовые листья. Во рту он чувствовал сладковатый желудевый вкус.

Грибуль очень испугался. Он понял, что за время своего плавания превратился в дубовую ветку с большим желудем вместо головы и морские волны несут его неизвестно куда.

Вскоре, однако, Грибуль успокоился. Ведь в этом обличье ему грозило гораздо меньше опасностей, чем если бы он оставался мальчиком. Хищные рыбы обнюхивали его и брезгливо отворачивались. Морские птицы принимали его издали за рыбешку и камнем падали вниз, но, увидев плывущую ветку, улетали. Такое блюдо было им явно не по вкусу. Наконец появился огромный орел. Он осторожно взял Грибуля в клюв и взмыл в небо.

Грибулю стало жутко, когда он увидел, как высоко они поднялись. Через некоторое время, однако, он освоился в воздухе и чувствовал бы себя в полете вполне сносно, если бы знал, что собирается с ним сделать орел. Поразмыслив, Грибуль решил: есть его орел не станет. Ведь дубовые ветки несъедобны, если не считать желудя, который теперь заменял ему голову. Но орел не свинья и желудей не ест. Скорее всего орел подобрал его, чтобы заткнуть какую-нибудь щель в своем гнезде. А гнезда орлы чаще всего выют высоко на скалах. Они не могут жить в открытом море. Значит, близко должен быть берег.

Догадка Грибуля подтвердилась. Через некоторое время он действительно заметил впереди каменистый остров, совсем небольшой и, судя по всему, необитаемый. За грядой прибрежных скал он не увидел ни людей, ни построек: посреди острова расстилалась безлюдная зеленая долина. Повсюду тянулись к солнцу прекрасные цветы и наполняли воздух благоуханием.

Орел бросил Грибуля в гнездо и улетел. Оставшись один, Грибуль попробовал выбраться на волю, но не тут-то было. Выяснилось, что он не только не в состоянии передвигаться без посторонней помощи, но даже не может пошевелить ни одним из своих листьев.

«Когда я был в море, — сказал себе Грибуль, — меня несли волны. А что со мной будет теперь? Листья через несколько дней засохнут и увянут, и останется от меня только прутик в орлином гнезде!»

Грибуль чуть не заплакал, но потом вспомнил, что его взяли под защиту добрые духи. Они спасли его от ядовитых укусов шмеля и превратили в дубовую ветку, чтобы уберечь от прожорливых рыб и птиц. Не затем же голубая стрекоза заставила его столько проплыть, чтобы дать ему засохнуть в орлином

гнезде. Он подумал о том, как хорошо было бы снова увидеть сейчас голубую стрекозу, но не мог ни позвать ее, ни отправиться на поиски.

Но вот подул ветерок, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. Порыв ветра выхватил Грибуля из гнезда, закружил, завертел и понес куда-то. Через несколько минут ветер плавно опустил его на землю посреди зеленой долины.

Едва Грибуль приземлился, как вокруг него заволновались цветы и травы. Их было тут великое множество: и летние, и весенние, и осенние, и полевые, и садовые, — и все они росли вперемежку на этом чудесном острове. Красивый белый нарцисс, возле которого упал Грибуль, заговорил с ним человеческим голосом:

— Здравствуй, Грибуль! Все мы очень рады видеть тебя на нашем острове. Ведь мы уже давно тебя поджидаем.

Грибуль хотел было ответить нарциссу, но вспомнил: языка-то у него нет, говорить он не может. Грибуль растерялся. Что теперь подумают о нем хозяева острова? Но, по-видимому, за невежу его никто не принял. Все цветы приветливо кивали ему, а ромашка наклонилась на своем стебельке и сказала:

— То-то мы повеселимся теперь! Я думаю, что в честь Грибуля надо устроить бал!

— Терпение! — возразил нарцисс. — Какой может быть бал, когда царица еще не вернула Грибулю человеческий облик?

— Верно, верно, — согласились все вокруг. — Пусть Грибуль пока немного отдохнет с дороги. Надо только позаботиться, чтобы ветер опять не унес его куда-нибудь.

И сейчас же ландыши, колокольчики, фиалки опутали Грибуля своими стеблями, да так крепко, что ни один самый жестокий ветер не смог бы теперь его унести. Грибуль незаметно уснул и спал очень долго, пока его не разбудили громкие голоса.

Открыв глаза, он увидел, что цветы раскачиваются из стороны в сторону и шумно приветствуют кого-то. Грибуль огляделся и заметил прелестный ароматный цветок — таволгу, иначе называемую царицей лугов. Все приветствия были явно обращены к ней, и она принимала их, как подобает царице. Затем она повернулась к Грибулю.

— Мой дорогой друг, — сказала она, — встань и подойди ко мне!

Каково же было изумление Грибуля, когда он узнал голос своей спасительницы, голубой стрекозы, избавившей его от смертельных укусов коварного шмеля! Он тотчас почувствовал, как вместо дубовых листьев у него появляются руки и ноги и он снова может говорить. Грибуль медленно поднялся и, шатаясь, словно разучился ходить, приблизился к цветку таволги. Но цветок начал вдруг расти и на глазах превратился в юную фею, прелестную, как день, и свежую, как месяц май. Голову феи украшал венок из трав и цветов. Венок этот, сплетаясь с ее белокурыми волосами, казался намного прекраснее, чем любая королевская корона.

— Царица, — воскликнул Грибуль, — я узнал тебя по голосу! Это ты прилетела ко мне в образе голубой стрекозы и спасла мне жизнь. Спасибо тебе!

— Ты добрый мальчик, Грибуль, — промолвила фея. — А тому, кто добр, и помочь приятно. А теперь, — обратилась она к остальным, — пусть Грибуль увидит, какие вы есть на самом деле!

И сейчас же травы, цветы и кустарники превратились в очаровательных девушек, стройных юношей и благородных старцев.

— Сегодня у нас праздник, — сказала царица Грибулю. — Он продлится один день и одну ночь. В честь твоего прибытия на остров все будут петь и веселиться до восхода солнца. Иди же, Грибуль, веселись вместе со всеми, но помни, что ты должен воспользоваться отпущенным тебе временем, чтобы обучиться науке волшебства.

— Благодарю тебя, царица! — ответил Грибуль. — Но кто же будет моим учителем?

— Все, — ответила царица. — Каждый из моих подданных знает то, что известно мне. А теперь иди к ним. Они полюбили тебя, не надо их огорчать.

Грибуль не стал задумываться над тем, почему все эти существа полюбили его, несчастного чужеземца, прибывшего к ним из страны злых и жестоких людей.

Он впервые почувствовал, как хорошо находиться среди друзей, и сейчас же забыл обо всех своих злоключениях.

Праздник был замечательный. Светило солнце, и обитатели острова водили хороводы под открытым небом. В середине дня над островом прогремела гроза. Но даже она не могла испор-

тить веселья. Все забрались в гроты, чтобы посмотреть оттуда на яростное море и послушать удивительные и грозные песни ветра.

Ночью, при свете тысяч светлячков, веселье продолжалось. Грибуль даже не заметил, как забрезжил рассвет. И когда царица, взяв его за руку, сказала, что празднество близится к концу, он был очень удивлен. Царица повела его на высокий холм, и оттуда они оба смотрели, как в первых лучах солнца танцует и веселится этот беззаботный и добрый народ. Впервые за все это время Грибулю стало грустно, и он воскликнул:

— Дорогая царица, неужели я должен покинуть моих новых друзей, снова стать веткой дуба и уплыть в страну, где царствуют шмели? Неужели я должен расстаться с тобой навсегда?

— Не бойся... Я не оставлю тебя, — сказала в ответ царица, — и, если ты пожелаешь, ты можешь навсегда поселиться на острове. Но прежде чем ты скажешь «да», выслушай, что я хочу тебе рассказать. Время на нашем острове летит очень быстро. Пока мы здесь веселились, пели и танцевали, там, у людей, сменялись времена года, умирали старики и рождались дети. Твои ровесники давным-давно стали взрослыми, а молодые побеги возле дома твоего отца превратились в могучие деревья. Много лет минуло с тех пор, как ты покинул свою страну. Теперь никто не называет ее иначе, как королевство шмелей: ведь господин Шмель, твой бывший покровитель, стал там королем.

Долго говорила царица лугов.

За всю жизнь ни одну сказку Грибуль не слушал так внимательно.

Оказывается, король шмелей, или господин Шмель, как он себя называл, был могущественным и злым волшебником. Он жил на земле уже много сотен лет. Когда-то давно он правил одним несчастным королевством и до такой степени измучил и разорил своих подданных, что повелительница фей и волшебников задумала наказать его. Она превратила его на четыреста лет в обыкновенного шмеля. Когда родился Грибуль, шел триста восемьдесят восьмой год его наказания, и злополучный шмель надеялся вскоре вновь обрести свой обычный облик.

Однако все произошло не совсем так, как он предполагал. В тот самый час, когда Грибуль появился на свет, царица лугов пролетала возле дома его отца в образе голубой стрекозы. Она

вынуждена принимать это обличье всякий раз, когда опасается встречи со своими недругами. Увидев новорожденного мальчика, фея решила взять его под свое покровительство и одарить добротой. Пролетая над колыбелью, она коснулась ребенка крылом, произнесла волшебные слова и улетела.

Спустя некоторое время она явилась во дворец повелительницы фей. Представ перед ее троном, она попросила разрешения сделать Грибуля счастливым. Та согласилась. Но тут неожиданно прилетел король шмелей и, узнав обо всем, страшно разгневался. Он заявил, что срок его наказания скоро истекает и эта страна обещана ему. Только он может владеть ею и ее обитателями, и никто, кроме него самого, не смеет распоряжаться судьбой его будущих подданных.

Услышав злобные речи короля шмелей, повелительница фей решила защитить маленького Грибуля. «Никто не властен отменить волшебные слова и отнять у ребенка дар, которым фея наделила его в колыбели, — промолвила она. — И потому Грибуль останется навсегда кротким и добрым. А король шмелей до тех пор не освободится от чар, пока сам Грибуль не придет ему на помощь. За это король шмелей должен сделать Грибуля счастливым. Но если Грибуль будет несчастлив и пожелает покинуть его, я дам позволение покровительнице Грибуля, царице лугов, взять мальчика под свою защиту. И когда Грибуль вернется, чтобы отплатить королю шмелей за его неблагодарность, начнется война не на жизнь, а на смерть, и даже я сама не знаю, кто выйдет из нее победителем».

— Так вот почему господин Шмель не хотел отпускать меня! — воскликнул Грибуль, выслушав рассказ феи. — Но скажи, царица, как же я помог королю шмелей?

— Ты произнес заветные слова: «Лети и радуйся!» Вспомни, это было в лесу, под старым дубом. Большущий шмель ужалил тебя, а ты не убил его, а отпустил.

— Очень хорошо помню, — ответил Грибуль.

— Вот тогда-то, сам того не подозревая, ты и освободил его. И вскоре он предстал перед тобой уже в обличье человека.

— Да, да! Весь в черном, с черными глазищами. Я еще думал, что это мне приснилось. Тогда же он и предложил стать моим покровителем.

— Да, — ответила фея. — И когда он добился от тебя согласия поселиться в его замке, он успокоился, решив, что

отныне ты навсегда в его власти. Это и неудивительно, ведь король шмелей искренне верил, что богатство всесильно и что ни один человек, и ты в том числе, не может устоять против блеска золота. С помощью золота он добился того, что королевство с виду начало процветать. Однако ты знаешь: люди не стали от этого счастливее. Они грабят, разоряют, ненавидят друг друга. Король шмелей заставил жителей твоей страны забыть ту науку, которую знаешь теперь только ты один.

— Но что это за наука, царица? Я привык к тому, что с рождения меня все считают дурачком. У короля шмелей я учился три года, но так и не изучил науку волшебства. А здесь я только и делал, что развлекался, и никаким волшебником стать не успел. Прости меня, теперь ты видишь, что я действительно самый настоящий простофиля!

— Грибуль, — возразила фея, — ты напрасно просишь прощения. Спроси свое сердце, разве оно не владеет самым чудесным секретом, который дарован людям?

Грибуль задумался.

— Единственное, чему я здесь научился, — промолвил он наконец, — это любить от всего сердца своих друзей. И еще я узнал, как хорошо, когда любят тебя. Вот и все.

— Есть ли на свете что-нибудь более прекрасное? — воскликнула фея. — Ты знаешь то, о чем давным-давно позабыли люди твоей страны. Поэтому ты волшебник, Грибуль, ты более мудр, чем все ученые королевства шмелей.

— Так, значит, — спросил Грибуль, — я владею наукой, которая может избавить жителей моей страны от несчастий?

— Разумеется, — ответила царица лугов, — но стоит ли тебе возвращаться туда? Оставайся здесь, на Острове Цветов, и предоставь людям самим избавляться от своих бед.

Услышав слова феи, Грибуль подумал:

«Если я соглашусь, царица лугов перестанет уважать меня. Да я и сам не смогу себя уважать».

— Нет, — сказал он, — я рад бы остаться здесь навсегда, но я не могу. Раз я владею самой прекрасной тайной на свете, я должен поделиться ею с другими людьми.

Царица обняла Грибуля и, тяжело вздохнув, сказала:

— Что ж, иди, Грибуль! Но ты должен знать, что у тебя там не осталось никого из близких. Родители твои умерли, братья и сестры разбрелись по белу свету. Из всех жителей королевства

только король не забыл тебя и со страхом ждет твоего возвращения. Он ведь отлично помнит слова повелительницы фей. Ты покинул его, и я взяла тебя под свою защиту. Теперь ты решил вернуться, чтобы избавить страну от его владычества. Но знай: я не могу дать тебе ни волшебной палочки, ни шапки-невидимки. Потому что в Книге фей записано: если человек пожелает вступить в борьбу со злыми духами, он должен, не задумываясь, пожертвовать своей жизнью. Я могу лишь помочь тебе сделать людей добрее. Нарви на острове столько цветов, сколько сможешь унести. Вдохнув их аромат, даже самый жестокий человек станет добрее и разумнее. Остальное ты сделаешь ты сам. Только помни: над королем шмелей и его семейством эти цветы не имеют власти.

Грибуль спустился в долину и нарвал большой букет цветов. Праздник кончился. Все обитатели острова исчезли. Но каждый раз, когда Грибуль наклонялся над цветком, ему слышался тоненький голосок, который говорил:

— Бери, бери, Грибуль, бери мои листья и цветы. Пусть они принесут тебе удачу. И возвращайся скорее!

У берега его ждала царица лугов. Она держала в руках розу, и, когда Грибуль приблизился, она оторвала от розы лепесток и бросила в воду.

— Вот твоя лодка, — промолвила фея. — Желаю тебе счастливого плавания!

Грибуль прыгнул на лепесток, который оказался достаточно широким и прочным, чтобы выдержать его вес. Он в последний раз помахал царице рукой, и меньше чем за два часа ветер домчал его до родных берегов.

Толпа моряков высыпала на пристань, чтобы поглазеть на странного мальчика, который путешествует по морю без весел и парусов. Казалось, он сошел с картинки из какой-нибудь книжки по истории. Его одежда и прическа были такими, какие носили в этой стране много-много лет назад, хотя самому Грибулю по-прежнему было пятнадцать.

Однако внимание зевак привлек не столько сам Грибуль, сколько его лодка. Разинув рты, они уставились на розовый лепесток, который по устойчивости и надежности мог бы поспорить с океанским кораблем.

— Вот так чудо! — кричали они. — Это, наверно, какое-нибудь новое изобретение!

Моряки наперебой предлагали Грибулю деньги, надеясь дешево купить у него заморскую диковинку. Они толкались, ссорились, угрожали друг другу. Каждый хотел, чтобы лепесток достался именно ему.

— Я свою лодку не продаю, — сказал им Грибуль. — Но если она вам так нравится, то я готов вам ее подарить.

Едва он это вымолвил, как моряки набросились на лепесток, отпихивая друг друга руками и ногами. А тех, кто был послабее, даже сталкивали в море. Однако лепесток, как и все цветы с острова, обладал волшебной силой. Тот, кто прикасался к нему и вдыхал его запах, сейчас же переставал кричать и успокаивался. Постепенно один за другим моряки утихли и, немного поразмыслив, решили, что будут владеть чудесной лодкой все вместе, сообща. Они поблагодарили Грибуля за щедрый подарок и пригласили его отобедать с ними и рассказать о тех краях, откуда он прибыл. Грибуль согласился и отправился с моряками в ближайшую таверну.

По дороге за Грибулем увязались любопытные. Они указывали пальцем на одежду Грибуля, хихикали, улюлюкали. Кто-то даже кричал, что мальчишку надо посадить в клетку и за деньги показывать на ярмарке вместе с его лодкой. Таверну, куда моряки привели Грибуля, окружили со всех сторон. Положение становилось опасным, и новые друзья Грибуля уговаривали его бежать через черный ход и хорошенько спрятаться.

— Ты не знаешь этих людей, — говорили они. — Они просто растерзают тебя, если ты не скроешься.

— Лучше я выйду к ним сам и попробую их утихомирить, — сказал Грибуль.

— Боже мой! — воскликнула старая служанка, подавая Грибулю обед. — Да ты, я вижу, вроде нашего Грибуля. Когда-то, испугавшись дождя, он бросился в реку. Говорят, он был не старше тебя и вот пропал ни за грош! Наш король объявил тогда траур, ведь это был его единственный наследник! Не знаю, как тебя зовут, мальчик, но мне так и хочется назвать тебя Грибулем, очень уж ты на него похож.

Грибуль улыбнулся. Он ничего не ответил, встал из-за стола и настежь распахнул дверь.

Грибуль вышел прямо в гущу толпы, держа перед собой чудесный букет. Не давая людям опомниться, он протягивал

букет цветов каждому, кто хотел наброситься на него. Вдохнув аромат волшебных цветов, крикуны успокаивались и начинали защищать Грибуля. Вскоре никто уже и не помышлял о том, чтобы посадить его в клетку. Все с интересом разглядывали мальчика и дружелюбно спрашивали, кто он, откуда и почему путешествует в розовом лепестке.

В таверне, на удивление старой служанке, был устроен настоящий пир в честь Грибуля. Его усадили во главе стола, и он начал рассказывать. Он поведал, что приплыл с чудесного острова, куда может отправиться всякий, у кого доброе сердце и веселый нрав. Он рассказывал, как счастливы обитатели этого острова, какая там царит свобода и как хорошо жить среди друзей, не ссориться и ничего не жалеть друг для друга.

Поначалу его слушали со смехом и называли фантазером, потому что подданные короля шмелей были очень недоверчивы: им все время казалось, что их хотят обмануть. Особенно неправдоподобным показалось им, что на острове нет ни бедных, ни богатых и никто никого не обижает. Они кричали: «Это выдумки! Такого не бывает!», но постепенно затихли и стали слушать внимательно. Им нравилось, что Грибуль говорит с ними просто и по-дружески — ведь они давно отвыкли от этого, — нравились его песни и сказки, которым он научился на острове.

Слух о Грибуле очень быстро разнесся по всей стране. Его приглашали в гости и богачи, и бедняки. Грибуля называли великим поэтом и сказочником или выдающимся ученым, сведущим в науке колдовства. Люди слушали его, затаив дыхание, и чувствовали, как с каждым словом этого мальчика в них просыпаются давно забытые чувства: доброта, жалость, любовь друг к другу.

Никто не подозревал, что это и есть тот самый Грибуль, который некогда был воспитанником их короля, а потом, как они считали, утонул в реке, спасаясь от дождя. Однако с легкой руки старой служанки все, не сговариваясь, стали называть его Грибулем. Грибуль только посмеивался. Он не мог им сказать, что вовсе не дождь заставил его тогда прыгнуть в воду.

До поры до времени он не хотел навлекать на себя гнев короля.

Король тоже прослышал о Грибуле и о его чудесах.

Грибуль к тому времени успел обойти десяток городов, и многие жители королевства уже поговаривали о том, что счастье не в богатстве, а в доброте. Некоторые богачи даже раздавали свои сокровища бедным.

Все это чрезвычайно беспокоило короля шмелей. Он-то давно догадался, что этот мальчик и есть прежний Грибуль. С тех пор как Грибуль ускользнул от него, король не знал ни минуты покоя. Поэтому он решил заманить мальчика во дворец и любой ценой удержать при себе, даже если для этого потребуются заточить его в башню.

Король послал к Грибулю своих самых знатных придворных, чтобы пригласить его ко двору. Грибуль приглашение принял и отправился в столицу. Она называлась теперь Шмель-город. Новые друзья Грибуля уговаривали его быть осторожным, советовали не ездить туда. Они подозревали, что за приглашением короля кроется какая-то хитрость. Но Грибуль ничего не боялся. Он отвечал друзьям: в столице тоже живут несчастные люди, и им необходимо помочь.

Король принял Грибуля с почетом и сделал вид, будто не узнает его.

— Здравствуй, чужеземец, — приветствовал король Грибуля. — Говорят, ты великий сказочник. Не согласишься ли ты погостить в моем дворце? Мне было бы интересно услышать твои песни и сказки.

— Благодарю вас, ваше величество, — ответил Грибуль. — Я с удовольствием погощу в вашей столице. Однако надолго остаться здесь не смогу. Меня ждут в других городах.

«Так я тебя и отпустил!» — подумал король шмелей, но не сказал ничего и велел слугам проводить гостя в его покои.

Так снова зажил Грибуль в замке короля шмелей. Целые дни он проводил в городе, бродил по улицам и рассказывал людям о чудесном острове. Желающих послушать находилось немало.

Жители столицы толпами ходили за Грибулем, отказывались выполнять королевские приказы и перестали бояться стражников.

Однажды до короля дошли слухи, что кое-кто мечтает свергнуть его и посадить на трон Грибуля. Король пришел в ярость.

Но силой Грибуля ему было не одолеть, и король пустился на хитрость.

Как-то вечером он вызвал Грибуля в свой кабинет и сказал ласковым голосом:

— Мой милый Грибуль, говорят, у тебя есть волшебные цветы, они будто бы никогда не вянут и к тому же обладают особым запахом: стоит человеку вдохнуть его и он становится добрее. Я слышал еще, что эти цветы излечивают многие болезни. У меня сегодня ужасно разболелась голова. Не дашь ли ты понюхать твой букет? Может быть, мне станет легче?

Грибуль забыл, что цветы не имеют власти над королем шмелей, хотя фея и предупреждала его об этом. Он достал драгоценный букет и протянул его королю. Король выхватил у него цветы и в ту же секунду вонзил свое жало в самую прекрасную розу. Раздался пронзительный крик. Грибуль рванул букет из рук короля, но от волнения уронил его на пол.

А король только того и ждал! Он вскочил и, злобно хохоча, принялся топтать букет ногами. Цветы сразу завяли и потеряли свой аромат.

— Вот так-то, господин добряк! — закричал король. — Мне давно известно, что ты своими песнями и небылицами баламутишь народ, чтобы занять мой трон. Теперь мы увидим, кто из нас сильнее! Довольно я терпел твои козни!

— Вы прекрасно знаете, ваше величество, — ответил опечаленный Грибуль, — что мне вовсе ни к чему королевская корона. Я только хотел научить людей доброте, а доброта никак не может угрожать вашему царствованию. И если бы вы первый подали людям пример, они полюбили бы вас и никогда не пожелали бы иметь другого короля.

— Ладно, ладно! Не тебе меня учить! Будешь теперь рассказывать свои сказки паукам да крысам. Я отправлю тебя в такое место, где твой язык будет под надежной охраной!

С этими словами король кликнул стражников. У Грибуля больше не было волшебного букета, и стражники связали его.

Они бросили Грибуля в подземелье, где днем и ночью стояла кромешная тьма.

Когда глаза Грибуля привыкли к темноте, он заметил, что вокруг него кишмя кишат крысы, жабы, летучие мыши и прочие мерзкие твари. Грибулю сделалось страшно, но виду он не подал и принялся тихо напевать грустную песенку.

Крысы и жабы обступили его и стали слушать. Вдруг одна крыса отбежала в сторонку, юркнула в какую-то щель и исчезла.

Скоро она возвратилась и положила перед Грибулем кусочек сыра и немного хлеба. Грибуль поблагодарил крысу, и с тех пор они стали друзьями. Крысы и летучие мыши кормили мальчика, чем могли, а он целый день пел им свои песни.

Тем временем слух об исчезновении Грибуля разнесся по всему королевству. Король объявил, что Грибуль отправлен послом в соседнее государство. Но вскоре крысы и летучие мыши, новые друзья Грибуля, разнесли повсюду весть, что Грибуль в тюрьме. Люди злые — а их немало оставалось в этой стране — говорили: король поступил правильно, давно следовало бы заточить в подземелье не только самого Грибуля, но и всех тех, кто по его наущению не хочет подчиняться королю.

Королевская гвардия безжалостно расправлялась со сторонниками Грибуля. Всюду теперь стояли виселицы и горели костры.

Из своей темницы Грибуль слышал стоны обреченных, звон оружия и воинственные кличи. А тюремщики говорили ему:

— Это твоя работа, Грибуль! Ты утверждал, что учишь людей, как быть счастливыми. Полюбуйся же теперь на их «счастье»!

День-деньской шагал Грибуль из угла в угол по своей темнице, не зная, что предпринять. О бегстве нечего было и думать.

По приказу короля стражники охраняли подземелье день и ночь. И вот однажды вечером, когда он лежал без сна, ему пришла в голову мысль позвать на помощь свою покровительницу: однажды она уже выручила его из беды.

— Помоги мне, царица лугов! — воскликнул Грибуль. — Приди на помощь этой стране. Если я по ошибке сделал зло, исправь его, ты ведь волшебница, ты все можешь!

Не успел он это произнести, как в лунном луче, пробивавшемся сквозь узенькую щель между камнями, что-то зашевелилось. Вглядевшись внимательнее, Грибуль увидел голубую стрекозу и радостно бросился ей навстречу.

— Грибуль, — грустно проговорила она, — напрасно ты думаешь, что волшебники все могут. Не в моей власти помочь твоей несчастной стране. Это можешь сделать только ты, ты один, но

условие, которое ты должен выполнить, такое страшное, что я даже не в силах выговорить его.

— Говори, царица, — воскликнул Грибуль, — я готов на все!

— Даже на смерть? — спросила фея.

— Даже на смерть, — твердо произнес он.

— Ну, если так, то завтра же я объявлю войну королю шмелей. Но знай: когда мое войско подойдет к столице, ты погибнешь одним из первых. Ты не увидишь перед смертью даже нашей победы. Чувствуешь ли ты в себе достаточно мужества для этого?

— Да, царица, — ответил Грибуль.

Стрекоза взмахнула крылышками и улетела.

Всю ночь до рассвета Грибуль пел песни. Как вы, наверно, помните, он всегда пел, когда ему было страшно.

Все крысы, жабы и летучие мыши собрались вокруг Грибуля.

— Друзья мои, — сказал им Грибуль, — я не умею говорить на вашем языке, но чувствую, что вы понимаете мои слова. Прошу вас, когда мое место в этой тюрьме займет другой узник, будьте к нему так же добры, как и ко мне.

— Милый Грибуль, — ответила ему человеческим голосом самая старая и большая крыса, — ты должен узнать, что мы такие же люди, как и ты. Мы были последними, кто сохранил в этой стране любовь к справедливости. За это король шмелей заточил нас сюда и превратил в отвратительных животных. Мы слышали слова феи и узнали, что близок час нашего освобождения. Нам следовало бы радоваться, но радоваться мы не можем, потому что за нашу свободу ты должен заплатить своей жизнью...

Наступил рассвет, и небо над Шмель-городом застлала черная туча: это царица лугов во главе неисчислимой армии птиц приближалась к королевству шмелей.

Король обычно глядел только себе под ноги, поэтому не замечал опасности. Тем не менее он подозревал, что царица лугов не оставит Грибуля в беде. Поэтому он на всякий случай держал наготове хорошо обученное войско: сорок миллионов молодых, отлично вооруженных шмелей.

Один из придворных случайно поднял глаза к небу и увидел армию птиц.

Он немедленно доложил об этом королю. От злости король шмелей даже почернел.

— Нам угрожает опасность! — произнес он наконец. — Пусть мое войско немедленно построится для боя. Поглядим, как теперь запоют эти птички!

— Ваше величество, вы теряете голову, — возразил главнокомандующий шmeliного войска. — Сколько бы ни было у нас воинов, мы все равно не сможем победить царицу лугов. Ведь она позвала на помощь птиц, а они летают выше и лучше нас и к тому же прекрасно вооружены. Предположим, некоторые птицы пострадают от наших укусов, зато остальные станут пожирать нас сотнями. У нас есть только один путь к спасению. Надо вывести из темницы Грибуля, которому покровительствует царица лугов, и пригрозить ей, что он будет сожжен, если ее армия не отступит.

— Пожалуй, ты прав, — поразмыслив, ответил король.

Грибуля вывели из темницы.

На площади под охраной армии шмелей сложили огромный костер и отправили к царице лугов жука-парламентера.

Размахивая белым флагом, жук полетел в штаб птичьей армии. Глядя на жука, птицы широко разевали клювы, но тронуть парламента не никто из них не решился.

Поклонившись царице, жук изложил ей условия короля шмелей.

Царица лугов задрожала от гнева. Она понимала, что спасти Грибуля можно лишь одним способом: увести свою армию прочь из королевства шмелей. Но даже в этом случае еще не известно, как поступит с Грибулем ее недруг. Жук, склонив голову, ждал ответа.

— Передай своему королю, что мы отступаем, — проговорила наконец царица лугов.

В это время Грибуль внимательно глядел на небо и догадался, что происходит в птичьем стане. Он очень боялся огня. Но при мысли о том, что исход войны зависит от него одного, всякий страх у него пропал. Грибуль выхватил у палача факел, швырнул его в дрова, посыпанные серой и фосфором, и сам бросился в огонь. В одну секунду пламя поглотило его.

Придворные короля шмелей оторопели от неожиданности, а потом злобно расхохотались.

— Смотрите, смотрите, — кричали они, указывая на костер пальцами, — пусть все видят: этот борец за справедливость просто-напросто сумасшедший! Он поступил так же, как и его тезка. Тот, боясь промокнуть, бросился в воду, а этот, боясь сгореть, бросился в огонь!

Однако недолго пришлось им смеяться. Гибель Грибуля послужила сигналом к наступлению птичьего войска.

Начался воздушный бой не на жизнь, а на смерть.

Шмели жалили птиц своими жалами, словно стрелами, зато птицы пожирали шмелей с невероятной быстротой.

Бой завершился победой птичьего войска.

Шмели покинули страну. Царица лугов, приняв облик прекрасной феи, спустилась на землю вместе со своими придворными.

— Люди, — сказала она, — враг побежден! Забудьте обиды и распри, обнимите друг друга и живите в мире!

С этими словами царица лугов улыбнулась, и мир в стране тотчас же был восстановлен.

Затем все поспешили к костру. От него осталась лишь грудa пепла. А на самом ее верху вырос и распустился голубой цветок с красивым названием «незабудка». Царица лугов сорвала этот цветок и бережно спрятала на груди. Потом, собрав пепел, она поднялась в воздух вместе со своими воинами и рассыпала этот пепел по всей земле. И всюду, куда он падал, сейчас же вырастали фруктовые деревья, рожь, пшеница и овощи.

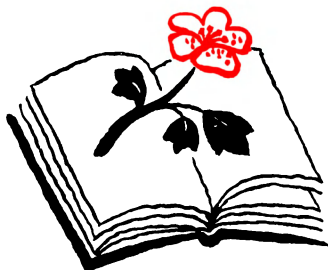
С той поры народ этой страны жил в счастье и довольстве. Каждый год в день, когда Грибуль бросился в огонь и спас королевство, все жители собирались на дворцовой площади с букетами незабудок и пели в память о Грибуле его песни.

В тот день люди должны были прощать друг другу все старые обиды и прекращать споры и тяжбы. Это нанесло серьезный ущерб судьям, адвокатам и разным крючкотворам, которых развелось великое множество во время правления короля шмелей. Но с голоду они не умерли, так как вскоре занялись

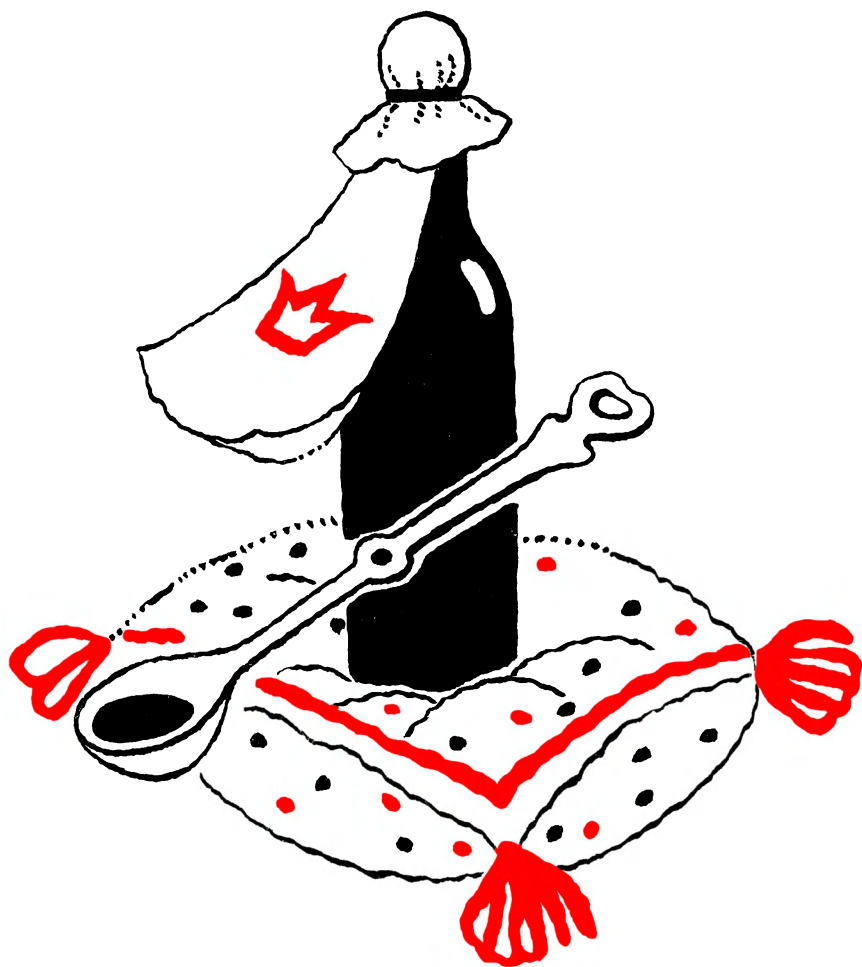

другими ремеслами по своему вкусу. Наступило такое время, когда судить стало некого и не за что и все были всегда и во всем согласны друг с другом.

А что же Грибуль? Не печальтесь! Как вы уже, наверно, догадались, он не сгорел, а превратился в незабудку, которую фея унесла с собой на Остров Цветов. Там Грибуль снова встретил своих веселых друзей и до самого окончания жизни фей — а сколько живут феи, никто не знает — жил то в образе цветка, то в образе мальчика, не разлучаясь больше со своей покровительницей, прекрасной царицей лугов.

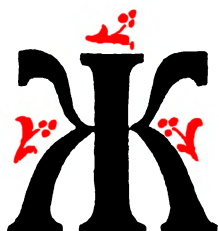
Семь принцев

Карел ЭРБЕН

ТРИ ЗОЛОТЫХ ВОЛОСКА

ил-был на свете король. Всю жизнь он был такой же, как все короли, — ничуть не умнее, — а на старости лет неожиданно-негаданно открылась ему великая премудрость: научился он понимать речь зверей, птиц, рыб и даже всей ползучей и летучей мелкой твари. Вот как это случилось. Приходит к нему однажды незнакомая старуха, приносит рыбу в лукошке и говорит:

— Прикажи-ка зажарить эту рыбку и съешь ее сегодня за обедом. Тогда ты будешь понимать все, что говорит любая тварь — ходит ли она по земле, летает ли по воздуху или плавает в море.

Королю это пришлось по нраву. Всякий не прочь научиться тому, что никто не умеет, — особенно если для этого только и надо, что поесть жареной рыбы.

Он щедро заплатил старухе, позвал своего любимого слугу Иржика и приказал ему приготовить рыбу к обеду.

— Только смотри, — сказал король, — не вздумай сам отведать рыбки. А не то не сносить тебе головы.

Иржик взял рыбу и понес ее на кухню.

«Ну и рыба! — подумал он, разглядывая ее по пути. — Больше похожа на змею, чем на рыбу. Нет уж, будь что будет, а я попробую, что за кушанье из нее выйдет. Не было еще на свете такого повара, который бы не отведал своей стряпни».

И, когда рыба была готова, он отщипнул маленький кусочек и проглотил его.

В ту же минуту он услышал чьи-то тоненькие голоса. Они так и звенели у него над ухом:

«Иржик, Иржик, отрежь, пожалуйста, и нам немножечко!»

Оглянулся он по сторонам. Никого в кухне нет. Только мухи вьются над жареной рыбой и жужжат:

«Иржик, Иржик, немножечко!..»

В это время со двора донесся скрипучий голос:

— Вы куда? Вы куда?

— К мельнику на ячменное поле, к мельнику на ячменное поле, — отвечали голоса потоньше.

Иржик выглянул в окно и увидел большого гусака и целое стадо гусынь.

«Так вот оно что! — подумал он. — Нечего сказать — славная рыба!»

Теперь-то он хорошо понимал, почему король запретил ему пробовать это кушанье.

И, проглотив на всякий случай еще кусочек, он как ни в чем не бывало отнес блюдо в королевские покои и поставил на стол.

После обеда король приказал оседлать коней и взял Иржика с собой на прогулку. Король ехал впереди, а Иржик, как полагается, позади. По пути пришлось им проезжать широкую зеленую луговину. Конь Иржика заплясал и заржал:

— Ого-го, братец!.. Как мне легко и весело нести моего седока. Через гору — и то бы, кажется, перескочил.

— И я бы перескочил, — отвечает конь короля, — да мой старикашка еле в седле держится. Поскачешь, а он, того и гляди, свалится и шею себе сломает.

— Ну и пусть сломает! — говорит конь Иржика. — Вместо старого будешь носить на себе молодого.

Услыхал этот разговор Иржик и не выдержал, засмеялся потихоньку.

А король, который тоже понял все от слова до слова, поглядел на него и спрашивает:

— Ты это чему смеешься?

— Так, милостивый король, — отвечает Иржик. — Вспомнилось кое-что...

Но король не поверил Иржику. Серdito хлестнул он своего коня и поехал назад во дворец. Приехал, сел к столу и говорит Иржику:

— Поддай мне кубок вина. Только смотри — до краев налей. А не долъешь — казню, и перельешь — казню.

Иржик взял кувшин с вином и стал наливать. В это время в открытое окно влетела птичка. Она держала в лапках три золотых волоска, а за ней гналась другая и щебетала во весь голос:

— Отдай, отдай, отдай! Они мои, а не твои!

— Нет, не твои, а мои! Я их сама подняла.

— Зато я первая заметила, как они упали на пол, когда королевна Златовласа расчесывала кудри. Дай мне хоть два!

— Не дам ни одного!

Тут вторая птичка налетела на первую и стала вырывать у нее добычу. А первая — давай отбиваться. Кончилось тем, что обеим птичкам досталось по одному волоску, а третий волосок упал и, ударившись об пол, зазвенел, как чистое золото.

Иржик оглянулся и перелил вино.

— Теперь тебе конец! — крикнул король. — Завтра же на рассвете тебя повесят.

— Ах, милостивый король! — воскликнул Иржик. — Разве я не служил вам всегда верой и правдой!..

Король задумался.

— Ты хочешь быть умнее своего господина, Иржик, — сказал он, — а это великая дерзость, за которую и повесить мало. Да уж ладно, ступай разыщи королевну Златовласу и приведи ее ко мне во дворец. Она станет моей женой и королевой, а тебя я, так и быть, помилую.

Иржик и руками развел.

— Привести во дворец королевну Златовласу? Да где она живет? Я про такую и не слыхал...

Король нахмурил брови:

— Не пытайся обмануть меня во второй раз, Иржик! Я по твоим глазам вижу, что ты не хуже меня понял, о чем говорили птички.

Что было делать Иржику? Он оседлал коня, взял на дорогу мешок с едой и кошелек с деньгами и поехал куда глаза глядят.

Вот подъезжает он к темному лесу. Глядь — на опушке

кустарник горит, — должно быть, пастухи ненароком подожгли. А под одним кустом — большой муравейник. Горит куст, искры с него так и сыплются дождем, а муравьи внизу суетятся, бегают, спасают свои личинки и добро.

— Ох, Иржик, помоги нам, сделай милость, — кричат муравьи, — не то и нам и детям нашим помирать лютой смертью.

Иржик, недолго думая, соскочил с коня, срубил куст и затоптал огонь ногами.

— Спасибо тебе, Иржик, — говорят муравьи, — навек мы у тебя в догу. Если понадобится тебе наша помощь, ты только вспомни о нас, а уж мы не замешкаемся.

Засмеялся Иржик.

— Ладно, — говорит. — Если не управлюсь без муравьиной подмоги, позову. — И поехал дальше.

Едет, едет лесом и подъезжает к высокой ели. Смотрит: на вершине воронье гнездо, а внизу меж корней два вороненка пищат.

— Помоги, Иржик! Улетели наши родители за добычей да вот уже целых два дня не возвращаются. А мы еще малы и глупы, летать и то не научились. Помирать нам голодной смертью, если ты нас не накормишь.

Иржик не стал раздумывать, отвязал от седла мешок с едой и бросил его воронятам.

— Спасибо тебе, Иржик, — весело закаркали воронята. — Если трудно тебе придется, ты только вспомни о нас.

— Как не вспомнить! — ответил Иржик, смеясь, и поехал дальше.

Вот миновал он лес и выехал на берег широкого моря. А на берегу два рыбака спорят: попалась им в сеть золотая рыбка, и никак они не могут поделить ее.

— Моя сеть, стало быть, и улов мой! — кричит один.

— Да лодка-то моя, — отвечает другой. Чья лодка — того и добыча.

— Давай так сговоримся, — предлагает первый рыбак, — пускай эта рыбка моя будет, а поймаем другую такую — та уж будет твоя.

— Ишь ты, какой хитрый! — отвечает второй рыбак. — Сам подожди, покуда мы другую такую поймаем, а эту я лучше себе возьму.

— Я вас помирю, братцы, — говорит Иржик. — Продайте-ка мне вашу рыбку, а деньги поделите поровну. Я хорошо заплачу.

И он отдал рыбакам все деньги, что были у него в кошельке.

Рыбаки очень обрадовались. А Иржик взял рыбку, полюбовался на нее и пустил обратно в море.

Рыбка весело плеснула хвостом и сказала Иржику на своем рыбьем языке:

— Спасибо тебе, Иржик! Если тебе понадобится когда-нибудь моя помощь, только вспомни обо мне. А уж я отплачу тебе услугой за услугу.

И она исчезла в волнах. А Иржик стоит на берегу и не знает, в какую сторону ехать дальше — направо или налево.

— Ты куда путь держишь? — спрашивают у него рыбаки.

— Да вот еду за невестой для нашего старого короля, — говорит Иржик. — Приказал он мне высватать ему королевну Златовласу, а я даже не знаю, где она живет.

— Зато мы знаем, — говорят рыбаки. — Живет она на дальнем острове, в хрустальном дворце. Это любимая дочка тамошнего короля. Каждый день на рассвете она расчесывает свои косы, а от этого словно золотое зарево разливается по небу и по морю. Если хочешь, мы отвезем тебя туда за то, что ты нас так славно помирил. Только смотри, как бы тебя во дворце не обманули. Дочерей у короля двенадцать, все красавицы, у кого косы — как вороново крыло, у кого — как чесаный лен, у кого — как спелый орех, но золотоволосая только одна!

Сел Иржик в лодку, и отвезли его рыбаки на дальний остров.

Вот высадился он на берег и пошел прямо в хрустальный дворец. Приходит, кланяется и просит короля отдать Златовласу за его господина.

— Не знаю, стоит ли твой господин такой невесты, как моя дочка, — отвечает король. — Ну, да ведь недаром говорят: каков сват, таков и жених. Поживи у меня три дня, и каждый день я буду задавать тебе по одной задаче. Решишь — отдам дочку за твоего короля, не решишь — твоя беда, уж не прогневайся!

На другой день утром король позвал к себе Иржика и говорит:

— Ну, сват, вот тебе первая задача. Было у моей дочери, королевны Златовласы, дорогое ожерелье из жемчужных зерен.

Да вот беда — оборвалась нитка, и рассыпались жемчужины по зеленой лужайке. Рассыпались и затерялись в траве. Ступай-ка ты да собери все жемчужины, чтоб ни одна не пропала.

Пошел Иржик на лужайку, а лужайка широкая, просторная — конца ей не видать, и трава высокая, густая — по пояс. Попробуй-ка разыскать тут жемчужные зернышки!

Шарил, шарил Иржик в траве — до самого заката, — ни одной жемчужины не нашел.

Сел он на кочку и пригорюнился.

«Тут, — думает, — не человеком, а муравьем надо быть, чтобы в такой густой траве жемчуга искать».

Глядь, а у ног его целые полчища муравьев суетятся.

— Мы тут, Иржик, мы тут! — кричат они на своем муравьином языке. — погоди, сейчас мы тебе поможем.

И не успел Иржик оглянуться, как муравьи притащили к его ногам целую горсть жемчужин.

Иржику только и осталось дела, что нанизать зерна на нитку. Кончил он свою работу и уж хотел было концы нитки узлом связать, — вдруг слышит тоненький голосок:

— Постой, Иржик, не завязывай! Несу тебе еще одну жемчужину.

Посмотрел Иржик кругом — видит: ковыляет к нему старый хромоу муравей (ногу у него на пожаре огнем опалило) и несет жемчужное зернышко.

Наклонился к нему Иржик, взял последнюю жемчужину, самую маленькую, надел на нитку и крепко связал концы узлом.

Потом поблагодарил муравьев за их услугу и понес ожерелье королю.

Король пересчитал жемчужины: все до одной целы. Похвалил он Иржика и отпустил на покой.

— Отдохни, — говорит. — А завтра я тебе новую задачу дам.

Наутро приходит Иржик к королю. А король его уже поджидает.

— Ну, вот тебе, сват, и другая задача, — говорит. — Купалась моя дочка в море и обронила драгоценный перстень. Найди-ка его да принеси.

Пошел Иржик к морю. Ходит по берегу, а что делать — не знает. Трудно разыскать жемчужное зерно в густой траве, еще трудней найти перстень в глубоком море.

«Рыбкой надо быть, а не человеком, чтобы такую задачу решить», — думает Иржик.

Глядь, а рыбка тут как тут, да не простая, а золотая. Высунула она голову из воды и говорит:

— погоди, Иржик, я тебе этот перстень раздобуду.

И ушла в глубину.

Часу не прошло, возвращается рыбка и выносит перстень.

— Услуга за услугу, — говорит. — Нашла я его на плавнике у одной старой щуки.

Поблагодарил Иржик рыбку и понес перстень королю.

Опять похвалил его король, а назавтра задает Иржику новую задачу.

— Коли хочешь, — говорит, — чтобы я отпустил с тобой мою дочку, раздобудь мне живой и мертвой воды.

Идет Иржик, сам не знает куда. Забрел в дремучий лес, сел на пенек и голову опустил.

«Да где же, — думает, — найдешь живую и мертвую воду? Люди говорят — только вещий ворон знает, где эти ключи из-под земли бьют».

Едва он это подумал, вдруг слышит над головой: «Карр! Карр!»

Летят к нему его старые друзья, воронята.

Рассказал он им про свою беду, а они отвечают:

— Не горюй, Иржик, мы тебя выручим.

Улетели они, а к вечеру воротились с двумя пузырьками: в одном живая вода, а в другом — мертвая.

Поблагодарил их Иржик и понес оба пузырька во дворец.

Смотрит: на опушке леса, между двумя кустами, паук раскинул свою сеть. А сам сидит посередине — большой, мохнатый — и сосет из мухи кровь. Уж от мухи почти ничего и не осталось — одна пустая оболочка, а он все не оставляет ее.

Взял Иржик пузырек с мертвой водой, брызнул на паука — и тот сейчас же замертво свалился на землю. Брызнул на муху живой водой из другого пузырька — и муха забила в паутине, вырвалась из сетей и зажуужала:

— Счастье твое, Иржжжик, что ты ожжживил меня! Ужжж я тебе пригожжжусь!..

И она улетела. А Иржик пошел дальше.

Приходит он во дворец, отдает пузырьки, а король говорит ему:

— Ну что ж, все три задачи ты решил. Пойдем теперь за невестой.

Повел он Иржика в круглую башню. Там за круглым столом сидели двенадцать красавиц — все на одно лицо, — и очами, и бровями, и улыбкою схожи... Все красавицы одинаково одеты, у всех волосы закрыты белыми как снег покрывалами.

— Вот мои дочери, — говорит король. — Угадаешь, какая из них Златовласа, можешь увести ее с собой. Не угадаешь — значит, не судьба, один уедешь!

Смутился Иржик — не знает, что ему делать. Вдруг слышит над самым ухом:

— Ж-ж-ж-ж-ж, иди, Иржик, вокруг стола. Я тебе укажу и подскажу!..

Смотрит Иржик, а это та самая муха, которую он недавно от паука спас. Вьется муха над головами у красавиц и звенит:

— Это не та и это не та... Это не та и это не та... А вот это она — Златовласа!..

Иржик и указал на Златовласу.

— Угадал! — говорит король. — Твое счастье!

А королевна встала из-за стола, сбросила покрывало, и рассыпались ее золотые кудри волнами до самой земли. Все вокруг так и озарилось, словно солнце из-за тучи выглянуло. Иржик даже зажмурился.

Тут уж король не стал больше отговариваться — снарядил дочку в дорогу, дал ей богатое приданое, а вдобавок ко всему — те два пузырька с живой и мертвой водой, что Иржик раздобыл. И отправились королевна с Иржиком в дальний путь.

Вот приехали они наконец к старому королю. Обрадовался король, не насмотрится на невесту. Сейчас же приказал готовиться к свадьбе, а Иржику говорит:

— Спасибо тебе за твою услугу. В награду за нее избавлю я тебя от петли, а прикажу только отрубить тебе голову.

Королевское слово — закон. Взяли Иржика и отрубили ему голову.

Этим бы дело и кончилось, да королевна Златовласа стала со слезами просить у старого короля, чтобы он позволил ей похоронить бедного Иржика.

Король ни в чем не мог отказать своей невесте.

Взяла Златовласа голову Иржика, приложила к шее и обрыз-

гала мертвой водой. И в ту же минуту голова и тело срослись, да так плотно, что на шее и знака не осталось. Лежит мертвый Иржик, словно спит, — только стал еще красивее и моложе, чем был прежде.

Тут королевна взяла другой пузырек и побрызгала на Иржика живой водой.

И сейчас же кровь потекла у него по жилам и сердце застучало. Он вздохнул, поднялся и сказал, протирая глаза:

— Как же крепко я спал!

— Да, крепко, — ответила королевна. — Кабы не я, спать бы тебе без просыпу.

Увидел старый король, что случилось с Иржиком, и захотелось ему тоже помолодеть и похорошеть.

Подумал он, подумал и говорит:

— Так и быть, рубите голову и мне. Да только не забудьте потом обрызгать живой водой. Надоело мне быть дряхлым стариком, хочу стать молодым удалцом.

Королевское слово — закон. Отрубили королю голову и давай поливать его живой водой, как приказал он перед смертью.

Поливали, поливали мертвое тело живой водой, да толку из этого не вышло: не приросла голова к телу.

Догадались тут, что надо мертвой водой побрызгать.

Побрызгали. Приросла голова к шее, а жизни ни в голове, ни в теле нет. Нужно бы теперь живой водой обрызгать, да ее в пузырьке и на донышке не осталось.

Ничего не поделаешь, пришлось старого короля похоронить.

После похорон стали думать, кого же посадить на его место, и решили выбрать самого умного человека. Искали, искали, да никого не нашли умнее Иржика. Еще бы! Ведь он понимал даже то, что говорят звери, птицы и рыбы.

Так и сделался королем умный Иржик, а королевой стала прекрасная Златовласа.

УМ И СЧАСТЬЕ

Повстречались как-то на узкой дорожке Ум и Счастье.

— Уступи мне дорогу! — говорит Счастье.

А в ту пору Ум был еще молод и глуп — не знал, кто кому

должен дорогу уступать.

— С какой это стати, — говорит, — мне перед тобой сторониться? Я не хуже тебя, а ты не лучше меня.

— Тот из нас лучше, кто ведет дальше и дает больше, — говорит Счастье. — Видишь вон того парня, что поле пашет? Ступай к нему, поучи его уму. Посмотрим, с кем ему лучше жить будет — с тобой или со мной. Если с тобой — я тебе дорогу уступать буду, а если со мной — так уж ты мне уступай.

— Ладно, — говорит Ум. И пошел учить парня уму-разуму.

Поумнел парень и сразу давай думать да размышлять:

«Что же мне так до самой смерти за плугом и ходить, как отцы и деды ходили? Нет, не на то человеку ум дан...»

Бросил он пахать, выворотил из земли плуг и пошел домой. Приходит и говорит отцу:

— Вот что, батюшка: неохота мне больше по старинке жить — за плугом ходить. Хочу я учиться у садовника.

Удивился отец:

— Да чего ты, Ванек! Никак спятил?

А Ванек на своем стоит.

Подумал отец, подумал и согласился:

— Ну, коли хочешь, — учись, твое дело. Только уж не взыщи — хозяйство мое, как помру, брату твоему достанется. А ты — своим умом живи.

Так — от большого ума — потерял Ванек отцовское наследство. Другой бы пожалел, а ему и горя мало. Пошел он прямо к королевскому садовнику и поступил к нему в ученье.

Садовник-то не больно любил учить, да Ванек любил учиться. Не успеет тот слово сказать, пальцем показать, а уж Ванек давно понял, что да как, — на лету все схватывает. Скоро ему и спрашивать не о чем стало. Начал он работать по своему уму-разуму. И так у него ладно дело пошло, что садовник только глядит и головой качает.

— Вижу, — говорит, — что ты поумнее меня. Делай как знаешь.

Такой сад Ванек развел — всему свету на удивление. Раньше король сюда и не заглядывал. А теперь каждый день в саду гуляет с королевой и королевной, дочкой своей единственной.

А королевна эта была писаная красавица, только немая. Как исполнилось ей двенадцать лет, так она и замолчала. И никто

не мог от нее слова добиться.

Короля это сильно печалило, и велел он объявить по всему королевству, что тот, кто добьется от нее хоть одного словечка, получит в награду ее руку и корону в придачу.

На свете немало охотников до королевской короны. Множество знатных господ перебивало во дворце, да все уходило ни с чем. Уж как ни рассыпались они перед королевной, а ни одному не ответила она ни взглядом, ни словечком.

Каждый день во время прогулки видел Ванек в саду немую красавицу. И сильно она ему приглянулась.

«Дай-ка и я попытаю свою судьбу, — подумал он. — Авось и я не глупей других, а может, и поумней. Не удастся ли мне сказать ей что-нибудь такое, чтобы она ответила?»

Недолго думая, пошел он во дворец и попросил доложить королю, что садовник Ванек берется вылечить королевну.

Король обрадовался и сам, вместе со своими советниками, отвел его в покои дочери.

А у королевны была собачонка, и королевна очень любила ее за то, что собачонка эта была смышленная, послушная, а главное — понимала свою хозяйку без слов.

Войдя в покои, Ванек притворился, что совсем не замечает королевны, и сказал собачке, низко кланяясь:

— Здравствуй, собачка! Слышал я, что ты большая умница. Вот я и пришел к тебе за советом. Было нас трое друзей — резчик по дереву, портной и я. Как-то раз отправились мы втроем в соседний город, и пришлось нам по пути заночевать в лесу, под открытым небом. Развели мы костер и уговорились, что будем спать по очереди и сторожить по очереди: двое спят, а третий сторожит. Кинули жребий. Первому сторожить досталось резчику. От нечего делать взял он свой нож, выбрал подходящий чурбанчик и вырезал из него красивую куклу. Потом будит портного и говорит ему:

«Теперь я буду отдыхать, а ты сторожи».

Портной заметил куклу и спрашивает:

«А это у тебя что?»

«Кукла! — говорит резчик. — Пока вы спали, я от нечего делать вырезал ее, а ты от нечего делать можешь ее одеть».

Портной достал из своего мешка лоскут шелка, ножницы, иглоку, нитки и принялся за работу.

Когда кукла была одета, он разбудил меня и говорит:

«Теперь ты сторожи, а я буду отдыхать».

«Ладно, — говорю. — А что это у тебя в руках?»

«Кукла!.. — отвечает портной. — Резчик от нечего делать вырезал ее из дерева, я от нечего делать нарядил в шелковое платье. А ты от нечего делать можешь научить ее говорить».

Я так и сделал, и к утру кукла заговорила. А тут проснулись мои товарищи, и каждый захотел взять куклу себе.

Резчик говорит:

«Она моя — ведь это я вырезал такую красивую куколку из безобразного чурбана».

Портной говорит:

«Нет, моя — ведь это я так нарядно одел ее».

А я с ними не согласен — я думаю, что кукла должна быть моей... Скажи, собачка, на чьей стороне правда?

Собачка, конечно, ничего не ответила, но тут вместо нее заговорила королева.

— Конечно, на твоей! — сказала она. — Какой толк в бездушной деревянной кукле? Какой толк в нарядах и уборах? Ты научил ее говорить, и она по праву твоя.

— Слышите, что говорит королева? — сказал Ванек королю и его советникам. — Она сама решила свою судьбу. Я возвратил ей дар речи, и она моя по праву.

— Так-то оно так, — сказал один из советников. — Его королевское величество, разумеется, щедро наградит тебя за то, что ты вылечил его дочь. Но жениться тебе на ней никак нельзя. Ведь она королева, а ты простой садовник!

Король говорит:

— Да, да — простой садовник!.. И поэтому ты можешь получить любую награду, но только не мою дочь.

А Ванек и слышать ни о чем не хочет.

— Король безо всяких оговорок обещал свою дочку в жены тому, кто вернет ей дар речи. Королевское слово — закон. Если король хочет, чтобы его законы исполняли, ему следует самому исполнять их. Он должен сдержать свое слово.

— Эй, стража! Связать его! — закричал советник. — Тот, кто осмеливается говорить «король должен», оскорбляет этим королевское величество и заслуживает казни. Ваше величество, прикажите немедленно отрубить голову этому злодею.

— Отрубить ему голову! — приказал король.

Ванека сейчас же связали и повели на казнь. Приводят его на лобное место. И Ум с ним идет, повесив голову. А уж там — никому не видимо — поджидало Ванека Счастье.

Счастье подошло поближе и тихонько сказала Уму:

— Вот до чего ты довел человека, братец! Из-за тебя сейчас ему отрубят его умную голову. Ну-ка, уступи мне свое место!

Ум отошел в сторону, а Счастье стало рядом с Ванеком.

В это время палач уже занес над его головой огромный меч.

Но тут Счастье улыбнулось Ванеку, и меч переломился у самой рукоятки.

Побежали за другим мечом, да не успели принести его, как на дороге показался королевский гонец. Скачет, трубит, машет белым флагом.

Что случилось? А вот что: королевна, которой Ванек очень понравился, убедила своего отца, что королевское слово свято и его никак нельзя нарушать. А если Ванек простой садовник, так ведь это очень легко исправить. Стоит сделать его князем, и он будет не садовник, а князь.

— Твоя правда, — сказал король. — Пусть будет князем!

За Ванеком сейчас же послали золоченую королевскую карету. А чтобы палачу не было скучно без дела, на казнь отправили того советника, который посоветовал казнить Ванека.

Через три дня королевну и Ванека повенчали.

Когда в своей золоченой карете они возвращались из церкви, счастливые и довольные, по дороге им попался Ум.

Завидев издали Счастье, Ум усмехнулся и отошел в сторону. Он хорошо знал, что рано или поздно о нем вспомнят, позовут его и усадят на почетное место.

Уму без Счастья порой приходится горько, но Счастье без Ума мало чего стоит.

Бела БАЛАЖ

СЕМЬ ПРИНЦЕВ

Жили-были однажды король и королева, и было у них семеро сыновей, семь золотоволосых принцев. Эти семеро принцев жили с папой-королем и мамой-королевой в сказочно

красивом золотом дворце. Жили они там очень счастливо, потому что в том золотом дворце были поистине чудесные вещи.

Ну, во-первых, дворец был не просто дворец, а дворец-карусель. Да-да, дворец-карусель, который мог кружиться. По воскресеньям после обеда старый король вынимал из золотого футляра свою скрипку, а мама-королева садилась к золотому пианино, и они музицировали. Весь большой дворец при этом начинал кружиться под музыку, вместе со всеми своими золотыми башнями и серебряными балконами. А принцы сидели в своих комнатах, глядели из окон и кружились, словно на настоящей карусели в Городском саду. Ну и превосходно же это было!

Кроме того, в саду росли деревья-мячи. Ей-богу, деревья-мячи! Они были похожи на яблони, только на ветках были не яблоки, а мячи. Красивые, большие, крупные, резиновые мячи всевозможных цветов. Красные и зеленые, синие и полосатые, и даже с картинками. Их можно было срывать с деревьев. Надо было только подойти, привстать на цыпочки и сорвать один мяч. Или сто... В общем, сколько хочешь. Потому что мячей на тех деревьях было полным-полно. И когда ветер тряс эти деревья, мячи падали, кружась, сильно ударялись о землю и высоко подскакивали, так высоко, что снова исчезали в небе.

Разумеется, в саду были и конфетные, и шоколадные деревья. Об этом даже и говорить не стоит. Как и о том, что в конюшнях было полным-полно прелестных лошадей-качалок. Но в одной из конюшен находились семь настоящих, живых маленьких пони, по одному на каждого принца. Принцы могли кататься на них верхом.

Много замечательных игр было у семи золотоволосых принцев, впрочем, они того заслуживали. Ведь таких послушных и добрых семи принцев больше не было на целом свете. Они никогда не ссорились. Видит Бог, ни разу. Они до того любили друг друга, что иначе, как «милым братиком», один другого не называл. А когда по утрам отправлялись в школу, то дружно брались за руки и так красиво шествовали рядком по улице, что люди уже издали кричали: «Смотрите, вон идут семеро благородных маленьких принцев!» Если кто-нибудь из них получал подарок, то, не раздумывая, отдавал с любовью другому, таким

образом, ни один из них никогда не играл собственной игрушкой.

Ну, так вот. Жили они, поживали в согласии и счастье, когда однажды разразилась ужасная война. Понятно, что и старый король должен был идти воевать. Хотя он был стар, но как-никак король, и его все же призвали. Ведь без короля какая же война! Стал он прощаться со своей семьей. Выстроил в ряд семерых сыновей и крикнул им: «Равняйся! Смирно!» Но они и без того стояли по-солдатски прямо и не шелохнувшись, как полагается принцам. Старый король сказал им:

— Дорогие мои сыновья, я знаю, что вы послушные и добрые дети, очень любите друг друга и вашу драгоценную маму, но поскольку я должен идти на войну, а мама останется с вами одна, вам надо вести себя в сто раз лучше. Ведь маме будет теперь очень тоскливо, много забот и печали испытает она. Так, по крайней мере, вы облегчите ее горе. Пусть хотя бы в вас она найдет утешение. Вы ведь уже достаточно большие, черт побери!

Услышав это, семеро принцев закричали в один голос: «Даем честное слово, мы поможем нашей маме и будем вести себя хорошо!»

Тогда король снял со стены большое золотое ружье, вскинул на плечо и отправился на фронт.

Семеро же принцев твердо держали слово, которое дали. Каждый думал только о том, как облегчить жизнь бедной королевы в это грустное время. Ей ведь так трудно одной, когда папы нет дома, да и военное пособие слишком маленькое. Семеро маленьких принцев старательно следили, чтобы ни один из них не порвал своих штанишек и не насажал пятен на скатерть, чтобы руки у них всегда были вымыты и чтобы с гостями они были учтивы. Они в сто раз лучше вели себя, чем прежде, и еще в сто раз больше любили друг друга.

Но жила по соседству злая ведьма. У нее были такие длинные ногти, что она не могла надевать на руки перчатки, и такие длиннющие зубы, что они доставали до земли. Эта злая ведьма ужасно завидовала королеве. Завидовала ее красивому золотому дворцу, но еще большую зависть у нее вызывали семеро принцев, которые никогда не ссорились. У ведьмы же был лишь один сынок, но такой паршивец, что сладу с ним не было. Дня

не проходило, чтобы он не затевал драку и не возвращался домой весь изодранный, да и дома все ломал и портил. Настоящий сын ведьмы.

Так вот, эта злая ведьма как-то раз явилась к королеве.

— Здравствуй, милая соседка, — встретила ее радушно королева. — Садись с нами к столу, мы как раз собираемся обедать.

Семеро принцев тем временем усердно накрывали на стол. Один принес скатерть, другой — салфетки, третий — золотые тарелки, четвертый — золотые вилки, пятый — золотые ножи, шестой — бокалы, а седьмой принес воду в красивом золотом кувшине. И ни один ничего не уронил.

Увидела это злая ведьма и пожелтела от зависти, стала упорно думать о том, как бы так сделать, чтобы семеро принцев не были больше такими благовоспитанными, а стали бы скверными и перессорились бы между собой.

Думала, думала и кое-что придумала. Сказала она королеве:

— До чего послушные и воспитанные мальчики ваши принцы, и как они, должно быть, любят друг друга!

— Что правда, то правда, — ответила королева. — Они, поверьте, еще ни разу не дрались и никогда не будут, даром что родные братья.

— Жаль, жаль, жаль, — вздохнула злая ведьма. — Жаль, что они все-таки однажды поссорятся. Ну да, подерутся и, чего доброго, еще убьют друг друга.

Можете себе представить, как это напугало королеву.

— Боже милостивый, неужели они поссорятся?!

— А вы вот скажите-ка, любезная госпожа-королева, — ответила ведьма, — когда придет вам срок умирать, которому из ваших сыновей вы оставите в наследство ваш золотой дворец-карусель? Ведь у вашего величества семеро принцев, не так ли, а дворец лишь один, и его не разрежешь на семь частей. Вот и сцепятся из-за него семеро принцев, когда вы в один прекрасный день, любезная госпожа-королева, умрете. Да, пожалуй, еще убьют друг друга. Жаль, жаль!..

Услышав это, королева горько заплакала.

— Господи, Господи, что же мне теперь делать? Как мне быть, если у меня семеро сыновей, а дворец всего один? Бедный муж мой на фронте, и некому мне помочь, — причитала бедняжка.

И тогда заговорила ведьма. Ее длинные, достающие до земли зубы застучали по полу.

— Я могла бы помочь вашему королевскому величеству, если бы вы послушались меня. Вот смотрите: коли у вас нет семи дворцов, чтобы каждому из сыновей дать по одному, я могла бы к тому единственному, который есть, наколдовать семь ворот. Знаете, как бывает у проходных домов, у которых два подъезда, выходящих на две разные улицы? Точно так же у вашего дворца оказалось бы семь ворот, выходящих на семь разных улиц. И тогда вы могли бы сказать принцам: «Тебе, моему первому, даю тот дворец, который стоит на Венгерской улице под номером первым. Тебе, моему второму сыну, даю дворец, который стоит на Русской улице под номером вторым. А ты, мой третий сын, получай дворец, что стоит на Французской улице...» И так, сколько бы вы ни дарили свой единственный дворец, все семеро верили бы, что у каждого собственный. На самом же деле только входы были бы разные, а дом один и тот же. Таким образом, они никогда не ссорились бы и всегда очень любили бы друг друга.

Королева несказанно обрадовалась такому решению, поверив ведьме.

— Большое тебе спасибо, любезная соседка, за хороший совет, — благодарила она. — Когда я почувствую, что пришел мой смертный час, я позову тебя. А сейчас садись к столу и отобедай с нами.

Перед злой ведьмой поставили две золотые тарелки, положили золотой нож и золотую вилку, и она вместе со всеми съела вкусный королевский обед.

Обед был действительно на славу. Потому что по здешнему обычаю после супа шел торт, после мяса снова торт и после овощей — торт.

Однако злая ведьма не испытывала ни капли благодарности за этот великолепный обед. Она с завистью смотрела, как красиво кушают благородные маленькие принцы (не то что ее невоспитанный сын), ничего не хватают руками, не едят с ножа, а покушав, грациозно вытирают губы салфеткой и по очереди подходят к королеве-маме поблагодарить за отличный обед.

— Ну, погодите, благовоспитанные мальчишки, — бормотала она озлобленно, — вы еще станете скверными мальчишками! — Затем она вынула из кармана своего фартука черную шкатулку, в которой лежали черные конфеты, и сказала: — Любезная госпожа-королева, не хотите ли попробовать? Это отличное желудочное средство, после столь плотного обеда оно поможет пищеварению.

У королевы действительно был слабый желудок, и она взяла да проглотила две черные горошинки из той коробочки. Не ведала, бедная, какую большую беду причиняет себе. А злая ведьма смеялась про себя и лаяла, как собака. Ее длинные, достающие до земли зубы стучали по полу. Она-то знала, что из этого произойдет.

На другой день королеве в самом деле стало не по себе. Она почувствовала рези в желудке, и голова разболелась. Такое головокружение испытывала бедняжка, что едва могла ходить. И все это устроила злая ведьма своей конфетой!

— Дорогая мама, вам надо лечь, — уговаривали королеву встревоженные семеро принцев.

— Да как же я лягу, детки, если нет никого, кто бы взял на себя домашние заботы? Кто вместо меня приготовит обед? Кто уберется в доме?

— Мы, мы, мы! — закричали принцы. — Мы сами приготовим обед, сами сделаем уборку, мы обо всем позаботимся.

Так и вышло. Королева, бедная, легла в постель, а семеро принцев вели домашнее хозяйство прилежно, справно и дружно.

Первый отправился на базар за покупками с большой золотой корзиной в руках. Второй мел пол золотой метлой и вытирал пыль. Третий разводил в кухне огонь, четвертый чистил картошку и разрезал бобы, пятый солил пищу и помешивал, шестой резал хлеб и накрывал на стол, а обязанностью седьмого, самого маленького, было каждое утро срезать в саду свежие цветы и ставить в вазу на ночной столик королевы-мамы, а заодно и обеденный стол украшать цветами. Однако, как трогательно ни заботились принцы о маме, ей между тем становилось все хуже и хуже. Ах, уже совсем бледной и худой стала королева. До того худой и бледной, что нужно было подойти совсем близко к постели, чтобы разглядеть ее среди белых

подушек. Порой принцы подолгу искали ее и, когда находили, исхудавшую, так плакали, что постельное покрывало хоть выжимай.

Однажды королева сказала семи принцам:

— Милые мои дети, если хотите, чтобы я еще выздоровела, пошлите в город Пипирити и доставьте мне оттуда лекарство Байбайо, так как это, пожалуй, единственное, что еще в силах меня спасти, если прибудет вовремя, прежде чем я похудею настолько, что совсем исчезну.

Услышав это, принцы кинулись опрометью на почту и дали телеграмму в город Пипирити, заказав целый ящик лекарства Байбайо. Они телеграфировали, чтобы лекарство немедленно погрузили на автомобиль и доставили в золотой дворец, до которого лишь автомобиль может быстро доехать. Выполнив это, они побежали назад к маме, чтобы спросить, нет ли у нее еще каких-нибудь желаний. Глянули на постель, но никого там не увидели. Встряхнули простыню, одеяло, пока наконец после часа поисков не обнаружили королеву, зажатую меж двух подушек, до того худую и бледную, что ее едва было заметно. И заплакали принцы. Они так горько плакали, что слезы их слились в маленький ручеек. Он вытек за ворота на улицу и расплылся перед домом злой ведьмы. Семь маленьких золотых уток плавали в нем и грустно пели:

*Мама-королева
Сильно заболела,
Как полотно, бледна,
Как ниточка, худа.
Принесут ей принцы пищу
И подолгу ее ищут¹.*

Так пели семь маленьких золотых уток. Услыхала это злая ведьма и вышла из дому.

— Ха-ха-ха! — ликовала она, стуча по земле своими зубами. — Королева больна, пойду к ней, теперь уж она наверняка попадет в ловушку.

И отправилась в золотой дворец-карусель.

— Ах ты Господи, несчастная госпожа-королева, — вздыхала она. — Я слышала, что вы больны. Схожу-ка, думаю, проведаю ее.

---

¹Перевести на русский язык эти и последующие рифмованные строчки переводчику помогла первоклассница Соня Трошина.

— Ох, и не говори, любезная соседка. Видишь, какая я стала бледная и худая, и день ото дня все таю. Боюсь, если не прибудет вовремя лекарство Байбайо из города Пипирити, я совсем исчезну. Ой, что же тогда будет с моими дорогими детками? Ах, боюсь, что они подерутся из-за наследства, из-за этого золотого дворца-карусели, ведь я не могу им его разрезать на семь частей, как торт!

Злая ведьма отвечала:

— Ну, любезная госпожа-королева, сделать ли то, что я обещала? Велите ли наколдовать дворцу семь ворот, выходящих на семь разных улиц, чтобы вы могли сказать каждому из сыновей, что оставили ему в наследство целый дворец?

— Ну, конечно! Это было бы замечательно, — взмолилась королева. — Мои дети всегда очень любили друг друга, так пусть и впредь не будет между ними вражды.

Тогда злая ведьма стала ходить кругами по дому. Закружила, завертелась, как волчок. Она кружила и повторяла заклинание:

Чертенята прибежали,

Молотками застучали,

Получилось наконец:

Семь ворот — один дворец.

Что за диво, что за сон!

Семь ворот на семь сторон,

Да на каждом по затвору —

Вот он, верный путь к раздору!

Едва она это, прости Господи, произнесла, как раздался сильный треск, и у золотого дворца тотчас стало семь ворот. Семь ворот, выходящих на семь улиц, и над каждым висел другой номер дома. Точно так, как у проходных домов. Через какие бы ворота ни входил человек, он все равно попадал в тот же двор, только с другой стороны. Но снаружи тем не менее это выглядело так, будто появилось семь разных домов.

После этого королева позвала своих сыновей и, когда они собрались у ее постели, сказала им совсем слабым голосом:

— Милые мои дети, я день ото дня теряю силы. Лекарство Байбайо из города Пипирити, может, еще успеет прийти, а может, и нет. Поэтому я хочу уже сейчас поделить между вами наследство, каждому поровну, чтобы вы не поссорились из-за него, если я умру. Каждому из вас достанется по дворцу.

Первый получит дворец, который стоит на Венгерской улице под номером первым. Второй получит тот дворец, что стоит на Русской улице, третий — тот, что на Французской, четвертый — на Итальянской...

И так она каждому дала по дворцу. Дворцы находились на разных улицах, и номера у них были разные, так что принцы не заметили, что унаследовали, собственно говоря, один и тот же дом.

Поблагодарили семеро принцев за наследство, но не радовались ему. Да и как им было радоваться, если мама стала тоненькой, как волосинка. Каждый лишь спросил у королевы:

— Скажи, дорогая мама, если ты каждому дала по отдельному дворцу, у кого из нас ты будешь жить, в чьем доме?

В ответ на это королева подозвала к себе первого и шепнула ему на ухо:

— У тебя стану жить, сын мой, только ты не говори об этом своим братьям.

Затем подозвала второго и шепнула ему на ухо:

— У тебя буду жить, милый мой сынок, только пусть твои братья об этом не знают.

То же самое она шепнула на ухо и третьему, и четвертому, и пятому. Всем семерым. Каждый был доволен и безмерно горд, что именно его выбрала мама, именно у него будет жить. И каждый, возвращаясь домой через собственные ворота, находил дома свою маму, больную королеву. Ведь дом-то был, как вы знаете, один и тот же.

Все было бы хорошо, да только вот беда: до сих пор не прибыла машина из Пипирити с лекарством Байбайо, а королева стала пуще прежнего худой. И бедные принцы плакали так горько, что из слез их получилась большая река. Эта большая река потекла за ворота, обогнула всю страну и достигла фронта, где как раз в это время король отчаянно сражался с королем-противником. Они очень гневались друг на друга и попеременно стреляли, ибо каждый считал, что он прав, а другой нет. Притекла туда большая река слез, и семь прекрасных золотых лебедейплыли по ней и грустно пели:

Мама-королева

Сильно заболела,

Как полотно, бледна,

*Как ниточка, худа.
Принесут ей принцы пишу
И подолгу ее ищут.*

Король в этот момент как раз собирался пальнуть из пушки. Услыхав грустную песню, он сказал королю-противнику:

— Подожди немного, пока я вернусь. Я возьму короткий отпуск, потому что мне надо посмотреть, что там дома.

Взял он большое золотое ружье, вскинул на плечо и отправился домой. Путь был не близкий, и шагать королю предстояло долго.

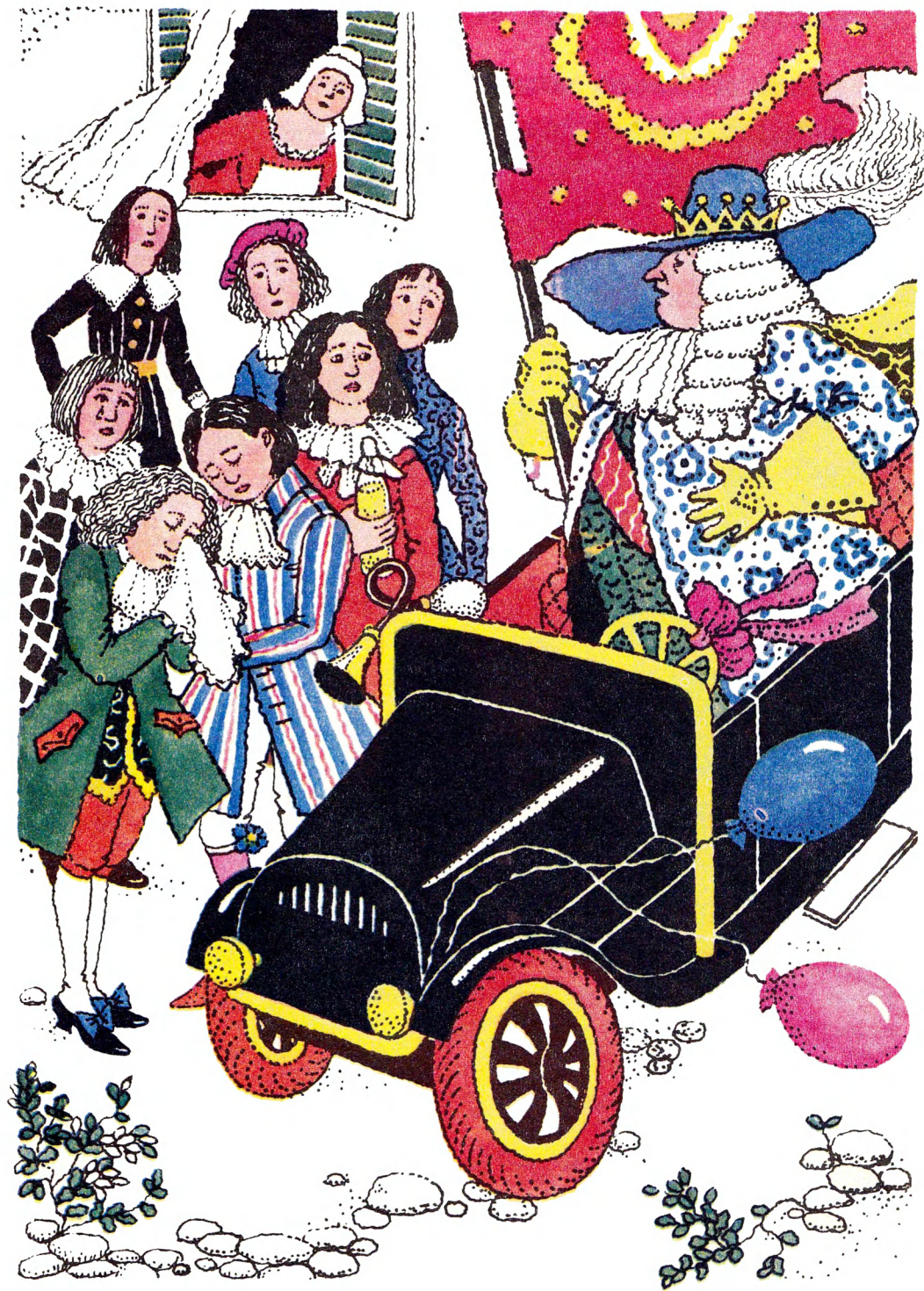
Он был уже в пути, но еще далеко от дома, когда семеро принцев внезапно услышали: «Туу-туу!» Это прибыл автомобиль с лекарством. Тотчас выбежали все за ворота, чтобы показать шоферу, куда ехать. Но, поскольку у каждого были собственные ворота, каждый и выбежал в свои.

Первый крикнул: «Эй, дядя шофер! Поезжайте на Венгерскую улицу, дом номер один, потому что больная королева живет здесь! Лекарство нужно везти сюда!» Но тут и другой стал кричать: «Эй, дядя шофер, послушайте! Поезжайте сюда, на Русскую улицу, дом номер два, ведь больная королева лежит здесь!» А тут и третий закричал, и четвертый, и все остальные: «Дядя шофер, подъезжайте к моим воротам, ведь лекарство нужно здесь, королева живет у меня, именно у меня, а не у кого другого! Если хотите, можете посмотреть!»

Бедняга шофер уже не знал, куда ехать, и не трогался с места. Он только стоял и удивлялся, ведь ему было невдомек, что все это лишь потому, что один и тот же дворец имел семь выходов. А принцы кричали и бранились до тех пор, пока впрямь не сцепились и не начали всерьез драться. «Я прав! — кричал каждый из них. — Я обещал папе, что помогу маме, и не дам отобрать у нее лекарство!»

Это выкрикивал каждый, и они стали такими врагами, что страшно, а ведь как прежде любили друг друга! И все лишь потому, что не ведали, что живут в одном и том же доме и, стало быть, мама живет у каждого из них. А злая ведьма глядела издали и потешалась, ведь это ее рук дело.

Когда семеро принцев уже изодрали друг на друге прелестные золотистые костюмчики, прибыл с фронта папа. Увидев,

как он шагает по улице, первый выбежал ему навстречу и, плача, стал жаловаться:

— Папа, смотри, какие у меня плохие братья! Не отдают мне лекарство Байбайо, а мама так больна, и она лежит в моем доме.

Услышав это, побежал к папе и второй принц.

— Посмотри, папа! — говорил он, плача. — Посмотри, какие они нехорошие! Не дают отнести маме Байбайо, а она лежит у меня, в моем дворце.

И третий подбежал, и четвертый. Все семеро. И каждый говорил со слезами:

— Я прав, а другие скверные, ведь мама-королева живет у меня. Именно у меня, а не у кого другого.

Разгневался король и принялся ругать семерых принцев на чем свет стоит:

— Ах вы, собачьи отродья! Разве так должны вести себя хорошо воспитанные, благородные принцы? Разве этому вас учили за большие деньги? Вот я сейчас достану розги и проучу вас.

— Но я хотел добра, я хотел правды, — хныкал каждый из них. — Ведь мама-то живет у меня!

— Надо мне своими глазами посмотреть, — сказал король, — ибо тут сам черт не разберет. — С этими словами он вошел в золотой дворец-карусель.

Дворец же, радуясь тому, что король вернулся, начал кружиться. А с ним все семь ворот закружились, ведь они принадлежали одному и тому же дворцу. Тут король сразу смекнул, в чем дело, да и принцы увидели, что живут, собственно, в одном и том же доме.

— Вот видите, мои дорогие принцы, — сказал король, — вас наверняка обманула какая-нибудь злая ведьма. Ибо вы все время жили в одном-единственном доме и будете дальше в нем жить, а следовательно, и ваша мама живет равно у каждого из вас, так что нет причины для ссоры.

Как же обрадовались этому семеро принцев! Кинулись друг другу на шею и расцеловались, потому что предпочитали любить друг друга, а не ненавидеть, и поклялись, что никогда больше не станут врагами.

Тут король оглядел комнату и спросил:

— Хорошо, хорошо, но где же мама-королева? Нужно срочно дать ей лекарство Байбайо, чтобы она выздоровела.

Подошли все к постели, но увидели лишь подушки, простыню, одеяло...

— Где же королева? — спросил король. — Может, в другую постель легла?

— Нет, нет, — отвечали принцы, — она должна быть здесь. Только уже такая худая и бледная, что не сразу разглядишь.

С этими словами они принялись трясти и перекладывать с места на место подушки, простыню, одеяло, но тщетно. Королевы не было нигде. Не найдя ее, король зарыдал.

— Вот видите, какие вы плохие сыновья, — говорил он. — Пока вы ссорились из-за лекарства, мамы след простыл.

Только он это сказал, как за дверью послышался большой шум и раздался стук.

— Кто там? — спросил король.

— Это я, король-противник. Только ты не прикидывайся! — кричал он грозно. — Ты заставил так долго ждать тебя на фронте, что я наконец не вытерпел и явился за тобой, потому что хочу продолжить войну. Я намерен тебя убить! — кричал король-противник из-за двери. — Ибо я прав, а ты злодей, и правда не на твоей стороне!

— погоди немного, любезный противник. Я хочу тебе кое-что рассказать, раз ты считаешь, что ты прав, а я нет, и из-за этого мы воюем.

И король поведал королю-противнику, как семеро благородных принцев стали врагами друг другу из-за семи ворот.

— Вот видишь, дорогой противник, — заключил он, — может быть, и мы воюем только потому, что не замечаем, что весь мир — это такой же единый, красивый, золоченый дворец-карусель, в котором мы живем все вместе, даже если входим и выходим через разные двери.

Услышав это, король-противник сказал:

— Что ж, возможно, ты прав, — он протянул правую руку королю, и они заключили мир. Затем он спросил: — А что вы ищете так долго в этой пустой постели?

— Ах, — заплакали они, — мы ищем королеву, которая, заболев, все худела и бледнела, и теперь мы ее уже не находим.

Тогда король-противник воскликнул:

— Смотрите, вон летит черная ворона и тонкую белую ниточку несет в клюве!

Черная ворона в эту минуту как раз собиралась вылететь в окно. Но семеро маленьких принцев были такими проворными, что вмиг поймали птицу за хвост. Вырвали из вороньего клюва ниточку и тут, слава тебе, Господи, увидели, что это не ниточка, а худая и бледная королева. Быстро дали ей лекарство Байбайо, и она от него сразу начала полнеть и розоветь. А когда наконец встала на ноги, со слезами кинулась на шею принцам и королю. И короля-противника обняла и поцеловала, потому что была очень счастлива. После этого взглянули они на черную ворону и тотчас узнали в ней злую ведьму, которая всему была причиной. Схватили они ворону и выстрелили в нее из той пушки, которую король-противник принес с собой. Затем выбросили пушку из окна в большую реку, ведь все равно больше никогда не будут воевать.

Ханс ФАЛЛАДА

СКАЗКА ПРО КУРИЦУ-НЕУДАЧНИЦУ

Жил-был однажды Всемогуший волшебник. У этого волшебника был очень гордый красавец петух и три курицы. Одна курочка несла ему золотые яйца, другая — серебряные, а третья курица ничего не умела, даже простых куриных яиц не несла. Курочку это очень огорчало: ведь другие курицы смеялись над ней, дразнили ее, даже не хотели вместе с ней выходить на птичий двор. А гордый красавец петух, которого она очень любила, никогда и не глядел на нее, не то чтобы поговорить.

Стоило нашей курочке найти большого жирного червяка или личинку, другие куры тут же отнимали у нее добычу, говоря: «Больно жирна для тебя эта пища! Ты и простого куриного яичка снести не умеешь, а мы золотые и серебряные хозяину дарим. Пошла прочь, дармоедка!»

Совсем загрустила наша курочка, ничто ее в жизни больше не радовало. Грустная сидела она в уголке и жаловалась:

— Ко-ко-ко-ко! Никому-то я не нужна! Красавец петух, которого я так люблю, и не взглянет на меня. Ко-ко-ко-ко!

Какая же я курица-неудачница!

Всемогущий волшебник услышал это и стал ее утешать:

— Погоди, курочка! Придет время — и ты себе и представить не можешь, какая ты будешь! Пусть сестры твои несут золотые и серебряные яйца, тебя я определил для более важного дела: из тебя когда-нибудь сварят настоящий животворный суп. Вот стоит заболеть кому-нибудь, попробует он этого супа — и сразу выздоровеет.

Эти слова услышала маленькая и злая-презлая бабка, которая жила в доме Всемогущего волшебника и вела у него хозяйство. Ей тоже страшно хотелось научиться колдовать. Вот она и подумала: «Ишь, ловко как — животворный суп! Умей я такой суп варить, я бы кучу денег нажила».

И, когда однажды Всемогущий волшебник поехал в гости к другому волшебнику, бабка поймала курицу-неудачницу и положила в горшок, чтобы сварить из нее животворный суп. Но, как только вода в горшке запела, забулькала, злой ведьме показалось, будто это курочка в горшке жалобно кудахчет: «Кок-ко-ко-ко! Какая я курица-неудачница! Ах, какая неудачница!»

Ведьма страшно испугалась, сняла горшок с очага и решила поскорее съесть курочку. По глупости своей старуха думала: стоит ей курицу проглотить, как та навсегда перестанет кудахтать, и Всемогущий волшебник про ее ведьмовское злодейство ничего и не узнает.

Тем временем волшебник сидел у своего приятеля в гостях. И вот, после того как оба волшебника пересказали друг другу все новости, они от скуки стали показывать фокусы.

— Знаешь что, — сказал чужой волшебник, снял куртку, заглянул в рукав и говорит: — Стоит мне посмотреть в этот рукав, как я вижу на любое расстояние, сквозь все стены... Вот, к примеру, дома у тебя сейчас сидит за столом какая-то старая бабка, перед ней горшок с супом, а сама она обглаживает куриную ножку.

— Что? — закричал разгневанный Всемогущий волшебник. — Неужели она ест мою курочку, из которой я хотел сварить животворный суп? Поспешу-ка я домой! — И он три раза хлопнул по стулу, на котором сидел.

Стул немедленно превратился в громадного орла. Всемогущий волшебник взобрался к нему на спину, и они понеслись

по воздуху. Не прошло и минуты, как они очутились дома.

Маленькая ведьма, увидев волшебника, от страха выронила обглоданную ножку и заплакала:

— Никогда больше не буду этого делать!

Но ей не помогли никакие слезы. Всемогущий волшебник взял с умывальника пузырек и приказал ведьме:

— А ну, живо залезай сюда!

Ведьма вся съежилась, стала совсем крохотной и, словно дымок, исчезла в пузырьке.

Волшебник хорошенько закупорил пузырек, повесил его орлу на шею и сказал:

— Лети скорей домой, орел! Не ровен час, приятель хватится стула, а стула-то нет! И передай своему хозяину, чтобы ведьму из пузырька не выпускал. А захочет узнать, какая будет погода, пусть только взглянет на ведьму в пузырьке: если у нее рот закрыт — быть солнышку, а высунет язык — скоро дождь пойдет.

Орел взмахнул крыльями, очень скоро очутился дома и сделал все, как ему велел Всемогущий волшебник.

А тот тем временем собрал все, что осталось от курочки; но вот одной куриной ножки он уже нигде не мог найти — ее ведьма успела съесть.

— Ну ничего! — сказал волшебник и произнес свои заклинания.

Раз-два-три! — и курочка снова стояла перед ним. Только она тут же упала, потому что одной-то ножки у нее не было.

— Тоже не беда, — сказал волшебник и послал к знаменитому золотых дел мастеру.

Тот подумал-подумал и смастерил золотую куриную ножку и так ловко приделал ее курице, что та стала опять бегать, да еще быстрее прежнего.

Курочке новая ножка очень понравилась: она вся сверкала, переливалась и была даже красивей, чем перышки у красавца петуха на птичьем дворе. К тому же, когда курочка перебегала по полу, ножка так весело стучала, будто бы раскудахтались сразу десять курочек, снесших по яйчку.

Ну и досталось же нашей курочке, когда она, веселая и гордая, постукивая своей золотой ножкой, выбежала во двор! Со всех сторон понеслись крики: «Хромоножка!», «Ишь, задается!» Это кричала курочка, которая несла серебряные яйца, и

та, которая несла золотые. «Ишь, расхвасталась!» — злились они, клевали ее, гоняли по двору. А красавец петух царапал ее своими шпорами и приговаривал:

— На этом дворе позволено сверкать только одной птице, и эта птица — я!

Бедная курочка так перепугалась, что от страха залетела на дерево.

Сидит она там и жалобно причитает:

— Ко-ко-ко-ко! Ах, я курица-неудачница! Думала, теперь все к лучшему обернется, а вышло еще хуже. Ко-ко-ко-ко!

Пролетели мимо сороки-воровки, увидели, что в листе блестит что-то, и набросились на курочку. По ветру полетели перышки. Сороки трещали одна громче другой, и каждой хотелось, чтобы курочкина золотая ножка досталась именно ей.

Курочка так испугалась, что упала с дерева, да прямо под ноги Всемогущему волшебнику, который как раз вышел посмотреть, что это у него творится на птичьем дворе.

С грустью посмотрел он на свою курочку — у нее ведь ни одного перышка не осталось — и сказал:

— Да уж, достается тебе, курица ты неудачница! Но потерпи! Придет время — и ты увидишь, что, как только из тебя сварят животворный суп, ты станешь самой уважаемой и знаменитой курицей на свете.

И он взял курицу под мышку и пошел домой. Но, так как ветер унес все перышки и ни одного нельзя уже было подобрать, он снова послал, но уже за серебряных дел мастером, и тот сделал курочке новую кожицу из серебра. Теперь вся курочка сверкала и переливалась так, что любо было глядеть. А золотая ножка громко постукивала по полу, как будто раскудахтались много-много кур.

Тут наша курочка-неудачница сразу повеселела и, гордая, вышла во двор показаться другим курам. Обе курицы тут же прибежали вместе с петухом поглядеть, что это такое сверкает и переливается на дворе. Но, как только куры увидели, что это опять курица-неудачница, и поняли, что, сколько ее ни долби, серебряной коже вреда не причинишь, они презрительно сказали:

— Ну что это за жалкая курица такая! У нее нет даже перьев! Она совсем голая! С такой неприличной курицей мы и знаться не хотим!

А гордый красавец петух зло прокукарекал:

— Я тебе раз уже сказал, что сверкать и блистать на этом дворе позволено только мне. погоди же, я от тебя даже червяка не приму, если ты не наденешь своего скромного платья из сереньких перышек!

— Но я же не могу его надеть, у меня его нет, — грустно прокудахтала курочка.

Но петух ее даже слушать не стал, а гордо удалился.

Тут курочка опять заплакала:

— Ко-ко-ко-ко! Никогда-то мне нет удачи! Значит, я настоящая курица-неудачница! Ко-ко-ко-ко!

Все дни напролет курочка сидела теперь в уголке, и ничто ее не радовало — ни кожица серебряная, ни золотая ножка.

Но самое плохое было еще впереди. Дело в том, что маленькая злая ведьма, сидевшая у другого волшебника в пузырьке, внимательно изо дня в день присматривалась ко всему, что тот творил. Многому она при этом научилась и с каждым днем делалась все злей. «Только бы мне выбраться из пузырька! Уж я бы им насолила! — думала она — Увидели бы тогда, что я умею колдовать не хуже их».

Но волшебник очень строго следил за маленькой ведьмой. А чтобы она не выскочила из пузырька, он пробку привязал веревочкой. Но тут ведьма придумала одну хитрость. Однажды, когда ей надо было показать хорошую погоду, то есть держать язык за зубами, она взяла да высунула его.

Волшебник увидел это и решил:

— Стало быть, дождь будет. Хорошо, что ты мне сказала об этом, а то я как раз сегодня собирался навестить свою тетюшку, белую жабу, а живет она довольно далеко. Теперь лучше дома посижу — не хочется мне под дождем мокнуть.

И волшебник остался дома. А так как делать ему было нечего, то он сперва наколдовал полную комнату риса, а потом триста маленьких мышек, которым приказал съесть весь рис. И вот, когда мышки съели весь рис, они стали очень толстыми и большими. Тут волшебник приказал явиться тридцати кошкам, и те быстро сожрали всех мышек.

Когда тридцать кошек расправились со всеми мышами, они, сытые и толстые, улеглись на солнышке спать.

Волшебник удивился и воскликнул:

— Вот тебе и раз! Давно бы пора дождю быть, а на улице солнышко светит! Что же это с моей ведьмой случилось? — И он постучал пальцем по пузырьку. Но ведьма сидела тихо и продолжала высовывать язык. — Ну что же, тогда, наверное, сейчас пойдет дождь, — успокоил себя волшебник, поглядывая на тридцать лежащих на солнцепеке кисок. — А что я теперь буду делать с этими лентяйками? Они так объелись, что вообще ни на что не способны. Ведь у них в животах полная комната риса. Вот киски развалились теперь и дрыхнут.

Рассердившись, волшебник даже пихнул одну киску ногой: ведь у него было плохое настроение. Да и как ему не быть: на небе сияло солнышко, а он, поверив ведьме, остался дома.

Но как волшебник ни тормозил киску, она все равно продолжала крепко спать. Тогда он достал веточку орешника и в одну секунду превратил тридцать ленивых кисок в тридцать сережек на этой веточке, — ведь если присмотреться как следует, то такие сережки очень похожи на маленьких пушистых кисок.

— Вот какая красивая веточка получилась! И никому она не мешает — на дороге не валяется! — сказал волшебник и поставил веточку с сережками-кисками в вазу.

Решив, что он славно потрудился, волшебник снова взглянул на небо. Там по-прежнему ярко сияло солнце.

Тогда волшебник посмотрел на ведьму в пузырьке: ведьма показывала язык.

— Эй, ты! — сказал волшебник и постучал по пузырьку. — Дождя-то нет — убери свой язык!

Но ведьма все равно показывала язык. Тогда волшебник подумал: «Может быть, она себе язык прикусила?» — и как следует встряхнул пузырек. Но ведьма продолжала показывать язык. «Дай-ка я поставлю пузырек вверх ногами!» — решил волшебник. Но ведьма и после этого продолжала показывать язык. «Надо поставить пузырек на солнышко. Тогда она увидит, что неправильно показывает погоду», — подумал волшебник, вынес пузырек с ведьмой на улицу и повернул его к солнышку. Ведьма продолжала показывать язык даже самому солнышку.

— Какая глупая ведьма! Да как ты смеешь врать! — воскликнул, разозлившись, волшебник и швырнул пузырек об стенку.

Пузырек, конечно, разбился. Ведьма, словно дымок, вылетела из него и, прежде чем волшебник успел произнести свое заклинание, поднялась высоко-высоко и исчезла в облаках.

— Фьють — и улетела! — сказал пораженный волшебник. — Что же, будем надеяться, что она не натворит много зла...

И он вернулся в дом, чтобы надеть сапоги: он решил все же навестить свою тетю, белую жабу. Дождь ведь так и не пошел.

А маленькой ведьме очень скоро наскучило в облаках. Ей там показалось холодно, и она опустилась на землю точно в том месте, где жил ее старый хозяин — Всемогуший волшебник. Уж очень ей хотелось отплатить ему за то, что он заставил ее так долго просидеть в пузырьке.

Снова превратившись в старую бабку, маленькая ведьма тихонько подошла к окну, чтобы посмотреть, что делает Всемогуший волшебник. А тот, оказывается, крепко спал в своем большом кресле. На одном плече у него сидела курица, которая несла серебряные яйца, а на другом — та, которая несла золотые; на голове восседал гордый красавец петух. Все они тоже крепко спали.

«А где же курица-неудачница?» — подумала ведьма.

Она вышла из палисадника, забежала во двор и там в уголке увидела грустную-прегрустную курицу-неудачницу. Ведьма тут же поймала ее и собралась было вырвать у нее сердце из груди, но серебряная кожица была слишком прочной. Тогда ведьма оторвала курочке голову — единственное, что у курочки было еще из мяса и кости. А так как самой ведьме не хотелось есть куриную голову, она бросила ее пробежавшей мимо собаке. Собака на лету поймала голову, проглотила ее и побежала дальше.

— Так, — сказала довольная ведьма. — Теперь-то волшебнику ни за что не удастся оживить свою любимицу курочку!

И ведьма превратилась в струйку дыма. Она полетела высоко над землей и все подыскивала место, где можно было бы натворить больше зла.

Тем временем Всемогуший волшебник крепко спал и еще долго не заметил бы нового несчастья своей курочки. Но как раз в этот момент гордому красавцу петуху, сидевшему у него на голове, приснился червяк. Петух схватил червяка когтями —

все это во сне, конечно, — но червяк очень крепко зарылся в землю и не давался петуху. Тогда петух принялся клювом долбить и разрыхлять землю вокруг червяка и в то же время тянуть его когтями. Тут-то Всемогущий волшебник, громко закричав от боли, проснулся. Оказывается, петух схватил клочок волос волшебника и долбил его клювом по голове.

Волшебник стал бранить петуха:

— Да вы, я вижу, совсем обнаглели! Курица-неудачница никогда бы себе этого не позволила, — и выгнал всех кур из дому.

Но на дворе птицы подняли такой крик, что волшебнику пришлось выйти и посмотреть, что же случилось. Обе курицы и петух стояли вокруг курочки с серебряной кожей, а она лежала на земле без головы.

Волшебник поднял ее и с грустью сказал:

— Ну кто это опять натворил? Наверное, это сделали злые сороки, которые завидовали твоей серебряной коже. Но погоди, дай мне только отыскать твою голову — я тебя снова оживлю!

Но как волшебник ни искал голову, он так ее и не нашел. Да и не удивительно: голова-то путешествовала в собачьем животе по всей округе.

В конце концов волшебник перестал искать голову.

— Я должен обязательно оживить курицу-неудачницу, — сказал он сам себе, — даже если мне ради этого придется пожертвовать всеми своими сокровищами. Давно-давно когда-то я в учебнике колдовства прочитал, что из этой курочки я сварю животворный суп и стану очень счастливым.

Как только волшебник это сказал, он тут же вспомнил, что в шкатулке у него лежит большущий драгоценный камень. Он сразу же вызвал искусного ювелира и приказал ему выточить из этого камня самую красивую куриную голову, какие только бывают.

Потом эту голову ловко прикрепили к серебряной коже курочки, волшебник произнес свое заклинание — и курица-неудачница, совсем живая, снова встала перед ним.

Но, надо сказать, она вовсе не походила на неудачницу: вся она так и сверкала, так и блестела, а алмазная головка переливалась всеми цветами радуги и при этом была такая твердая и

прочная, что хоть молотком по ней стучи — ей не страшно.

— Так, — сказал довольный волшебник. — Теперь ни один враг к тебе не подступится. Беги во двор, курица-неудачница! Послушай, что теперь скажут твои завистники!

И курочка отправилась во двор. Но, как только остальные обитатели птичника увидели ее, всю сверкающую, и поняли, что ни когтем, ни клювом ей даже больно не сделаешь и что у курочки-неудачницы алмазный клюв, острый как нож, они страшно обозлились и сказали:

— Какая же это несправедливость! Мы-то стараемся — каждый день несем волшебнику одно серебряное и одно золотое яичко, а он для нас ничего не делает! А эту дармоедку он разукрасил, будто царицу! Это ужасно несправедливо, и мы все теперь будем делать вид, что вовсе не замечаем ее, и никогда с ней и словом не обмолвимся!

А красавец петух прямо-таки вышел из себя: ведь его пышный разноцветный наряд казался блеклым и бедным по сравнению с серебряной кожицей и алмазной головкой курицы-неудачницы. Он гневно сказал ей:

— И не вздумайте заговаривать со мной, вы, расфуфыренная кукла! У меня гребешок от стыда за вас покраснел. Вам я больше и слова не скажу!

И осталась курица-неудачница такой же одинокой и грустной, как до того. Печальная она сидела в уголке и все вздыхала:

— Неужели нет ни одной курочки на свете, которая хоть раз приветливо сказала бы мне: «Ко-ко-ко-ко»? Хоть бы раз в жизни гордый красавец петух ласково посмотрел на меня! Ко-ко-ко-ко! Какая же я неудачница!

Между тем маленькая ведьма все летела и летела над страной, пока не прилетела прямо к большому замку, в котором жил король.

У окошка сидела королевская дочь и вышивала. Ведьме, как только она увидела, какая королевская дочь хорошенькая и миленькая, сразу захотелось сделать что-нибудь скверное. Она подумала: «Если бы мне удалось заколдовать принцессу так, чтобы она заболела, это было бы самое большое зло, какое я могу причинить». И она тут же превратилась в божью коровку и уселась прямо на вышивание к королевской дочке.

Принцесса увидела божью коровку и вежливо попросила ее:
— Милая букашечка, улетай, пожалуйста, отсюда и садись на какой-нибудь зелененький листик — здесь я тебя уколоть могу.

Но не успела она заговорить, как божья коровка влетела ей прямо в рот. И оттого, что ведьма была такая злая и ядовитая, королевская дочь сразу заболела. Тут же она страшно побледнела и упала со стула.

Тогда король, отец принцессы, созвал всех врачей, какие были в той стране. Они выстукивали и выслушивали королевскую дочку, давали ей горькие и сладкие пилюли, ставили ей присушки и примочки; заставляли ее спать и снова будили; то разрешали ей есть, то запрещали; то завешивали окошко в ее комнате, то выносили больную на солнышко. Они измеряли ей температуру и щупали пульс, делали все, что только могут делать доктора, но об одном они никак не могли догадаться: о том, что принцесса проглотила божью коровку, которая на самом деле была ведьмой.

Несмотря на все старания докторов, принцессе делалось все хуже и хуже, она совсем уж умирала... Отец ее, сам король, очень испугался за дочку, свою любимицу, и велел сообщить всем, кто жил в его стране, что тот, кто вылечит его дочку, получит половину царства.

Многие после этого поспешили во дворец, но никто не мог помочь принцессе. Тогда король разгневался и сказал:

— Все вы обманщики! Вам только бы сладко поесть да попить в моем дворце, а дочку мою никто из вас вылечить не может! А теперь каждому, кто не сумеет ее вылечить, я велю голову отрубить.

После этого, конечно, уж никто не брался лечить принцессу — кому охота головы лишиться!

Но однажды к королю пришел главный стражник и сказал:

— Всемиловитейший король! Там внизу, у ворот, стоит какой-то человек. У него под мышкой курица с серебряной кожей, золотой ногой и алмазной головкой. Он уверяет, что может вылечить принцессу.

— А ты сказал ему, что я велю отрубить ему голову, если он не сумеет ее вылечить?

— Да, сказал.

— Тогда вели ему подняться наверх.

Так в королевских покоях, где лежала смертельно больная принцесса, появился Всемогущий волшебник. А под мышкой у него была курица-неудачница.

— Всемиловитый король, — сказал волшебник, — разрешите мне прямо здесь, на глазах у больной принцессы, сварить из этой курицы суп. Это будет не простой суп, а животворный и, как только принцесса съест его, она тут же выздоровеет.

— Пусть тотчас же разведут огонь, — приказал король, — и пусть принесут котел с горячей водой! Но знай: если ты не вылечишь принцессу, я велю тебе отрубить голову.

— Я вылечу принцессу, — ответил волшебник и бросил курицу-неудачницу в кипящий котел.

Когда курочка некоторое время там поварилась, король спросил:

— Ну, чем пахнет животворный суп?

— Ничем, ваша светлость, — ответил слуга, стоявший поблизости от огня.

— А как выглядит этот суп?

— Как чистая водица, ваша светлость.

— А что делает курица в котле? — снова спросил король.

— Курочка сидит в воде и приговаривает: «Ко-ко-ко-ко! Какая я курица-неудачница!»

— Разведите сильный огонь! Такую курицу надо варить на громадном огне.

Так и было сделано, и некоторое время спустя король снова спросил, как идут дела. Но все оставалось по-прежнему: суп так ничем и не пах, был чист, как водичка, а курочка сидела в нем, будто в ванночке, и все только приговаривала:

— Ко-ко-ко-ко! Какая я курица-неудачница!

Тогда слуги развели еще больший огонь, но и это не помогло. Тут король нахмурился и страшно закричал на волшебника:

— Сварится когда-нибудь твой животворный суп?

Волшебник весь задрожал от страха и ответил:

— Всемогущий король, должен тебе признаться: произошла непоправимая ошибка. Дело в том, что эту курицу преследовали ее враги, и, чтобы никто ее не мог обидеть, мне пришлось ей приделать золотую ногу, заказать серебряную кожу и выточить алмазную голову. Но я совсем не подумал о том, что из

серебра, золота и алмазов нельзя приготовить суп. Можешь варить эту курицу-неудачницу еще три года, можешь развести под ней самый большой огонь, и все равно вода останется водой и никакого супа из нее не получится.

— Стало быть, ты не можешь сварить животворный суп? — спросил разгневанный король.

— Нет, не могу, — печально ответил волшебник.

— Придется мне тогда отрубить тебе голову. Я дал свое королевское слово.

И король махнул рукой своему солдату, а тот — сразу саблю наголо.

Волшебнику стало очень грустно, он подумал: «Пришло, значит, мое время умирать. А ведь так не хочется!»

Ведьма, сидевшая у принцессы в горлышке, услышала все это, и ей очень захотелось посмотреть, как ее злейшему врагу, Всемогущему волшебнику, отрубят голову. А чтобы ей лучше видно было, она выползла и уселась у принцессы на губе. Тут-то волшебник ее и увидел. А так как у него были глаза настоящего волшебника, он сразу разглядел, что это вовсе не божья коровка, а его знакомая ведьма. И он сразу же громко приказал курице-неудачнице:

— Ключь ее, ключь ее!

Курица-неудачница выпорхнула из котла, поймала божью коровку, которая на самом деле была ведьмой, и тут же раздавила ее своим алмазным клювом.

И в тот же самый миг принцесса выздоровела и стала снова хорошенькой и миленькой, как прежде.

Король немедленно приказал солдату убрать саблю в ножны, а волшебнику сказал:

— Хотя ты и не сумел сварить животворный суп, все же твоя курочка спасла моей дочери жизнь. Поэтому я и тебе дарю жизнь. А в придачу получай половину моего царства!

Волшебник обрадовался и в благодарность подарил королевской дочке свою курицу-неудачницу.

С тех пор курочка живет в королевском дворце. На обед каждый день ей подают пшеничные зерна на серебряной тарелочке и червей — на золотой. А когда курочка выходит погулять, перед ней шагают сразу десять гордых красавцев петухов,

и по бокам тоже, и позади нее — десять. И все сорок петухов изо всех сил кричат:

— Ку-ка-ре-ку! Дорогу! Дорогу курице, которая вылечила принцессу! Эта курица — всем курам курица, это курица-неудачница!

Но курочка все равно при этом думает про себя: «Ах, если бы меня сейчас видели мои сестры и гордый красавец петух со двора волшебника! Но их здесь нет, вот мне и невесело совсем. Ко-ко-ко-ко! Какая же я курица-неудачница!»

Элеонор ФАРДЖОН

ХОЧУ ЛУНУ!

ТАКАЯ КРУГЛАЯ, ВСЯ СЕРЕБРЯНАЯ

Как-то вечером Дочка короля выглянула в окошко и увидела на небе красивую, круглую, серебряную Луну. Она протянула вверх руки, но дотянуться до Луны не могла. Тогда она поднялась на чердак, приставила стул к открытому люку и вылезла на крышу. Но и оттуда достать Луну не смогла.

Она вскарабкалась на самую высокую дымовую трубу, но до Луны все равно не достала и горько-горько расплакалась.

Мимо пролетала Летучая мышь и спросила:

— О чем ты плачешь, Дочь короля?

— Хочу Луну, а достать не могу, — ответила принцесса.

— Пожалуй, и я не смогу, — вздохнула Летучая мышь. — Но я полечу и попрошу Ночь, она тебе поможет.

Летучая мышь улетела, а Дочка короля осталась на крыше горько плакать о Луне.

Настало утро, совсем уже рассвело, проснулась Ласточка, которая жила под крышей. Она увидела Дочку короля и спросила:

— О чем ты плачешь?

— Хочу Луну-уу... — ответила принцесса.

— Хм, лично я предпочитаю Солнце, — заметила Ласточ-

ка. — Но все равно я сейчас полечу и попрошу День, он тебе поможет.

И Ласточка полетела навстречу Дню.

А в королевском дворце тем временем начался ужасный переполох. Нянька пошла будить Дочку короля и нашла ее кровать пустой.

Она тут же прибежала к Королю и забарабанила в его дверь кулаками:

— Проснитесь, проснитесь, вашу Дочку украли!

Король в ночном колпаке выскочил из постели и закричал в замочную скважину:

— Кто?

— Мальчишка, который чистит серебряную посуду, — ответила Нянька. — Еще на прошлой неделе пропала серебряная тарелка. Кто украл тарелку, тот украл и принцессу.

— Посадить Мальчишку в тюрьму! — приказал Король.

Нянька опрометью бросилась к казармам и велела Генералу арестовать Мальчишку, который чистит королевское серебро. Генерал надел шпоры и эполеты, пристегнул шпагу, все свои ордена и медали и дал солдатам приказ отправляться по домам на недельный отпуск.

Зачем?

Ну как же, чтобы попрощаться сначала с родной матушкой.

— Мальчишку мы арестуем первого апреля, — объявил Генерал и заперся в своем кабинете обдумывать план операции.

А Нянька вернулась во дворец и доложила обо всем Королю. Король от удовольствия потер руки.

— Поделом Мальчишке! — сказал он. — Первого апреля мы его арестуем. А пока займемся-ка розысками принцессы.

И Король послал за своим Главным сыщиком и рассказал ему, что случилось. Главный сыщик сделал умное лицо и сказал:

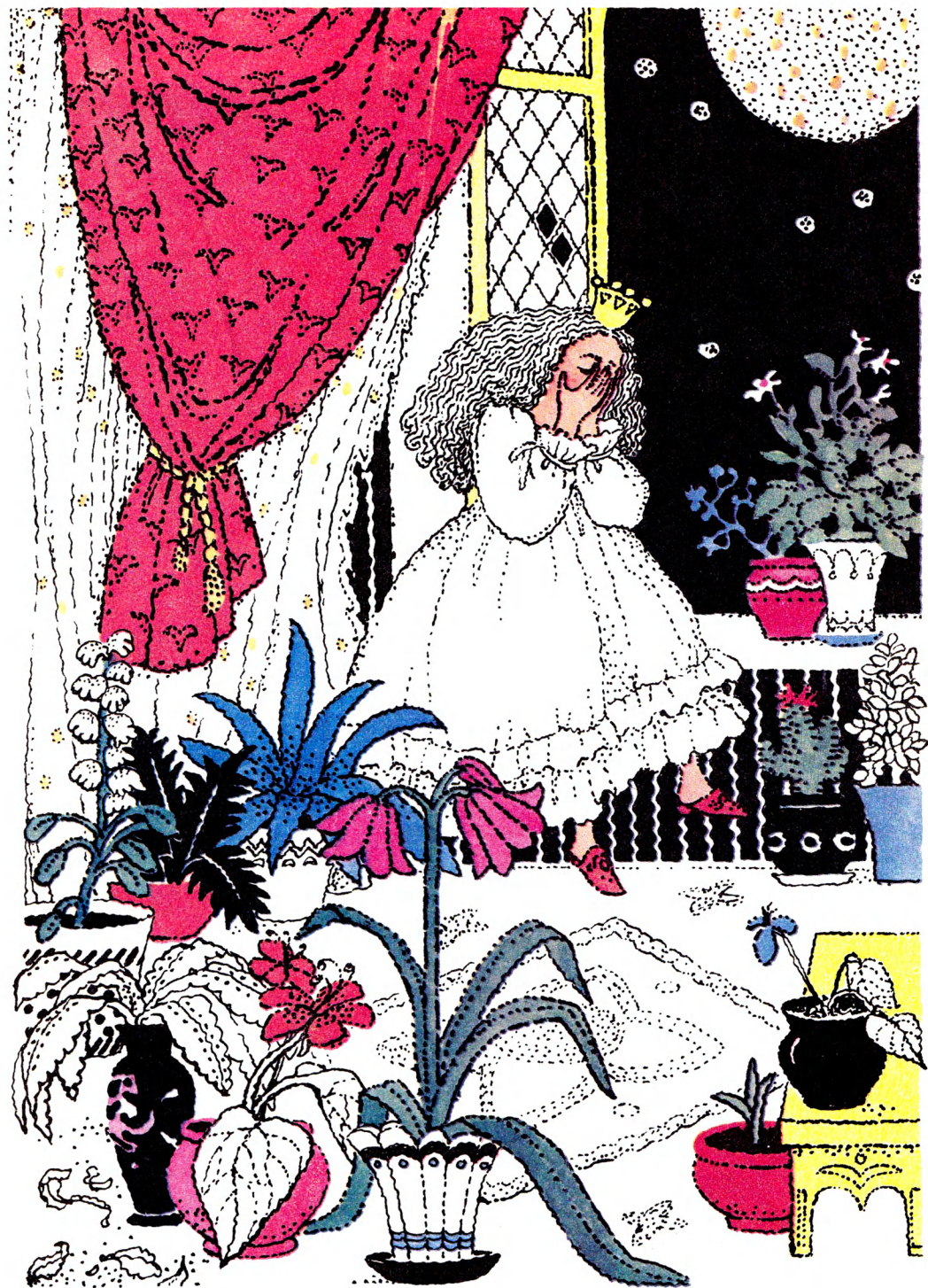
— Первое — надо найти ключ к тайне. Второе — снять отпечатки пальцев.

— Чьих? — спросил Король.

— Каждого и всякого, — ответил Главный сыщик.

— Даже моих? — спросил Король.

— Конечно! — воскликнул Главный сыщик. — Ведь ваше величество — первый человек в государстве. Само собой, мы

начнем с вас.

Король был польщен и протянул сыщику два больших пальца.

Главный сыщик развел в тарелке черную сажу, и Король приготовился было окунуть в нее свои большие пальцы, как вдруг явилась королевская Кухарка и сказала:

— Я подаю в отставку!

— Почему? — спросил Король.

— Потому что, сколько ни бьюсь, никак не могу разжечь плиту, — сказала Кухарка. — А если плита не горит, мне совершенно здесь нечего делать.

— Почему же плита не горит? — спросил Король.

— Потому что вода! Я ее вытираю и вытираю, а она все капает и капает из дымоходной трубы прямо на плиту, и огонь не разгорается. А без огня обед не приготовишь, ведь верно? Значит, я ухожу.

— Когда? — спросил Король.

— Сию минуту, — ответила Кухарка.

— Нет, сначала оставь отпечатки пальцев, — сказал Король.

— А это больно? — спросила Кухарка.

— Что ты, ничуть, — сказал Король. — Только щекотно.

Кухарка оставила отпечатки больших пальцев и ушла упаковывать свои сундуки и корзины.

Как только разнеслась весть, что королевская Кухарка подала в отставку, тут же все кухарки в королевстве тоже подали в отставку, потому что королевский дом для всех пример — для герцогов и для графов, для булочников и башмачников, для всех Джонни, Джеков и Джонов. Ну не глупо ли?

И вот что из этого вышло...

Но всего, что из этого вышло, в одной главе не расскажешь, поэтому, если хотите узнать, что было дальше, переходите к следующей главе.

НОЧЬ НЕ ПРАВА!

Полетела Летучая мышь на поиски Ночи, чтобы рассказать ей про Дочку короля. Да найти Ночь было нелегко, хотя тут и там уже мелькала ночная тень. Наконец Летучая

мышь встретила Ночь в лесу. Она наводила там свой порядок. Если какой-нибудь цветок забыл закрыть глаза на ночь, она тихонько дула на него, и цветок сворачивал свои лепестки. Если дерево дрожало во сне всеми своими листочками, Ночь ласково прикасалась к нему, и оно переставало дрожать. Если птенец пищал в гнезде, она гладила его по спинке, и он снова засыпал.

А вот Сову или Ночную бабочку Ночь будила:

— Не дремлите, вставайте, летайте!

И Сова покидала свое уютное дупло, а Ночная бабочка — зеленый лист и летели по разным ночным делам.

Летучая мышь опустилась на плечо Ночи.

— Тебе что, малютка? — спросила Ночь.

— Я прилетела сказать, что Дочь короля хочет Луну!

— Луну? С неба Луну? — удивилась Ночь. — Нет, я не могу обойтись без Луны, так и передай Дочке короля.

— Ах, она горько-горько плачет и просит у тебя Луну, добрая матушка Ночь, — сказала Летучая мышь.

— Как не стыдно! — рассердилась матушка Ночь. — Ты только подумай, что получится, если все матери будут давать детям все, что они вздумают попросить? Назови мне хоть одну серьезную причину, почему я должна отдать Дочке короля Луну, тогда посмотрим.

Летучая мышь подумала и сказала:

— Потому что у нее серые глаза, черные волосы и белая кожа.

— Но какая же это причина? Нет, нет, ступай, у меня еще так много дел!

И Ночь сняла Летучую мышь со своего плеча и исчезла в лесной чаще, а Летучая мышь надулась от обиды и повисла на ветке дерева вниз головой.

Из дупла высунулась Сова и спросила:

— Ты говоришь, у нее серые глаза?

— Ну да, серые, как сумерки.

Из норки выглянул Крот и спросил:

— Ты говоришь, у нее черные волосы?

— Ну да, чернее тени.

На лист присела Ночная бабочка.

— Ты говоришь, у нее белая кожа? — спросила она.

— Белее света звезд.

И серая Сова решила:

— Значит, она нам сестра, и мы должны постоять за нее. Если ей хочется Луну, надо отдать ей Луну. Ночь не права!

— Ночь не права! — согласился Крот.

— Ночь не права! — повторила Ночная бабочка.

А легкий ветерок подхватил эти слова и разнес по всему свету.

— Ночь не права... Ночь не права... Ночь не права... — шептал Ветер.

И все дети Тьмы сошлись послушать его, и совы, и лисы, и ночные певцы — козодои и соловьи, — и мотыльки, и мыши, и белки, и даже кошки, разгуливающие по крышам. А послушав Ветер, сами стали повторять:

— Ночь не права!

— Ночь не права!

— Ночь не права!

— Вы слышали новость? — пропищала Мышка Мотыльку. — Ночь не права!

— Конечно, не права, — сказал Мотылек. — Я всегда это говорил.

А Соловей пел об этом так громко, что его песня долетела до Звезд, и Звезды стали повторять за ним:

— Ночь не права! Ночь не права!

— Что вы говорите? — спросила Луна, выплывшая на середину небосклона.

— Мы говорим и повторяем и будем повторять до утра, что Ночь не права.

— Тише, тише, — сказала Луна, — не спешите говорить так. Лучше обдумаем и обсудим все хорошенько. Подождем до 1 апреля и тогда решим, права Ночь или не права. А сейчас все по домам, скоро уже день.

ДОЛОЙ ДЕНЬ!

Когда дети Тьмы разошлись по домам и настал рассвет, Ласточка полетела искать День, чтобы сказать ему про Дочку короля, которая плачет о Луне. Она увидела, как День

выходит из-за моря, оставляя золотистые следы на песке.

— Ты словно первый жаворонок, — сказал День Ласточке. — Почему так рано?

— Потому что Дочка короля горько плачет, она хочет Луну и не может достать.

— Какой вздор, — сказал День. — И только из-за этого ты поспешила мне навстречу? Но почему мы должны отдать ей Луну?

— Потому, потому... — И Ласточка задумалась, чтобы найти ответ. — Ну, потому, что у нее голубые глаза, золотые волосы и розовые щечки.

— Какая она богатая, — сказал День. — Зачем же ей еще и Луну? Или ты хочешь поссорить меня с матушкой Ночью, лишь бы высохли слезы на глазах у Дочери короля? Лети-ка лучше, дитя мое, по своим делам, а я примусь за свои.

И с берега моря День перешагнул сразу на луга, позолотив цветы и траву.

Из горного озера высунула голову красная Рыбка и спросила:

— Ты говоришь, у нее голубые глаза?

— Голубые, как небо! — ответила Ласточка.

С утеса свесила голову Ромашка.

— И золотые волосы? — спросила она.

— Как лучи солнца, — ответила Ласточка.

Чайка застыла в вышине, чтобы спросить:

— И розовые щечки?

— Розовые, как рассвет! — ответила Ласточка.

— Значит, она нам сестра! — громко крикнула Чайка и нырнула вниз с высоты. — И если она просит Луну, надо дать ей Луну. День не прав, что не хочет отдать ей Луну. Долой День!

— Долой День! — подхватила Ромашка.

— Долой День! — повторила за ней красная Рыбка.

А Ветер отнес их слова к морю, и волны подхватили и их унесли к другим берегам. И все дети Света стали повторять за ним:

— Долой День!

— Долой День!

— Долой День!

И попугаи, и обезьяны, и даже слоны и шакалы.

А Жаворонок выводил такие голосистые трели, что Солнце спросило его:

— О чем ты?

— Долой День! Долой День! Долой День! — звенел Жаворонок.

— Только не сегодня, — сказала Солнце. — С этим спешить никогда не стоит, надо все обдумать и обсудить. Подождем до 1 апреля, а там решим, прогнать День или простить.

ПО СЛЕДАМ ПРИНЦЕССЫ

Тем временем королевские сыщики пустились по городу на розыски принцессы. Кто выбрал главные улицы, а кто закоулки, кто рыскал по паркам, а кто заглядывал в кабаčky и таверны. И всюду они находили подозрительные следы подозрительных личностей и спешили с ними во дворец к Королю.

Сыщик Первый переоделся ночным сторожем и не успел выйти на улицу, как тут же увидел Бродягу в лохмотьях, который крепко спал на траве под деревом.

«Подозрительный тип», — подумал Сыщик и, склонившись над спящим, крикнул ему прямо в ухо:

— Где королевская Дочка, признавайся!

Бродяга приоткрыл один глаз и пробормотал:

— Первый переулок направо, второй налево, — и захрапел снова.

Сыщик бросился в переулок направо, затем повернул налево и очутился перед кабачком «Свиная голова». В кабачке на деревянных лавках за длинным столом сидели девятнадцать веселых моряков. Они только-только вернулись из дальнего плавания к Гавайским островам, и тощий Хозяин и толстая Хозяйка угощали их добрым элем.

Сыщик отвел Хозяйку с Хозяином в сторону и строго спросил:

— Где королевская Дочка?

— Какая такая Дочка? — спросил Хозяин.

— Где-нибудь да есть, только не здесь, — ответила Хозяйка.

— Ах, вы еще будете отпираться! — рассердился Сыщик. — Руки вверх!

И он арестовал Хозяйку с Хозяином, а потом, для большего спокойствия, и девятнадцать веселых моряков и велел всем следовать за ним во дворец. А по дороге, для еще большего спокойствия, арестовал и Бродягу, спавшего на траве под деревом. И привел всех к Королю.

— Кто такие? — спросил Король.

— Подозрительные личности, ваше величество, — сказал Сыщик. — Вот он, — и Сыщик указал на Бродягу, — сказал, что ваша Дочка у них. — И он указал на Хозяйку с Хозяином. — А они отпираются. Значит, кто-то из них говорит неправду.

— Тем хуже для них! — сказал Король. — Всех подозрительных личностей — в тюрьму! И если до 1 апреля они не докажут, что ни в чем не виноваты, мы их строго накажем. А вы получите награду!

Следом за Сыщиком Первым к Королю явился Сыщик Второй, переодетый покупателем, а с ним продавец тканей, сорок три продавщицы, Няня и ребенок в коляске да еще сто восемнадцать покупателей.

— Кто такие? — спросил Король.

— Подозрительные личности, ваше величество, — сказал Сыщик Второй. — Я заметил коляску с ребенком перед магазином тканей и полчаса наблюдал за ним. И все полчаса ребенок в коляске хныкал самым подозрительным образом, а когда я строго спросил его, где королевская Дочка, он расплакался еще пуще и не дал мне никаких объяснений. Тогда я вошел в магазин и увидел перед прилавком Няню. Продавец отмеривал ей кусок какой-то материи. «Чем это вы тут занимаетесь?» — спросил я. «А какое вам дело?» — сказала Няня. Тогда я выхватил у нее кусок этой вот материи. Вот, смотрите! — И Сыщик вытащил из кармана кусок ситца в цветочек.

— А для чего он? — спросил Король.

— Именно этот вопрос я и задал Няне. Но она ответила: «Это не мужское дело!» И так и не захотела признаться. Пришлось мне арестовать ее, а также всех, кто находился в это время в магазине, а заодно и ребенка в коляске.

— Вы правильно поступили, — похвалил его Король. — И

если до 1 апреля они не докажут, что не виноваты, мы их строго накажем, а вас наградим.

И он приказал отвести в тюрьму Няню с ребенком в коляске, продавца тканей и сорок три продавщицы, а заодно и сто восемнадцать покупателей, которые оказались случайно в магазине.

Только их увели, как явился Сыщик Третий, переодетый почтальоном, а за ним четыреста двадцать три корреспондента.

— Кто такие? — спросил Король.

— Подозрительные личности, ваше величество, — сказал Сыщик Третий. — Не захотели сказать, что они написали в своих письмах, и я арестовал их за сокрытие тайны.

— Прекрасно! — воскликнул Король. — Если до 1 апреля они не признаются, мы их строго накажем, а вас наградим.

Не прошло и часа, как к Королю явился Сыщик Четвертый, переодетый билетным контролером, а с ним девятьсот семьдесят пять пассажиров, которые купили железнодорожные билеты, чтобы зачем-то уехать из города, а вслед за ним Сыщик Пятый, переодетый библиотекарем, а с ним две тысячи триста четырнадцать читателей, которые почему-то спрашивали в библиотеке только романы про разные приключения, похищения и страшные тайны. Конечно, все это были весьма подозрительные личности, и всех их бросили в тюрьму до поры до времени, пока они не придумают себе оправдания. А не придумают, тем хуже для них — 1 апреля будут строго наказаны.

БАРАБАНЩИК ДЖОННИ ДЖЕНКИНСОН

А солдаты королевской армии спешили по домам на недельный отпуск, чтобы перед ответственной операцией проститься с родной матушкой. Барабанщик Джонни Дженкинсон постучал барабанной палочкой в дверь своей хижины:

Там, та-та-там! Там, та-та-там!..

Услышав знакомый стук, матушка бросилась отворять дверь. Увидев Джонни, она всплеснула руками и кинулась ему на шею.

— Неужели это ты, Джонни? Неужели ты? — словно не могла поверить своим глазам.

— Ясное дело, я, ма, — ответил Джонни. — А что у нас сегодня на ужин?

— Отец, иди-ка сюда! — крикнула миссис Джон Дженкинсон.

Из сада пришел мистер Джон Дженкинсон и, увидев сына, так и плюхнулся на стул и тут же задымил трубкой, чтобы скрыть свое волнение.

— Какими судьбами ты здесь, Джонни? — спросила матушка. — А мы-то думали, ты в дальних краях.

— У меня недельный отпуск, ма, — сказал Джонни. — Все солдаты получили на неделю отпуск.

— Почему вдруг?

— Гм, — Джонни принял таинственный вид, — об этом нам не сказали. Но догадаться нетрудно. Предстоит что-то...

— Неужели война? — прошептал мистер Джон Дженкинсон.

— А что же еще, отец, — ответил Джонни.

— С кем война, Джонни? — спросила миссис Джон Дженкинсон.

— Ну, это держат в строжайшей тайне, ма, — ответил Джонни. — Правда, никто не может запретить нам строить догадки. Некоторые, например, считают, что это будет война с Северным королем, ну, а другие — что с Южным. Лично я думаю, что... — Но тут он замолчал, так как не успел еще решить, что же лично он думает.

— Уж не хочешь ли ты сказать, Джонни, что война и с тем и с другим, с двумя сразу? — в страхе проговорила миссис Джон Дженкинсон.

— Гм, отчего же нет, — сказал Джонни и зажмурил один глаз для пущей важности.

— Вот напасть-то! — простонала миссис Джон Дженкинсон. — Обоих вместе нам никогда не одолеть, никогда!

— Положитесь на нас, ма! — гордо сказал Джонни и дал дробь по барабану. — Нам бы лучше набить животы, и тогда любого врага мы разобьем. Так что у нас сегодня на ужин, ма? Миссис Джон Дженкинсон спрятала лицо в передник и расплакалась.

— Ничего, Джонни, ровным счетом ничего! Все кухарки в королевстве подали в отставку.

— Да ты что, ма? — вскричал Джонни, начиная сердиться. — Когда это мы в доме держали кухарку? Ты же сама всегда стряпала!

— Ну и что! — возразила матушка и, вытирая глаза, гордо посмотрела на сына. — Раз я стряпала, значит, я кухарка и имею право, как и все кухарки, подать в отставку.

— Но зачем, ма?

— А как же иначе! Королевская Кухарка подала третьего дня в отставку, а за ней и все остальные кухарки в королевстве. Не могу же я отстать от них.

Джонни опустил на стул рядом с отцом.

— Так, значит, отпуск у меня испорчен, — проговорил он. — Но что хуже всего, значит, и у всех наших ребят отпуск испорчен. Нет, вы себе не представляете, что значит для солдата еда, когда он приходит домой в отпуск.

— Не только для солдата в отпуске, — заметил мистер Джон Дженкинсон, попыхивая трубочкой, чтобы скрыть свои чувства, — для других тоже.

— А что же ты делаешь, па, когда приходит время обедать? — спросил Джонни.

— Иду в кабачок покурить, — сказал мистер Джон Дженкинсон.

— Ну, пошли вместе, — сказал Джонни.

И отец с сыном, печальные, отправились в соседний кабачок.

А в кабачке собрались все мужчины деревни. Куда им было еще пойти, раз женщины отказались для них готовить? И возмущение их против женщин все росло. День ото дня мужчины становились все злее и злее, а женщины все упрямей и упрямей.

— Где завтрак? Где обед? Где ужин? — сердились мужчины.

— Король же обходится без завтрака, без обеда и без ужина, — возражали женщины. — А чем вы лучше Короля?

Скоро уже по всей стране мужчины собирались в кабачках, чтобы выразить свое возмущение. Наконец они решили: если

будет так продолжаться и женщины не начнут готовить, они перестанут работать.

— Только надо действовать дружно! — сказал отец Джонни. — Давайте все перестанем работать 1 апреля!

И его слово, точно лесной пожар, облетело все города и деревни в королевстве, и все мужчины, до одного, поклялись, если их не начнут кормить, 1 апреля бросить работу. А все солдаты, которые пришли домой на недельный отпуск, поклялись, что, если их не будут кормить, они не пойдут воевать.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

И вот настало 1 апреля.

Король сам сварил себе утренний кофе и, отхлебнув первый глоток, сказал:

— Сегодня все арестованные будут строго наказаны.

Королевский Генерал сам намазал хлеб маслом и сказал:

— Сегодня будет арестован Мальчишка, который чистит королевское серебро.

А все мужчины в королевстве сказали:

— Сегодня мы бросаем работать.

И все солдаты заявили:

— Больше мы не станем воевать.

А Луна созвала детей Тьмы и сказала:

— Сегодня мы решим, права Ночь или не права.

И такое тут началось...

Генерал приказал своим полковникам вернуть всех солдат из отпуска, чтобы они арестовали Мальчишку, который чистит королевское серебро. Но солдаты не захотели.

— Почему? — спросил Генерал своих полковников.

— Почему? — спросили полковники своих солдат.

Первым ответил барабанщик Джонни:

— Потому что солдат — такой же мужчина, как все, а все мужчины поклялись 1 апреля бросить работу.

— Почему? — спросили полковники, гневно прихлопнув шпорами.

— Потому что, пока королевская Кухарка не начнет готовить для Короля, все женщины в королевстве не станут готовить для

мужчин, а на пустой желудок ни один мужчина не станет работать.

Полковники доложили об этом Генералу, и Генерал, тряхнув сердито своими орденами и медалями, пошел сказать Королю, что надо немедленно вернуть королевскую Кухарку.

Король немедленно послал за Кухаркой. Она пришла на кухню, увидела, что на плиту все еще капает вода, а стало быть, разжечь огонь будет невозможно, и сказала:

— Видите, плита не горит, значит, я не могу готовить и ухожу.

— Постой! — сказал Король и приказал своему Генералу: — Арестуйте мою кухарку!

— Не могу, ваше величество, — сказал Генерал.

— Как так? — изумился Король.

— С одной стороны, я — королевский Генерал, что верно, то верно. Но в то же время я — мужчина, и пока моя жена не начнет меня кормить, я не могу работать.

— А как же будет с арестованными? — спросил Король. — Сегодня их должны наказать!

— Придется им остаться безнаказанными, потому что никто в королевстве не работает и некому их наказывать.

— Но это же светопреставление! — воскликнул Король.

И тут в самом деле началось светопреставление, или, как говорят ученые, затмение Луны.

Солнце зашло на востоке, собаки замаякали по-кошачьи, Звезды спустились с неба и пошли гулять по Земле, часы в полдень пробили полночь, Ветер подул совсем не в ту сторону, петух прокричал свое кукареку Луне, и Луна вошла над Землей, но не той стороной — не серебряной, а темной, почти совсем-совсем черной.

И тут открылась дверь, и в приемную Короля вошла королевская Дочка, прямо, как была, в ночной рубашке.

НОЧЬ ПРАВА

Король бросился к ней, прижал ее к сердцу и спросил:

— Доченька, где ты пропадала?

— Я сидела на дымовой трубе, па, — ответила Дочка короля.

— Зачем же ты сидела на дымовой трубе, моя крошка?

— Мне хотелось достать Луну, — ответила принцесса. — Она такая красивая, такая круглая, вся серебряная.

Но тут Нянька схватила Дочку короля за руку и потащила вон из комнаты.

— Ах, неслушница, — сердито ворчала она, — да у тебя вся рубашка промокла. Что ты делала?

— Я плакала, — ответила Дочка короля, — всю ночь и весь день, всю ночь и весь день и промочила рубашку.

— И рубашку, и крышу, и дымовую трубу... — сердилась Нянька.

— И плиту! — воскликнула Кухарка.

Она бросилась бегом на кухню, прямо к плите. Теперь на плиту ничего не капало, и Кухарка быстренько разожгла огонь и принялась стряпать.

А Король хлопнул в ладоши и сказал Генералу:

— Теперь нам не придется арестовывать Мальчишку, который чистит королевское серебро.

— Почему? — спросил Генерал.

— Потому что он не крал Дочь короля, — сказал Король. — И можете отпустить всех, кого посадили в тюрьму и должны были строго наказать.

И вот все вышли на свободу: и Бродяга, и девятнадцать веселых моряков, и Няня с ребенком в коляске, и продавец, и сорок три продавщицы, и сто восемнадцать покупателей, и четыреста двадцать три корреспондента, и девятьсот семьдесят пять пассажиров, которые хотели прогуляться за город, и две тысячи триста четырнадцать любителей увлекательных романов про загадочные происшествия. Словом, все-все.

И тогда Король сказал своей Дочке:

— Я не буду на тебя сердиться, если ты мне дашь одно обещание.

— Какое? — спросила Дочка.

— Никогда больше не плакать о Луне.

— Не буду! — пообещала Дочка короля. — Луна мне больше не нравится. Она, оказывается, вовсе не серебряная, а совсем-

совсем черная. А что у нас сегодня на обед?

«А что у нас сегодня на обед?»

Этот вопрос быстрее молнии облетел все королевство, и быстрее молнии женщины принялись за свои горшки и кастрюли, а мужчины за свою работу, и Солнце снова взошло с востока, часы в полдень пробили двенадцать, собаки залаяли, кошки замыкали, а Ветер подул куда следует, и дети Тьмы сказали:

— А выходит, Ночь права. Ночь права!

— Ночь права!

— Ночь права!

— И да здравствует День! — подхватили дети Солнца. — Да здравствует День!

Карел ЧАПЕК

БРОДЯЖЬЯ СКАЗКА

Так вот, жил был один бедный человек. Звали-то его, собственно говоря, Франтишек Король, но так его называли только тогда, когда его забирал за бродяжничество стражник и вел в полицейский участок. Там его записывали в толстенную книгу и укладывали спать на нары, а утром опять выгоняли. Вот тогда-то полицейские его и называли «Франтишек Король», а остальные люди называли его совсем иначе: этот бродяга, бездельник, дармоед, оборванец, этот бездомный, этот лентяй, эта подозрительная личность, звали его пропащим нищим, попрошайкой, типом, гольтепой, индивидом, субъектом, оборвышем, проходимцем, и много еще всяких других имен ему давали. Коли платили бы ему за каждое такое имя по кроне, давно мог бы он себе купить желтые ботинки, а может, даже и шляпу; но пока он себе не купил ничего, и было у него только то, что ему люди подавали.

Как видите, упомянутый Франтишек Король не пользовался особенно хорошей репутацией, да и на самом деле был он

¹ Все это — соседние деревни в радиусе четырех километров от родной деревни рассказчика. (Примеч. перев.)

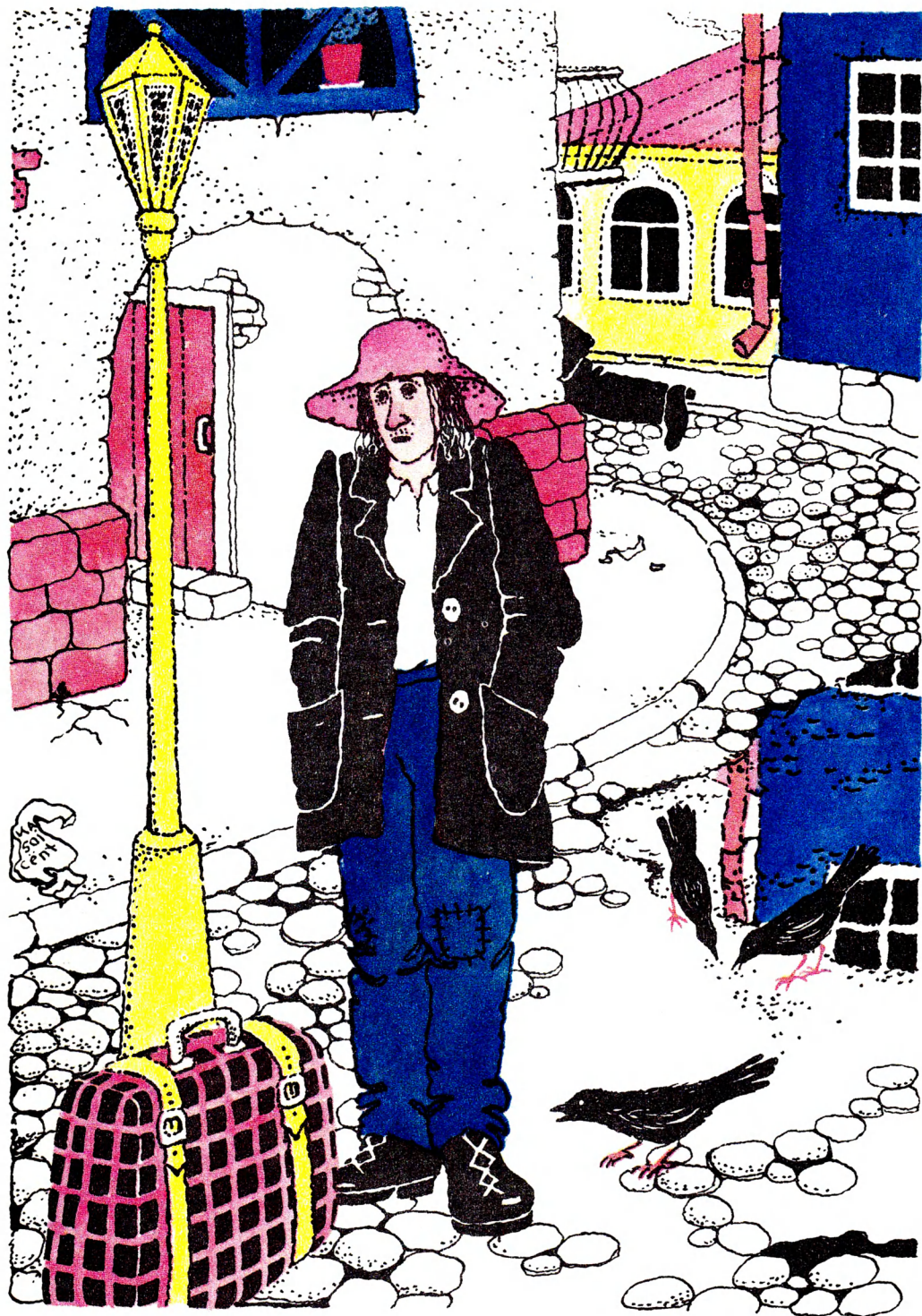
всего-навсего бродяжка, который только даром небо коптил и ничего другого не умел, как на кишках играть. А знаете, как на кишках играют? Вот как: если у человека утром маковой росинки во рту не было, пообедал он вприглядку и вечером зубы на полку положил, то начинает у него от голода в животе бурчать; тогда и говорят, что он на кишках играет.

Франтишек Король так наловчился играть на кишках, что мог бы хоть концерты давать; и вообще была у него, что называется, музыкальная жилка. Правда, только жилка — откуда ж ему, бедняге, мяса было взять! Кинут ему кусок хлеба — он его съест; обидное слово ему бросят — он и его проглотит, до того был голодный! А когда ничего не раздобудет, ляжет где-нибудь под забором, ночью тьмой укроется и попросит звездочки приглядеть, чтоб у него во сне никто шапки не украл.

Такой бродяга знает кое-что о жизни: знает, где его покормят, а где угостят только бранью; знает он, где есть злые собаки, которые на бродяжек точат зубы не хуже стражников. Но вот расскажу я вам об одном псе... как, бишь, его звали?.. ага, Фоксль. Сейчас уж он, бедный, на том свете. Так этот самый Фоксль служил в замке в Хижи и был такого странного нрава, что только увидит бродягу — визжит от радости, танцует вокруг него и провожает его прямехонько на барскую кухню. А вот если приедет в замок какой-нибудь важный барин — скажем, барон, граф, князь или хоть бы и пражский архиепископ, — так этот Фоксль залает на него как бешеный и непременно укусит, если кучер его не запрет в конюшне... Как видите, и собаки бывают разные, так же как и люди.

Кстати, раз уж мы заговорили о собаках: знаете, ребята, почему собака машет хвостом?

Вот какая история. Сотворив мир, ходил создатель от одной божьей твари к другой и спрашивал у нее, хорошо ли ей жить на свете, всем ли она довольна и тому подобное. Ну, стало быть, дошла очередь и до первого пса на свете. Создатель спросил его, всем ли он доволен и не нужно ли ему чего. Пес хотел покачать головой: мол, господь с вами, ничего мне не надо, но так как он в это же время прислушивался к чему-то ужасно интересному, то ошибся и замахал хвостом. С той поры собака машет хвостом, хотя прочие звери — скажем, конь и корова — умеют кивать головой, как человек. Только свинья не

умеет ни качать, ни кивать головой, а все потому, что, когда и ее создатель спросил, всем ли она на белом свете довольна, она продолжала копать рылом землю, искать желуди и только нетерпеливо затрясла хвостиком, словно хотела сказать: «Пардон, минуточку, сейчас мне как раз некогда». С той поры свинья так все время и трясет хвостиком, и в наказание хвостик ее и доныне едят с горчицей или хреном, чтобы ее и после смерти пощипывало. Так уж оно ведется с сотворения мира...

Но ведь я не об этом собирался сегодня рассказывать, а о том бродяжке, которого звали Франтишек Король. Ну-с, наш бродяга обошел почти весь белый свет; побывал даже и в Трутнове, и в Краловете Градце, и в Скалице, а под конец даже и в Водолове, и в Маршове, и в других далеких краях...¹ Одно время нанялся он к моему дедушке в Жерновце, но, сами понимаете, бродяга есть бродяга; вскоре собрал он свою котомку и побрел опять дальше не то в Старкоче, не то еще куда-то на край света, и опять его и след простыл — такой уж у него был непоседливый нрав.

Я уже вам говорил, что люди его звали бродягой, непутевым и по-всякому, а иные его называли даже воришкой, жуликом или разбойником, но они его понапрасну обижали: Франтишек Король никогда ни у кого ничего не взял, не украл и не стащил. Уж поверьте мне, и нитки не стянул! Именно потому, что был он такой честный, попал он в конце концов в большую честь. Вот как раз об этом я и хотел вам рассказать.

Стоял однажды этот бродяжка Франтишек на перекрестке возле Подместечка и думал: то ли ему пойти к Вичекам попросить булку, то ли к старому пану Проузу — попросить рогалик. А тут идет мимо него какой-то господин в котелке, с виду ни дать ни взять иностранный турист, важный-преважный, с чемоданчиком в руке. Вдруг подул ветер, сорвал с головы у этого пана котелок и покатило его по дороге.

— Подержи-ка минутку, братец, — крикнул господин и отдал бродяге Франтишку свой чемоданчик.

Не успел Франтишек и рта раскрыть, как тот уже мчался за котелком так, что пыль столбом!

Стоит, значит, Франтишек Король с чемоданчиком в руке и ждет, когда хозяин вернется. Ждет полчаса, ждет час, а хозяина

---

¹Все это — соседние деревни в радиусе четырех километров от родной деревни рассказчика. (Примеч. перев.)

все нет и нет. Франтишек боится и за хлебом сбегать — как бы с незнакомцем не разминуться, когда тот вернется за чемоданом. Ждет он два часа, ждет три, а чтобы не скучать, на кишках играет.

Нет того человека и нет, а уже ночь наступает. На небе мерцают звездочки. Весь городок спит, свернувшись, как кошка на печке, и только что не мурлычет — так ему сладко спится, а бедный бродяжка Франтишек все стоит столбом, зябнет, смотрит на звезды и ждет, когда же тот незнакомец воротится.

Как раз пробило полночь, когда услышал он страшный голос:

— Что вы тут делаете?

— Жду одного незнакомого человека, — сказал Франтишек.

— А что у тебя в руке? — допытывался страшный голос.

— Это чемоданчик того человека, — говорит бродяга. — Он велел мне его подержать, пока вернется.

— А где тот человек? — спросил в третий раз страшный голос.

— Он побежал шляпу свою догонять, — отвечает Франтишек.

— Ого-го! — сказал грозный голос. — Это подозрительно. Следуйте за мной!

— Да как же? — попытался возражать бродяга. — Я тут должен дожидаться.

— Именем закона вы арестованы! — прогремел грозный голос, и тут только Франтишек Король понял, что это сам пан Боура, стражник, и что спорить не приходится.

Почесал он в затылке, вздохнул и пошел с паном Боурой в участок. Там его записали в толстую книгу и заперли в холодную, да и чемоданчик убрали до тех пор, когда придет пан судья.

Утром привели бродягу пред лицо пана судьи. А был это, дай бог памяти, пан советник Шульц. Теперь уж он тоже в том краю, где нет никаких горестей и печалей.

— Ах ты, бездельник, негодник, дармоед, — сказал судья, — ты опять тут? Ведь и месяца не прошло, как мы тебя засадили за бродяжничество! Господи, ну и беда мне с тобой, братец! Так за что же тебя забрали? За то, что шлялся?

— Да нет, пан судья, — отвечает бродяга Франтишек, — теперь меня забрал пан Боура за то, что я стоял на месте.

— Ну вот видишь, бродяга ты этакий, — говорит пан судья, — зачем же ты стоял? Если бы не стоял, тебя бы не забрали! Но я слышал, что у тебя нашли какой-то чемоданчик? Правда это?

— Простите, ваша милость, — говорит бродяга, — этот чемоданчик дал мне один незнакомый человек.

— Хо-хо! — воскликнул пан судья. — Знаю я этого незнакомого человека! Когда ваш брат что-нибудь стащит, вы всегда говорите, что вам это дал какой-то незнакомый человек. Нас, братец, на мякине не проведешь! А что там в чемоданчике?

— Провалиться мне на этом месте, не знаю! — сказал бродяга Франтишек.

— Ах ты, проходимец! — говорит пан судья. — Так мы сейчас сами посмотрим!

Открыл пан судья чемоданчик, да так и подскочил от удивления. Чемодан был битком набит деньгами. И когда судья их сосчитал, оказалось, было там один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и сверх того зубная щетка!

— Прах тебя возьми, — закричал пан судья, — где ты это, любезный, украл?

— Помилуйте, пан судья! — отвечает Франтишек Король. — Мне дал подержать чемоданчик один незнакомый человек, который гнался за шляпой, которую с него ветром сорвало.

— Ах ты, мошенник! — завопил пан судья. — Ты думаешь, мы тебе поверим? Хотел бы я видеть, кто это доверит такому оборванцу, как ты, один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и к тому же еще зубную щетку!.. Марш в холодную! Будь покоен, мы выясним, у кого ты украл чемодан.

Так-то случилось, что заперли беднягу Франтишка в холодную на долгий-долгий срок.

Прошла зима, и весна миновала, а все еще не нашли никого, кто бы объявил о пропаже этих денег, и вот пан советник Шульц, и пан стражник Боура, и остальные паны в суде и полиции стали уже думать, что Франтишек Король, бродяга без определенных занятий и без постоянного местожительства, неоднократно привлекавшийся к судебной ответственности и во-

обще голь перекатная, где-то убил и закопал неизвестного человека и похитил у него чемодан с деньгами.

Итак, когда прошел ровно год и один день, снова предстал Франтишек Король перед судом по обвинению в убийстве неизвестного человека и похищении одного миллиона трехсот шестидесяти семи тысяч восьмисот пятнадцати крон девяноста двух геллеров и зубной щетки.

Ай-ай-ай, беда, ребята, — за такое дело полагается веревка!

— Эй ты, негодяй, злодей, грабитель, — говорит пан судья обвиняемому, — признавайся-ка лучше во всем: где ты того господина убил и закопал? Тебе будет легче висеть, если признаешься.

— Да ведь я ж его не убивал! — защищался бедняга Франтишек. — Он только погнался за той шляпой, как его и след простыл. Летел он, как портной на ярмарку, а чемодан этот он сам мне сунул в руку.

— Ну-с, — вздохнул пан судья, — если ты так этого хочешь, повесим тебя и без признания... Пан Боура, ну-ка, с божьей помощью, повесьте этого закоренелого злодея!

Не успел он докончить, как распахнулись двери и в них показался какой-то незнакомый человек, запыхавшийся и весь в пыли.

— Нашелся, наконец! — выпалил он.

— Кто нашелся? — спросил пан судья строгим голосом.

— Да котелок! — сказал незнакомец. — Ну и кутерьма была, люди добрые!.. Представляете, иду я с год тому назад по дороге возле Подместечка, и вдруг у меня от ветра с головы котелок слетел. Я кидаю свой чемоданчик неведомо кому и — фью! — мчусь за котелком. А котелок, негодяй этакий, катится по мосту к Сыхрову, от Сыхрова — к Залесью, оттуда — в Ртыню, через Костелец — к Збечнику, через весь Гронов и Находу, а оттуда — к границе. Я все за ним, уж вот-вот бы его поймал, но на границе меня таможенник задержал — куда, мол, я так бегу. Я говорю, что, мол, за шляпой. Не успел я ему это объяснить, котелка и след простыл. Ну, переночевал я там и утром опять пустился как угорелый за котелком в Левин и Худобу, где еще эта вонючая вода...

— Погодите, — перебил его пан судья. — Тут суд идет, а не какая-нибудь лекция по географии!

— Так я вам расскажу совсем коротенько, — сказал незнакомец. — В Худобе узнаю, что котелок мой там выпил стакан воды, купил себе тросточку, а потом сел в поезд и поехал в Свиднице. Ну, разумеется, я еду за ним. В Свиднице этот мошенник-котелок переночевал в гостинице, ни копейки по счету не заплатил и опять уехал неизвестно куда. Навожу справки и узнаю, что он разгуливает по Кракову и — чтоб ему ни дна ни покрышки! — собирается там жениться на одной вдове. Пришлось ехать за ним в Краков.

— А почему вы за ним так гонялись? — спросил пан судья.

— Ну, — сказал незнакомец, — котелок был еще совсем как новый, а кроме того, я засунул под ленту обратный билет от Сватоновиц до Старкоче. Билет-то этот мне и нужен был, пан советник!

— А-а, — сказал пан судья, — тогда понятно.

— То-то же, — сказал незнакомец. — Не покупать же мне билет второй раз!.. Да, так где я остановился? Ага, еду в Краков. Ладно! Приезжаю я, значит, туда, а котелок — ну не негодяй ли? — укатил первым классом в Варшаву, выдает там себя за дипломата.

— Да ведь это же мошенничество! — воскликнул пан судья.

— Я так и заявил полиции, — продолжал незнакомец, — и телеграфировал в Варшаву, чтобы его задержали. Но, оказывается, мой котелок купил себе шубу — дело шло уже к зиме, — отрастил усы и уехал на восток. Я, само собой разумеется, за ним. А он в Оренбурге сел на поезд и поехал в Омск, через всю Сибирь! Я за ним. В Иркутске он потерялся. Наконец я его нагнал в Благовещенске, но он, пройдоха, и там улизнул от меня и покатился по всей Маньчжурии, к самому Китайскому морю. На берегу моря я его настиг — воды-то он боялся.

— Там вы его и сцапали? — спросил пан судья.

— Где там! — сказал незнакомец. — Я уже бежал к нему по берегу моря, но в эту самую минуту ветер переменялся, и котелок покатился опять на запад. Я — за ним. И так, представляете, гоняли мы по всему Китаю, потом по всему Туркестану, то пешком, то в паланкине, то на лошадях, то на верблюдах, пока, наконец, в Ташкенте он не сел в поезд и не поехал опять в Оренбург. Оттуда — в Харьков, в Одессу, а там и в Венгрию, потом повернул на Оломоуц, Чешску Тршебову, на

Тыниште и, наконец, опять сюда. И тут я его пять минут назад поймал на площади, когда он собирался идти в трактир. Фаршированного перцу ему, видите ли, захотелось!.. Вот он, голубчик!

С этими словами показал он свой котелок. Тот был, правда, совершенно истрепан, но, в общем, никто бы не сказал, что он такой отчаянный гуляка.

— А теперь поглядим, — воскликнул незнакомец, — цел ли мой обратный билет из Сватоновиц в Старкоче!

Он отогнул ленту и достал билет.

— Тут! — крикнул он победоносно. — Ну-с, теперь, значит, бесплатно поеду в Старкоче.

— Милый вы мой, — сказал пан судья, — а ведь билет-то ваш уже пропал!

— Как пропал? — ахнул незнакомец.

— Ну, ведь обратный билет действителен только трое суток, а вашему целый год и день. Так что, милейший, он уже недействителен.

— Тьфу ты пропасть, — сказал незнакомец, — мне это и в голову не пришло! Теперь придется покупать новый билет, а у меня в кармане ни гроша... — Незнакомец почесал в затылке. — Да погодите, ведь я же дал подержать свой чемоданишко с деньгами какому-то человеку, когда погнался за котелком!

— Сколько там было денег? — быстро спросил пан судья.

— Если не ошибаюсь, — ответил незнакомец, — было там один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и, кроме того, зубная щетка.

— Точка в точку! — подтвердил пан судья. — Так вот, чемоданчик у нас, со всеми деньгами и с зубной щеткой. А вот стоит тот человек, которому вы дали подержать свой чемоданчик. Зовут его Франтишек Король, и, признаться, я, а также пан Боура осудили его на смерть за то, что он вас ограбил и убил.

— Да что вы! — сказал незнакомец. — Так вы его, беднягу, забрали? Ну ладно, хоть деньги остались целы, а то бы он их растратил!

Тут пан судья поднялся и торжественно произнес:

— Судом установлено, что Франтишек Король не украл, не похитил, не присвоил, не стащил, а равно и не свистнул из

оставленных у него денег ни копейки, ни гроша, ни полушки, то есть ни капли, ни пылинки и ни крошки, хотя, как потом выяснилось, не имел сам денег ни на хлеб, ни на калач, ни на бублик, ни на сайку, ни равным образом на плюшку, сухарь или иную пищу или снедь, называемую также хлебобулочными изделиями, по-латыни *cerealia*. В силу изложенного суд объявляет, что Король Франтишек невиновен в убийстве или человекоубийстве, по-латыни *homicide*, невиновен в убиении, умерщвлении, покушении на жизнь, грабеже, насилии, краже и вообще в темных делишках. Наоборот, он день и ночь стоял как вкопанный на одном месте, дабы честно и благородно возвратить владельцу один миллион триста шестьдесят семь тысяч восемьсот пятнадцать крон девяносто два геллера и зубную щетку. Вследствие вышеизложенного объявляю его свободным и оправданным от подозрения, аминь... Черт побери, ребята, здорово у меня язык подвешен, а?

— Лихо, лихо! — сказал незнакомец. — Теперь надо бы дать слово этому честному бродяге.

— А что я могу сказать? — скромно произнес Франтишек Король. — Сроду не брал чужого, даже яблока упавшего не взял! Такой уж меня характер.

— Ну, братец, — объявил незнакомец, — тогда ты среди бродяг и всех прочих людей просто белая ворона.

— И я то же скажу! — добавил пан стражник Боура, который, как вы, конечно, заметили, до этой минуты не раскрыл рта.

Так-то вот и вышел Франтишек Король вновь на свободу; а в награду за его честность дал ему тот незнакомец столько денег, чтобы мог Франтишек купить дом, в дом — стол, на стол — тарелку, а на тарелку — порцию жареной колбасы.

Но так как у Франтишка Короля карман был дырявый, деньги эти он потерял и опять остался ни с чем. И снова он пошел по свету куда глаза глядят, а по дороге играл на кишках и все думал, почему это его называли белой вороной.

На ночь забрался он в пустую сторожку и уснул как сурок, а когда поутру высунул голову наружу, светило солнце, весь мир умывался свежей росой, а на заборе перед сторожкой сидела — кто бы, вы думали? — белая ворона. Франтишек сроду не видал белых ворон и так на нее загляделся, что и дышать позабыл. Была она вся белая, как свежавыпавший снег; глаза у

нее были красные, как рубины, а ножки розовые; она чистила себе перышки клювом. Заметив Франтишка, она расправила крылья, словно собираясь улететь, но осталась на месте и недоверчиво поглядывала рубиновым глазом на всклокоченную голову бродяги.

— Эй, ты, — вдруг заговорила она, — не будешь камнями кидаться?

— Не буду, — сказал Франтишек и тут только удивился, что ворона говорит. — Батюшки, да ты никак говорить умеешь?

— Подумаешь, велика важность! — сказала ворона. — Мы, белые вороны, все умеем говорить. Это серые вороны каркают, а я все, что хочешь, скажу.

— Да брось ты! — удивлялся Франтишек. — Ну, скажи хотя бы «кран».

— Кран, — сказала ворона.

— Тогда скажи «град», — потребовал Франтишек.

— Град, — повторила ворона. — Ну, теперь видишь, что я умею говорить? Мы, белые вороны, это тебе не кто-нибудь. Обыкновенная ворона умеет считать только до пяти, а белая ворона... до семи! Смотри сам: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь! А ты до скольких умеешь считать?

— Ну, хотя бы и до десяти, — сказал Франтишек.

— Да брось ты! Покажи.

— Ну, хоть так: девять ремесел, десятая — нужда!

— Батюшки, — закричала белая ворона, — ты, видно, птица не простая! Мы, белые вороны, тоже не простые птицы. Видал, наверное, в церквах нарисованы такие большие птицы с белыми гусиными крыльями и человеческими клювами?

— А-а, — сказал Франтишек, — это ты про ангелов?

— Да, — сказала ворона. — Понимаешь, это, по сути дела, белые вороны, только мало кто их видел. Нас, милый мой, очень мало.

— Сказать тебе по правде, — отвечал Франтишек, — я ведь тоже белая ворона.

— Ну, — протянула белая ворона недоверчиво, — не очень-то ты белый! А откуда ты знаешь, что ты белая ворона?

— Вчера мне это сказал пан советник Шульц из суда, и один незнакомый пан, и пан стражник Боура.

— Скажи пожалуйста! — удивилась белая ворона. — А как тебя звать?

— Звать меня просто Франтишек Король, — ответил бродяга застенчиво.

— Король? Ты — король? — воскликнула ворона. — Хватит врать! Таких оборванных королей не бывает.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, — сказал бродяга, — а я правда Король.

— А в какой земле ты король? — спросила ворона.

— Да повсюду. Тут я Король, и в Скалице Король, да и в Трутнове — тоже.

— А в аглицкой земле?

— И в аглицкой тоже был бы Королем.

— А вот уж во Франции не будешь!

— И во Франции тоже. Всюду я буду Король Франтишек.

— Так не может быть, — не верила ворона. — Скажи: «Лопни мои глаза».

— Лопни мои глаза, — поклялся Франтишек.

— Скажи: «Провалиться мне на этом месте», — потребовала белая ворона.

— Да провалиться мне на этом месте, если вру! — сказал Франтишек. — Пусть у меня язык отсохнет...

— Ну, хватит, верю, — перебила его белая ворона. — А у белых ворон тоже можешь быть королем?

— И у белых ворон, — заверил ее Франтишек, — был бы Франтишком Королем.

— Погоди-ка, — проговорила ворона, — как раз сегодня у нас на Кракорке слет, где мы будем выбирать короля всех ворон. Вороньим королем всегда бывает белая ворона. А раз ты белая ворона, да еще и везде король, то, может, мы тебя и выберем. Знаешь что, ты тут подожди до обеда, а я в обед прилечу рассказать, как прошли выборы.

— Ну что ж, подожду, — согласился Франтишек Король.

Белая ворона расправила белые крылья и — фрр! — только ее и видели. Она полетела на Кракорку.

Стал тут Франтишек ждать и греться на солнышке.

Как вы знаете, ребята, выборы — дело болтливое; вот и белые вороны на Кракорке долго-долго спорили, судили и редили и все не могли договориться, пока наконец на Сыхровской фабрике не прогудел гудок на обед. Только тут вороны

стали выбирать короля и в конце концов единодушно выбрали королем всех ворон Короля Франтишека.

Но Франтишку Королю неумоготу было ждать, а того пуще — терпеть голод. В обед он поднялся и отправился в Гроново, к моему дедушке-мельнику, за краюшкой ароматного, свежего хлеба.

И когда белая ворона прилетела сообщить ему, что он избран королем, он был уже далеко, за горами и долами.

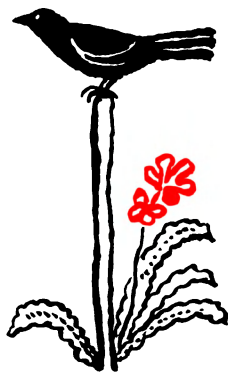
Загоревали вороны, что у них пропал король, и белые вороны повелели серым облететь хоть весь свет, но во что бы то ни стало отыскать его, привести и посадить на вороний трон, что стоит в лесу на Кракорке.

С той поры летают вороны по свету и все время кричат:

«Кар-роль! Карроль! Карр! Карр!»

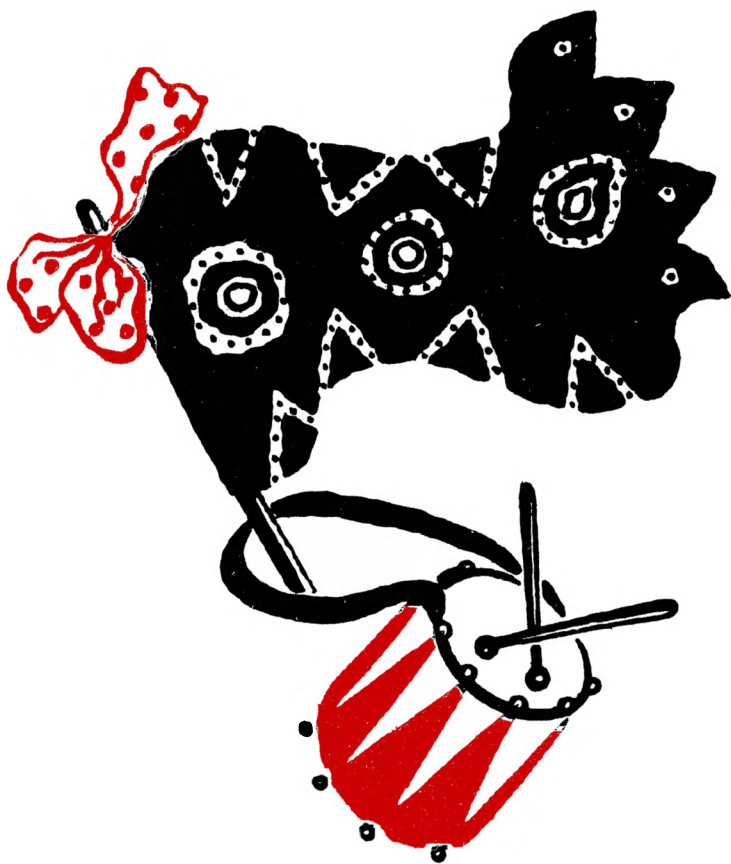
А особенно зимой, когда они соберутся большой стаей, бывает, что вдруг все сразу вспомнят про короля, снимутся с места и полетят над полями и лесами, крича:

«Карроль! Карроль! Карр! Карр!»

Войцех Жукровский

**Похищение
в Тютюрлистане**

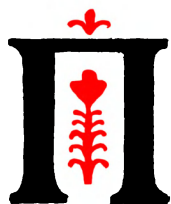

Перевод С. Свецкого

ТРОЕ ДРУЗЕЙ

осмотрите, из-за холма показались три фигуры. Что это за странные путники? Медленно перебирая ногами, они бредут по глубоким колеям песчаной дороги. По-видимому, они сильно устали. Их одежда и лица покрыты пылью.

Впереди идет капрал Мартин Пыпец — петух, получивший отставку после недавней войны.

Мартин Пыпец служил трубачом. Каждое утро он играл на рожке побудку. На мундире капрала несколько выцветших ленточек — это награды за подвиги. Но что поделаешь, старость — не радость. Ему заплатили скромное жалованье, и он очутился за воротами казармы.

Конечно, если бы вновь началась война, для него нашли бы работу... Но теперь все тихо, а тому, кто полюбил кочевую жизнь, трудно возвращаться к повседневным делам на птичьем дворе: сгонять кур к кормушке, считать яйца; три раза петь на рассвете — торопить крестьянина выйти в поле.

Эх, не для него эта работа! Петух путешествует в поисках приключений. Его полинялый мундир заштопан во многих местах, зато боевой рожок на перевязи сверкает, как июльская луна, а хвост, в котором три поломанных пера, воинственно колыхается в воздухе. Петух тяжело ступает, стуча подкованными сапогами. Шпоры царапают песок, затупленный клюв устремлен к славным подвигам. Известное дело — старый, поседевший в боях ветеран.

Мелким шажком идет за ним следом грациозная лиса Хитраска. Прежде она была воспитательницей детей у владетельного индюка. Лиса знает иностранные языки: она говорит по-утиному, по-куриному, а как замечательно поет!

Но ей не повезло: по-видимому, она неправильно воспитывала молодых индюшат. Короче говоря, ее выгнали с позором.

Хитраска не любит вспоминать о прошлом. Теперь она мечтает о том, чтобы стать где-нибудь кухаркой: следить, как тушится жаркое, как поднимается тесто.

Поглядев на лисицу, не скажешь, что путь был труден. Ее опрятный мех аккуратно приглажен, на голове — шапочка, в лапках — дорожная сумка и зонтик. На конце хвоста, словно мотылек на шалфее, качается пунцовый бант. Вылизанная мордочка слегка припудрена, а может быть, это кажется, может быть, это игра лучей заходящего солнца.

Сзади всех плетется кот — Мышибрат Мяучура, славный малый. Последние два года он служил на мельнице. Но несколько месяцев тому назад, после неприятного разговора с хозяином — кот и сейчас еще хромает, — Мышибрат окончательно убедился, что его услугами недовольны.

Мяучура глядит на длинную пустую дорогу, тяжело вздыхает — пыль напоминает ему муку, сыплющуюся из-под жерновов, шорох деревьев — шум воды, падающей на буковое колесо... Но не вернешь того, что было.

Кота погубило доброе сердце.

Порой он останавливается, обтирая пучком травы запыленные сапоги, тихо мяукает, а потом, насвистывая, догоняет товарищей...

Куда они идут?

Они сами не знают.

А откуда идут?

Издалека.

Посмотрите. Тени зверей вытянулись, став длинными и тонкими, они опережают хозяев, чуя близкий ночлег; они уже слились с тенью леса. Петух поправил каску и стряхнул пыль с гребня. Багровое солнце скрывается за горизонтом. Надвигается ночь.

НОЧЛЕГ ПОД СОСНОВОЙ ВЕТКОЙ

— Переночуем здесь, — сказал петух, указывая крылом на опушку леса. Заходящее солнце струило теплый оранжевый свет. Ветер сгонял на запад расшалившиеся малютки-облака, где мама-тучка расстилала перины. Облака сопротивлялись из всех сил, капризничали, а некоторые начали даже плакать.

— Уже роса падает, — сказала Хитраска, вытягивая лапку, на которую облако уронило большую теплую слезу.

— Надо бы поискать укромное местечко, — мяукнул Мышибрат.

— Я же вам сказал, мы переночуем на опушке, — буркнул петух, прибавляя шаг.

Землю окутывали тихие ласковые сумерки.

Когда звери остановились, Хитраска схватила чайник и побежала за водой. Стало совсем темно. На небе высыпало множество звезд; они отражались в зеркале пруда. Лиса зачерпнула воды, несколько звезд попало в чайник, и потом заваренный чай имел чудесный золотистый оттенок.

Меж тем Мяучура ломал сухие ветки, а капрал Пыпец вынул из узелка огниво и, сев на корточки, принялся разжигать костер. Железо звякнуло о камень, брызнули искры, огонь затрещал, зашелестел в сухих иглах. Язычок пламени двоился и троился и, наконец, начал лизать толстые сучья. Мяучура принес еще хворосту и все бросал и бросал ветки одну за другой — огонь должен был гореть всю ночь.

Друзья устроились у костра. Шипел чайник, подвешенный на проволоке. Хитраска выщипывала мех для подстилки. Петух, достав ножик, нарезал хлеб.

— Друзья, — начал он, — мы должны быть довольны тем, что имеем... А пищи у нас немного... Могу вам дать еще по кусочку груши.

— Я уже забыла, как пахнут масло и сыр, — вытянула острую мордочку Хитраска, и влажный от грусти нос лисы начал светиться, словно на него села искра.

— А я забыл, как пахнет копченая колбаса, — мяукнул Мышибрат.

— Копченая в можжевелевом дыму.

— Ну, дым-то у нас есть...

— Дело только за колбасой.

— Друзья, — строго начал капрал Пыпец, — не будем унывать, ведь у нас есть горячий чай, в нем плавают звезды, словно липовый цвет, и свежий хлеб, выпеченный на капустных листьях, и костер, у которого мы греем лапы, и лес, который скоро убаюкает нас.

— Да, это не так уж плохо, — поддакнул Мышибрат, дуя на горячий чай.

— Это хорошо, — протянула Хитраска. Она отгребла хвостом шишки и растянулась около огня. Плутовка так держала хлеб, что красноватый отблеск пламени стекал по куску, словно малиновый мармелад. Черствую корку лиса ела медленно, с довольным выражением на морде, и Мяучура, глядя на нее, завистливо облизнулся.

Когда друзья немного отдохнули, капрал Пыпуц сунул крыло за голенище и достал оттуда кисет из бычьего пузыря, потом вынул курительную трубку и стал набивать ее махоркой. Мяучура услужливо подал ему уголек. Петух несколько раз затынул и выпустил дым из клюва.

А вокруг вздымался молчаливый лес, высокие стволы сосен походили на шоколадные колонны. Порой, разбуженная светом костра, кричала какая-то птица и засыпала вновь, спрятав голову под крыло.

— Расскажи нам, за что ты получил эти ордена, храбрый капрал.

— Расскажи нам что-нибудь о походах, — просил Мяучура.

— Эх, верно, это были великие дела!

— Расскажи нам, не заставляй себя просить.

Петух гордо тряхнул гребнем и, попыхивая трубкой, начал: «Хм, о чем бы... Я расскажу вам о последнем походе на Блабону».

ЗАГАДОЧНЫЕ СИГНАЛЫ

— Все это происходило сравнительно недавно, поэтому вы должны еще кое-что помнить... Я служил тогда

трубачом в гвардии короля Толстопуза VII, да продлится его царствие, полк стоял в нашей столице Тулебе.

Это было прекрасное время. Что ни день — смотры и парады, что ни неделя — на площади в зеленом павильоне играет военный оркестр. Сначала и я там играл, но мой рожок слишком выделялся. Он опережал другие инструменты, его громкие звуки легко врезались в мясистые уши горожан, и жители долго потом не могли заснуть. Они скакали ночью на одной ноге, трясли головами, словно в ухе у них была докучливая капелька воды. Хватило бы одного звука моего рожка, чтобы пробудить их к великим подвигам. Но они предпочитали дремать за прилавками, где разноцветной рекой стекали с полок дорогие шелка. Предпочитали по вечерам прогуливаться около рынка, а в воскресенье слушать ласковые, как весеннее небо, вальсы.

С тех пор как мне пришлось уйти из оркестра, я с удвоенным усердием играл по утрам побудку. При первом ее звуке стаи голубей, хлопая крыльями, срывались с крыш. Однажды сама королева, светлейшая Клепония, велела мне предстать перед своим румяным ликом. Королева молвила: «Ваш рожок, отважный капрал, слышен на семь верст вокруг. Стекла дрожат, плоды падают с деревьев, а люди невероятно быстро просыпаются. Мой повар так стремительно соскочил с постели, что сны не успели разбежаться, — старик очутился среди них и теперь не может отличить сна от яви».

«Я не щаю своих сил, ваше величество».

Королева только покачала головой. Она достала из шелковой сумочки, вышитой бисером, комочек ваты. Разделила его на три части. Два куса ваты положила себе в уши, а третий затолкала глубоко в сверкающее горло моей трубы.

Еще никогда я не был так горд.

— Тссс... тише!.. — вдруг сказала Хитраска.

Все смолкли. Издалека послышался конский топот. Он раздавался все громче. Какой-то всадник с факелом в руке промчался галопом по дороге и исчез за поворотом.

— Что это? — спросил Мяучура.

— У меня дурное предчувствие...

— Может быть, объявили войну, — у петуха загорелись глаза. Тихо зашептали разбуженные деревья. Мышибрат бросил не-

сколько веток в костер. Высоко к звездам взметнулся огонь.

Когда все снова сели в кружок, Хитраска сказала петуху:

— Но ведь ты должен нам рассказать о походе.

— К этому я и веду речь. — Капралу стало стыдно, что он все время хвастался своей игрой на рожке. — А что касается похода, то дело было так.

В нашу столицу приехал в гости к королю Толстопузу властитель соседнего государства, Блаблации, — король Цинамон. Я вижу его, как сейчас: высокий смуглый мужчина в маленькой изящной короне, корона закреплена резинкой под подбородком, так как стоило только монарху наклониться над столом — королевский убор обязательно падал в тарелку, погружался в соус, и расстроенные лакеи с трудом вылавливали его оттуда серебряными ложками.

О, я помню этот торжественный въезд! Впереди бежало множество скороходов с золотыми колокольчиками. Скороходы разгоняли толпу. Горожане со знаменами и значками цехов в руках тесными рядами стояли вдоль улиц. Члены городского магистрата разостлали длинную малиновую дорожку в зеленую крапинку. Животы отцов города были перепоясаны золотыми цепями, словно они боялись лопнуть от гордости и самодовольства. Скороходы бежали бесконечной вереницей; мелькали красные и желтые штанины.

— Место для светлейшего короля Цинамона — властителя Блаблации!

Городская стража скрестила алебарды и, грозно шевеля усами, оттеснила зевак; стройными шеренгами проходили трубы. Я даже помню торжественный гимн... — Тут петух откашлялся, полузакрыв глаза и запел:

Бла-бла, бла-бла!

Прекрасна земля,

Прекрасны поля и ручьи,

Деревья, цветы, соловьи.

Прекрасней, чем прочие страны,

Край наш заблабованный!

Пусть вечно живет Цинамон!

Виват! Бла-бла, блабон!

— Как это величественно! — воскликнула Хитраска. — Жаль,

что нас там не было. Но скажи мне, что значит «блабовать»?

— Видишь ли, у них такой язык. Впрочем, его нетрудно понять. Вместо «мама» они говорят «блама» а вместо «папа» — «блапа». По этому сразу догадаешься, что ты в Блаблации.

— Ну, а дальше?

— Ха, дальше! Дальше ехала золотая карета, запряженная шестью белыми как снег рысаками. Их хвосты были завиты в локоны и перевязаны атласными лентами. Когда король вышел из кареты, раздались крики. У горожан от волнения затряслись животы и зазвенели золотые цепи. Сверху, из замка, грянул сто двадцать один залп. Пушки были заряжены цветами. И на рыдающую от восторга толпу ливнем падали розы. По малиновой в зеленую крапинку дорожке шел навстречу дорогому гостю король Толстопуз, окруженный свитой. Потом началось пиршество; оно продолжалось семь дней и семь ночей. А на восьмой день случилось то самое несчастье, которое вызвало войну. Не знаю только, могу ли я вам об этом рассказывать, ведь это государственная тайна!

РОКОВАЯ ИГРА

— Расскажи, милый Пыпец, — просили звери, — Расскажи. Доверить нам тайну — все равно что бросить камень в колодец...

— Обо всем этом я случайно узнал от королевского ключника. Его мучило любопытство, и он подглядывал в замочную скважину.

Дело было так:

— Король Цинамон, может быть, мы махнем партию в шашки?

— Можно, король Толстопуз, можно, только говорю заранее, что я мастер по части шашек.

— Вот здорово, а я как раз хотел тебя предупредить, что во всем королевстве нет равного мне игрока.

— То же самое и у меня в Блаблации. Я звал к себе самых лучших игроков из дворян и из простого народа, и каждого из них я моментально побеждал. И знаешь, их ходы я всегда

предвидел. Я говорил: «Теперь ты пойдешь вот сюда... Теперь сюда...» И действительно, они ходили так, как я предсказывал.

Тут петух задумался.

— Мне кажется, — начал он снова, — дело в том, что противники королей были ослеплены оказанной им честью. Никто из них не осмеливался выиграть.

— Подать шашки, — хлопнул в пухлые ладоши король Толстопуз.

Их величества расположились за доской. Расставили шашки. Черные были сделаны из шоколада, а белые — из миндаля в сахаре. Каждый из игроков съедал выигранные шашки. Расположившиеся вдоль стен придворные, затаив дыхание и вытянув шеи, следили за игрой. Над головами королей на золотом обруче раскачивался попугай Ара.

— Будет игррра, будет игррра, — крикнул он хриплым голосом.

И игра началась. Осторожно игроки делали первые ходы.

— Шашка-пешка, — крикнул король Цинамон и схрупал кусок миндаля в сахаре.

— А теперь мой ход, — проворчал король Толстопуз и снял с доски шоколадный кружок.

Игра оживилась. Через час на шахматной доске было довольно пусто. Противники долго думали, старательно измышляя западни. Король Цинамон почесывал скипетром темя, а король Толстопуз все время снимал корону и вытирал ее клетчатым носовым платком — она ежеминутно становилась скользкой от пота. У одного оставалось две миндалины, а у другого — две шоколадки.

— Отдохнем немного, — попросил король Толстопуз, положив руку на толстый живот, — у меня слишком сильно бьется сердце при мысли о скорой победе.

— Что ж, отдохнем. Мой выигрыш близок, — шепнул Цинамон.

И оба поднялись. Король Цинамон сделал, разводя руками, несколько приседаний у открытого окна, а король Толстопуз тяжело упал в кресло. Нагретая корона соскользнула на пол. Весь двор бросился поднимать ее. Корону передавали из рук в руки, дуя на пальцы, и целовали, извиняясь за неловкость.

Однако это длилось недолго, потому что короли предвкушали близкий триумф. Но, усевшись на места, оба разом подняли головы и посмотрели друг другу в глаза. «Что это значит?» — воскликнули они гневно. На доске не хватало шашки из миндаля в сахаре.

В глазах у обоих мелькнуло подозрение, особенно злобное у короля Цинамона, который смотрел на живот короля Толстопуза так, словно он уже разглядел в нем недостающую шашку.

— Король Цинамон, у меня пропала шашка!

— Ты был близок к проигрышу и сам съел ее.

— Клянусь короной... — простонал Толстопуз VII.

— Так, значит, я выиграл, и не будем вспоминать об этой глупости.

— Это не глупость, это гнусное преступление! — Толстопуз VI оглядел суровым взором побледневшие лица придворных. — Ха, кто из вас смел, бездельники?

Наступила глубокая тишина. Только слышно было, как с тихим шуршанием вставали волосы на головах онемевших от ужаса дворян. У одного камергера началась икота, он прижимал руки к животу, в котором — хип! хип! — что-то скакало, словно надоедливая лягушка.

— Видишь, Цинамон, лучше признайся сам, ведь никто из них не подходил к доске...

— Что?! Я знаю этих негодяев! Они могли ее съесть глазами.

— В таком случае, убирайтесь вон! — крикнул разгневанный Толстопуз. Голос его прозвучал так, будто он чихнул в пустую бочку. Перепуганные придворные постарались незаметно исчезнуть. — Слушай, король Цинамон, все это нужно выяснить, ведь тут задета моя честь.

— А моя не задета?

— В таком случае, повернемся спиной к доске и сосчитаем до трех. И прошу тебя... Пусть миндалина найдется.

— Я тоже тебе советую поискать в карманах.

Они повернулись друг к другу спинами.

Как раз в этот момент ключник заглянул в замочную скважину.

— Раз, два, три!

— Ох! — крикнули оба короля, с ужасом поглядев друг на

друга. На доске не хватало еще одной миндальной шашки.

— Украл ее один из нас, — многозначительно произнес король Цинамон.

— Только не я, — прохрипел, снимая корону, красный, как свекла, Толстопуз.

— Так это, значит, я! — прошипел Цинамон и устремил на противника взгляд острый, как вилка, нацеленная на жаркое.

— Сам признаешься?

— Ха, хорошенькое дельце!

Трудно порой приходится и королям.

— Ты оскорбил меня, — крикнул Цинамон, — только кровь смоем эту обиду!

— Я могу пустить тебе кровь, — простонал, плюхаясь в кресло, Толстопуз и тотчас вскочил — в его тело вонзились зубья брошенной на сиденье короны.

— Я вышибу у тебя из головы эту мысль, — крикнул Цинамон и щелкнул Толстопуза скипетром по темени.

— А я тебя... — поперхнулся Толстопуз и ударил пухлой ладонью по щеке Цинамона.

— Так его, так его! — закричал обрадованный попугай и захлопал крыльями.

Тут в комнату вбежал ключник и, упав на колени, завопил громким голосом:

— Ваше величество, я видел вора!

— Это он!

— Это он! — короли показали друг на друга.

— Нет, ваше величество, это попугай!

Ара, услышав обвинение, ринулся ввысь, к подсвечнику, и начал клювом дергать за фитили. Свечи погасли. Комната окуталась мраком. Под самым потолком метался попугай: «Каррра! Каррра!»

— Слишком поздно, король Цинамон.

— Слишком поздно, король Толстопуз.

— Молчи о том, что здесь произошло, или я прикажу сделать из тебя паштет! — крикнул Толстопуз ключнику.

— Я буду нем, как могильный камень, как рыбка. Я буду молчать, ваше величество.

Тогда в зловещей тишине были произнесены слова, которые возвестили страшное время для двух народов:

— Так, значит, война.

— Война.

Той же ночью король Цинамон тайно уехал из Тулебы, а на стенах города на рассвете были расклеены афиши:

**ВЕЛИКАЯ И НЕОЖИДАННАЯ ВОЙНА
МНОЖЕСТВО БИТВ
с участием
КОРОЛЯ ТОЛСТОПУЗА VII
И
КОРОЛЯ ЦИНАМОНА,
а также
НАРОДОВ ТЮТЮРЛИСТАНА И БЛАБЛАЦИИ
НАЧНЕТСЯ В БУДУЩИЙ ЧЕТВЕРГ НА ГРАНИЦЕ
ВСЕХ ГРАЖДАН ПРОСЯТ ПРИБЫТЬ,
ЧТОБЫ ПОДДЕРЖАТЬ
ЭТО ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ!**

— Ооох, — пискнули чьи-то испуганные голоса.

Треснула перегоревшая ветка, и сноп искр взметнулся над тлеющим костром.

— Тихо! — шепнула, наклоняясь, Хитраска. — Тихо, малыши!

— С кем ты разговариваешь? — спросил удивленный Пыпец.

— Не обращай на меня внимания, это я так, под впечатлением, — лиса погладила лапкой по меху.

— Рассказывай, рассказывай дальше, — просил Мышибрат.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

Петух выколотил пепел из трубки, сухой травинкой прочистил чубук и снова набил трубку табаком.

— После того, как была объявлена мобилизация, на улицах появились демонстранты. Они несли огромные плакаты с надписями: «Не отдадим Тютюрлистан!», «Все под алебарды!», «Берегитесь шпионов!». Все жители уже знали о двух сороках,

которые хотели выведать, долго ли после захода солнца ворота города остаются открытыми.

Величие момента было написано на лицах членов городского магистрата, шествующих за приказаниями во дворец. Толпы кричали «ура», играли оркестры, женщины бросались солдатам на шею, целовали всех гвардейцев, которых издали легко можно было распознать по блеску панцирей и звону шпор. Каждый, кто с воинственным видом нес что-нибудь острое в руках, становился почти героем; его забрасывали цветами, и он ходил по улицам, осыпая угрозами врага. Аплодисментами приветствовали даже щупленького старичка, который, изрядно хлебнув вина, ходил с банкой маринованных рыжиков. Тогда же избили бляшечника, известного мастера по чеканке значков и блях, потому что одно только «бля» казалось всем очень подозрительным.

До поздней ночи город шумел, как растревоженный улей: скакали гонцы, хлопали двери арсенала, на городских стенах сверкали факелы усиленной охраны. Мы готовились к войне.

На следующий день на рассвете армия должна была выступить в поход, но еще в десять часов утра длинные очереди стояли перед мастерскими, и портные, набрав полный рот булавок, перешивали мундиры, в которые не влезали пузатые тела горожан. В Западных воротах уже происходило торжественное прощание. Все желали нам победы над врагом.

Армия двинулась в поход, ослепляя пестротой нарядов и ошеломляя воинственностью духа. Правда, оружия было маловато, так как издавна не велось войн, ружья заржавели, сабли затупились, а в шлемах хозяйственная жена одного из маршалов позволяла наседкам высиживать цыплят. Но зато в обозе ехали сотни повозок, груженных бочками с вином и с медом, издали доносились крепкие запахи копченых колбас и грудинки, розовые гирлянды сосисок приветливо болтались на ветру, в воздухе носились тонкие ароматы тортов и пирожных, припудренных ванильным сахаром. Утомленные аппетитными запахами, мы вскоре вынуждены были сделать небольшой привал. На зеленых лугах, неподалеку от городских стен, мы разбили палатки — и началось пиршество. То и дело из города подбегали отстающие и присоединялись к нам. При виде обиль-

ных яств, под которыми прогибались столы, они расстегивали пуговицы и отпускали пояса.

Наконец, под вечер наша армия, разгрузив наполовину тяжелые обозы, двинулась в сторону границы. Мальчишки неохотно возвращались в город. Сыновьям было жаль расставаться с воинственными отцами, прощаться с ними накануне сражений. Сорванцы обещали друг другу догнать утром медленно движущуюся армию, чтобы быть свидетелями предстоящих событий. На городских стенах, словно чайки, развевались платки; множество карих и голубых глаз источало слезы при виде войск, удалявшихся по пыльной дороге на запад. Извиваясь пестрой лентой, армия исчезала за высоким лесом.

Налетел ночной ветер, он старался осушить платочки, но — увы — огорченные дамы так щедро проливали слезы, что вода во рвах быстро поднялась, благодаря чему значительно увеличилась обороноспособность города.

— Ооох, — грустно пискнул кто-то.

Хитраска шевельнула лапкой, словно смахнула что-то в подол.

— Что это? — спросил, шевеля усами, Мышибрат.

— Так, ничего, тебе показалось, — буркнула Хитраска. — Ты заметил что-нибудь, петух?

Но капрал Пыпец, устремив свой взор в прошлое, слышал уже лязг оружия начинающейся битвы.

— Я помню события так ясно, словно все происходило на прошлой неделе. Под вечер — это была среда — наши войска столкнулись с неприятельским разъездом. Мы приближались к Блаблации. У границы, на пригорке, окруженный грядами подсолнухов, стоял трактир «Под копченой селедкой». Издалека был хорошо виден столб дыма, уходящий в синее небо. Несколько человек из числа самых проголодавшихся, с позволения короля, поскакали что было мочи к трактиру. Слезая с лошадей, они увидели вражеских солдат, удирающих в заросли подсолнухов. Начатый торт и открытые бутылки лимонада свидетельствовали о том, что противник преспокойно пировал под самым нашим носом.

Доблестные рыцари покончили сперва с оставленной едой, а потом с громкими криками ринулись в погоню. Пленных они,

правда, не привели, но с тех пор мы удвоили бдительность.

Когда войско расположилось лагерем, я трубил каждый час, и многочисленные караулы отвечали мне в темноте: «Эээээй! Не спим!»

Армию изнурила долгая дорога; и понятно — громкое храпение наших солдат заглушило стук пушечных колес и обозов приближающегося вражеского войска. Под покровом темноты блабланцы расположились против нашего лагеря на расстоянии полета камня.

Эх! Совсем по-иному происходила бы битва, не будь позорной измены.

— Измена! — воскликнули звери.

— Да, измена, — вздохнул петух и с презрением плюнул.

ПОЗОРНАЯ ИЗМЕНА КОЗЛА

— Был в нашем лагере некий козел, торговец. Поговаривали, что он внук известного ростовщика, но, может быть, это и неправда. Верно лишь то, что козел был невероятно жаден и готов из-за денег пойти на все. Грязный, бледный и худой, ходил он по лагерю — жутко было смотреть. Он отказывал себе в пище, лишь бы сэкономить лишний грош. Козел продавал подтяжки, подвязки, шнурки, краску для усов, почтовые открытки: на одних были изображены целующиеся голубки, а на других — великий тютюрлистанец, попирающий ногой груды поверженных блабланцев. Одним словом, на его лотке было все, что необходимо воину на поле брани. Козел пощипывал седую бородку и, щуря хитрые глазки, нахваливал свой товар. Везде-то он умел втереться: даже нашему предводителю, самому графу Майонезу, он подарил небьющееся зеркало. Оно, правда, сразу лопнуло, потому что граф был огромного роста и не мог в него вписаться.

Эх, Майонез, какой это был солдат! Суровый и прямой. Он был так высок, что никогда не вскакивал на лошадь: каждый раз оруженосцы подводили коня под его расставленные ноги. Стременами он едва не касался земли, а когда хотел скакать галопом, вынужден был поджимать ноги под себя. Теперь уже

нет такого вождя! За ним все пошли бы в огонь и в воду.

Капрал горестно задумался и в молчании стал выпускать изо рта клубы дыма. Наконец Мышибрат, который был посмелее, тронул его лапкой:

— Ты начал говорить про измену...

— Так вот, — продолжал петух, — я и говорю...

В полночь из глубокой темноты вынырнули двое в масках. Под черными плащами, которыми они прикрывали фонари, тихо позвякивало оружие. За повозками раздалось условное блеяние, и к ним подкрался изменник-козел. Потом все скрылись в кустах можжевельника.

Двое в масках были посланцами короля Цинамона.

— Слушай, козлишка, — говорили они, — измена изменой, но мы и без тебя знаем те тайны, которые ты можешь выдать. Самое главное, чтобы завтра исчез вождь. Убери любимца ваших солдат — графа Майонеза... Только он может нам повредить... Мы должны избавиться от него любой ценой!

— Сколько дадите? — прошипел козел.

— Ну, — предусмотрительно ответил посланец, — половину того, что ты хочешь.

— Мало, — простонал предатель, — это очень мало.

— Хватит.

— Добавьте еще немного, милостивые господа, и клянусь вам своими рогами, что завтрашняя битва начнется без графа.

Снова блеснул фонарь. Послышался звон монет, и люди в капюшонах исчезли. Козел не спеша возвращался в лагерь. Его впалую грудь оттопыривал большой мешок с деньгами. Время от времени он любовно гладил его копытом.

* * *

— Рогатый сновал в темноте от палатки к палатке. Он пробегал там, где стояли ружья, валялись грудami палаши, щетинились воткнутые в дерн алебарды. Предатель нагибался, выливал что-то из бутылки, звякал лезвиями мечей и снова полз между спящими в сторону королевского шатра.

Как раз в этот момент граф Майонез закончил военный совет, офицеры уже ушли, и король Толстопуз милостиво сказал:

— Спи рядом со мной, граф, что-то мне не по себе...

— Стыдитесь, ваше величество, вы никогда не были в большей безопасности, чем здесь, среди преданных вам солдат!

— Да, я знаю это, дорогой граф, но вдвоем как-то веселее.

Оба улеглись. Король расположился на ложе, устланном пышными перинами, а граф, суровый и прямой, как меч, растянулся на голой земле, едва прикрытой несколькими коврами и медвежьей шкурой. Полководец не раздевался, он снял лишь тяжелые сапоги, а поскольку шатер был маловат, его длинные ноги с узкими и плоскими ступнями — признак аристократизма — высовывались из шатра наружу, на свежий воздух.

Сильно утомившись за день, оба через минуту уже спали и видели во сне богиню Викторию, мчащуюся на колеснице и размахивающую лавровым венком.

Именно этого и ждал коварный козел. Он осмотрелся вокруг; было тихо. Лишь где-то далеко перекликались часовые.

Козел посветил фонарем и наклонился, — вождь беспокойно дрыгнул ногой: длинная борода предателя случайно коснулась ступни графа Майонеза.

— Хе, хе, хе, — засмеялся козел, — посмотрим, как ты завтра будешь удирать из лагеря; завтра все будут смеяться над тобой, — скалил бородач желтые зубы.

Изменник достал из-за пазухи бутылку и облил ноги вождя жидкостью, алевшей в свете фонаря, словно свежая кровь.

— Хе, хе, хе, утром все узнают, что этот непреклонный вождь, такой требовательный к солдатам, предается в тайне изысканным наслаждениям и мочит ноги в малиновом соку, хе, хе, хе...

Может быть, козел рассмеялся слишком громко, может быть, звякнула бутылка, только в тот момент, когда он хотел бежать, чья-то тяжелая ручища опустилась на его шею.

— Чего тебе здесь надо? — спросил часовой.

— Ничего... Я только так...

— Эй, ко мне! — крикнул часовой. В свете фонаря солдат увидел ноги вождя, облитые красной жидкостью. — На помощь! Измена!

И тут воин остолбенел, потому что козел, желая скрыть

следы своего преступления, стал быстро слизывать малиновый сок.

Раздался оглушительный хохот графа Майонеза: его подошвы нестерпимо щекотал шершавый язык изменника.

— Что тебе приснилось, граф, — спросил проснувшийся монарх, — над чем ты смеешься?

Граф хихикал и, давясь от смеха, пытался поджать под себя ноги, но козел не выпускал их из копыт и быстро слизывал сок.

— Смеется тот, кто смеется последний, — с важностью сказал король, потому что он верил: пословица — это народная мудрость.

— Го-го-го, — рычал граф.

— Не говори «гоп», пока не перескочишь, — начал король Толстопуз, но, слыша все усиливающийся хохот, засмеялся сам. — Ну, будет, будет, милый граф, — просил он, отирая слезу.

— Хи-хи-хи, — пищал вождь.

— Перестань хоть на минутку, — умолял обеспокоенный король.

— Ха-ха-ха, — громыхал Майонез.

Тогда король Толстопуз схватил большую подушку, бросил ее на голову вождю и отважно уселся сверху.

— Мой лучший военачальник помешался, — простонал он.

В эту минуту стража увела связанного козла. Сбежались офицеры. Не чувствуя больше щекотки и ослабев от приступа смеха, граф лежал совсем тихо. В сердца адъютантов закралось подозрение, с беспокойством они смотрели на вождя.

Лагерный врач доктор Сенес дал ему снотворного.

— Представьте себе, если бы такое случилось с ним на поле битвы, — тогда катастрофа!

— Ах, это было бы ужасно! — сетовали приближенные.

Заснувшего графа уложили на повозку и закрыли множеством одеял.

— Когда он пропотеет, все пройдет, — бурчал себе под нос доктор Сенес. — Если ему не станет легче, дам слабительного.

— Господа! Это все должно остаться в тайне!

— Нет, — возразил врач, — если кто-нибудь принимает слабительное, то этого не скроешь.

- Я имею в виду предательство козла.
- А! Ну, конечно... Но как мы объясним отсутствие вождя?
- Чепуха! Скажем, что он сбежал.
- Нельзя! Это вызовет панику.
- Скажем правду, скажем, что болен.
- Не годится, все захотят отложить сражение.
- Тогда скажем, что его похитили блабланцы.

— Блестящая мысль! Завтра мы начнем битву! Я напишу воззвание к войскам: «Тютюрлистанцы! У нас похитили вождя, этот позор можно смыть только кровью, кровью побежденного врага!..» Впрочем, уже истекают последние часы отдыха... Идите вздремнуть, господа. Завтра нам предстоит тяжелый день.

После этих слов король отправился в шатер; на душе у него стало так тоскливо и одиноко, что он решил написать письмо королеве Клепонии. На каждой запятой король потягивал носом, а на каждой точке на бумагу скатывалась большая и горькая слеза.

- Что же стало с козлом?!

— После битвы этого негодяя приговорили к отсечению рогов и продали, как самую обычную козу, одному бедному гончару. Дети пасут теперь козла около городской стены, привязав его за веревку. Вспоминая об измене, они бьют эту тварь палкой по спине, а козел блеет: «Не беей! Не мууучай!»

ВЕЛИЧАЙШАЯ БИТВА В ИСТОРИИ ТЮТЮРЛИСТАНА

В костер подбросили веток. Алое пламя взметнулось вверх. Удобно подвернув хвост и подперев лапкой мордочку, Мышибрат улегся поближе к теплу, а петух рассказывал о величайшей битве в истории Тютюрлистана и при этом так размахивал крыльями, что огромные тени метались по стволам сосен.

— Когда утром рассеялся туман, мы увидели сверкающие панцири блаблацкой пехоты. Разноцветные знамена развевались по ветру. В центре на черном, как ночь, скакуне гарцевал король Цинамон. Он скипетром указывал на наш лагерь. Одна

за другой затрубили трубы. Наши пехотинцы строились четырехугольниками, на флангах ржали лошади, горожане-кавалеристы с большими усилиями, подставив табуретки, забирались в золоченые седла. Многие воины бежали, застегивая пояса, многие упаковывали на повозки перины, подушки и столовое серебро.

Король Толстопуз, как был в туфлях с зелеными помпонами и пестрых подштанниках, так и выбежал из шатра. Его величество спешил вскарабкаться на коня.

— Солдаты, — крикнул он, — я написал к вам воззвание, но сейчас не время, прочитаю его после битвы! Вперед, на врага!

И король поскакал галопом, но тотчас же был схвачен верными придворными; они силой стянули монарха с коня и надели на него доспехи.

— Урра! — закричали солдаты. — Да здравствует наш король! — Ударили барабаны, и пехота двинулась в атаку.

От могучего шага наших колонн гудела земля. Бабахнули две мортиры.

Взлетела огромная стая перепуганных ворон и закрыла черными крыльями солнце.

— Да здравствует король! — кричали солдаты. Проходя мимо его величества, они подбрасывали в воздух шляпы с перьями и простреливали их на лету — этим они хотели доказать свою меткость.

— Государь, кавалерия пошла в атаку, — закричал, подбегая, адъютант барон Пармезан и тут же упал: шпага запуталась у него в ногах. К пострадавшему тотчас подскочили санитары, мокрым платочком смочили большую шишку на лбу барона. Бой обещал быть кровавым, первый раненый был налицо.

На флангах мелькали наши кавалеристы. Тютюрлистанские скакуны мчались навстречу блаблацким гнедым. Издалека были слышны яростные крики всадников, прильнувших к конским гривам. Пехота остановилась и дала последний залп. Патронташи были пусты. Солдаты набивали стволы землей, пуговицами, огрызками яблок. Многие из них, те, что имели чувствительные сердца и не могли смотреть на падающих врагов, прежде чем спустить курок, предусмотрительно зажмуривали глаза.

А кавалерия все приближалась. Крики слились в нечеловеческий вой, от которого мурашки пробегали по коже. Это орали всадники, не в силах удержать мчащихся лошадей.

— Прочь! С дороги! Убегай, или тебя сомнут!

По побледневшим лицам было видно, что противники боятся столкнуться друг с другом. К счастью, умные лошади разминулись и направились к сочным лугам, расположенным неподалеку. Там скакуны остановились столь внезапно, что кавалеристы стремительно полетели носом в траву. Рыцари бросили коней и, спешившись, ринулись в гущу сражения.

— Вперед, — крикнул ротный, — вперед, за Бла!.. — и не dokonчил — выстреленное с близкого расстояния гнилое яблоко угодило ему прямо в нос. Среди пыли, грохота и суматохи столкнулись обе армии, грудью наступая друг на друга. В воздухе носились снаряды. Побег кукурузы, помидоры, гнилая свекла и комья земли барабанили по шлемам. Какой-то монах со связкой сушеных грибов в руке призывал к стойкости колеблющуюся пехоту.

А за нашими спинами, на холме, из трубы постоянного двора «Под копченой селедкой» мирный дымок поднимался в небо, и хозяин, господин Завтрак, готовя обед, ежеминутно выбегал на порог — сквозь заросли подсолнуха он следил за ходом битвы. Ему было все равно, кто победит. Так или иначе победители придут к нему пировать. Он дает сражающимся еще два часа сроку. И не кончись бой до часу дня, Завтрак очень бы огорчился, потому что высохшее жаркое и подгоревшие соусы утратили бы свой вкус.

Как раз в это время спешившаяся кавалерия напала на врага. Запыхавшиеся воины останавливались на мгновение, отирали орошенные потом лица и хватались за сабли.

И тут слышались крики: «Измена! Измена, господа, измена!»

Несмотря на все усилия рыцарей, мечи не обнажались. Бойцам пришлось, не доставая оружия, бить врагов ножнами по головам. А если кому-нибудь удавалось вытащить саблю, то ею невозможно было сражаться, так как клейкое и тяжелое острие прилипало к воздуху, липло к бородам и усам возмущенного

врага. Это предатель-козел налил меду во все ножны, сделав тютюрлистанскую армию почти безоружной.

Нет ничего удивительного, что наша кавалерия, сражаясь за каждую пядь земли, избивая противника кулаками, бросая приклеившееся к волосам оружие, медленно отступала.

— Победа! Победа! — орали блабланцы и напирали все сильнее. Какой-то толстяк, прижатый со всех сторон к дереву, снял с ноги высокий сапог и бил им подбегающих драгун.

Заслышав громкие крики, Завтрак подгонял слуг: «Быстрее накрывайте на столы, их уже добивают!» Он не знал, кто кого добивает, но хотел поскорее окончить приготовления.

Поражение нависло над армией. Но вдруг раздались радостные вопли: «Папа, не поддавайся!! Смотри, как он упарился! Заходи сзади!!!» Это подбежали сыновья героических горожан, чтобы посмотреть на сражение. Издалека они услышали звон оружия, треск выстрелов и могучее кряхтение бойцов. Последние семь верст мальчишки мчались рысью, высунув языки. Сорванцы остановились на холме и, глядя на поле битвы, переступали от восторга с ноги на ногу. Иногда они засовывали пальцы в рот и свистели так пронзительно, что у всех мороз пробегал по коже.

Юные тютюрлистанцы не могли оставаться без дела. Один из мальчишек достал из кармана рогатку и подбил каштаном глаз какому-то блабланцу.

Остаток нашей конницы был оттеснен к изгороди постоянного двора, и тут тютюрлистанцы начали вырывать с корнем подсолнухи и бить длинными стеблями по головам наступающих солдат, во все стороны полетели листья и кострика. Получив столь решительный отпор, враги стали отступать. Жестоко избиваемые, они часто падали: так ловко подставляли блабланцам ножку пронырливые мальчишки, пробегая за их спинами. Увидев, как редет войско, противник в панике побежал, бросая мечи и теряя шлемы.

Мальчишки ударяли палками по панцирям и производили невероятный шум. Потом они построились гуськом и отправились торжественным маршем на батарею, где главный пушкарь Пукло зажигал пушечные фитили от своей курительной трубки.

Когда Завтрак открыл двери трактира и с поклоном пригласил: «Господа, прошу к столу», — он увидел только поломанные подсолнухи и пожилого блабланца: бедняга не мог убежать — его огромная шпора запуталась в бороде, и он сидел на корточках, тихо постанывая.

Завтрак позвал слуг; они быстро обошли поле битвы и собрали богатую добычу: несколько шлемов, которые можно было использовать вместо горшков, две рапиры, годные на вертелы и на кочерги. В кустах были найдены три пары брюк, брошенных там при паническом бегстве. Брюки, понятно, пришлось нести кончиками пальцев и на большом расстоянии от себя.

* * *

— В центре героически сражалась наша пехота. На правом фланге около полковника Перната находился я. — Тут петух гордо поднял клюв. — Враг так густо осыпал нас пулями, что я каждую минуту вытряхивал их из своего рожка. Полковник Пернат выскочил вперед и, сверкнув моноклем, крикнул, очевидно, желая нас раззадорить: «Что, боитесь короля Цинамона?!» — «Нет», — гаркнула обиженная гвардия. «Тогда вперед!» И мы бросились в атаку.

Тем временем мальчишки вертелись около пушек. Сын старого портного Узла, маленький веснушчатый Узелок и его приятель, рыжий Прыг, пытались заглянуть в жерло, но когда один из них, встав на цыпочки, радостно пищал: «Я вижу ядро! Я вижу ядро!» — другой, завидуя приятелю, толкал его плечом, и оба падали на землю. Пушка подсакивала, зарево било в небо, и свистящее ядро пролетало над их головами.

— Прочь отсюда, сопляки! — рявкнул главный пушкарь Пукло. — Что вам здесь надо? Хотите собственными головами набить жерла?

С поля битвы прибежал королевский адъютант барон Пармезан. Его парик почернел от порохового дыма. Со слезами на глазах он умолял: «Огня, огня, господа, больше огня!»

А тут как назло кончились ядра!

— Эй вы, юнцы-малыши, — гаркнул Пукло, — толкайте в ствол, что попадет под руку!

Мальчишки подскочили от радости, а рыжий Прыг сунул два пальца в рот и так пронзительно свистнул, что все упали

ничком, думая, что подлетает вражеское ядро.

Узелок подмигнул приятелю, и оба побежали к полевой кухне, схватили там огромный котел и высыпали в ствол семь тысяч галушек с маком.

Главный пушкарь Пукло зажег фитиль. Грянул выстрел. Над полем битвы разостлалась черная маковая туча, в которой зловеще шумел галушечный град.

Вскоре туча осыпалась на убегающую пехоту. Воины скользили, падали, фыркали и плевались, доставая из носа и ушей липкое тесто. «Это недостойно рыцарей! — кричали они. — Безобразие! Мы не можем сражаться в таких условиях!» По лежащим бежали новые шеренги и тоже падали; росли копошащиеся груды врагов, на которые тютюрлистанцы налетали с удвоенным азартом.

Солнце висело над самым полем битвы, и жара становилась невыносимой.

Неожиданно король Толстопуз с покрасневшимся лицом, прикрытым тяжелым забралом, встал посреди поля и крикнул: «Остановитесь!»

Тогда все начали шикать: «Тссс...Тссс...» Битва постепенно затихла, и дышать стало легче.

Король Цинамон пробился сквозь гущу сражающихся и, став против короля Толстопуза, тоже поднял руку и тоже крикнул: «Остановитесь!» Все замерли на месте; наступила глубокая тишина. Палки и мечи висели над головами; лежащие старались принять более удобную позу и тихо стонали.

— Не шевелитесь! — крикнул Цинамон. — Двигаться нельзя! Положение каждого будет зафиксировано комиссией!

Толстопуз VII соскочил с коня, сделал глубокое приседание и с трудом выпрямился — так сильно мешали королю его рыцарские доспехи. Их величества медленно подошли друг к другу.

— Неплохо идет, — просопел Толстопуз.

— Великолепно, — гаркнул Цинамон.

— Прошу извинить меня, король Цинамон, — начал в замешательстве Толстопуз VII, — но в этом шуме совсем теряешь голову, я уже целый час мучаюсь и не могу припомнить: из-за

чего мы деремся?

— Как из-за чего? — шепнул изумленный Цинамон. — Из-за миндальной шашки.

— Из-за такой глупости? — удивился Толстопуз.

— Как из-за глупости?! Я ведь съездил тебе скипетром по голове!

— Ага, вспомнил! Только не говори об этом громко, иначе они не захотят сражаться за нас, — и он указал рукой на солдат, не отрывавших взгляда от лиц монархов. — Так, так, так, припоминаю... — Лицо короля побагровело. — Такое оскорбление... — Он затопал ногами. — Теперь я снова разгневан — мы можем биться! — И Толстопуз так стремительно опустил забрало, что прищемил свой лоснящийся подбородок.

Сражение продолжалось. Дрались яростно. В самом центре побоища пузатый портной Узел мужественно бился с толстобрюхим шлифовальщиком Амилькаром Оселком. Не в состоянии достать противника руками — мечи были уже сломаны, — они насккивали один на другого и ударялись животами, рокошущими, словно военные барабаны...

И все-таки перевес был на стороне блабланцев.

Я дрался, как лев. Я охрип от непрерывной игры на рожке. Но при виде отчаяния, написанного на добром лице короля Толстопуза, я не удержался и затрубил вновь, чтобы поднять утомленное войско в атаку.

Я заиграл наш бессмертный гимн:

*Майонез непобедим,
Мы везде пойдём за ним,
Пыл солдатский не угас —
Провиант хорош у нас.*

Но это было уже последнее усилие...

Я не знал тогда, что голос моей трубы пробудил усыпленного лекарствами вождя. Полководец, слышав гул близкой битвы, сбросил с себя одеяла и соскочил с повозки.

— Коня! Дайте мне коня! — кричал Майонез, застегивая пояс.

Но лагерь был пуст. Все слуги убежали смотреть на сражение, а заодно и досадить чем можно врагу.

— В тылу, за постоянным двором, сидели на корточках оба юнца. Они стащили миску блинов с абрикосовым вареньем и теперь, облизываясь, изобретали новую каверзу.

— Слушай, Узелок, я все-таки выпущу их, — шептал Прыг, прижимая к себе кожаный мешочек.

— Я чувствую, что нам не избежать ремня, — меланхолически вздохнул Узелок, но глаза его беспокойно светились.

— Я и в самом деле не выдержу, у меня уже затекает рука. — Прыг сжал сильнее мешочек, который двигался и шумел так, словно в нем работала, жужжа шестеренками, какая-то сложная машина.

— Ну, пошли!

Быстро перебирая ногами и весело гикая, они снова побежали в гущу сражения.

На остывшей пушке стоял полковник Пернат и в подзорную трубу рассматривал поле битвы.

— Это действительно редкостные стекла, — бурчал он себе под нос, — они здорово приближают — у меня перед глазами одна только лошадиная морда. — Бедняга не знал, что блаблацкие драгуны в этот момент напали на батарею.

Вдруг на голову сражающимся упал таинственный мешок. Бросив его, Прыг и Узелок тотчас же удрали. А из мешка начали, жужжа, выскакивать золотые искры. И как только они селились на кончик носа или на толстый затылок, солдат удирали, размахивая руками.

Это осы, рои тютюристских ос!

...Жужжанье к небесам взлетает громовое,

И армия бежит, покинув поле боя.

Так описывает это событие блаблацкий поэт.

Укушенный под хвост конь короля Цинамона встал на дыбы, повернул назад и, не слушаясь всадника, весь в мыле, умчался прочь.

— Король уходит! — заорал кто-то.

— Король уже убежал, — кричат все и бегут за ним следом. Так осиное гнездо, снятое с крыши постоянного двора «Под копченой селедкой», сыграло решающую роль в нашей победе. И как раз в этот момент подлетел, сидя с поджатыми ногами на

пойманном скакуне, граф Майонез. Мой рожок придал ему силы.

— За мной! — крикнул он. — На Блабону!

И мы начали преследовать врага.

ОСАДА БЛАБОНЫ

Через три дня и три ночи у нас взбунтовались кони. Покинув всадников, они вернулись в родные конюшни. Продолжая путь пешком, мы шли форсированным маршем на вражескую столицу. Нам удалось настигнуть только одиннадцать инвалидов. На восьмой день укрепленные ворота Блабоны захлопнулись перед самым нашим носом, тяжелые створы прищемили прямую, как клин, бороду графа Майонеза — она первой стремилась проникнуть в осажденный город. Не дожидаясь цирюльников и брадобреев, спешивших сбрить бороду по всем правилам искусства, граф героически отрубил ее мечом и, лишившись истинно мужского украшения, стал еще более грозен и суров.

— Да, друзья мои, я и мой рожок привели нашу армию к победе, — хвастался Пыпец, закрывая от удовольствия глаза. — И король помнил об этом. Он снял со своей груди самый большой орден и приколот его мне, — тут петух расправил выцветшую ленточку на груди.

— Оооох! — запищали восторженные голоса.

— Кто это там опять? — удивился Мышибрат. Вытянув из огня пылающую ветку, он помахал ею в темноте. Ему показалось, что маленькие черные точки скачут у него в глазах, а может быть, это был сон, который сыпал голубоватый мак.

— Тебе все время что-нибудь мерещится, — зевнула Хитраска.

— Тише! Слышите? — настороженно шепнул петух.

Звери замолкли.

Издалека слышался конский топот, и по дороге вновь проскакал всадник, разрезая факелом темноту. Длинным хвостом за ним летели искры и, мерцая, гасли.

— Говорю я вам: что-то случилось...

— Да, похоже на то, что случилось что-то важное!..

Мышибрат в задумчивости выпустил когти и стал точить их о камушек.

— Эх, если бы теперь были такие войны! — вздохнул он.

— Никто не может сказать, что ожидает нас в будущем.

— А как вам удалось взять этот город? — спросил, наконец, Мяучура, рассматривая блестящий коготок.

— Блабону? Пустяки! И этой победой потомки обязаны мне, — гордо ответил петух. — Вы только представьте себе... Мне не были подготовлены к осаде крепости. Солдаты тяжело дышали, они утомились и проголодались. Пушки и обозы остались далеко позади. А тут стены и заборы из кольев вышиной в три человеческих роста. За забором город, и такой город, что клюв невольно расплывается в улыбке, — весь он застроен маленькими домиками, покрашен розовой и желтой краской; улицы выются, точно ленты, а над домами сверкают позолоченные крыши замка и купола церквей.

Хотелось бы склевать все это как пирожное, а тут стена; по стене, издеваясь над нами, прогуливаются блабланцы.

Мы ринулись на штурм, но голыми руками стен не разрушишь. Нашего славного короля Толстопуза, который собственной персоной штурмовал ворота, эти негодяи облили расплавленным свинцом. К счастью, панцирь спас его величество, иначе он поджарился бы, словно на сковородке. Однако короля так основательно запаяло, что в течение двух недель мы кормили его одними макаронами — никакая другая пища не могла пролезть через узкие щели забрала. Нам удалось вскрыть панцирь государя лишь тогда, когда гонцы из Тулебы привезли на перекладных большой консервный ключ.

Толстопуз выглядел очень плохо, страшно похудел, но первые его слова были: «Я уничтожу этот курятник!»

Город не мог выдержать долгой осады. Вскоре у осажденных кончились снаряды. Но что могло быть хуже для нашей армии, чем обстрел яйцами, сваренными вкрутую?

Однажды в полдень враги пробили бедро самому Майонезу, метко выстрелив в королевский шатер двенадцатифунтовой колбасой.

Издалека до нас доходили отголоски непрекращающегося пиршества, и мы, охваченные гневом, штурмовали и штурмова-

ли город. Жители Блабоны выбегали на городские стены, даже не отерев губ, выпачканных в соусах, а с бород у них стекали капли вина и меда.

Наши солдаты грызли ремни, сосали колбасную кожуру, которую блабланцы высокомерно бросали нам со стен города.

Однажды и меня по ошибке чуть не посадили в котел.

Это было тяжкое время.

И вот тогда-то в наш лагерь пришли двое озорных мальчишек, рыжий Прыг и вихрастый Узелок. Их хотели тотчас же отправить домой, но они так трогательно просили разрешения остаться и были так забавны при этом, что мы не решились их прогнать.

Оба сорванца вертелись под стенами крепости, дразня и передразнивая толстобрюхих блабланцев.

Рядом с воротами столицы росли два высоченных тополя. Прыг и Узелок влезали на деревья и с вершины осматривали город.

И вот они сделали себе из длинной проволоки качели. Сильно раскачивая их, мальчишки долетали до самых бастионов, а порой шалунам удавалось плюнуть на часового. Разбойники облюбовали себе высокого алебардника; метким выстрелом из рогатки они выбили ему два передних зуба.

По вечерам я учил их играть на трубе — это обоим доставляло несказанное удовольствие. Впрочем, учение шло так успешно, что нам вскоре приказали уходить в соседний лес. Ну и представьте себе, до чего додумались эти бездельники...

Я повел их к вождю.

— Рискованное дело, — проворчал Майонез и хотел почесать бородку, но так как ее не было, граф покрутил пальцами волосы, торчавшие из носа.

Подумав, он, наконец, сказал:

— Ну, если вам удастся этот маневр... именем короля обещаю вам все, чего бы вы ни пожелали...

У мальчишек сверкнули глаза, как будто кто-то насыпал туда искр.

— Я хочу самокат!

— А я мопсика, маленького мопсика и калапутьку!

— А что такое калапутька? — удивился вождь.

— Я и сам не знаю, — признался Прыг, — но мне это очень нужно!

Ночь была темной. Штурмовой отряд разулся, чтобы не шуметь, и подкрался на цыпочках к городской стене. Порой кто-нибудь из очень нервных оглушительно чихал, ступая на влажную землю.

Мальчишки начали с того, что раскачали качели и — гоп! — взлетели на стену. Потом с каждым новым взмахом на качели прыгал тютюрлистанский солдат и приземлялся за валом.

Над лесом возшла луна. Заинтересовавшись движущимися тенями, она стала опускаться на город и при этом злорадно улыбалась. Луна выдала бы весь замысел, если бы Узелок не заслонил ее, высоко пустив в небо большого змея. Окрестные леса, холмы и рощи серебрились от блеска любопытного светила, а на город пала черная тень.

Извиваясь, как уж, Прыг полз вдоль балюстрады. Неожиданно из-за сторожевой башенки выскочил блабланец и крикнул: «Я тебе блам, благодяй!»

И он рассек бы мальчишку алебардой на две части, если бы не один из наших гвардейцев, который в этот момент спрыгнул с качелей и, размахивая ногами, приземлился на шее алебардника.

— Блавол, — завопил стражник, перепуганный летающим привидением. Он шарахнулся в сторону и вместе с солдатом полетел в зеленые воды рва. Прыг изогнулся, как кошка, схватил алебарду и побежал вдоль стены. Увидев за поворотом дремлющего блабланца, мальчишка, недолго думая, ударил его острием в живот.

Толстяк застонал. Медленно поднял голову. Из пробитого живота брызнула тоненькая струйка. Раненый пошарил вокруг себя, достал кубок и, опасаясь, что из его жил вытечет вся кровь, подставил кубок под зияющую рану. Когда же кубок наполнился до краев, он поднес его к губам и начал пить.

Прыг побледнел.

Подбежавшие солдаты замерли на месте от ужаса: они были потрясены такой кровожадностью. А толстяк вновь подставил

кубок и закрыл синие веки: у него началась икота. Рука дрожала, алая жидкость стекала вниз, образуя лужу.

Тут я кинулся на блабланца и дал ему затрещину. Потом вырвал кубок и глотнул из него. Этот пьянчуга, желая повеселиться на посту, засунул себе под кафтан мех с красным вином. Мы расстегнули ему пояс, и каждый немного подкрепился. Потом я положил пустой мех блабланцу на лоб. Солдата даже не нужно было связывать: он так упился, что спал как убитый.

Добежав по городской стене до ворот, мы перерубили цепи — подъемный мост с грохотом опустился. Далеко, около рынка, началось движение, послышались тревожные крики, из темных улочек до нас донесся топот подбегающей стражи.

Я остановился и заиграл атаку.

Наша пехота грозным потоком вливалась в город.

А ЗА СТЕНОЙ...

— Население отчаянно защищалось. Горожане в длинных ночных рубашках, теряя туфли, бежали по улицам. Матроны в ватных капотах запаковывали детей в сундуки вместе с мехами, искрящимися от нафталина.

Ожидали ужасного погрома.

Там и сям раздавались крики: «Граждане, на баррикады! К оружию!»

Баррикады выглядели довольно странно. Улицы были загорожены столами, накрытыми для пиршества. На скатертях лежали штабеля больших, с мельничное колесо, кругов сыра, стояли торты; словно янтарная, лоснилась от аппетитного жирка подрумяненная птица; ласкали взор фруктовые желе, банки с вареньями.

Добежав до столов, солдаты остановились как вкопанные. Блабланцев не было видно. Кругом, насколько хватало глаза, громоздились пончики, ноги вязли в грудах конфет... Изголодавшиеся солдаты набросились на еду. По всему городу раздавались хруст и зловещее чавканье, веселое бульканье меда и вин.

Огромные бочки возвышались пирамидами, преграждая захватчикам путь. Чем дальше, тем медленнее мы продвигались

вперед, солдаты расстегнули пояса, многие побросали оружие, чтобы обеими руками хватать лакомые куски. Вот что писал об этом летописец: «Словно голодные волки, набросились они на сии яства, тучнея с каждою минутою, и казалось, что скоро они с треском лопнут, испустив дух...»

Напрасно призывал граф Майонез: «Вперед, во дворец! У нас еще будет время окончить пир, ведь мы уже утолили голод!»

Напрасно кричал я: «Братья, это ловушка!»

Пробежав несколько шагов, солдаты вновь чуяли аромат ванили, запихивали в рот апельсины, пережевывали грозди винограда. Доставая из голенищ конфеты, они грызли их и тут же небрежно выплевывали, чтобы схватить золотые круги душистого ананаса. Воины лезли вверх, где стояли бочонки с надписью «Блалина». По-блаблацки это значит — «Малина». Густой и сладкий сок наполнял шлемы. Облизывая усы, захмелевшие гвардейцы врывались в опустевшие дома, где манили ко сну усталые перины и подушки ложа, еще не остывшие после недавнего бегства хозяев. Суровые ветераны швыряли в угол сапоги и падали на кровать, утопая в мягком пуху. «Никто не заметит, что одного не хватает», — думал каждый из них, мирно засыпая.

Армия таяла на глазах. Лишь самые жадные еще пробивались вперед. Когда мы дошли до последнего поворота, осталось всего несколько человек.

Перед нами открывался вид на рынок, где столпились полуголые, перепуганные горожане. Нас отделяла от них только хрупкая баррикада из легкого, будто крылья бабочек, хвороста, который был скреплен кусочками нуги.

— За мной! — крикнул граф Майонез. Я бросился вперед и начал бить клювом. Сладкими облаками взвилась в воздух сахарная пыль. Липкая нуга облепила всю шпагу графа, и он с отвращением отшвырнул оружие прочь. Крошки ароматного теста забились в мой клюв. Я все время перегибался вперед — так отягощал меня мой переполненный желудок, угрожая лопнуть каждую минуту.

Ударив изо всех сил плечом, я пробил брешь. Блабона принаделажала нам!

Однако на рынок нас вбежало только трое — рухнувшая гора

хвороста погребла под собой графа Майонеза. Было слышно, как мечется разъяренный вождь и как с треском ломается сухой хворост.

Мой долг был бежать за королем, и я не мог поспешить на помощь полководцу.

Навстречу нам вышел король Цинамон. Но на его лице не было и тени огорчения.

— Победа! Победа! — закричал я.

— Да, король Цинамон, — сказал Толстопуз, — город уже взят.

— Да, — приветливо усмехнулся король Цинамон, — город взят, но куда делась ваша армия?

— Это была не рыцарская борьба, это была подлая ловушка.

— А кто первый, нарушив международное соглашение, сделал эту пакость с осами?

И тогда, схватив рожок, я вытряхнул из него конфеты и изюм и заиграл сигнал тревоги!

Еще не придя в себя после сна, обьевшиися гвардейцы высыпали на улицы. Многие из них, заслышав металлический голос моего рожка, медленно шли на четвереньках, многие ползли.

Но это неопровержимое доказательство солдатской верности и трогательной любви к монарху волновало до слез.

Вскоре нас окружил вооруженный отряд. Король Цинамон, видя эту не опомнившуюся после сна и сотрясаемую икотой армию, готовую к отчаянной схватке, к решающему бою, подошел к королю Толстопузу и протянул ему руку.

— Ты взял Блабону, а я победил твою армию. Наша честь спасена! Помиримся...

Они пожали друг другу руки и поцеловали друг друга в плечо, точно так, как голуби на карнизах потирают свою голову о крыло.

Да, а потом наступило всеобщее братание. Крича от радости, толпа бросилась на нас и понесла нас на руках. Лопнув сапфировыми звездами, в небо взлетели бесчисленные ракеты.

Что это была за ночь!..

Лишь на третий день удалось вытащить нашу армию из

гостеприимных блаблацких альковов. На площади состоялся парад. Оба короля, восседая на помосте, обтянутом малиновым сукном, раздавали воинам награды.

Тогда я получил два ордена — блаблацкий и тютюристанный, а мой рожок — золотую цепь.

— А что стало с графом Майонезом? Он не задохнулся?

— Ну, что ты!.. Он вылез из-под хвороста здоровехонек, только слегка припудрен сахаром. Граф получил великолепный пергаментный свиток с печатями и новым гербом «Облизанная ступня».

Под непрерывные крики ликования прошли, по-братски обнявшись, солдаты обеих армий. Дождь цветов падал с балконов. Даже старые ветераны не помнили более волнующей минуты.

Чего только нам не обещали!.. Каждый окончивший службу солдат должен был получить грядку, на которой он имел право сажать редиску; по субботам нам было разрешено бесплатно кататься на лодке в городском парке. А под Новый год нам должны были выдавать по пять блинов с розовым вареньем, собственноручно испеченных королевой Клепонией.

Увы, время уносит все!..

Даже Узелок должен был стать помощником королевского портного и носить подушечку с иглами, а рыжий Прыг, выучи он таблицу умножения, стал бы правой рукой казначея.

Потом все переменилось... Забыли о нас... Забыли...

Впрочем, может быть, во мне говорит обида... С тех пор прошло немного времени, а мой гребень уже седеет. Старость не за горами, а я еще ничего не добился в жизни.

Петух грустно задумался. Костер догорал.

НОЧНОЙ ГОНЕЦ

Звери пристально смотрели на угасающий огонь. Неожиданно послышался тихий плач. Петух наклонил голову, чтобы лучше слышать. Мышибрат насторожил уши.

— Кто-то плачет, — шепнул он.

Казалось, это всхлипывают огорченные дети. Слышались

многочисленные голоса. Из чьих-то глаз капали обильные слезы. Мышибрат наклонился; маленький зверек, величиной с маковое зерно, подпрыгнул вверх и, отскочив от его носа, пропал в темноте. Справа и слева от кота скакали черные точки.

Хитраска беспокойно шевельнулась.

— Идите сюда, глупышки, — шепнула она.

Плач стал утихать, словно обиженные дети спрятали голову во что-то мягкое и пушистое. Лисица закрыла мордочку лапой и негромко зевнула, притворяясь, что засыпает.

— Признайся, Хитраска, кого ты от нас прячешь.

— Что я могу поделать, если они такие впечатлительные... Сейчас же в слезы...

— А кто?

— Ну, мои блохи, — шепнула лиса, краснея.

Капрал Пыпец удивленно тряхнул крыльями, а Мышибрат почесал шею.

— То-то я чувствую, что меня кто-то кусает.

— Не болтай глупостей, они не кусаются. Я кормлю их крошками. Они так привязались ко мне... Эти блошки иногда только щекочут мне кожу, когда, зарываясь в мех, играют в прятки. Но они никогда не кусаются.

— Откуда же у тебя, Хитраска, блохи? — удивился петух.

— О, это длинная история...

У меня стало тяжело на сердце, когда я узнала об их отчаянном положении. Я взяла малюток на воспитание от одного пуделя. Бедную собаку хозяева выгнали под старость из дому. Он продавал тряпки, собирал разбитые стекла и кости на помойках... Вы знаете, что я без детей жить не могу. Меня утешает, что я их воспитываю и обучаю хорошим манерам...

— Блоха всегда останется блохой, — сказал с сомнением петух.

Мышибрат недоверчиво покрутил головой. Его блестящие зрачки стали узкими, как месяц в новолуние.

— Слышите?! — мяукнул он. Выгнув дугой спину, кот гневно фыркнул. Петух вскочил на ноги, схватил трубку и узелок, а Хитраска прыгнула в сторону и пропала в темноте. Слышно

было, как она шепотом успокаивала перепуганных блох.

Под тяжелыми шагами ломались ветки. Какой-то великан шел напрямик через лес. Наконец, у костра с храпом остановился огромный взмыленный конь. Всадник поднял высоко над головой факел.

— Эй, люди! — крикнул он хриплым голосом.

Петух выступил вперед. При свете факела его рожок сверкнул, как жерло начищенной пушки.

С минуту они смотрели друг на друга. Неожиданно всадник опустил голову, застонал в отчаянии и, забывая, что он в Тютюрлистане, воскликнул:

— Бларолевна блахищена!!!

Факел выпал у него из рук и, шипя, погас на влажной траве. Гонец повернул коня, вонзил ему в бока острые шпоры и пропал в темноте. Вновь слышался треск ломаемых сучьев и шелест падающих листьев.

— Это по-блаблацки, — шепнул побледневший петух, — похищена королевна. Вы понимаете, ко-ро-лев-на...

Наступила тишина. Звери стояли, подавленные ужасной вестью. Теперь они поняли, почему гонцы мчались на все четыре стороны света, разрезая ночной мрак ярким факелом.

Друзья уселись около костра, широко открытыми глазами глядя в темноту. Разбуженные деревья что-то шептали.

— Мы должны отдохнуть — время ложиться спать; кто знает, что ожидает нас завтра!..

Петух поднес трубу к клюву и заиграл вечерний сигнал:

*В звездах небосклон,
Близок тихий сон,
Плащ твой расстели,
Саблю отстегни.
Лишь блеснет восход,
Мы уйдем в поход.*

Серебряные звуки долго звенели под сводами леса, прежде чем улетели в звездное небо. Устроившись поудобнее, друзья легли спать. Мышибрат то закрывал, то вновь открывал глаза и смотрел на танцующие языки пламени. Веки его становились все тяжелее. Наконец он успокоился и заснул, мурлыкая свою обычную кошачью песню.

Петух нежно погладил свой узелок, сунул его под крыло и тотчас захрапел. Ему, верно, снились новые битвы.

Звезды мигали своими серебряными ресницами. Сытый огонь медленно догрызал остатки хвороста — костер гас.

По вершинам вековых деревьев пробежал вздох:

Лишь блеснет восход,

Мы уйдем в поход.

Но друзья уже ничего не слышали. Утомленные долгой дорогой, они крепко спали.

ПОХИЩЕНИЕ

Наступило розовое утро. Солнце расчесывало золотые кудри. В лазурном небе плыли крошечные облака — их отпустили на прогулку папа-ветер и мама-погода. Жаворонки купались в вышине. Деревья потягивались, раскинув ветви, клены любовались своей листвой, ели отряхивали колючий зеленый наряд.

С полотенцем на шее лиса возвращалась с пруда. Мышибрат стоял на коленях и раздувал потухший костер. Петух бережно завернул что-то хрупкое в мох и положил в дорожный мешок.

— Доброе утро, друзья! — крикнула издалека Хитраска.

— Доброе утро! Как ты хорошо сегодня выглядишь! Известное дело, молодость... — вздохнул петух, завязывая мешок. — Нет ничего лучше молодости.

— Ты просто хочешь сказать приятное. Что мне в этой молодости, когда нет работы, когда есть нечего!

— Не горит, да и только, — жаловался, задыхаясь от кашля, Мышибрат.

Костер, правда, уже дымился, но у огня еще не было аппетита, он спал.

— Вот смотри, как нужно делать, — крикнул капрал Пыпец; он шпорой отгреб золу, наклонился и стал дуть. Голый огонь, вынутый из-под пепла, который окутывал его, словно теплое одеяло, заиграл и закружился. От едкого дыма у петуха защекотало в носу, он широко открыл клюв и оглушительно чихнул. Взметнулась целая туча пепла.

— Будь здоров, — вежливо сказала Хитраска.

— Ну, если это твой способ раздувать огонь... — насмешливо начал Мышибрат.

Но раскрасневшийся петух со слезящимися глазами бросал уже ветки в костер, и язычки пламени — о чудо! — начали с удовольствием пожирать их.

За завтраком петух тяжело вздохнул:

— Трудно поверить... Мне кажется, то, что мы слышали... Это был сон.

Внезапно слышались шаги. На поляне показались человек и лошадь. Человек разнуздал лошадь, и она стала щипать свежую траву. Потом он подошел к костру и отвесил учтивый поклон. Страусовое перо его шляпы скользнуло по земле.

Друзья пригласили пришельца отдохнуть у костра и разделить с ними их скромный завтрак.

Это был один из многочисленных гонцов, разосланных на все четыре стороны света. На вид ему можно было дать лет двадцать; у него было серое от пыли, печальное и утомленное лицо.

Даже любопытная Хитраска ни о чем не стала расспрашивать рыцаря, опасаясь, что это только увеличит его горе. Но он, заметив сочувственные взгляды зверей, заметив волнение Мышибрата, который хотел ему уступить свой кусок хлеба, начал говорить сам:

— По вашим лицам я вижу, что вы уже знаете обо всем... Сердце мое разрывается на части, но я должен рассказать вам о похищении. Каждый может принять участие в поисках.

Похищена королева Виолинка, дочь короля Цинамона, самая красивая девушка в стране... Ее похитили во время путешествия в Тулебу. Она находилась под присмотром учителя пения Доремии Бемоля и госпожи Корцинелли. Карета переехала уже границу Блаблации. Похитили ее здесь, на вашей земле, в Тютюрлистане.

Вы знаете: ваши дороги плоховаты; у кареты лопнула ось. Королева воспользовалась остановкой и решила нарвать полевых цветов. За ней следили Корцинелли и маэстро Бемоль. Околдовали их или еще что-нибудь... не знаю... но они ничего не слышали, ничего не видали... а королева пропала, словно песчинка в море. Карета давно готова, а Виолинки нет... Кри-

чат: «Виола! Виолинка!» Лакеи так орут, что эхо грохочет. Никто не отвечает.

Невдалеке нашли ее шарф и разорванную шапочку. Были видны также следы огромных кованых сапожищ. Значит, ее похитили не дикие звери, а разбойники.

В тот же вечер жители окрестных деревень были обо всем уведомлены, на дорогах поспешили расставить караулы — и все напрасно. До сих пор мы не напали на след похитителя. От Корцинелли ничего не добьешься, она обкладывает лоб ломтиками лимона, у нее мигрень, она постоянно теряет сознание, из глаз брызжут слезы, как вода из пожарного шланга, а маэстро Бемоль таращит свои черные глазищи и тоже ничего не знает, ничего не помнит! И это были ее провожатые! Чтоб им утонуть в компоте!

— Если она похищена в Тютюрлистане, то это грозит нам дипломатическими осложнениями, — сказал петух.

— Я вижу, что вы разбираетесь в политике, — посмотрел на него с уважением гонец. — Да, король Цинамон в гневе, у королевы Цикуты истерика... Все считают, что война неизбежна. Может быть, через несколько недель, может быть, через несколько дней... А скольких жертв нам стоил последний поход!

— Я только капрал, — скромно начал петух, — но должен признать, господин офицер, что наступают тяжелые времена.

— Порой в груди капрала бьется более мужественное сердце, чем у иного вождя. Впрочем, каждый солдат носит в ранце маршальский жезл...

— Хе, хе, — жалобно вздохнул петух, — но нет его в этом узелке.

— Я вижу выцветшие ленточки на вашем мундире, орденов зря не дают. Если начнется война, все будут нужны, а особенно те, что уже покрыли себя славой.

Гонец быстро поднялся и взнуздal коня.

— Желаю вам всего хорошего, желаю вам найти работу и кусок хлеба, а может быть, вы нападете и на след похитителя...

С ловкостью придворного он поцеловал лапку Хитраски, обнял петуха и Мышибрата.

Затем вскочил в седло и помчался галопом. Въехав на отдаленный холм, рыцарь обернулся и помахал друзьям шляпой.

— Слышали? — начала Хитраска, укладывая оставшиеся припасы.

— В путь, в путь, друзья!

— Может быть, я отыщу королевну, и она полюбит меня, — мечтал Мышибрат. Он сорвал пук травы, украдкой плюнул на нее и почистил сапоги.

Звери выбрались из тени деревьев и направились вдоль опушки леса.

Пахло нагретой смолой, иглами и солнцем.

Около полудня они вышли на перекресток; там виднелась доска с недавно приклеенным объявлением.

— Я немного близорук, — нахмурил брови петух.

— А меня слепит солнце, — выкручивался Мышибрат.

Хитраска подняла мордочку и прочитала вслух:

ВЧЕРА БЫЛА ПОХИЩЕНА

КОРОЛЕВНА БЛАБЛАЦИИ ВИОЛИНКА

РОСТ МАЛЕНЬКИЙ, ЛИЦО СИМПАТИЧНОЕ, ГЛАЗА СИНИЕ,
ВОЛОСЫ СВЕТЛЫЕ, ЦВЕТ ЛИЦА МОЛОЧНЫЙ.

ОДЕТА В ГОЛУБОЕ ПЛАТЬИЦЕ И ЗОЛОТЫЕ ТУФЕЛЬКИ С
БРИЛЛЯНТОВЫМИ ПРЯЖКАМИ.

В РУКЕ — ВЕЕР.

НАШЕДШИЙ ПУСТЬ ПРОВОДИТ ЕЕ ДО БЛИЖАЙШЕГО
ПОСТА КОРОЛЕВСКОЙ ГВАРДИИ.

СУММА НАГРАДЫ НЕ ОГРАНИЧЕНА.

ЗА КАЖДУЮ ИНФОРМАЦИЮ БУДЕТ ЩЕДРО
ЗАПЛАЧЕНО.

ДОБРОВОЛЬЦЫ, ПОЖЕЛАВШИЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В
ПОИСКАХ, ПОЛУЧАТ БЕСПЛАТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ.

— Подписи разобрать нельзя. Ясно видна только большая печать с гербом Тютюристана.

— Ну, теперь мы ее легко узнаем, — ударил в лапы Мышибрат.

— Я уже видел ее раньше, на параде в Блабоне; никакое переодевание не сделает ее неузнаваемой для меня, — уверял петух.

— Но где искать ее? В какую сторону идти?

— Прямо по ветру, — потянула острым носом Хитраска.

ВСТРЕЧА С НАГНЁТКОМ

Над путниками шумели старые развесистые деревья, их кроны сплетались в зеленые арки, пахло терпким соком нагретых листьев. Древние великаны опирались друг на друга руками, просеивали сквозь ветви солнечный свет и, наклоня кудрявые головы, вздыхали о чем-то и что-то невнятно бормотали.

А дальше простирались луга; их пересекали блестящие ленты помелевших от зноя ручьев. Над лугами порхало множество мотыльков, бабочки собирали с цветов сладкий сок, размахивали белыми и желтыми крылышками, к великому удивлению голубых наивных незабудок. Дальше, вплоть до самых стен белых нарядных хат, виднелись засеянные ячменем и пшеницей поля; их нежно колыхал ветер. Скрипели колодезные журавли, лениво лаяли собаки, призывая друг друга не дремать. Весь солнечный мир, овеянный теплым дыханием подвижного воздуха, был таким изменчивым и прекрасным, что путники остановились, очарованные светлой картиной, такой прозрачной, что, казалось, ее можно было замутивить одним неосторожным вздохом.

И снова они шли березовыми рощами, полянами, усеянными еще не расцветшим вереском, где большие серебряные и зеленые жуки неохотно раздвигали блестящие металлические спинки и, взмахнув гофрированными крылышками, улетали с гневным жужжанием, пробужденные от пьяной дремы на аппетитной землянике.

— Известно ли вам, что наши запасы уже на исходе? — начала Хитраска. — И мы ничего здесь не достанем, в этом пустынном месте, — она указала лапкой на окружающие их леса.

— Не важно, теперь мы на расстоянии дневного перехода от границы Блаблании, — махнул крылом петух.

— Так, значит, где-то здесь была похищена королевна Виолинка, — сказал, внимательно осматривая окрестность, Мышибрат.

— Очевидно.

Наступили сумерки. Порой слышался голос древесной жабы, словно кто-то ударял в маленький барабан.

— Ночевать будем опять в лесу?

— Ты так стосковался по перине, Мышибрат?

— Что там перина! Я предпочитаю спать на мешках с мукой, спать под тихое журчание воды, — мяукнул кот, и голос его задрожал от нахлынувших воспоминаний.

Вдруг издалека до них донеслись крики, приглушенные шумом укладывающихся спать листьев. Капрал прибавил шагу.

— Лентяи, вы будете скакать, как я велю! — услышали друзья злобный окрик. Потом раздалось щелканье кнута, и тот же голос зарычал:

— Пойте, пойте, или вам придется худо. Громче, заморыши, дьяволята, пиявки!

Зазвенела гитара, и зазвучала тихая песня:

*Вся жизнь наша, братья,
Пройдет на канате,
Хозяина слово,
Хозяина-папы...
Он хочет, чтоб прыгал
Я снова и снова,
Иначе...*

— Иначе отведаешь кнута, — свист бича послышался так близко, что звери вздрогнули. Потом раздался раскат злобного хохота. — Громче, вы, дряни! Кожу я вам уже почесал, а теперь и ребра пересчитаю, если не будете петь хорошенько!

Петух раздвинул ветки орешника.

На поляне стоял большой фургон, окрашенный в желтый цвет.

Посередине — надпись большими буквами: «Цирк Мердано», а ниже на расклеенных старых афишах можно прочесть: «Самые свирепые блохи в дрессировке маэстро Нагнётка».

Внутри фургона раздавался топот, колымага скрипела и раскачивалась.

Из кухни, где дымила железная печурка, высунулась молодая красивая цыганка и закричала:

— Папа, не ори на них так — у меня горшки на плите скачут! Кляпон! Кляпон! Иди скорей сюда! — поманила она рукой.

Босой, полуголый мальчишка перебежал полянку и вскочил в фургон. Цыганка стояла, перебирая коралловые бусы, и глядела на закат.

При виде красоти у петуха разгорелись глаза. Он пригладил гребень и переступил с ноги на ногу.

Отворилась дверь, и из фургона медленно спустился на поляну высоченный цыган. Его клетчатая рубаша была сплошь в заплатках. Космы черных волос спадали на загорелый лоб. В левом ухе сверкал рубин, похожий на каплю свежей крови.

Вслед за цыганом по траве волочился небрежно заткнутый за пояс бич с семью хвостами.

Заметив хозяина, сивые исхудалые клячи, до этого жадно щипавшие скудную траву, прижали уши и попытались убежать, тяжело двигая спутанными ногами.

При виде их цыган так зловеще рассмеялся, что затряслись листья на молодой березе, а сорока, ожидавшая, когда вынесут помой из кухни, улетела, тяжело волоча свой длинный хвост сквозь застывший от зноя воздух.

— Гей, Друмля, готов ли ужин?

— Готов, папа, ты можешь наесться до отвала.

Цыган снял пояс, повесил его на ручку двери, достал из-за голенища нож, поплевал на лезвие и стал водить им по натянутому ремню.

— Бежим, — шепнула Хитраска.

— Это, наверное, убийца, — пискнул Мышибрат.

— Успокойтесь, тихо, — сказал петух, — ведь они нас не видят. Пробирайтесь на дорогу и ждите меня за поворотом, я

хочу осмотреть фургон; кто знает, что там скрывается!..

— Только не подвергай свою жизнь опасности...

— Будь осторожен, — попросил Мышибрат.

— Я знаю, что это за птицы, и не с такими еще имел дело...

Мяучура и Хитраска исчезли среди листьев. Они направились к дороге, видневшейся в просветы между деревьями.

Кот и лиса слышали за спиной скрип накренившегося фургона и скрежет стального лезвия.

«Герой — этот Пыпец...» — подумали оба, выйдя на теплый песок дороги.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

А петух, поправив перевязь, на которой висел рожок, смело вышел на поляну.

Старый цыган влез уже в фургон и кормил проголодавшихся блох; слышно было, как они чмокали и грызлись, вырывая друг у друга куски скудной пищи.

Капрал Пыпец подошел к дверям кухни и осторожно постучал.

Было тихо; слышалось лишь бульканье воды в кастрюлях, и вкусный запах полз из-под побрякивающих крышек.

Петух с тревогой оглянулся. Сзади него стоял большой котел с тяжелой крышкой. На поляне паслись сивые клячи, и их расплывчатые тени неуклюже лежали на траве. Еще дальше вековые дубы возносили свои могучие тенистые кроны. Оттуда веял приятный холодок, располагающий к отдыху и дремоте.

Неожиданно петух ощутил страх; ему показалось, что над ним висит ястреб, а может быть, он почувствовал чей-то предательский взгляд, устремленный на него из щелей между досками.

Он побежал.

— Подожди, милый странник, — закричала Друмля, появившись в дверях, — эй, генерал, генерал!..

Услышав певучий голос цыганки, который манил и ласкал, Пыпец доверчиво повернул назад.

Весь страх показался ему внезапным наваждением. Над лесом пылало заходящее солнце, на небе не было ни облачка, ветви приветливо махали ему, а красивая цыганка, сбегая с лестницы, кричала:

— Паагадаю... Пааагадаю... Цыганка правду скажет: что было, что случится, что с тобою приключится, дай, дай же мне крыло... Ты много воевал — был храбр, имел врагов, но всех победил... Ждет тебя большая любовь... Дорога к милой ни далекая, ни близкая. Цыганка всю правду скажет...

Не был бы капрал Пыпец старым солдатом, если б сердце у него не забилося сильнее при виде красивой девушки. Именно для того, чтобы поговорить с ней и погадать, он отослал друзей. Не одной красотке во время своей службы он вскружил голову, хо-хо... Петух гордо надулся, погладил цыганку крылом, фамильярно потрепал по плечу и, видя вблизи алые губки, склонил клюв для поцелуя.

— Может быть, ты и есть моя суженая, — прошептал он.

Друмля быстро отвернула голову, серебряные монеты звякнули в черных волосах, зубы блеснули в улыбке: «Смотри, какой скорый, петух ты мой важный, воин отважный, не на ту напал».

И, снова изогнув крутую бровь, она внимательно посмотрела на растопыренные перья.

— Прежде чем счастье найдешь, встретишься с великой опасностью, — продолжала она. — Кто знает, может быть, и погибнешь. Не в бою тебя ждет смерть... Погибнешь ты от руки предателя.

Она посмотрела на него горящими глазами и вцепилась обеими руками в крыло.

— Близка опасность, все ближе она... Все ближе.

Это крался вдоль фургона цыган Нагнётот с ножом в зубах.

А капрал Пыпец, словно замороженный, слушал сладкий голос цыганки.

— Если даже погибнешь, принесешь пользу людям, и после смерти они станут хвалить тебя, — говорила она, думая о том, как он, ошипанный и выпотрошенный, будет вариться в кастрюле.

Вдруг крышка котла, стоящего позади цыганки, приоткрылась, в щели показалось искаженное от ужаса лицо, и послышался свистящий шепот: «Беги!»

Словно очнувшись от дурмана, петух шарахнулся в сторону, вырвал крыло и высоко подскочил вверх.

Цыган Нагнётка кинулся за ним, но успел выдернуть только самое длинное перо из петушиного хвоста. Стуча подкованными сапожищами, злодей погнался за Пыпцом с ножом в руке.

— Ничего, ничего, мы еще поймает кукарекающего дурня, — запела Друмля и звонко рассмеялась, будто перстень упал в хрустальную вазу.

Петух бежал через лес. За ним гнался цыган. За цыганом с криком бежала Друмля, а сзади увязались кровожадные блохи.

— Он убегает, — шепнул Мышибрат, заслышав треск ломающихся веток.

То справа, то слева раздавались крики и мелькали сквозь листву фигуры петуха и Нагнётка. Петух старался сбить цыгана с пути. Наконец он выскочил на дорогу и, взметнув шпорами пыль, крикнул пронзительным голосом:

— Братья, бежим!

Друзья углубились в лес.

ТАИНСТВЕННЫЙ КОТЕЛ

Когда звери остановились, задыхаясь от быстрого бега, они слышали лишь, как шумят деревья на закате. Друзья прижали лапки к громко бьющимся сердцам и прислушались, нет ли погони. Но в лесу было тихо.

— Я почувствовал нож на горле, — воскликнул петух, — я спасся чудом от смерти.

— Мы так боялись за тебя! — мяукал Мышибрат, вытягивая с удовольствием хвост.

— А я едва успела крикнуть своим блошкам: «Держитесь за мех», — так здорово мы мчались.

— Твои блохи — это кроткие создания в сравнении с кровожадными блохами цыгана.

— Мы ничего не потеряли?

- Узелок капрала у меня, — сказал кот.
- Значит, все в порядке.
- Уйдем поскорее из этих опасных мест.

Медленным шагом звери вошли в темнеющие анфилады дремучего леса. Солнце уже село. Мохнатые ночные бабочки летали над цветами, от которых шел аромат, особенно пряный в этот вечер. Где-то далеко-далеко слышалась песня, ей вторили задумавшиеся деревья.

*Я была с тобой везде:
И в походе и в труде,
У цыгана я теперь,
Тяжко, грустно мне, поверь...*

Мелодия рассыпалась в печальном вздохе.

- Боже мой, — застонал петух, — мой рожок!

Напрасно утешали его друзья, что он купит себе в лавке новый рожок. Второго такого не будет — помятого, верного и... утраченного.

Капрал не мог сделать ни шагу; он стоял, склонив голову, и вслушивался в далекие жалобы, а голос рожка прерывался и хрип, словно он был полон слез.

И петух повернул назад; не обращая внимания на уговоры друзей, отталкивая их лапы, он воскликнул:

- Идите дальше одни, я возвращаюсь!

— Ты с ума сошел, я тебя одного не пущу, — волновалась Хитраска.

— Я пойду с тобой, — мяукнул Мышибрат и стал точить когти о ствол.

Было уже совсем темно; светляки, возвращавшиеся из гостей, зажгли фонарики. В темноте петух видел плохо; поэтому Мяучура шел впереди, отгибая ветки, — его зеленые глаза светились среди ночи.

Песчаная дорога, на которую вышли звери, еще не остыла и грела им лапки.

Над лесом показался месяц, и летучие мыши попрятались в черные дупла деревьев. Влажные ветви висели, точно окаменевшие сосульки.

— Смотрите, смотрите, — шепнула Хитраска.

— Мой рожок!

— Тиий-хо... Тиий-хо!

На поляне, в траве, у чугунного котла лежал рожок; крышка котла была прижата большим камнем. Дуновение ветерка, едва колыхавшее траву, будило в трубе тихий вздох. Она тосковала по хозяину.

Посреди поляны высился фургон, сквозь его оконные стекла поблескивало красное пламя свечи. Цыган, видимо, еще не спал.

Петух хотел тотчас же схватить рожок, но лиса удержала его лапкой, а кот пучками травы обмотал петушинные шпоры, чтобы они не звенели.

В эту минуту фургон закрипел и накренился; замигало пламя свечи.

— Не буду больше ждать, — и звери услышали, как громко зевнул злодей Нагнётюк. — А ты могла бы покрепче держать петуха.

— Я держала его изо всех сил, — засмеялась Друмля, — но он так рванулся... наверное, до сих пор убегает...

— На всякий случай я привяжу конец веревки к ноге, они сами меня разбудят.

— Вот видишь, — шепнула Хитраска.

Рожок шевельнулся и пополз по траве. Веревка натянулась в темноте.

Послышались голоса ссорящихся блох: они укладывались спать. Неожиданно раздался громовой удар, через секунду последовал второй. Это цыган снял сапоги и швырнул ими в стену, чтобы прекратить блошиную возню. Потом жалобно зашипел огонь свечи, задушенный посплывшими пальцами. Все погрузилось во мрак. Фургон прогнулся, и послышался равномерный шум, словно кто-то сыпал по лестнице картошку, — это храпел цыган; тоненько вздыхала Друмля, всхлипывая во сне; за что-то просил прощения маленький Кляпон. И только блохи, почуяв чужих, не спали: они сопели за решетками — бесчисленные, беспокойные и кровожадные насекомые.

Мяучура осторожно подполз к рожку, отвязал веревку и подал рожок петуху. Тот так крепко поцеловал его, что клюв звякнул о металл. Капрал поспешно спрятал рожок на груди.

— Пошли, пошли, — торопила друзей Хитраска.

Месяц лил серебряные потоки. Медленно переступали спутанные клячи. Потрескивали доски в старом цирковом фургоне. Неожиданно послышался приглушенный плач.

— Это твои блохи?

— Ну, что ты! — обиделась Хитраска. — Они давно спят.

Мяучура подошел к котлу и попробовал сдвинуть камень.

— Оставь! Кто знает, что там внутри...

— Там был тот добрый дух, который предостерег меня, — шепнул петух.

На их голоса вылезла из-под папоротников измученная продолжительной засухой жаба. Она посмотрела на зверей вытаращенными глазами. Толстая шея старухи колыхалась, жаба тяжело сопела — у нее была одышка.

— Не знаете ли вы, где тут есть вода? — спросила она хриплым голосом, но звери не слышали ее. Петух сдвинул крылом камень, и друзья наклонились над котлом. Хитраска попятилась, а Мышибрат, готовясь к прыжку, выпустил когти.

Из-под крышки показалось лицо девочки; она сидела по шею в жидкости; жидкость блестела в лунном свете, как ртуть. На плечи малышки спадали кудри.

— Как тебя зовут? — спросили удивленные звери.

— Спасите меня, — заплакала девочка, — я королева Виолинка.

— Королева? Правду ли она говорит? Что ты тут делаешь?

Друзья помогли ей вылезти из котла. Девочка была голой. Лиса укрыла ее мягкими листками мать-и-мачехи и набросила на тело рубашку, которая сушилась на дышле фургона.

— Я уже третий день сижу в этом настое из ореховых листьев. Меня похитил цыган; он хочет, чтобы я потемнела. Я должна прибираться в клетках у этих страшных блох...

— Королева, настоящая королева. — Мяучура обнюхивал ее с головы до ног; его хвост победоносно торчал вверх.

— Королева, — прохрипел взволнованный петух и поднес рожок к клюву, чтобы сыграть туш.

— Ты с ума сошел! — дернула его за крыло Хитраска. Она

схватила за руку Виолинку, и все побежали к дороге. Сзади всех мчался капрал, рожок колотил его по спине, подгоняя все дальше и дальше.

На большой поляне остались лишь спутанные лошади — их огромные тени медленно передвигались взад и вперед — да старая жаба, которая с глубоким вздохом облегчения плюхнулась в черный котел — она была измучена дневным зноем.

— Ах, купанье, чудесное купанье! — шептала жаба, закрывая от удовольствия глаза. Ее набухшая шея слегка подрагивала, и по темной поверхности настоя расходились маленькие круги.

УТРО НА ГРАНИЦЕ

Рассветает. Солнце еще не взошло, но небо уже посветлело на востоке, с лугов поднимается туман, никнут влажные травы, и капли росы стекают с листьев.

— Посмотрите, и это королева, — шепнула недоверчиво Хитраска.

Все наклонились. Утомленная ночными скитаниями, девочка спала.

На грязном личике были видны следы слез.

— Она некрасива, — удивился капрал, — она совсем по-другому выглядела в Блабоне.

Рыжие волосы малютки были взлохмачены, кожа загорела, а на носу сидело множество веснушек. Она выглядела так, будто чихнула в чернильницу.

— Ни веера, ни туфелек с бриллиантовыми пряжками, — огорчился Мышибрат. Потом, однако, он собрал все свои силы, зажмурил глаза и прошептал: — Если это королева, то для меня она достаточно прекрасна.

— Тут виноваты чары цыгана, ведь бедняжка жаловалась нам... Ее купали три ночи в разных настоях и отварах. Она должна была сидеть в этом гадком супе, где варились сушеные грибы, аир и белена, от которых кожа темнеет комариное сало, от которого худеют, и крылья божьих коровок, чтобы на нее перешли веснушки. Не говорите ей ничего об этом, не давайте

зеркала... Бедняжка огорчилась бы. Нужно позаботиться о ней, девочка и так уже настрадалась, — сказала Хитраска.

Тяжелая капля, сверкнув, как бриллиант, упала на шею спящей малютки.

Виолинка вздрогнула, протерла глаза и в недоумении посмотрела на зверей.

— Ах, это вы, — зевнула она, лениво потягиваясь, и тотчас заныла: — Я замерзла, я хочу есть.

Петух взглянул на лисицу, лисица — на Мышибрата. У них не было ни крошки. Все запасы кончились. Кто мог предполагать, что они так долго будут бродить по этим пустынным местам!

— Посмотри, — подмигнула им Хитраска, — посмотри, Виолинка, какой прекрасный день настает! Птицы купаются в небе, полощут лазурью горло, а капельки росы сверкают на паутинках, как твои бриллиантовые пряжки...

— Не морочьте мне голову, дайте поесть!

Тогда петух достал рожок, приложил его к клюву и заиграл:

*Солнца калач медовый
На небе летнем повис,
Как пчелка, луч багровый,
Жужжа, спускается вниз.
Курятся трав ароматы,
Стрекозы глядятся в пруд
И точкою крылатой
Над гладью вод снуют.
Ветер былинки гонит,
Гладит лицо, пролетев,
Теплы его ладони,
В них музыки напев.
Облаков комок серебристый
Спустился в согретый лес,
Хорошо на нем прокатиться,
На мягком его крыле!
Синее небо над нами,
В сердце веселье опять,
Хочется петь со скворцами,
Будто кузнечик, трещать!*

Это была самая прекрасная песня из всех сыгранных капра-лом песен. Деревья молчали, заслушавшись, а потом начали повторять ее; с поляны она переходила все дальше и дальше, пока ее не запел весь лес, словно это был его старый, давно известный и горячо любимый гимн, который лишь теперь смог прозвучать.

Но королева кричала все пронзительнее:

— Я хочу есть!

К ней подбежал Мышибрат и, преклонив колено, воскликнул:

— Улыбнись, прекрасная, мы не нарочно морим тебя голодом... У нас у самих ничего нет. Разве тебе было бы лучше у цыгана?

— В это время цыган кормит блох, он и мне дал бы завтрак!

— Посмотри, какой красивый букет я тебе принес, — кот показал из-за спины несколько синих колокольчиков.

Виолинка схватила цветы, небрежно понюхала, а потом стала щипать и мять их своими маленькими ручонками.

— Что мне в этой траве — я ведь не могу ее съесть!..

Неожиданно из одного цветка вылетела пчела и с гневным жужжанием укусила королеву прямо в нос.

Виолинка пронзительно взвизгнула. Петух и Хитраска подскочили к королеве, они махали лапками, отгоняли пчелу, которая кружила над ней и жужжала: «Что з-з-за каприз-з-з-зый карапуз-з-з!»

Нос у Виолинки вздулся, она расплакалась.

Петух посоветовал королеве приложить к укушенному месту рожок, ведь холодный металл успокаивает боль. Кот прыгал и кувыркался, пытаясь рассмешить девочку. Когда королева в конце концов успокоилась, она встала и презрительно отстранила зверей.

— С меня хватит вашего общества! Вы все делаете мне назло, глупые зверюшки!

И она пошла по лесу одна.

Огорченные звери поспешили за ней следом.

— Убирайтесь! Я не хочу вас видеть, — обернулась Виолинка, топая от злости ногами.

Лес начал редеть.

Перед ними открылся холм; полукругом его огибала дорога, похожая на белый ручей.

На вершине, среди зарослей подсолнуха, стоял постоянный двор «Под копченой селедкой». Черный столб дыма упирался прямо в небо.

Человек в белом поварском колпаке вышел из дверей и, сверкнув тазом, высыпал крошки для воробьев. Потом, прикрыв глаза рукой, он долго смотрел в сторону границы.

— Откуда я знаю это место? — нахмурил брови петух. — Ах, — ударил он себя по лбу, — ведь это же постоянный двор Завтрака! Вот он и сам машет нам рукой.

Королевна уже взбежала наверх.

— Завтрак, — закричала она, хлопая в ладоши, — Завтрак, давай завтрак!

Следом за ней поспешили верные друзья.

ЧЕРНОЕ КУПАНЬЕ

Ранним утром в веревке запуталась лошадь. Это разбудило цыгана.

— Попались, — заорал он.

Все выбежали на поляну. Кругом было пусто. И только старая кляча, стоя неподалеку от фургона, пыталась высвободить ноги. Цыган схватил нож и обежал поляну. Нигде ни следа.

— Его украли ночью, — размахивал он концом веревки, — похитили у нас рожок...

Нагнёток вцепился лошади в гриву.

— Ты была с ними заодно, — вопил он, потрясая кулаками.

— Я их и в глаза не видала, — простонала кляча. Несчастливая говорила правду — она была слепа на оба глаза. — Если я вру, протянуть мне копыта, — клялась она, бия себя в грудь.

— Папа, папа, — пискнул Кляпон, — с котла сброшен камень.

Цыган схватил крышку. В котле, погрузившись по самый нос в воду, дремала старая жаба.

Цыган Нагнёток и Друмля застыли в изумлении.

— Кажется, ты ошибся, папа, нужно было меньше трав, чтобы изменить ее... И состарить... И сделать уродливой, — засмеялась Друмля. — Что осталось от нашей красоты, — она потрепала жабу по набухшему зобу. — Подумайте, и она смела называть себя королевной...

— Не морочьте мне голову, тут что-то неладно. Кляпон, живо за Черной Книгой Магов. — Цыган схватил связку сухих трав: тимьяна, куриной слепоты, живокости и повилики, растер их в ладонях и бросил в воду. Потом он начал читать из цыганской Библии заклятья:

*Малядивы, Лякадивы,
Хвостик лысый, Хвостик сивый,
Никобары,
Дьявол Старый,
Черный Дьякон,
Дядя Кракон,
Харат! Марат! Третий круг,
Рахатлукум-Хабакук!*

Крышка трижды подскочила, из котла повалил фиолетовый пар.

— Помолодела, помолодела, — радостно вопил Кляпон.

— Друмля, подними крышку.

Темная жидкость покрылась ржавыми пятнами. Котел был пуст.

— Хо! — удивился цыган. — Что ж это за чары?

— Ну и чары! Ну и чары! — радостно верещал цыганенок, прыгая на одной ножке.

— Тихо ты, бездельник! — прикрикнул на него Нагнётток. Он наклонил котел и медленно стал сливать воду, процеживая ее сквозь растопыренные пальцы.

И вот на дне, в самой гуще осадка, он увидел бойко плавающего головастика.

— Папа, это была настоящая жаба! — воскликнула Друмля.

— Запрягай коней! Негодяи! Они украли ее у нас! Еще и гвардейцев приведут на мою шею! — Нагнётток погрозил зверям кулаком. Он схватил за ухо сына и швырнул мальчишку в глубь

фургона. — Сто ррразбойников рррбаррррбаррра! — выругался он. О, это «ррр» переливалось у него в горле, словно отдаленный гром в ненастный вечер.

Ломая молодые березки, лошади вытянули фургон на дорогу.

Блохи, чуя свежий след, рвались с цепей.

Хлопая бичом и вздымая тучи пыли, за беглецами мчалась погоня.

ПЛОДЫ ПОИСКОВ

А наши друзья садились завтракать. Капрал Пыпец повязал вокруг шеи салфетку. Хитраска пригладила лапкой растрепанные кудряшки Виолинки. Мышибрат предостерег:

— Осторожно, горячо!

От молока, налитого в стаканы, шел пар.

— Не хочу молока, — раскапризничалась, махая ножками, королевна.

— Прекрасное молочко, — облизал усы Мышибрат.

— Не хочу! Не хочу! Не хочу! — Виолинка соскочила со стула. — Завтрак, — закричала она, — я хочу шоколада с пенкой!

— Тебе не нравится то, что я подал? — удивился хозяин.

— Только не «тебе»! — Королевна вскарабкалась на стул и, гордо выпрямившись, спросила: — А вы знаете вообще, кто я такая?

— Ну, маленькая девочка, которая не очень...

— Я королевна Виолинка!

— Да, это правда, — подтвердили звери. — Мы нашли ее в лесу около Кошмарки.

И тогда Завтрак, галантно взмахнув салфеткой, преклонил колено и благоговейно поцеловал кончики пальцев, которые королевна соизволила ему протянуть. Вскочив, он воскликнул:

— Чего ни пожелаете, я все принесу. Приказывайте, ваше величество!

И начался пир.

— Кто за все это заплатит? — спросил обеспокоенный петух.

— О чем ты волнуешься, скряга? — толкнула его локтем

Виолинка. — Первый же гонец моего отца, который появится здесь, бросит трактирщику кошелек с золотом.

— Ну, что ж, если так, тогда... — И друзья начали уплетать кушанья, которые подавали им в самом необычном порядке, подчиняясь капризам королевны.

Шоколад с пенкой, песочные пирожные с желе из золотистого крыжовника, сосиски в серебряной кастрюле, под зеркальной крышкой, затуманенной ароматным паром, пироги с черешней со взбитыми сливками, жареного карпа, над которым мурлыкал от наслаждения Мышибрат, вытягивая тоненькие косточки, содовая вода с соком, коловшая, словно иголками, в носу, ну, и фрукты — большие груши; их куски исчезали во рту, тая и стекая струйками сладкого сока.

Вся прислуга, обступив пирующих, следила за ними восхищенным и удивленным взором.

Неожиданно за окнами послышались стук колес и цоканье копыт. Дверь с треском распахнулась. Какой-то рыцарь, бросив шляпу с пером на оленье рога, висевшие над камином, крикнул:

— Эй, хозяин, вина! Да покрепче... — Он вытер пот со лба и, вздохнув, опрокинул в рот огромный кубок.

Одна из служанок, подбежав к хозяину, шепнула ему что-то на ухо. Навострив уши, Мышибрат расслышал: «Из Блаблации... Королевна...»

Завтрак, потирая пухлые ладони, подошел к гостю.

— Доблестный рыцарь, — начал он, — тебе уже не нужно ходить по дорогам в поисках королевны. — Рыцарь с удивлением поднял брови. — Потому что мы имеем честь принимать ее у себя! — Прежде чем гость успел вытереть усы после вина, хозяин подскочил и услужливо подсунул ему второй кубок. — Я позволю себе представить счетец за ее завтрак. Доблестный рыцарь, вероятно, заплатит за королевну и ее друзей. Это, конечно, пустяки, для этого еще есть время, но я только так, для порядка...

— Что? что? что? — поперхнулся гонец.

— Слушай, — крикнула Виолинка, — заплати этому скупердю и дай по золотой монете этим зверюшкам, — она с презрением указала на друзей.

Рыцарь широко открыл рот, его живот заколыхался, в горле закрипело, губы вытянулись, и он разразился громким смехом.

— Эта «красавица» — Виолинка! — раскатывался, отражаясь от потолка, его издевательский хохот. — Это страшилище! — рыцарь веселился от души и гудел так, будто кто-то ворочал бочку с пивом.

Капрал побагровел.

— Что это, нас обвиняют во лжи? — Он протянул крыло за графином, чтобы стукнуть придворного по лбу.

— Это настоящая королева! — воскликнула Хитраска.

— Перестаньте, или я лопну, — давился от смеха рыцарь, — сжальтесь!

— Замолчи, ты, дурак! — топнула ногой королева.

Не переставая смеяться, рыцарь снял со стены засиженное мухами зеркало, согласно придворному обычаю преклонил колено и поставил зеркало Виолинке.

— Ой! — крикнула она, заслонив лицо руками. Это потемневшее веснушчатое лицо, распухший, словно тыква, нос, порванное платье и рыжие, торчащие во все стороны волосы — это она, прекрасная королева!

Неправда, это злой сон. Она зажмурилась и вновь открыла глаза, но видение не пропадало; королева уже начала узнавать в изуродованной и искаженной гневом физиономии свое собственное лицо.

— Гадкое стекло! — закричала королева и швырнула зеркало на пол, да так, что оно с треском разбилось, но каждый осколок издевался над ней и говорил, как она некрасива. — Подожди ты, ты... — грозила она гонцу, — я пожалуй папе!

— Кто оплатит этот счет? — размахивал листком бумаги Завтрак. — Платите за зеркало, платите, или я прикажу вас избить!

— Ты позволил обобрать себя банде дармоедов. Обманули тебя, опустошили кастрюли, вылизали тарелки, — насмеялся рыцарь. — А где, прекрасная королева, твое белое личико, золотые волосы и голубое платье?

— Я королева, настоящая королева, — рыдала Виолинка.

Вдруг девчонка подскочила к гонцу и укусила его в бессильной злобе за палец.

— Ты, сморчок, — крикнул рыцарь, — получай за свое вранье! — И, прежде чем подбежали на помощь друзья, он влепил Виолинке несколько затрещин. — Там внизу находятся двадцать семь найденных королевен! Вы слышите этот визг?

Выбежавшие из трактира гости увидели дилижанс; он весь трещал и колыхался. Ломая с треском веера, швыряя туфельки направо и налево, вырывая друг у друга пряди волос из искусно сделанных причесок, дрались двадцать семь королевен-самозванок.

— Эй, успокойтесь, сто рольмопсов! — крикнул рыцарь. — На старости лет сделали меня нянькой. — Он разогнал девчонку ударами шляпы.

Поправляя помятые банты, они чинно расселись на обитых бархатом креслицах и завистливо смотрели друг на друга; прежде чем дилижанс двинулся в путь, каждая успела показать разрыдавшейся Виолинке большой красный язык.

— Денег! Я выжму из вас последний грош, — грозил трактирщик, вцепившись изо всех сил в петушиный хвост.

* * *

В это время цыган доехал до поворота. Здесь он остановил лошадей и начал читать по складам объявление о похищении королевны.

— У нас в руках было сокровище, — вздохнула Друмля, — девчонка не врал.

На деревянной руке указателя дорог сидела с корзиной под крылом ворона и, наклонив голову, внимательно смотрела на проезжающих.

— Эй, тетка, — крикнул Нагнёток, — ты не видала петуха, кота и лисицу?

— Их только что обыскивала прислуга в трактире «Под копченой селедкой». Отобрали у них все, дали по шее и прогнали прочь, — закаркала старая сплетница. — Они, верно, тащатся по этой дороге!

— Спасибо, тетка, — засмеялся цыган, — теперь они у нас в руках!

Свистнул бич, и клячи потащили фургон вверх по крутому склону.

— Мы их поймем, свяжем и выдадим королю — это они будут похитителями детей! Понимаешь, они пойдут на висели-

цу, а я получу награду!

Цыган сунул в рукав нож и потрянул ветхими вожжами.

— Но, вио! хэтта! мои рысачки!

Друмля серебристо рассмеялась, услышав этот коварный план.

— Я горжусь тобой, папа, — шепнула она. Цыганка схватила гитару и, ударив по струнам, запела:

*Принесли мне вести эти
Птицы самых разных стран:
Нет разбойника на свете
Злей, чем папа мой — цыган!*

— Только в Тютюрлистане! Только в Тютюрлистане! — закричали какие-то птицы, скрытые от глаз в ветвях придорожного кустарника.

РОДОСЛОВНАЯ МЫШИБРАТА

— Теперь нам уже никто не поверит, — вздохнула Хитраска.

— Раз мне не поверили, так уж не поверят, — сетовал Мышибрат.

— Друзья! Есть один выход: нужно отвести Виолинку к самому королю — любящее сердце отца наверняка узнает ее.

— А я не пойду, — крикнула королевна, — я никому не покажусь в таком виде! Вы — самая подходящая для меня компания! — Она с отчаянием подумала о злорадных перешептываниях и слезливых поцелуях придворных дам, которые расчувствуются над ней и тут же, прикрыв лицо веером, многозначительно посмотрят друг на друга и ехидно улыбнутся.

Нет! Нет, она была слишком горда, чтобы возвращаться обезображенной чарами. Девочка не понимала, что красота тела преходяща, что она исчезает со временем, а вечными и несокрушимыми являются ясность души и доброта сердца, которые даже позднюю старость делают прекрасной.

День был напоен светом; с каждой минутой усиливалась жара. На полинялом, ушедшем ввысь небе кружил черной

точкой ястреб-разведчик. Неподвижные деревья стонали от зноя, песок обжигал ноги.

До Тулебы оставалось целых два дня пути, а у друзей не было никаких запасов; жадный Завтрак отобрал у петуха последние три дуката, отложенные на черный день. Их обобрали до нитки, перерыли все вещи, а у Хитраски сорвали даже бант с хвоста.

Путников ожидала тяжелая дорога, потому что они должны были выпрашивать пищу и ночлег, но не все двери открыты, не везде выносят кусок хлеба. Часто у них перед носом хозяйка захлопывала калитку и со злостью говорила: «У меня для вас ничего нет, бродяги... — а потом лицемерно добавляла: — Идите дальше, идите, пусть вам поможет бог!»

Друзьям приходилось туго, но они были мужественны. Хотя мальчишки свистели им вдогонку, кривлялись, передразнивали воинственный шаг петуха, кидали в путников комья земли, хотя собаки рвались с цепей и рычали: «Бррродяги, брррродяги! — или оскорбительно лаяли: — Хам! хам! хам!»

Наши знакомые медленно шли по деревне в полосатой тени плетней, брели вдоль запыленных садов, засаженных мальвой и ноготками, покорно стояли у заборов и порой находили ласковый прием, приветливую улыбку. В одном месте им давали ломоть хлеба, в другом — кусочек сыру, в третьем не пожалели для них кринки молока.

— Я не пойду дальше, — бормочет сухими губами королева, — я больше не могу...

Солнечные искры жгут. Птицы замолкли. Воздух трепещет и дрожит над темной полосой чащ Столесья. Тени стали совсем маленькими, охотнее всего они укрылись бы под ступней, но песок раскален, как сковородка, и тени бегут сбоку, напрасно ища убежища.

— Собери все силы, — уговаривает петух, — это для тебя же нужно.

С каким удовольствием путники улеглись бы под сенью придорожных деревьев, в высокой траве, и смотрели бы в небо, куда улетают взгляды и летят так высоко, так далеко, что уже забывают вернуться в маленький зрачок!

Но в Блабоне тоскует в ожидании король Цинамон и рыдает

по ночам королева Цикута.

Напрасно привозят все новых фальшивых королевен. Каждую минуту вскакивает король, введенный в заблуждение голубым платицем, веером и золотыми туфельками с бриллиантовыми пряжками; протягивает руки королевне и лепечет сквозь слезы: «Дочурка!»

Королевны-самозванки вместо того, чтобы подбежать к родителям, повиснуть у них на шее и закричать: «Мама! Папочка!» — приседают согласно придворному этикету и, ослепленные роскошью, шепчут: «Ваше величество!»

И король приказывает прогнать их. Он стоит у окна, ласточки снуют под крышей, мелькают в лазури, звенят, слетаясь на стены древней крепости, где каждая щелочка скрывает в себе лакомый кусочек. Смотрит король на солнечный парк, на сады, полные цветов, и беспокойно дергает резинку от короны, стучит скипетром в каменную стену и в забывчивости оттирает портьерой набегающую слезу. За окном, подгоняемые писком птенцов, все носятся и носятся ласточки.

А далеко по песчаной дороге бредет маленькая королевна и слушает рассказ Мышибрата, позабыв о зное и усталости. Вы можете не верить. Но послушайте, о чем говорил Мышибрат.

— Нас родилось трое. Прежде чем я открыл глаза, я услышал, как плещутся о покрытые тиной бревна воды Белкотки. Моя мать старалась нас спрятать, но старый мельник Сито выследил наше убежище, и я почувствовал, как его мозолистая рука шарит в сене. Я глубоко зарылся в сено и не слышал криков брата и сестры, потому что вода хлынула на колесо, заскрежатали жернова, затарахтели сита, вся мельница так затряслась, что из щелей начала бить мучная пыль. Поздно ночью мама пошла на берег, она бродила в камышах и звала детей. Хотя она мне ничего не сказала, я догадался об этом: весь ее мех был мокрым от росы. Белкотка не вернула своих жертв, она тихо лизала буковые желоба и плескалась о свои плотины. Мать крепко обняла меня. Мой брат и сестра трагически погибли, так и не увидев света.

— Ах, бедняжки! — тяжело вздыхает лиса, а петух прибавляет шагу.

— Быстрей, не отставайте! — подгоняет он друзей, пытаясь за воркотней скрыть свое волнение.

— Когда я вернусь в Блабону, я попрошу папу, чтобы он открыл приют для всех беспризорных котят, — говорит Виолинка.

— Смотрите, посреди дороги лежит на спине божья коровка. Она шевелит лапками, она зовет на помощь.

Виолинка наклоняется и, отерев с насекомого пыль, кладет жучку на ладонь.

— Я думала, что это кусочек коралла, — шепчет королева...

На спинке у божьей коровки три пятнышка. Она бежит по руке Виолинки, кружит на одном месте, забирается на безымянный палец и раздвигает спинку, словно женщина, которая поднимает юбку, когда хочет перескочить через лужу.

— Ты лети, жучок, на небо,
Принеси кусочек хлеба, —

говорит вместо Виолинки Мышибрат.

Божья коровка взлетает, делает круг над Хитраской и садится к ней на ухо. Хитраска трясет головой и вдруг слышит шепот: «Без вашей помощи я бы погибла от зноя, благодарю вас от всей души, вы увидите, что я еще пригожусь вам, не будь я Точкой».

Она взлетает все выше. Друзья следят за ней, запрокинув головы, до тех пор, пока божья коровка не растворяется в выцветшей голубизне.

— Я уже не вижу ее, — говорит петух, — солнце слепит мне глаза.

Друзья идут дальше.

— От этого горя моя мама уже не оправилась, — продолжает Мышибрат. — Она часто вскакивала по ночам, ей слышался плач ребенка... Она садилась на помост и рыдала, глядя на луну.

Белкотка напоминала серебряное зеркало, порой только сомы подплывали к шлюзу, притрагивались усами к доскам, стояли с минуту в задумчивости и пропадали в яме под колесом.

Однажды ночью мать крепко меня поцеловала и, перекрестив,

ушла в иной мир искать погибших малюток.

Мой отец, известный на всю окрестность Мышелап Мяучура, любил ходить в корчму, стоявшую на перекрестке. Папа возвращался оттуда поздно ночью, а иногда и на рассвете. Он шел нетвердым шагом, зачастую его ухо было разодрано в пьяной драке. Растроганный моей заброшенностью и одиночеством, он снимал с гвоздя гитару и пел на крыше серенаду. Чаще всего это было ранней весной. Я как сейчас вижу его — обычно он стоял, выгнув хвост, на фоне темно-красной луны; гитара звенела, и отец пел с вдохновенным выражением на морде, шевеля серебрящимися в лунном свете усами. Восхищенные сомы аплодировали, ударяя в плавники. Тихо капала вода, стекая с остановившегося колеса. Все очарование разрушал мельник Сито, который выбегал в полушубке, наброшенном на ночную рубашку, и, шлепая босыми ногами по помосту, бросал в отца старой гирей или поленом и при этом отвратительно ругался. Он размахивал руками, как ветряк, и его тень, падая на воду, доставала вершины черных ольх и пугала рыб и лягушек. В конце концов, не в силах прекратить песни, он пускал мельницу и заглушал наши жалобные серенады шумом и грохотом воды.

Однажды ночью мой отец, околдованный месяцем, вскочил на его диск, двигавшийся над нашей крышей. Уносимый на серебряном круге, он играл на гитаре свои лучшие песни. Увы, бедняга не догадался, что месяц перед рассветом уносится ввысь. Охваченный страхом, я видел, как он умчался в серебряной гондоле, помахивая мне лапкой. Отцу уже не суждено было вернуться.

Несколько ночей каскады его серенад звенели над уснувшей мельницей. Напрасно звал его назад перепуганный Сито. Напрасно приставлял лестницу. Месяц уже не снижался. Я видел, как отец, под действием лунных излучений, худел и уменьшался по мере того, как убывала луна. В последней четверти он был так тонок, что я едва различал его на узком, как лезвие, серпе, который расплывался в моих глазах, наполненных слезами. Прежде чем отец ушел в потусторонний мир, он сбросил с неба гитару. И она, серебрясь в лунном свете,

шумя пучком лент, пролетела все звездное небо, словно огненная комета. Мне показалось, что гитара с плеском погрузилась в воды Белкотки. Астрономы считали это важным предзнаменованием и предсказывали много слез и бедствий... Действительно, через три месяца началась война с Блаблацией.

Я остался один. Даже гитары я не нашел, только порой, в тихую ночь, до меня долетало из-под мельничного колеса что-то похожее на ее голос. Может быть, какой-нибудь сом, проплывав над ней, задевал усами струны.

— Неслыханно! — воскликнула Хитраска.

— Ну и что? Что дальше? — нетерпеливо допытывалась королева. Путники и не заметили, как прошли порядочный кусок дороги.

— Несмотря на то, что моим отцом был славный Мышелап Мяучура, а о прадеде говорится в легендах и сказках... вы наверняка слышали о «Коте в сапогах» — это был он... Несмотря на это, старик Сито презрительно говаривал мне: «С тех пор, как живу на свете, не видал таких взбалмошных котов!»

Для него была непонятна красота весенней ночи, кваканье жабьих хоров над Белкоткой и мелодичный шум воды, падающей на буковое колесо.

В такие ночи мельник обходил с фонарем в руке загроможденную мешками кладовую. Его причудливая тень двигалась по стене. Потом скряга совал руку в дымоход и долго считал талеры, спрятанные в заштопанном чулке покойницы-жены. Зато днем он почти всегда дремал, убаюканный шумом мельницы. Иногда старик открывал один глаз, но, видя меня с мешком на спине или с ведром в лапе, засыпал снова. Я должен был лопатой отгребать отруби, насыпать зерно в воронки, а главное, следить, чтобы мыши не наделали вреда. (Мой отец беспощадно расправлялся с ними, за что получил почетное прозвище Мышелапа.) Это было неприятное занятие; подумайте, после того, как я съедал за ужином миску яичницы с колбасой и выпивал молока, нужно было согласно кошачьей традиции проглотить мышь, вспотевшую от страха, измученную и бледную. Но в течение долгого времени я исполнял эти обязанности.

Летом мышинные семьи покидали мельницу и выезжали на дачу, привольно отдыхая в окрестных полях, засеянных пшеницей, где жила их зажиточная родня. Зато осенью, когда на дворе была непогода, они сотнями возвращались, нередко приводя с собой обедневших родственников. Мыши скреблись на чердаке, крались в тени амбаров и воровали из мешков золотистые зерна.

В их глазах я был кровавым погромщиком и палачом. Когда снежный пух засыпал пороги, я не раз слышал, как, потирая озябшие лапки, они нетерпеливо топтались в норах, ожидая, что я уйду спать. Матери, поблескивая черными глазками, напевали детям:

*Постарайся не попасть
Мяучуре злему в пасть,
Мой сыночек!*

А я, грозно шевеля усами, освещал фонариком углы.

* * *

Это было в начале января. Лютый мороз сковал землю, а быстрые ветры кружили снежные иглы и ломали сосульки, свисающие с мельничного колеса. Порой из мышинных нор до меня долетали веселые голоса и рождественские песни.

На душе у меня было очень грустно.

Я отправился на чердак. Здесь сквозь щели пробивались лучи месяца, в их свете серебрился на стенах иней. Фонарь вспыхнул синим пламенем и погас. Я улегся на мешках. Мне хотелось быть подальше от хозяина, который ломал голову над засаленной конторской книгой, подсчитывая огрызком карандаша прошлогодние барыши. Я думал о своей маме, о похищенном луной отце и лежал, прикрыв лапками слезящиеся от мороза глаза.

Вдруг я заметил — между мешками, словно по широкой улице, под радостные крики движется шествие мышей. Точно подброшенный пружиной, я вскочил и загородил им дорогу.

Мыши окаменели. Они не смели бежать, впрочем, я мог

каждую из них пригвоздить к полу лапой. Впереди стояла старшая мышь, на ней была серая шубка. За ее спиной, съежившись от страха, притаился какой-то франт в светлых перчатках и котелке. Дальше — небольшая толпа празднично одетых гостей.

Стоило мне только моргнуть глазом — и все побледнели. Из рук франта выпала бамбуковая палочка, но он не посмел нагнуться за ней. Сверху я видел, как озорной мышонок, шагавший позади всех, воспользовался испугом своей бабки и принялся связывать гостям хвосты.

Неожиданно мышь в шубке выступила вперед.

— Благодородный господин Мяучура, — проговорила она дрожащим голосом. И тут я увидел, что она прижимает к груди маленький сверток, закутанный в кружева, — наш бесценный тиран!

Я расправил усы. Этот жест перепугал мышей. Чуть слышно пискнув, зверюшки бросились было врассыпную, но тотчас замерли на месте: их не пустили связанные хвосты. Шалун от радости перекувырнулся через голову, а бабка, схватив мышонка за ухо, дала ему такую затрещину, что над ним поднялось облако пыли.

Я был не в состоянии сохранить серьезность и рассмеялся. Впрочем, я не мог бы обидеть кого-нибудь в эту ночь.

— Ну, говори, малышка, — мяукнул я тихо.

Видя, что я милостив, все легко вздохнули. Франт приподнял котелок и украдкой вытер вспотевший лоб.

— Мы все шли к тебе, суровый Мяучура, просить твоего великодушного соизволения быть крестным отцом моего первенца. — Мышь так близко подошла ко мне, что я ясно ощутил запах ее надушенного меха. Она подала мне завернутого в пеленки мышиноного младенца.

Что было делать? У меня мягкое сердце, и я согласился,

Когда с новорожденным на руках под радостные крики я пировал на мышинном празднике, на небе мои благородные предки, наверное, рвали на себе усы и проклинали меня. Ведь еще никогда с тех пор, как стоит мир, не было такого братания между кошкой и мышами.

— Ну, а в Ноевом ковчеге? — спросила Хитраска.

— Даже и там коты были на носу, а мыши на корме, и, если бы не морская болезнь, кто знает... С тех пор, сколько я ни ловил мышей на воровстве зерна, всегда оказывалось, что это дядя или тетка моего крестника, и я должен был, извинившись, отпустить вора.

Мой малыш вырос порядочным разбойником, и мать часто приводила его ко мне, чтобы я поиграл с ним. Она была этим очень горда, впрочем, она и сама происходила из благородного рода, в ее жилах текла королевская кровь.

— Не может быть! У мыши? — обиделась королева.

— А как же, где-то в далекой стране, кажется, в Польше, мыши съели некоего короля Попеля, да еще в его собственном замке!

— Ну и дела, — удивилась Хитраска.

— А что же смотрела полиция?! — возмутился капрал Пыпец.

— Пока я играл с мышонком, его родственники шныряли по углам — они ссыпали зерно и муку в кожаные мешки. Дело дошло до того, что мыши заставили меня стоять на страже и предупреждать их о приходе мельника. Мало того, они уговаривали меня самого таскать из кладовой солонину, якобы для моего крестника, который был болезненным ребенком, и родители старались кормить мышонка получше.

Однажды я не выдержал и задремал. Подумайте, днем у меня была работа, а ночью приходилось заботиться об этих пройдохах-мышях; они так осмелели, что шныряли во время ужина по столу, и часто, доставая из кармана ключи, я находил там спящего мышонка.

В ту памятную ночь я крепко уснул и не слышал шума, разбудившего моего хозяина. Сито в удивлении стал протирать глаза — по самой середине комнаты передвигался огромный мешок пшеницы.

Старику показалось, что он спит, но нет, мешок двигался прямехонько к порогу, и при этом старик отчетливо услышал писк стаи мышей. Они тащили мешок на своих спинах. Тут мельник вскочил — с грохотом перевернулась лавка; все стало серым, повсюду задвигались стаи мышей, они десятками выскакивали из кринок. Ошеломленный хозяин стоял, растопы-

рив руки, три волоса на его голове поднялись дыбом, желая посмотреть на это исполненное ужаса зрелище.

Потом Сито кинулся на меня. Прежде чем я очнулся, он уже тащил меня за хвост.

— Позор кошачьего племени, выродок, — визжал он, — ты не кот, ты мышиный брат!

Он ударил меня ниже спины и швырнул в снег. Я долго ждал, когда остынет гнев хозяина.

Мне было видно, как двигался по кладовой огонек. Слышались душераздирающие вопли — это мельник подсчитывал убытки.

Я не уверен, расстались ли мы навсегда, но так как я до сих пор хромаю, то думаю, что он был мною недоволен.

Работы я нигде не нашел, но и не голодал, потому что за мной шла слава мышиноного опекуна — и всегда какие-нибудь дальние родственники моего крестника приносили мне несколько кусков сала, героически украденных из мышеловок. «Для нашего дорогого Мышибрата», — говорили они, печалась над моей недолей и поблескивая при этом влажными от слез глазами.

— Ты славный кот, — потрепал его по плечу петух.

Неожиданно над их головами повисла, словно ягодка рябины, возвратившаяся Точка.

— Смотрите, наша божья коровка!

— Тише... Замолчите...

— Торопитесь! Торопитесь! — кричали куропатки в полегшей от зноя пшенице.

— Смотрите, какой-то фургон едет, — мяукнул Мышибрат.

Было так тихо, что звери слышали, как сыплется песок с медленно вращающихся колес, как скрипят ремни и храпят кони.

Взметнувшаяся пыль, будто хвост дракона, двигалась темной полосой за колымагой.

— Бежим, — крикнули друзья, — это цыган Нагнётот!

Свернув с дороги, раздвигая колосья, звери помчались ближайшей межей, под защиту дремучих чащ Столесья.

— Вот они, совсем рядом! — послышался радостный рев

цыгана.

— Не бойтесь, я помогу вам, — шепнула Точка на ухо Хитраске.

БРАТСТВО ОТРАВИТЕЛЕЙ

Высвободив штанину из острых шипов ежевики, цыган вырвался, наконец, из чащи цепких кустарников и, сунув нож за пояс, вышел на поляну.

— Эй, Друмля!

Издалека он услышал голоса дочери и сына. Еле переводя дух, они вернулись с пустыми руками.

— Мы не найдем их, папа, в этих дебрях, — сказала цыганка, вытаскивая из волос запутавшиеся листья.

— Если б здесь были мои блохи, — в раздумье почесал шею Нагнётюк; и вдруг, дернув себя за бороду, он прошептал: — Какая мысль! Станьте на одной ноге!

— Зачем? Какой от этого прок?

— Становись, не разговаривай. Я знаю, что делаю! — Он с трудом закинул ногу за пояс и стоял так, скорчившись и бормоча заклятия в травы и папоротники:

*К вам пришел я в темный дол,
На одной ноге пришел.
Жду при солнце и луне,
Отравители — ко мне!
Ну, а тот,
Что на зов мой не придет,
Пусть состарится скорей,
Умирая от червей — О! О! О! О!*

Услышав эти заклятия, деревья задрожали; дольше всех колыхался плющ на старом дубе, словно у него была одышка. Сквозь листья блеснул круглый глаз петуха, и потянула острым носом Хитраска.

— Мы погибли, — простонал Мышибрат, отпрянув в глубь дупла, где, съезжившись, сидела перепуганная Виолинка.

На полянку со всех сторон высыпали мухоморы и быстро

построились в шеренги.

Мухомор — странный гриб. Он стоит себе в красной шляпке, заломленной на затылок или надвинутой на глаза, в белом чулке, такой скромный и невинный. Но всегда вокруг него странная тишина и пустота. Не пролетит бабочка, не прожужжит муха. Он стоит и копит в себе смертоносный яд. Вы заметили, у молодых мухоморов шляпка сплошь красная, а у старых множество точек, похожих на кусочки белого пластыря. Но вы не знаете, верно, о том, что это особые знаки. За каждую умерщвленную муху — одна точка. Стоит ей только лизнуть сока, напоминающего по цвету молоко, как она тотчас умирает от яда.

Больше всего мухоморы ненавидят людей, потому что человек, отыскав съедобный гриб, похвалит его, соскоблит с ножки землю, положит в корзинку, а мухомору даст палкой по башке, собьет с него шляпку, раскрошит, растопчет. Поэтому мухоморы вступают в особые братства, где обсуждают новые способы применения ядов.

Они действуют так: идет по лесу какой-нибудь старичок или полуслепая бабка, срывает мухомор, варит его дома вместе со съедобными грибами, а потом, отравившись, засыпает вечным сном.

— Чего ты хочешь от нас? — кричали мухоморы, нетерпеливо подпрыгивая на месте. — Зачем ты нас вызвал?

— Я хочу, чтобы вы нашли, где спрятались лиса, петух и кот. С ними маленький человеческий ребенок; тех троих вы можете отравить, но не смейте прикасаться к девочке! Я хочу взять ее живьем! Если вы не найдете мне их, я превращу вас в поганок.

— Ох, не делай этого, господин! Мы добудем беглецов из-под земли, эти трое будут извиваться со вспухшими животами. Когда они заснут, мы смочим ядом их губы! Завтра же мы приведем к тебе девочку.

— Хорошо, я буду ждать до рассвета, только начинайте поиски сейчас и ищите получше, или... — Он вырвал из-за пояса бич и взмахнул им над мухоморьим войском.

Мухоморы разбежались, только мелькнули в траве их красные шапочки.

Да, грибы могут двигаться! Лишь когда на них смотрит человек, они застывают в неподвижности. Но вспотевшие ножки, сдвинутые набекрень шляпки говорят о том, что еще несколько секунд тому назад они бойко пробирались сквозь лесную чащу. Порой мы застаем врасплох целые семьи, которые сошлись на полянку с детьми, со щербатыми дедами... Мы радуемся — сколько высыпало грибов! Это обычно бывает после теплых ливней, потому что во время дождя грибы сидят у знакомых, в домиках под корневищами, и болтают, расположившись на мягком мху, а потом возвращаются домой в полной уверенности, что никто из людей не пройдет сквозь заросли, где нависшие, смоченные дождем ветки преграждают им дорогу.

Начальник мухоморов достал из-под мышки карту и подал ее цыгану. Она была сделана из листа лопуха. Лист весь высох и выкрошился, осталась только тоненькая сеточка — крохотные жилки, обозначающие путаные тропинки в чащах Столесья.

— Мы загоним беглецов в болото Утопленника, там ты нападешь на них. Это место я обозначу красной булавкой. — Мухомор вытащил из белоснежной манжеты булавку и приколот ее к карте. — Сам видишь, отсюда недалеко, ты без труда их найдешь!

Не сняв шляпы, он кивнул цыгану головой и деловым шагом направился к кустам. Издалека доносились крики и топот; это красной линией двигалась по лесу мухоморья облава.

Цыган почесал оцарапанную ногу и стал разглядывать карту. Друмля и Кляпон с любопытством смотрели на отца.

***

Капрал Пыпец нетерпеливо шевельнулся в дупле. Сверху посыпалась труха; у него защекотало в клюве. Петух чихнул так громко, что в дупле загудело. Цыган беспокойно оглянулся.

— Старый дуб, наверное, выпил слишком много соков, и теперь его мучает икота, — засмеялась Друмля.

Звери замерли. Сердца у них громко забились, и только

королевна прошипела:

— Жаль, что тебе не свернули шею, петушиное отродье!

Одна Хитраска с трепетом следила за божьей коровкой, которая, сделав круг над головой цыгана, села теперь на карту. Быстро выдернув красную булавку, она замерла на месте.

— Подождите меня в фургоне, — приказал цыган, — да приготовьте веревки. Друмля, ты получишь от меня лисий мех.

Нагнётка еще раз посмотрел на карту и двинулся самой близкой тропинкой. Он шел на голоса мухоморов, а те сновали по кустам и спешили в сторону болота.

СМЕРТЬ ТОЧКИ

Петух расправил крылья, а лисица вытрясла труху из меха.

— Что теперь делать?

— Нужно ждать до вечера, может быть, нам удастся добратся до дороги, когда стемнеет... Недалеко отсюда деревня Скупцы. Там нас спрячут.

— Только бы нас никто не выдал!

— Точка обещала нам помочь!

— Эх, что может сделать этот жучок?

Весело покрикивая и с шумом раздвигая ветки, кто-то вновь приближался к дубу.

— Прячьтесь, влезайте в дупло, — подгонял друзей петух. Звери притаились, скрытые за листьями плюща. Цыганенок Кляпон, посвистывая, перебежал поляну.

— И чего тут крутится этот бездельник? — вздохнула Хитраска.

— Тихо, не шевелитесь. Нужно терпеливо ждать! — Сидя на корточках, звери следили за лучами солнца, которые опускались все ниже и ниже, скользя по стволам деревьев. Внутренность дупла была усеяна множеством золотых бликов...

А цыган крался по извилистым тропинкам. Время от времени он раскрывал карту и смотрел, где находится красная точка.

Вскоре он убедился, что ему нужно повернуть направо. Взгля-

нув через минуту, он вновь обнаружил, что ошибся. Нагнётюк вышел на боковую тропинку и побежал, тяжело ступая подкованными сапожищами по сухим листьям.

Это божья коровка, передвигаясь по карте, заставляла его кружить вслепую. Уже смеркалось, когда запыхавшийся цыган последний раз развернул карту. Тоненький листок был запачкан во многих местах.

— Сто дьяволов, — выругался Нагнётюк, — что это, черт меня кружит, что ли?

Он поднес карту к налитым кровью глазам. Слипшиеся от пота космы волос свисали у него со лба. Цыган почти водил носом по карте и даже не заметил, как придавил им самоотверженного жучка.

Смертельно раненная Точка скатилась с карты с тихим вздохом:

— Это для вас, друзья... — Она мягко падала с листа на лист, исчезая в подымающихся с земли голубоватых сумерках, пока какая-то сердобольная ветка не уложила ее на мягкий мох. Точка лежала не дыша, скрестив на груди лапки, согласно погребальному обычаю насекомых. С цветов, с деревьев, с далекого неба начали падать большие слезы надвигающейся ночи, ночи, которая была прекраснее сна. Над лесом гулял месяц; размахивая фонариком, он сзывал к себе рои улетающих звезд. Легкий ветерок принес какое-то незнакомое благоухание.

Цыган несколько раз протер глаза, но сумерки сгущались. Листья стряхивали капельки росы.

— Эй, кто тут? — гаркнул цыган.

Ему ответило молчание. Даже эхо не хотело повторять слова этого изверга. Тишина давила, словно мельничный жернов.

Перепуганный цыган помчался по лесу. Какие-то деревья преграждали ему путь; дважды он стукнулся головой о ствол. Цыган спотыкался, терн беспощадно колол его тело шипами, ежевика с остервенением хватала его за ноги. Наконец Нагнётюк в ярости разорвал карту и начал вслепую отбиваться кулаками.

Если вы когда-нибудь увидите тонкие, прозрачные сеточки

листьев, вы можете быть уверены — это остатки разорванной Нагнётком карты.

Цыган бежал все дальше и дальше. Неожиданно он споткнулся о корень дуба и, перевернувшись через голову, увяз по пояс в трясине. Издалека до него доносились крики суетившихся мухоморов. К своему ужасу, Нагнётком очутился в болоте Утопленника.

Он ухватился за куст ежевики, но колючие ветки были плохой опорой. Цыган чувствовал, как чмокающая и чавкающая топь засасывает его. Невдалеке взлетели перепуганные утки. Рядом загорелся, булькнув, блуждающий огонек и погас, осветив покрытую плесенью воду и сверкнув алым отблеском на рубине цыганской серьги.

А в это время четверо беглецов, воспользовавшись темнотой, пробрались к опушке леса.

Петух первый раздвинул ветки. Высоко в небе мерцали звезды. Ночь была тиха и тепла, как вздох ребенка. Друзья перескочили через ров и, немного осмелев, направились в сторону деревни. Слева и справа от дороги стояли спящие деревья. Вдруг звери слышали в вышине шорох крыльев и смех.

— Не бойтесь, это сова, — шепнула Хитраска.

— А почему она смеется, как Друмля? — спросила Виолинка.

— Ты просто хочешь спать, и тебе мерещится всякий вздор, — успокаивали ее друзья.

Но девочка не ошиблась — это была Друмля. Обеспокоенная отсутствием отца, красивая цыганка превратилась в сову, чтобы осмотреть лесную чашу. Когда она пролетала над верхушками деревьев, птицы сидели, притаившись в гнездах, и со страхом смотрели на ее силуэт, чернеющий на фоне месяца. Пролетая над болотом, Друмля слышала неистовую ругань застрявшего в болоте Нагнётка.

— Подожди, папа, я тебе сейчас помогу, — закричала она, садясь на нижнюю ветку дуба.

О том, что это сова не обыкновенная, можно было догадаться только по кораллам, сверкавшим на ее гладких перьях. Но вот цыганка сделала крылом какие-то знаки и прошептала заклятия, которые ей должны были вернуть человеческий облик. Под крылом у нее была спрятана связка веревок — этими

веревками она собиралась скрутить пойманных мухоморами беглецов. Конец веревки Друмля бросила отцу — тот все еще яростно барахтался в топкой грязи болота...

Меж тем наши друзья спасались бегством. Каждый шаг удалял их от опасности.

Деревья поредели. Начались поля. Отягченные росой колосья неподвижно висели в воздухе. Вскоре показались низенькие хаты. Нигде не было видно ни огонька, потому что в Скупицах экономили все, даже воду из колодца черпали с оглядкой, даже рот открывали неохотно. Были и такие, что смотрели одним глазом, чтобы другого надольше хватило.

Наши друзья увидели стог сена. Они выкопали под ним глубокую яму, сделали себе удобную нору и после всех волнений дня уснули крепким сном.

Они даже не услышали, как на рассвете, когда белесый туман окутывал землю, к стогу подъехал цирковой фургон. Лошади цыгана щипали сено прямо над их головами. Потом закрипели колеса, и Нагнётюк бросился в погоню, воображая, что звери давно опередили его.

Только брюки, запачканные брюки цыгана, развевающиеся над крышей фургона, говорили о ночных приключениях их владельца.

СКУПИЦЫ

Когда солнце начало пригревать, стог сена зашевелился, и оттуда вылез капрал Пыпец. Он одернул мундир, пригладил седеющий гребень и быстрым шагом направился на деревенскую площадь. Вслед за ним должны были двинуться в путь Хитраска и Мышибрат. Они уговорились, что встретятся на пригорке за деревней, где растет дикая груша. Там же, под грушей, они поделят все, что им удастся достать, и, расстелив на траве скатерть, устроят пир.

Но, чем дальше заходил петух в тесные улочки, тем темнее становилось вокруг. Все меньше лучей солнца, все больше грязи. В садах, огороженных покосившимися заборами, ничего не росло; они выглядели так, словно была уже поздняя осень.

Солнце редко заглядывало сюда, потому что при каждом его появлении из хат выбегали мальчишки и, прыгая на одной ноге, хватали горстями солнечные лучи, вязали их в пучки и засовывали в мешок. Юные скряги запасались топливом на зиму. Глупцы не знали, что лучи исчезнут, что в морозный вечер они вытряхнут из мешка только спутанные шнурки, ремни и тряпки.

Зимой озябшие толстосумы клали на стол пригоршни золота и серебра и грелись в их тусклом свете. Бедняки, складывая ладони, ударяли ими о колено, обманывая мерзнувшее ухо звуком, похожим на звон монет в кошельке.

Петух был изумлен. Тут отец хвалит сына за то, что он сломал чужой забор на дрова, там бабка обвязывает внучке грудь шнурком, чтобы девочка меньше дышала. Дым из трубы стелется по ветхим крышам, на обломанных деревьях зияют кровоточащие раны, ветки тянутся в серое небо. Кажется, что тополя встали на цыпочки — они рады забраться повыше, да только корни их не пускают.

Капрал Пыпец остановился на рыночной площади, около ржавого колодца, с сожалением посмотрел на вялых, медленно бредущих людишек.

«Разбужу-ка я их своим рожком», — подумал он и заиграл веселый марш.

Собралась серая толпа, и тотчас вокруг потемнело — жители были разбужены, но по-прежнему грустны. Впереди всех стоял в заплатанном армяке сельский староста Скопидом Грошик. В другом месте огородное пугало постыдилось бы надеть на себя одежду, которую в Скупницах считали весьма изысканной. Староста невероятно исхудал, так как рот у него был закрыт на замок, чтобы реже его одолевало искушение поесть. Ключ от замка хранился у самого быстрого мальчишки в деревне. Когда ссохшийся желудок требовал пищи, Грошик бросался в погоню за мальчишкой, а потом в изнеможении садился, задыхаясь и обливаясь потом, — и голод у него проходил. Зато он научился есть глазами, он своим волчьим взглядом мог укусить барахтающегося в луже поросенка так, что тот с оглушительным визгом стремглав убегал прочь.

Петух играл. Выбежавшая толпа напирала на него, он уже не слышал марша, он только видел, как жители руками хватали мелодию, засовывая ее себе в уши, и, заткнув оба уха пальцами, уходили к себе домой.

Дети подпрыгивали вверх, чтобы поймать на лету самые высокие ноты.

— Друзья мои, так нельзя, — сказал петух, опуская рожок.

И тут он почувствовал, что его начали ощипывать со всех сторон. Он ясно ощутил, как алчный глаз старосты Грошика стал пожирать его жилистые икры. Тогда петух снял с головы шляпу и протянул ее толпе.

— Помогите, чем можете, бывшему участнику войны с Блалацией! Помогите, чем можете, голодному инвалиду!

Если бы капрал нацелился в скупцов из пушки, он не мог бы их испугать сильнее. Мысль, что кто-нибудь из них может добровольно отдать заработанный в поте лица грош, хотя бы один грош, наполнила их ужасом. С тех пор, как Скупницы называются Скупицами, там еще никто никому не подавал милостыни.

Все сорвались с места и побежали в хаты. Площадь опустела.

Капрал слышал, как жители баррикадировали шкафами двери, тащили сундуки и закрывали на засов ворота, чтобы никто не вошел к ним с просьбой о помощи.

Петух стряхнул грязь со шпор и, понутив голову, направился к месту встречи. В животе у него бурчало, слезы капали из глаз, крылом он нежно прижимал к себе узелок.

— Может быть, повезет Хитраске, — вздохнул Пыпец, усевшись под грушей.

Меж тем Хитраска ходила от дома к дому. Порой какая-нибудь хозяйка выглядывала одним глазом из дверей и движением руки прогоняла ее прочь. Иная процеживала сквозь стиснутые зубы несколько слов, но так экономно, что их смысла нельзя было разобрать и только какие-то шепелявые звуки долетали до уха лисицы. В довершение всего жена старосты Грошика прикрикнула на нее:

— Видали богачку! Одета в мех да еще просит милостыню; ни у кого из нас нет такого меха! Как тебе не стыдно? Неужели я должна вырвать хлеб из своего рта и отдать его тебе?

— Но я ведь родилась в меху!

— Меня это не касается, ты богачка, вот и все. — Из полуоткрытых дверей она погрозила лисице кочергой, а староста приложил к замку палец, предостерегая жену, чтобы та сэкономила слова.

Мышибрату, который, покорно повесив хвост, робко просил милостыню и несмело протягивал шляпу, жители велели переловить всех мышей в деревне — может быть, тогда они дадут ему грошик. Но все здешние мыши давно уже умерли с голоду, и только их исхудалые тени тихо шелестели в опустевших кладовых.

Печально повесив усы, Мышибрат вернулся к друзьям, а следом за ним прибежала Виолинка.

— Что же мы будем есть?

— По правде говоря, у нас ничего нет, — почесал в затылке капрал Пыпец.

Деревня заволоклась туманом и дымом, словно она боялась, что звери съедят ее глазами. Было тихо. Птицы здесь не жили, и только ветер доносил кряхтение скряг, копошащихся в грязных улочках.

Небо хмурилось. Было душно, как перед грозой.

ЛЮБЕЗНЫЕ ПЧЕЛОВОДЫ

Хитраска сухими крошками кормила проголодавшихся блох.

— Ну, теперь я разрешаю вам немножко пошалить, — сказала лиса, отряхивая лапки.

— Если б только я была блохой... — всхлипнула королевна. Мышибрат, зажав в лапке камень, обходил дерево в поисках груши. Но оно наполовину засохло, ветви были обломаны, и только наверху, у самой вершины, золотилось несколько маленьких кислых плодов.

— До следующей деревни еще идти и идти!

— У меня нет сил двинуться с места!

— Подождите здесь, полежите под деревом, а я пойду, может быть, что-нибудь и высмотрю. — Петух снял с плеча рожок и положил его рядом с узелком, с которым он расставался не-

охотно. Хитраске даже показалось, что Пыпек украдкой погладил его крылом. — Посмотрите за моими пожитками, а я пошел... — Петух с грустью поглядел на свои дырявые сапоги и заржавевшие шпоры. — Недолго они мне прослужат...

— Когда мы доберемся до Тулебы, я тебе куплю новые сапоги, — небрежно махнула рукой королева.

Пока друзья не потеряли петуха из виду, он шел, весело посвистывая, но стоило Пыпцу скрыться за деревьями, как он, охая, стал стаскивать сапоги, чтобы идти дальше босиком. У него ужасно болела натертая пятка. Осмотревшись, петух увидел — дорога снова уходит в лес. Он потерял надежду, что ему удастся найти какую-нибудь пищу для друзей.

«Хоть ягод наберу для них», — подумал он. Увы, время ягод уже прошло. Только кое-где виднелась земляника, набухшая и ставшая приторно сладкой от зноя.

Раздвигая ветки, петух отважно зашагал в глубь леса.

Следом за ним в поисках грибов отправилась Хитраска. «Хоть бы какую-нибудь дичь найти», — улыбнулась она узкими губами, высматривая среди моха желтые шляпки грибов.

Лисице вспомнились холодные цыплята, которых она вынимала из шелестящего пергамента. Бульканье спрятанных в сене бутылок со смородиновой наливкой. Как прекрасны были мавевки с детьми богатого индюка! Березовые ветви украшали карету. Доносился веселый говор гостей, звякали бокалы в высланной салфетками корзине...

Вдруг выстрел бабахнул так близко, что замечтавшаяся лисица, вскрикнув от ужаса, выскочила из меха и помчалась в лес, прижимая лапы к бьющемуся сердцу.

Из лесной чащи высунулся огромный нос, удивительно напоминающий своим цветом пион, и поэтому над ним постоянно кружились бабочки. Именно они помешали прицелиться и тем самым спасли Хитраску. Хозяин носа снял широкополую шляпу, украшенную фазаньим пером.

— Кто ж это тут шатался? — проворчал он, видя рассыпанные грибы, косынку и лисью шкуру. — Кажется, мы кого-то спугнули, — усмехнулся охотник, с довольным видом перебрасывая мех через плечо.

Он заткнул дымящийся пистолет за пояс и, наморщив лоб, глубоко задумался.

Петух услышал выстрел и стал пробираться через заросли в ту сторону, где поднималась к небу струйка порохового дыма.

* * *

— Боже мой, я высохну от голода! — простонала королева. — Что ж это, неужели всю жизнь у меня будет в животе дырка? Когда ж я, наконец, от нее избавлюсь?

— Я расскажу тебе сказку о своем прадедушке, «Коте в сапогах».

— Отстань ты со своей сказкой! — фыркнула Виолинка.

Девочка увидела, как поблескивает вверху скрытая среди листвы маленькая груша. До чего же она была аппетитна!

— Может быть, ты сорвешь для меня эту грушу?

Мышибрат послушно снял сапоги и босиком стал карабкаться по стволу. Когда он добрался до ветвей, дело пошло быстрее. Запрокинув голову, королева следила за котом.

— Ну, пошевеливайся, быстрее!

Когда груша упала, Виолинка с жадностью набросилась на нее, но от кислого сока у девочки свело рот. Королева плевалась и топала ногами.

— Ах, какое свинство!

Вдруг ей бросился в глаза дорожный мешок капрала Пыпеца.

— Может быть, тут есть что-нибудь съестное, — воскликнула она, силясь развязать узел.

— Не трогай там ничего, — крикнул сверху Мышибрат, — подожди, пока я слезу.

— А может быть, там что-нибудь есть, — верещала любопытная девчонка.

И, прежде чем кот слез с дерева, она уже начала рыться в сокровищах петуха. Медали, катушки с нитками, пуговицы от мундира, помада — ею капрал подкрашивал седеющий гребень... Виолинка уже растрепала пучок моха и с победоносным видом вытащила оттуда куриное яйцо.

— А это что? — крикнула она, поднимая яйцо над головой.

И вот королева начала распоряжаться пристыженным Мышибратом. Он должен был разжечь костер и в золе испечь яйцо.

— Я чувствовала, что он объедается за нашей спиной. Когда ему кажется, что мы спим, он всегда возится со своим узелком; подумать только, что за скверный капралишко, нет того, чтобы с нами поделиться!..

— Это невозможно, я его знаю.

— Не спорь, я его лучше знаю, — отвечала королева, старательно зарывая яйцо в золу. — Вот, весь он тут, гордец и эгоист!

— Но я никогда этому не поверю, — защищал приятеля Мышибрат.

— Ну и не верь! Как ты любишь — вкрутую или всмятку?

— Всмятку, — стыдливо прошептал кот.

Язычок пламени поедал охапку сухих трав и веток и цедил горьковатый дым в облачное небо.

— Не оборачивайтесь, — услышали они за своей спиной умоляющий голос, потом раздались какие-то шорохи и тихий плач.

— Кто там? — вздрогнула Виолинка.

— Это ты, Хитраска? — удивился ошетилившийся Мышибрат.

— Меня ограбили, — простонала лисица. Она была почти голой, ее тело прикрывало только несколько лопухов. Розовый, безволосый, тонкий, как у ящерицы, хвост Хитраска прятала за спину.

— Фу, какая она противная...

— В меня выстрелили, когда я собирала грибы...

— Не плачь, Хитраска, мы купим тебе мех у первого встречного барана.

— Разве бывают лисы в бараньей шкуре? — содрогнулась Хитраска.

Но она знала, что это только утешение: хотя бараны и легко расстаются со своими шкурами, у друзей не было ни гроша. Им не на что было купить даже еды...

А яйцо?..

Оно лежало в теплой золе и пеклось, несмотря на то, что огонь уже погасал.

— Хоть бы петух был здесь, — простонала лисица, заламывая в отчаянии лапы, — как же я покажусь на глаза людям?

— Говорят о петухе, а он легок на помине, — приветствовал друзей Пыпец, показавшись из-за деревьев. Вслед за ним появился бородач с пионовым носом; слетевшиеся бабочки кружились над ним белым роем.

— Это он, — закричала Хитраска и ринулась в сторону заросшей лопухами канавы.

— Стой, Хитраска, Хитруня, — кричал ей петух, размахивая рыжим мехом.

Королевна стояла, разинув рот. Никто не знал, как это произошло: что-то мелькнуло, и уже Хитраска сидела в своей косматой шкуре. А грозный охотник схватил лапку лисы и погрузил ее несколько раз в пушистые волны своей бороды, откуда слышалось громкое чмокание.

— Целую ручки высокочтимой Хитраске и покорнейше прошу простить меня, — говорил он, вытирая со лба пот.

Меж тем из леса выехала карета, к ее крыше было привязано несколько чемоданов.

Лошадей вел под уздцы плешивый блондин, шея его была повязана дамским чулком, а у пояса висело два пистолета.

Дверцы открылись, и из кареты выскочил маленький человек. Его усы, закинутаые за плечи, гордо поднялись, они торчали влево и вправо на девять локтей, и он шевелил ими, как сверчок, который собирается затрещать.

— Это мои друзья: Юлий Пробка и Макарий Гуляйнога.

— Кто же вы, господа?

— Любезные пчеловоды!

— Значит, у вас есть мед, — облизнулась королевна.

— И еще какой, — похлопал Пробка по набитому золотом кошельку. — Посмотрите, вот наша пасека и прилежные пчелки, — ехидно засмеялся он, показывая на лежавшие в долине лачуги скупцов.

А дело было так...

Все трое жили раньше в Скупницах. Юлий Пробка был там учителем, но дети скупцов в школу не ходили; на такие глупости, как поэтика, никто не хотел тратить ни времени, ни денег. Нужно вам сказать, что Юлий Пробка напечатал даже несколько стихотворений в столичных газетах. Опубликовав

свое очередное творение, он выходил из деревни на перекресток и мечтал о лавровом венке.

Но, несмотря на временные успехи, Пробка постоянно голодал и был тощ, как щепка. Если бы не словари и не издание по королевскому указу труда графа Майонеза «Как я избежал ошибок Ганнибала в войне с Блаблацией», которыми поэт нагружал свои карманы, его легко мог бы унести слабый ветерок.

В Скупицах он сблизился с другим артистом, виртуозом бритвенных дел — парикмахером Франтишком Хилым. Но поскольку в Скупицах никто не был столь расточителен, чтобы бриться и делать прическу, а излишек волос жители выдирали друг у друга в непрерывных спорах и драках, то и ему угрожала в скором времени голодная смерть.

Последний из друзей, ИллариЙ Уголек, жил точно так же, как и три поколения его предков, надеждой, что в Скупицах надумают что-нибудь построить. На этом последнем из Угольков и надежде и роду суждено было угаснуть.

Пробка, Уголек и Хилый сошлись однажды вечером и решили, очистив сапоги от грязи, незамедлительно пойти по свету.

Так и сделали.

После восьмидневных скитаний они встретили возвращающиеся из Тулебы фургоны бродячего театра. Хозяин труппы так любил ужасы, что посоветовал им — он утверждал, что этого требует справедливость — стать разбойниками (разумеется, после того, как они немного подкормятся и окрепнут) и насильственным образом присваивать себе принадлежащую им часть общественного дохода. Он подарил им множество реквизита из своего театра — шляпы, пистолеты, алебарды и веревки.

Так был образован «Союз любезных пчеловодов». Франтишек Хилый принял имя сурового Гуляйноги. Уголек отпустил огромные усы; навощенные, они торчали в стороны, точно две рапиры. Маленькие птички, думая, что это ветки, садились на усы атамана и нарушали грозное впечатление невинным щебетанием.

— В тот момент, когда я встретился с ними, они готовились к сбору меда, — воскликнул петух.

— О, у нас традиция, мы делаем это два раза в год, — объяснил Пробка.

— И вам это удастся?

— Всегда... Это делается так: сзади к карете мы привязываем дырявый мешок с медяками и едем галопом через Скупицы; следом за нами бегут скряги, ссорясь из-за каждого гроша. Так мчатся они за каретой день или два, а в это время мы опустошаем хаты и вытаскиваем из укрытий спрятанное золото.

— Но как же это можно?

— Во-первых, мы делаем это с воспитательной целью, чтобы излечить скряг от скверного порока — от скупости; во-вторых, половину добычи мы всегда отдаем беднякам, которым сами они и не подумают помочь. Впрочем, вы ученая лисица, — обратился он к Хитраске, — вы знаете, что в каждом королевстве найдутся среди финансистов такие чародеи, которые сумеют несколькими заклятиями заставить раскошелиться зажиточных граждан.

— Господа, уже второй час, нам пора в путь...

— А вот мы как раз бедные, — пролепетал Мышибрат.

— Я помогу вам; подождите, пока мы кончим собирать мед, — вы получите свою долю. Или, может быть, вы спешите?

— Нет, нет, мы не хотим денег, дайте нам чего-нибудь перекусить, — кукарекнул петух, вытягивая клюв в сторону увесистого чемодана.

Юлий Пробка ловко вскочил на крышу кареты, расстегнул ремни, достал буханку хлеба, три локтя колбасы, полпирога с черносливом и оплетенную тростником бутылку, в которой весело булькало вино.

— Выпьем на дорогу, — воскликнул он, наполняя огромные кубки.

— А кому в путь... — вздохнул Гуляйнога.

— Тот должен чем-нибудь подкрепиться, — закончила Хитраска, ловко нарезая колбасу.

Все ели с аппетитом, выпили по несколько кубков. Пустую бутылку Уголек забросил в кусты.

* * *

Карета, гроыхая, въехала в темный проулок между лачугами.

Звякали падающие медяки, багровые в лучах заходящего солнца. Два разбойника крались вдоль плетней, ожидая, когда деревня опустеет, и только слегка развеселенный вином Пробка, развалившись на козлах, щелкал бичом и пел во все горло:

*За пригорком у ракиты
Скрягу грабили бандиты.
Ху! Ха!
Если крепок чей-то лоб,
Мы дубинкой по лбу — хлоп!
Ху! Ха!*

Скупцы выбежали из хат.

По знаку старосты Грошика они сбились в кучу и схватили друг друга за руки.

— На этот раз вам не удастся! Мы помним, как вы нас обобрали! Мы не дураки, — кричали они издалека.

Карета удалялась, падающие медяки позвякивали все тише. Вдруг какой-то юркий мальчишка выскользнул из-за кордона и начал собирать деньги в шапку; этого скупцы не перенесли.

Цепь сплетенных рук лопнула. Забыв о прошлых опустошениях, скряги бежали по дороге и, нагибаясь, вырывали друг у друга из-под носа сыпавшиеся гроши. Через минуту деревня опустела. Все жители мчались за удаляющейся каретой.

— Удалось, — шепнул Мышибрат, дивясь пчеловедам.

— Так и надо скрягам, — топнула ногой королевна.

ТАЙНА ПЕТУХА

Небо потемнело; несмотря на слабый ветерок, было душно.

— Ну, и нам пора в путь.

Стоя на коленях, Хитраска упаковывала запасы. Она томно подняла глаза, в которых отражались еще хлеб и колбасы, посмотрела на петуха и сказала:

— Что бы мы стали делать без тебя, капрал? Ты наш опекун, наш лучший товарищ...

— Ты избавил нас от голода, — мяукнул Мышибрат, нежно обнимая друга.

— Э, не преувеличивайте... — скромно потупившись, ответил капрал.

— Скажи, как ты сумел отобрать у них мою шкуру?

— Что касается меха, то он его отдал с охотой.

— С охотой?

— Понимаешь, — и тут петух почесал голову и спину, — ну, понимаешь — блохи!

— Что?

— Блохи защищали твой мех.

Зардевшаяся Хитраска прошептала:

— Мои милые, мои верные блошки...

Ей ответили радостные и признательные пiski.

— А я утверждаю, что это не петух, а свинья, — крикнула королева.

Смущенный петух осмотрел свой гребень и хвост и не заметил никакой перемены: он был все тем же старым петухом-ветераном.

— Виолинка! Как ты можешь!

— Только свинья может скрывать от нас еду, когда мы голодаем; а ночью втихомолку обжираться...

— Клянусь, я делился с вами всем, что имел!

— А мы нашли у тебя куриное яйцо!

Тут петух побледнел. Никогда еще звери не видели его в таком отчаянии и смятении.

— Что вы сделали с этим яйцом?!!

Обшарив весь узелок, Пыпец кружился на месте, схватившись за голову.

— Оно там, — крикнула Виолинка, — теперь, наверно, уже испеклось вкрутую.

— Боже мой, — простонал петух; он рухнул на колени, разгреб пепел и, достав нагретое яйцо, дул на него, чтобы остудить.

— Вы видите, ему жаль для нас глупого яйца, — пискнула королева.

— В этом яйце мой сын, — застонал петух, и слезу закапали с его клюва.

Все умолкли, потрясенные признанием. В глубокой тишине слышалось тихое постукивание, словно кто-то обходил стены тюрьмы и, стуча в них пальцем, искал тайный выход.

— Что ты сделала, гадкая девчонка! — обрушилась лиса на Виолинку.

— Подумаешь, страшная история! У нас в замке сотни таких яиц...

— Тихо! Замолчите все, — взмолился петух, прикладывая яйцо к уху.

Он стоял с минуту, внимательно прислушиваясь. Сомнений не было.

— Свершилось! — воскликнул он.

Яйцо переходило из рук в руки. Звери взволнованно вслушивались в движения малютки; уже видна была крохотная дырочка, в которую он выставил клювик. По-видимому, тепло костра помогло цыпленку вылупиться.

— Мой сыночек! Мой дорогой... — петух покрывал яйцо поцелуями. — Ты жив... Ты жив...

— Но что мы будем делать с ним, когда он вылупится, — в дороге с малышом столько хлопот.

— Можно его выпотрошить и съесть, — сухо выговорила королева.

Петух окаменел, прижав яйцо к груди.

— Ты, неблагодарная пигалица! — крикнула лиса. — Ты не стоишь нашей заботы и внимания.

— Боже! Ты слышишь и не гремишь, — заломил лапки Мышибрат. И вдруг раздался грохот. Молния зеленой стрелой разорвала сизые тучи. Дикая груша затрепетала, несколько мелких плодов упало на землю. Тяжелые брызги косого дождя забарабанили по листьям.

Друзья побежали. Их догоняла высокая стена гудящего ливня. Гремел гром.

ПРИБЫТИЕ В ТУЛЕБУ

Снова настали хорошие дни. Знойная пора августа несет с собой звон отбиваемых кос, сухой шорох срезанных колосьев. Среди лугов, где лениво сочатся голубые ручейки, аисты учат аистят охотиться на перепуганных жаб. Леса источают душный запах. Порой промелькнувшая белка задевает рыжим, как пламя, хвостом верхушки елок. Обвитые золотыми нитками смолы шишки уже утратили свой розовый цвет и отвердели; с шуршанием ударяясь о ветви, они падают в мох. Поляны усеяны крохотными фиолетовыми колокольчиками, а на вырубках уже начинает синеть вереск.

По вечерам, когда падает роса, усталые крестьяне возвращаются домой. Мокрые от пота рубашки овевают теплое дыхание близящейся ночи. Крестьяне садятся на завалинке и слушают, как мирно скрипят журавли, плещется вода в желобах, как хрипит и переступает с ноги на ногу испуганный жеребенок. Иногда какая-нибудь звездочка заглядится в свое отражение и мелькнет зеленой молнией, падая в пруд.

Но напрасно будешь искать на земле радость, над всем нависла угроза близкой войны: королевну до сих пор не нашли. Люди обсуждают новости, беспокойно вглядываются в сгущающиеся сумерки. Им кажется, что они слышат рокот барабанов и стук пушечных колес. Но это шелестят соломой о придорожный кустарник возвратившиеся с поля последние косматые везы с золотыми снопами, пахнущими хлебом и сытостью.

И тогда все спокойно вздыхают и тихо улыбаются, а ночные бабочки, привлеченные белизной рубашек, порхают вокруг, касаясь крыльями задумчивых лиц. Как раз в такое время трое друзей приближались к стенам Тулебы.

Хотя Виолинка не попросила извинения у петуха, он ее великодушно простил.

«Молодая, неразумная, она даже не понимает, что обидела меня», — думал он, прижимая к груди яйцо.

На дороге становилось все оживленнее, чувствовалась близость города. Друзья повеселели. Мышибрат насвистывал песенку и шурил от удовольствия глаза при мысли о взбитых пуховиках, в которые он плюхнется вечером в каком-нибудь трактире. И только королевна была сердита на весь мир. Вио-

линка дала себе слово: пока с лица не сойдут чары цыгана, она не явится на королевский двор. Навстречу путникам шли крестьяне с пустыми корзинами и крестьянки с бидонами за спиной.

За скрытой в кустарнике часовенкой друзья услышали пронзительный свист и радостные крики. Паровоз, тащивший за собой девять вагончиков, состязался в скорости с запряженным шестерней дилижансом. Высунувшись из окон, пассажиры покрикивали на машиниста, который бросал поленья в открытую топку. Длинная труба, похожая на катушку из-под ниток, обтянутую проволокой, дымила и шипела. Какой-то старичок пытался сэкономить пар и дудел в свернутую трубочкой газету, подражая паровозному гудку. Три мальчика, желая облегчить ход поезда, бежали вдоль полотна. Долговязый франт, выскочив из первого вагона, нарвал полевых цветов и вскочил на буфер, рядом с кондуктором, держащим высоко над головой красный флажок. Он карабкался теперь по крышам, чтобы вручить букет невесте. Встревоженная мать утихомиривала двух малышей; они высунулись из окна и размахивали вышитыми подтяжками задремавшего отца.

А внизу мчался дилижанс. Почтмейстер то шелкал бичом, то, приложив к губам рожок, издавал веселые звуки. Несколько усатых дворян, презирая станционную толчею, сажу и копоть, обещали ему, если он выиграет это состязание, большую бочку вина. Они небрежно кивали в сторону обезумевшего машиниста и курили благовонные трубки, набитые мятовым листом. В облаках пыли и грохоте колес дилижанс и поезд скатились с холма, устремляясь к воротам столицы.

— Пойдемте, посмотрим, кто победит, — крикнула Виолинка.

Друзья побежали. С вершины холма им открылся вид на город, сверкнули золотистым пламенем купола церквей. По длинной тополевой аллее, пересеченной голубоватыми тенями стволов, уносился вдаль дилижанс.

Дома сверкали глазированным кирпичом, стаи голубей кружились в лазури. Издалека, с людных рынков, доносились говор и крики. Часы хрипло пробили шесть. Над зелеными верхушками садов, над гребнями крутых красных крыш, предвещающая хорошую погоду, поднимались в небо тонкие струйки

дыма. До зверей донесся аромат готовящегося на плите ужина.

Взгляд петуха помутился от слез. Там у каждого есть свой дом, стол, на котором книги шелестят пергаментными страницами, тихая жена, которая движением руки разглаживает на лбу морщины забот, и альков, где, устав от дневных дел, можно уснуть, нежно обнимая друг друга, вдыхая запах цветущей в горшках резеды. А за приоткрытым окном, в соседнем саду, поет поздняя птица, месяц освещает фонариком шкафы, зеркала и буфеты. Алебардники покрикивают:

Эй, гасите всюду свечи:

Темна ночка недалече!..

И горожане засыпают, вслушиваясь в хрипение часов, и не знают, то ли покосами так пахнет родина, то ли это аромат волос любимой жены.

Петух вытянул оба крыла, словно хотел обнять милый сердцу город. За его покой он столько раз сражался и даже сегодня готов за него погибнуть, он, бездомный ветеран, скиталец...

Затуманенному слезой взору казалось, что город улетает в голубоватую мглу — город далекий и прекрасный, как самый дивный сон.

Петух наклонился, точно хотел удержать это видение, но тут яйцо выскользнуло у него из-под перьев и, постукивая скорлупой, начало скатываться по откосу.

Когда Пыпецу, наконец, удалось поймать яйцо и он в отчаянии взглянул на него, то оказалось, что скорлупа уже лопнула, — цыпленок высунул свою маленькую головку, украшенную гребешком, и бойко оглядывался вокруг.

— Что мы с ним будем делать? — простонал петух, хотя его сердце билось от радости. — Где я найду ему няньку? Не мог ты выбрать другой минуты, чтобы родиться?

— Какой хорошенький петушок! — воскликнули, обступив его, друзья. — Вылитый папа!

Они были уже недалеко от городских ворот. На придорожном камне сидел старичок и, попыхивая трубкой, паял кастрюлю. Махорочный дым то поднимал крышку трубки, расползаясь в надвигающемся вечере, то исчезал в глубине чубука.

Старичок напевал:

*Суший клад — даю вам слово —
встретить слесаря такого,
дырку в дне и дырку сбоку
зачиню в мгновенье ока!*

Вдруг петуху пришла в голову спасительная мысль.

— Мастер, — крикнул он, — обтяни проволокой эти скорлупки — ты избавишь меня от больших хлопот: мой малыш хочет до времени вылупиться на свет.

Старичок поправил очки.

— Всю жизнь чиню и паяю, но еще никогда не делал такой работы!

Он сунул руку в ящик, достал тонюсенькую проволочку и обтянул треснувшую было скорлупу крепкой сеткой.

— Папочка, пусти меня хоть на минутку, ножки размять, — пищал цыпленок, но петух ласково объяснил сыну:

— Не время мне теперь жену искать — мы накануне войны, а связаться с первой встречной насадкой, благодарю покорно, я уже ученый! Ничего не поделаешь, сынок, придется подождать, пока папа разбогатеет и построит приличный курятник.

Яйцо было починено, и друзья отправились дальше.

На стенах города по обеим сторонам ворот виднелись огромные афиши:

ЗАВТРА!!!

ЗАВТРА!!!

БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЦИРКА

МЕРДАНО

ЛЕДЕНЯЩАЯ КРОВЬ ДРЕССИРОВКА ХИЩНЫХ

БЛОХ

МАЭСТРО

НАГНЁТКОМ

На афише был изображен улыбающийся цыган, который взвил бич над дюжиной блох, обнаживших острые зубы. В

сгустившихся сумерках руки его, обтянутые белыми перчатками, высывались из афиши, и друзьям казалось, что он вот-вот выскочит и расправится с ними.

Мышибрат всматривался в Нагнётка, ошетилив шерсть:

— Чувствую, что он принесет нам несчастье...

— Уйми ты это глупое предчувствие, — дружески похлопала его по плечу Хитраска, — здесь в городе нам нечего бояться.

В темноте из аркады выбежал какой-то толстяк и, растолкав животом зевак, попытался обнять петуха.

— Кого я вижу? — гаркнул он, сердечно поцеловавшись с Пыпцом. — Где ты пропадал столько времени?

— Пушкарь Пукло! — ударил изо всех сил приятеля по плечу капрал. — Здравствуй, старина!

— Ты что-то неважно выглядишь, — Пукло сочувственно посмотрел на петуха, — может быть, слишком много этого... (Тут он поднес руку ко рту, словно опрокидывал кубок.)

— Да где там... Зато ты цветешь, — шутливо щелкнул Пыпек пушкаря по огромному животу.

— Ну, и что же, — рассмеялся Пукло, — выросло у меня пузо, теперь есть на что ордена вешать. Я содержу в Тулебе постоянный двор, частенько за кружкой пива с друзьями я вспоминаю старые времена, и только тебя не хватает в нашей компании. Да, да, — болтал он, взяв капрала под крыло. — Пойдем ко мне, жена будет рада...

— Я не один, — буркнул Пыпек, указывая на лису, прижимавшую к себе сонную королевну, и на Мышибрата. — Я не хотел бы наделать тебе хлопот...

— Пустяки, пожалуйста, не стесняйтесь, слава богу, у меня хватит места на всех... Найдем что поесть и выпить. Пошли, все пошли, — подталкивал он друзей.

Едва они миновали ворота, как на городской стене запели трубы. Какой-то человек влезал на лесенку и зажигал перед домами фонари. В вечерних сумерках с грохотом закрывались ворота города.

Тулеба ложилась спать.

РЫНОК АППЕТИТНОГО ЧИХАНИЯ

Уже наступило утро, когда королева в одной рубашке подбежала к окну. Зубчатые тени домов вырисовывались на другой стороне улицы. Погожее осеннее небо пестрело стаями танцующих голубей.

— Ты проснулась, малютка, — сказала Хитраска, закручивая перед зеркалом локоны. — Быстро одевайся, мы пойдем в замок...

Виолинка посмотрела на свое отражение в зеркале. Рядом с изящной мордочкой лисицы она увидела свое веснушчатое, опухшее после сна личико.

— Я не хочу, не пойду! — завизжала королева, замахав руками. — Разве вы не понимаете, что мне стыдно?

Прежде чем Хитраска опомнилась, Виолинка нырнула под одеяло и зарылась в подушки.

— Капрал, на помощь! — крикнула Хитраска, пытаясь вытащить девочку из-под одеяла.

— Добрый день, друзья мои, — приветствовал их, звеня сверкающими шпорами, капрал Пыпец. — Что вы тут делаете? — Он устался на шевелящееся одеяло. Вчера петух до поздней ночи сидел за кружкой пива, болтая со старым другом.

— Я не пойду, слышите, я не хочу! — визжала, брыкаясь, королева.

Мышибрат открыл окна. Холодный свежий воздух наполнил комнату. Складывая крылья, голуби садились на подоконник и с любопытством заглядывали внутрь. В окнах напротив уже выставили на просушку пухлые полосатые матрацы и пышные подушки.

Озябшая королева позволила себя одеть. Она съела завтрак и вместе со зверями отправилась в город.

— Даю тебе слово, — сказал капрал Пыпец, — что ты в таком виде не вернешься в замок, ты должна снова стать красивой.

— И доброй, как раньше, — мяукнул Мышибрат.

На улицах былолюдно. Толпы горожан сновали взад и вперед. В пестрой суматохе мелькали желтые и красные бархатные куртки. Шуршало накрахмаленное кружево воротников, звякали на груди золотые цепочки. Матроны, скромно потупив глаза, шли в окружении служанок — румяных смешливых

девушек. Проходя мимо них, петух воинственно вскидывал голову и крутил ус.

По неровной, выложенной каменными буханками мостовой громыхали телеги, запряженные ленивыми волами. Иногда какой-нибудь автомобиль с пронзительными гудками проезжал по улице и внезапно останавливался на ближайшем перекрестке; тогда из него выскакивал шофер и, поправив очки, огромной рукояткой заводил пружину. Порой, звеня подвешенными на палке бубенцами, кричали скороходы: «Место светлейшему советнику Иллариону Руптуре!» В застланном бархатом паланкине дремал на подушках дородный советник, а скорчившийся у его ног секретарь читал ему вполголоса *Chronique scandaleuse*¹ — перечень беспутств золотой молодежи — из газеты «Голос Тулебы».

Издалека, сверкая солнцем своих доспехов, приближались королевские гвардейцы. Хитраска остановилась и, осмотрев себя в стекла витрины, поправила локоны и бант на грациозно поднятом хвосте. А петух отсалютовал им шпагой. Гвардейцы ответили ему небрежным кивком, презрительно оглядев его выгоревший и заштопанный мундир. Какое было дело этим придворным франтам до нашего славного ветерана?

На перекрестках полицейские в красных мундирах с тупыми и сосредоточенными лицами регулировали уличное движение, размахивая белыми палочками. Сидя в стенной нише, слепой от старости дрозд насвистывал на флейте какую-то наивную песенку, и падающие монеты звякали о медную тарелку.

— Мы проведем тебя по Птичьей улице на рынок Аппетитного Чихания, а там ты решишь сама, что делать.

— Что это за название? — удивился Мышибрат.

— Подожди — увидишь.

Друзья шли переулком Бradoбреев, где сверкали бритвы, где цирюльники, запахнув белые халаты, кружились около посетителей, с трудом узнающих свое собственное лицо под пухом кудрявой пены.

— Глядите! — прошептала Хитраска.

Из приоткрытых дверей вышел цыган Нагнётот, только что

---

¹Сканда́льная хроника.

побритый, благоухающий, со шляпой и с перчатками в руке. Блестящие от брильянтина черные волосы отражали осеннее небо. Он что-то весело напевал, и, как спелая вишня, в его ухе покачивалась рубиновая серьга.

— Спокойно!

— Не бойтесь — в этой толпе он нам ничего не сделает.

Друзья забежали под арку ворот и подождали, пока цыган не исчезнет в ближайшем переулке. Пройдя крытую галерею, они вышли на рынок Аппетитного Чихания. Осеннее солнце освещало площадь, которая переливалась золотым, сапфировым и алым цветом: на земле высились груды овощей, золотые шары дынь были сложены в пирамиды. Над подернутыми легким паром корзинами со сладкими грушами, румяными яблоками и сливами кружились осы. Еще издалека слышался говор и громкие зазывания торговцев. За рынком виднелись многочисленные вывески ресторанов, булочных и кондитерских. Из гостеприимно распахнутых дверей неслись запахи мускатного ореха, имбиря, гвоздики и тот неуловимый аромат жженого сахара и варенья, который исходит от свежесдобитых пирожных. В лазури носились голуби; у колодца, украшенного медными тритонами, скрипело ведро. Восточный купец кричал гортанным голосом, развешивая пестрые, словно радуга, шелковые шали.

— Как тут хорошо, — прошептала королевна. От ароматного золотистого тумана, идущего от фруктов, овощей и пирожных, у нее защекало в носу, и она громко чихнула.

— На здоровье! На здоровье! — Горожане вежливо приподнимали шляпы. — Знайте рынок Аппетитного Чихания!

Вот и петух достал клетчатый платок и долго вытирал им клюв. Восхищение друзей наполняло радостью купцов, которые, зажмурив глаза, упоенно улыбались и вдыхали мясистыми носами любимые запахи.

— Пошли в кондитерскую — нам нужно посоветоваться.

Друзья с трудом протиснулись через толпу торговцев. Какая-то индейка с озабоченным лицом успокаивала мужа — его возмущала краснота спелых помидоров.

— Смотри! Ты видишь тех двоих — там, — подтолкнул Мышибрата петух, — на скамеечке, около колодца?

Лица трудно было разобрать, потому что оба погрузили головы в арбуз, выедавая его розовое нутро.

— Тех, что едят арбуз?

— Ну да! Это Прыг и Узелок.

На другом конце площади раздался крик.

— Кто украл у меня самый красивый, самый спелый арбуз? — вопил в отчаянии какой-то торговец. Угрожающе размахивая связкой чеснока, он приближался к примостившимся у колодца озорникам.

— Ведь он лежал совсем сбоку, — буркнул Прыг. Из внутренности арбуза показалась облепленная семечками голова, — зачем столько крику? Я даже спрашивал, чей арбуз, и никто мне не ответил.

— Нужно было громче спрашивать, — подступал к ним с яростными криками торговец. — Разбойники! Тунеядцы! Бездельники! Дармоеды!

Толпа обступила их.

— Нужно его утихомирить! — шепнул Прыг. — Мне хочется вздремнуть, а такой крик вредно действует на сытый желудок.

Ловкое движение — и арбузная корка была насажена торговцу на голову. Голос утих. Тяжело пыхтя, несчастный пытался освободиться. Это выглядело так забавно, что горожане чуть не лопнули от смеха. Наконец багровый от бешенства торговец стащил с головы арбузную корку, но сорванцов давно и след простыл. Они шныряли уже на другом конце рынка.

— Вот ловкачи, — давился от смеха кот.

— Пойдемте в кондитерскую, — тащила петуха за крыло Виолинка.

— Нехорошо смеяться над чужой бедой, Мышибрат. — Хитраска строго посмотрела на кота через лорнет.

— Да ведь ничего страшного с торговцем не случилось, — сконфуженно оправдывался кот.

— Вы знаете, что это за колодец, друзья? — начал петух. — Это необыкновенный, это замечательный колодец — он называется колодцем Исполненных Желаний. Кто выпьет из него глоток воды (он указал крылом на медный ковш, висевший на длинной цепочке) и, повернувшись на пятке, сделает, с закрытыми глазами, семь шагов назад, у

того любое желание исполнится в течение семи лет. Однако ветреные люди забывают, чего они желали даже час назад, и поэтому, когда судьба им угождает, они чувствуют себя обиженными и оскорбленными.

— Посмотрим, много ли в этом правды, — буркнул Мышибрат и, выпив единым духом ковш, прошептал: — Я хочу, чтобы весь город обо мне говорил, чтобы я стал самым славным котом Тулебы!

Он повернулся на пятке и, отсчитывая шаги, шел назад с закрытыми глазами. Перед ним услужливо расступались. Всем был известен этот прекрасный обычай. Увы, на седьмом шагу он споткнулся и плюхнулся в ушат, полный мокрых трав и водорослей.

Широко открыв глаза, кот подскочил вверх, словно его подбросило пружиной. Все вокруг захохотали. Напрасно Мышибрат тряс в отчаянии хвостом, клешни не разжимались, они впились ему в хвост, — в сырой траве кишели принесенные на продажу раки.

— Чего эти остолопы так смеются? — фыркнул кот, потирая больное место.

— Ты только что сам смеялся, — напомнила ему Хитраска.

— Но зато твое желание непременно исполнится, — с важностью сказал петух. — Я даже думаю, что раньше, чем ты предполагаешь, ты станешь самым славным котом в столице. Теперь нам пора держать совет, поэтому сядем за столик в этой уютной кофейне. Иного выхода нет, — начал петух, когда они съели гору пирожных и последние пузырьки газа, серебрясь, улетели из стаканов с недопитым лимонадом, — мы должны купить какое-нибудь лекарство или мазь, чтобы уничтожить чары, но для этого нужны деньги. Мой приятель Пукло, наш великодушный хозяин, дает нам есть и пить, но его жена прячет кошелек под подушку и неохотно расстаётся с деньгами. Что же, я могу только продать эти дорогие мне вещи, — тут он с нежностью посмотрел на свои ордена и медали.

— Ты не должен с ними расставаться, сохрани их лучше для сына, — шепнула Хитраска.

— Это необходимо для блага королевны. А для ребенка будет достаточно, если он получит от меня в наследство славное имя

и крыло, не запятнанное черным делом.

— А они в самом деле из золота? — благоговейно спросил Мышибрат и притронулся мягкой лапкой к орденам.

— Слушайте... Я был у лучших аптекарей и докторов, все они в один голос объявили, что могут начать длительное и дорогое лечение, но за результат не ручаются. И лишь один знахарь, известный мне еще со времен похода на Блабону, признался откровенно, что вся медицинская наука здесь бессильна и только сам цыган может разрушить чары.

— Но ведь он не сделает этого!

— Да, но Нагнётюк продает разные снадобья: лекарства от бессонницы, приворотное зелье для влюбленных, а ходит молва, что и яды... У него много всяких приспособлений готовить отвары и настои... Нужен какой-нибудь проныра, который сумел бы с ним сторговаться и добыть секрет волшебства. — Он посмотрел на озабоченные лица друзей. — Никто из вас не годится — цыган тотчас догадается...

— Скажи, Пыпец, может быть, кто-нибудь из твоих друзей?..

— Нельзя открывать им тайну, они так простодушны, что сразу же все выболтают.

— Сперва нужно достать денег, а потом, может быть, нам придет в голову какая-нибудь мысль.

Друзья допили лимонад.

Когда наша компания выходила из двери, Мышибрат вернулся к столу; украдкой высыпал крошки с блюдечка в широко открытую пасть и, тщательно пригладив усы, поспешил вслед за друзьями. Было тепло. В парке уже пожелтели деревья, издалека они напоминали золотые и медные паруса. По газонам бегали дети, собирая пучки разноцветных листьев. Какие-то дамы в развевающихся мантильях проехали в экипаже. Шуршали шины, мягко стучали копыта в тенистых и влажных аллеях парка.

Петух направился к ювелиру. В темном переулке он спустился вниз по вытоптаным ступеням лестницы. Лестница вела в подвал, напоминающий нору. В полумраке ювелир Барсук, который никогда не снимал своей теплой шубы, поднес медали к лампе и, вставив в глаз лупу, долго и внимательно рассматривал их.

— Золото, — шепнул обеспокоенный петух.

— Хм... Немного золота тут есть. — Шаркающей походкой Барсук направился в глубь магазина и, подозрительно оглянувшись, открыл кассу.

— Спасибо вам, — пожал ему лапку петух. Барсук важно поклонился и стал чинить часы, прислушиваясь к их больному тиканью.

«Старый холостяк, потому такой и нелюдим, посватать бы его за нашу Хитраску, она бы его мигом расшевелила», — подумал петух, взбегая по крутой лестнице.

— Сколько тебе дали?

— Двенадцать дукатов.

Мышибрат свистнул. Теперь друзья держали путь к окраине города, к городскому валу.

Трава стала бурой, словно золотые монетки, осыпались листья берез; неподалеку несколько мальчишек пускали змеев.

Друзья уселись на каменной скамье. У их ног лежал город, пропитанный лучами солнца, сонный и прекрасный. Капрал положил крыло на колено и стал считать по перьям: Прыг и Узелок не подходят — оба большие сорванцы; маэстро Пилюля не сторгуетя — его тотчас обманут; пушкарь Пукло — благородная душа, но очень откровенен и любитель выпить. Больше некого послать к цыгану...

— А яаяя... А яаяя... — слышался голос из-под откоса, и чья-то бледная хитрая физиономия показалась снизу; ноги этого субъекта были спутаны, и по траве тащилась длинная веревка.

— Козел! — крикнул петух.

— Да, это яая, — промычал, смиренно став в сторонке, козел.

Капрал Пыпец всматривался в него и что-то обдумывал.

— Слушай, ты ведь уже давно был превращен в обычную жалкую козу, но раскаялся ли ты в своих поступках? Можешь ли ты вновь обрести уважение и загладить свою вину, можно ли тебе доверять?

— О да, дорогие мои, ведь я столько выстрадал!

— Тогда ты пойдешь на старый рынок, где стоит фургон цыгана Нагнётка, и купишь у него зелье, которое вернет красо-

ту этой девочке. Вот тебе дукаты. Но горе тебе, если ты обманешь.

— Если ты изменишь, — мяукнул Мышибрат, — мы повесим тебя на первом попавшемся суку.

— Обещаю вам, что не подведу, благодетели мои, — блеял грустно козел. — Поклясться мне нечем, рогов уже нет.

— Знаем мы эти клятвы...

— Даю слово, что все исполню, — стонал козел, сжимая в копыте дукаты. — Позвольте вам ножки поцеловать, — козел склонялся все ниже и ниже.

— Заруби себе на носу, мой милый: та веревка, от которой мы тебя освободим, будет висеть на дереве и ждать тебя с нетерпением!

— О, милосердные души, о, золотые мои, все сделаю для вас, клянусь прабабушкой Мекулой, — прошептал он, и из его узеньких глаз потекли слезы.

— Режь, — махнул крылом петух.

И Мышибрат разрезал путы. Козел весело сорвался с места.

— В два счета все сделаю, еще этой ночью вы получите лекарства. Честное купеческое слово.

Он сбежал со склона, пощипывая там и сям верхушки терпкого осота.

— Может быть, не стоило ему сразу давать столько денег?

— У меня не было выбора, необходимо было рискнуть, — сказал петух, вытирая вспотевший лоб. — Может быть, и у него еще осталась и честь и совесть.

Внизу протрубил рожок, слышались голоса и топот. Мальчишки сматывали веревки. Опьяненные полетом в небесных просторах, змеи неохотно возвращались из лазури, некоторые из них садились на деревья и, обмотав ветви своими шуршащими бумажными хвостами, казалось, хотели переночевать в прохладной выси.

С крепостного вала виден был рынок, похожий на муравейник.

— Что там происходит?

Хитраска посмотрела на солнце.

— Скоро начнется представление, разве вы не читали афиши?

— Ты права, верно, — согласились звери. — А может быть, стоит хоть одним глазком взглянуть, что будет показывать этот громила?

— Лучше держаться от него подальше, — предостерегла друзей Хитраска.

— В такой толпе, в присутствии всей гвардии, цыган нам совсем не опасен, будь мы под самым его носом...

— Ну, тогда живо, торопитесь, скоро начнется представление, — пискнула Хитраска.

БЛОШИНЫЙ ЦИРК

Уже в самом начале улицы, где за порядком смотрели несколько полицейских, шумели возбужденные толпы горожан. Стрельчатые окна уходящих в небо узких домов были открыты настежь, и в них торчало множество голов.

Часть площади была огорожена канатом. Вдоль него, потирая руки, ходил цыган Нагнётток. В отдалении стоял фургон; там Друмля одевала блох в парадные платья. Кляпон восседал на козлах, он пронзительно трубил и ударял в медные тарелки. Наверху, между двумя шестами, была натянута тонкая, как волос, бечевка; она едва виднелась на фоне ветвей и неба.

В переднем ряду стояло несколько мягких кресел, в них сидели отцы города и сам бургомистр, он любовно поглаживал черную как смоль бороду.

Прежде чем цыган начал представление, бургомистр встал на кресло и, подняв обе руки вверх, воскликнул:

— Благородные сограждане! Помните о похищенной королевне, развлекайтесь без улыбки, ибо страшно подумать, что будет, если ее и впредь не будет...

На площади воцарилась тишина, и только сердца притаившихся в толпе друзей забились сильнее.

— Каждого, кто принесет о ней какое-нибудь известие, король щедро наградит; добровольцев, желающих принять участие в поисках, он вооружит, даст им золото и коней; но неизвестно, где она скрыта, поэтому и во время забавы не закрывайте глаза, может быть, она пройдет недалеко, может быть, ее приведут сюда украдкой. Присутствующий здесь ма-

эстро Нагнёток дал показания, они много света на дело не проливают, но все же я надеюсь, что похитители найдутся. Будьте бдительны! Будьте настороже!

Поклонившись, бургомистр сложил свои пухлые руки под траурно-черной бородой и, глядя на небо, уселся в кресло.

Наступила удручающая тишина. Но вот Нагнёток дал знак Кляпону, тот заиграл на трубе, ударил в тарелки, а Друмля выкатила маленькие клетки с нарядно одетыми блохами.

Цыган прошелся по помосту и поднял решетки. Потягиваясь и зевая, из клеток стали выскакивать огромные блошищи. Сверкая острыми зубами, они бросали по сторонам алчные взгляды.

Толпа зароптала, многие отпрянули, потому что блохи смотрели на горожан так, словно выбирали, кто из них поаппетитней. Цыган поднял руку, успокаивая зрителей. Потом он щелкнул бичом. Блохи подскочили несколько раз на месте.

И вот, подгоняемые взмахами свистящего хлыста, они бегут уже по две и по три в такт музыке.

Цыган поклонился. Все зааплодировали. Было за что его хвалить. Только железной дрессировкой и незаурядным мужеством можно было принудить к послушанию этих кровожадных тварей.

— А твои-то невинные ягнята, — шепнул петух на ухо Хитраске.

— Я дрожу при одной мысли, что они могут вырасти такими же, — ответила лиса.

Прыгая через зажженные обручи, кувыряясь и образуя в воздухе пирамиды, блохи в разноцветных трико скользят легко и изящно.

Но это только так кажется, потому что две самые дерзкие из них уже крадутся в сторону, скаля на зрителей зубастую пасть. По толпе проходит дрожь, перепуганные ребятишки, плача, прижимаются к матерям. Но маэстро следит за всем внимательным взором. Он уже достал пистолет и выстрелил над головами хищников. Рассеялась горящая пакля; с опаленными мордами, злобно урча, блохи вернулись в танцующий круг.

Прокатилась буря аплодисментов.

Нагнёток с изяществом поклонился. Согнав своих воспитан-

ниц в кучу и следя за ними одним глазом, он с видом победителя улыбнулся публике и воскликнул:

— Милостивые господа! Теперь вы увидите номер, секрет которого переходит в нашей семье из поколения в поколение. Это великое искусство, шедевр дрессировки — блошиное пение, достойное королевского уха.

Удивленные зрители радостно закричали и захлопали в ладоши. Потом все смолкли. Налегая на веревки и сопя, зеваки нетерпеливо вытянули шеи.

Поднялся усеянный вишневыми цветочками занавес, и выехала запряженная шестерней карета. Перед зрителями гарцуют в упряжке самые рослые, самые тупые и злые блохи, они украшены сверкающими золотом чепраками. Порой, громко рыча и брызгая пеной, блохи кусают друг друга в шею и мотают головами, потряхивая пучками страусовых перьев. Среди полной тишины, замутненной лишь дыханием очарованной толпы, маленькая карета, постукивая, трижды делает круг, и блохи, переступая с ноги на ногу, останавливаются.

Тогда укротитель снимает лосиную перчатку, небрежно бросает ее на песок и засучивает левый рукав. Он бесстрашно протягивает блохам ладонь, хотя они приседают и ворчат. «Ну! Живо!» — кричит Нагнёток. Неожиданно вся упряжка берет с места галопом и въезжает на обнаженную руку. Побледневшие лица зрителей застывают в неподвижности, потому что цыган, достав серебряную булавку, проколол в шести местах руку и кормит этих тварей в поощрение свежей кровью. Мороз подирает по коже от блошиного чавканья и прочмокивания.

Потом настает минута тишины, и под абрикосовым небом безоблачного вечера кто-то начинает аплодировать. Словно проснувшись, все хлопают, и в вихре аплодисментов открываются дверцы кареты, и из нее выбегает в розовой юбочке, с гитарой под мышкой любимца цыгана, славная цирковая звезда — Блошинелли!

Она кланяется. Почти никем не замечаемая карета уезжает; блохи внизу становятся полукругом и урчат в ритм вальса. Вспорхнув, словно бабочка, Блошинелли становится на туго натянутый шнур, уже совсем не видимый на фоне зеленеющего

вечера. Балансируя гитарой, она приближается к середине и подает знак.

Снизу раздаются недружные голоса поющих блох, но вскоре уже можно различить знакомый мотив. Вверху, качаясь на тонкой, как волосок, бечевке, Блошинелли ударяет по струнам, и ее тихий голосок звенит:

*Жил-был король когда-то,
При нем блоха жила;
Страшась ее утраты,
Блоху он обожал.
Варил еду для блошки,
С нее сгонял он мух;
Болел живот у крошки,
Касторку пил за двух!*

Вздых восхищения пролетел по рынку.

— Боже мой, такая маленькая и такая умница, — сопит какая-то толстая дама.

За креслами членов магистра Прыг многозначительно подталкивает Узелка:

— Здорово?

— Шикарно, почеси-ка мне спину, меня кто-то кусает!

— Радуйся, братец; может, это блоха? Мы откроем собственный цирк.

— Э, если б у нас была Блошинелли, тогда был бы расчет, был бы расчет, — бурчит Узелок, почесывая спину о ручку кресла.

— Братец, а ведь это мысль! — стукнул Прыг приятеля по темени и внимательно посмотрел на затаившую дыхание толпу. — Сейчас я ее стряхну, а ты подымай суматоху и лови ее в шапку. А там ноги в руки!

Прыг ловко протиснулся сквозь толпу зевак и оперся о бамбуковый шест, отчего бечевка чуть-чуть провисла, а потом внезапно отскочил, как будто от восторга. Упругое дерево отклонилось, бечевка, как пружина, подбросила вверх поющую Блошинелли.

Все следили за ней, задрав головы, приветствуя это незаурядное искусство ревом восхищения.

Восторженное дыхание толпы уносило блоху все выше и выше, пока, наконец, она не стала планировать вниз, отчаянно размахивая гитарой.

Плясунья была еще видна на фоне темнеющего неба.

— Прыгай в мои объятия, — кричал в отчаянии цыган, но, видя, что ее относит ветерок, он, как разъяренный бык, ринулся в толпу.

Узелок визжал, словно поросенок, которого режут; дети начали пищать и плакать.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, блохи грызлись друг с другом и, наконец, освободившись от упряжки, разорвав пестрые костюмы, поскакали в толпу, на середину площади, где уже стлался холодный вечерний туман.

Кровожадные насекомые набросились на самых толстых горожан; те попытались убежать, толпа заколыхалась, карманные воришки, призывая на помощь полицию, вытаскивали кошельки у перепуганных богачей.

Нагнётку показалось, что Блошинелли приземлилась на черной как смоль бороде бургомистра.

Цыган подскочил к почтенному горожанину, придавил его грудь коленом и, разделив густую бороду на две пряди, заглянул внутрь. Бургомистр только застонал, но цыган полез уже на четвереньках, высматривая любимицу на камнях, среди толстых икр трясущихся от страха горожан. То здесь, то там высовывалось его налитое кровью лицо и слышались отборные ругательства и вопли. Он был разорен. Друмля, плача, звала Блошинелли.

Зеваки в панике удирали. Кругом слышались треск закрываемых ворот, крики и стоны.

Перепуганный Мышибрат мчался вдоль стены; вдруг перед ним вырос разъяренный Нагнёт.

— Ах, наконец-то я поймал тебя, мошенник, — заорал он, схватив кота за горло.

К Мышибрату на помощь рванулся петух, но спасти друга было уже невозможно — их разделил поток бегущих людей.

— Позаботься о Виолинке, — крикнула в ухо капралу Хитраска. Петух схватил девочку в крылья и вместе с бегущей толпой исчез в ближайшем переулке. Он уже не видел, как

отбивался от полицейских Мышибрат, как под злобные крики его тащили в тюрьму.

— Это один из банды похитителей, — обвинял его Нагнётток. — Отвечай сейчас же, — где королевна?

— На виселицу его! — кричали вокруг. — Смерть похитителям детей!

Полицейские крепко держали арестованного, привычным движением вывернув ему лапки.

На площади было уже пусто. В густых сумерках рычали только вырвавшиеся на волю, жаждущие крови и одичавшие блохи.

КОЗЕЛ ПОДДАЕТСЯ ИСКУШЕНИЮ

В эту ночь никто не высунул на улицу носа. И только усиленная стража кружила по переулкам; ей удалось даже выловить несколько насосавшихся крови блох, которые спали в стенных нишах. Остальные хищники спрятались в подвалы, угрожая безопасности города. Какой-то задремавшей в церкви старушке, уже через неделю после этих событий, они до кости обглодали колено.

Разошлась весть, что арестованный похититель не признает своей вины и не желает выдать сообщников. Вероятно, для того, чтобы сломить его упорство, решили применить пытку.

Обезумевший от горя петух метался по комнате. Напрасно ломал он в отчаянии крылья. Он был бессилен. Да и чем помог бы он товарищу?

За одну ночь у капрала совсем поседел гребень.

— Пока не вынесли приговор, ты должна пойти в замок! — крикнул он, тормоша спящую королевну. — Ты должна его спасти!

— Я не сделаю ни шагу, пока опять не похорошею, — брыкалась в постели Виолинка, с плачем зарываясь в подушки.

— Оставь ее в покое, — сказала Хитраска, — придет козел, и ты сам отведешь Виолинку к королю. Достаточно будет одного взгляда отца, и король будет на твоей стороне! Ведь я тоже волнуюсь за Мышибрата!

— Ты права, — прошептал петух. Он встал у открытого окна,

прислушиваясь к шагам, но козел не возвращался. По забрызганной молочным светом месяца мостовой гулко стучали шаги вооруженной стражи.

Меж тем козел крался по пустынным улицам. Часы задумчиво отбивали время. Освещенные луной каменные львы потягивались и зевали — они были утомлены своей дневной неподвижностью. Звери широко открывали выщербленные пасти, в которые дети безнаказанно совали днем руки, приговаривая: «Укуси меня, лев!»

Козел, дрожа, прижимался к стенам.

Словно хороводы теней, скользили вдоль домов сны; они навевали беднякам мечту о богатых яствах, дразнили богачей и скряг призраком разорения, картиной бед, которые должна была принести близкая война. Солдатам снились бивуаки, гривастые кони и яркие костры, такие яркие, что городские стражники привставали с места, видя багровый отблеск пожара в спальнях и альковах. Козел перебегал с угла на угол среди холодной глубокой тишины. Он был похож на легкий лист бумаги, уносимый ветром. С лицом бледнее белого месяца, он прижимал копыто к трусливо бьющемуся сердцу, а может быть, он просто ощущал скрытый на груди мешочек с дукатами.

Когда козел подкрался к фургону, прогнувшемуся под тенью городской башни, до него отчетливо донеслись причитания Друмли и возня оставшихся блох, которые рвались на волю. Козел тихо толкнул дверь и, отогнув тяжелый полог, вошел в полумрак комнаты. На него пахло запахом диких зверей, ветром, связками сухих трав, которые сушились в пучках под потолком. Хотя шаги его заглушал толстый слой рассыпанных по полу опилок, блохи тотчас почуяли чужого и перестали лязгать зубами о решетку; хищники пристально всматривались в позднего гостя, поблескивая в желтом свете коптилки налитыми кровью глазами.

— Кто там? — крикнула из глубины Друмля.

— Это я, — ответил, дрожа, козел. Над своей головой он увидел чучело жабы и несколько привязанных за ногу, умерших от жажды мухоморов. Это напомнило предателю его собственный позор; собрав все силы, козел сделал шаг вперед.

— Чего ты хочешь? — спросила, вынырнув из темноты, Друмля.

Сверкнули, словно искры, вплетенные в черные как смоль волосы серебряные монеты.

— Цыганочка, красавица моя, — улыбнулся козел, облизывая шершавым языком бледные губы, — нужна мне мазь, лекарство сильное и едкое.

Друмля внимательно посмотрела на него, пытаясь отгадать, от какой хвори нужны ему зелья.

— Разные есть тут снадобья, — начала она, — чтоб веснушки сгонять, чтоб волосы выросли опять, от старости дряхлой, от немощи чахлой и от червей в животе.

Почесал козел лоб копытом, потер лысое место, где у него прежде росли великолепные рога, и вздохнул:

— Нужно мне лекарство, возвращающее белизну коже бродяги; она сильно потемнела от ветров, а может быть, и от чар...

— Ну, это дорогое лекарство, — сказала цыганка. Она зажгла свечу и, встав на цыпочки, стала искать по полкам. Фитиль трещал, свеча истекла слезами, предчувствуя свою близкую смерть.

Цыганка поставила перед козлом ряд небольших скляночек, закупоренных бычьим пузырем и перевязанных ниткой; на концах ниток висели сургучные печати.

— Это для большой любви, это чтоб рога приросли, состав для золочения бороды, мазь для возвращения красоты, — указывала она по очереди. — А вот это за горсть дукатов вернет лицу цвет алебаstra.

Хитро блеснули глазки козла. «Горсть горсти рознь, — подумал он беспокойно, — я в копыте больше двух дукатов не удержу».

Однако цыганка вмиг развеяла его заблуждения, подставив сложенные ладони.

У мошенника екнуло сердце, когда он начал сыпать золото.

— Раз, два, — считал козел. Вдруг из дрожащего копыта выскользнул дукат и, позвякивая, закатился куда-то под клетки.

Друмля, схватив свечу, прислушивалась к дразнящему звону монеты.

— Куда ее занесло? — спросила цыганка, но надувшиеся блохи молчали. Самые пугливые из них начали громко храпеть и вздыхать, притворяясь, что крепко спят.

— Мои дукаты, — простонал козел.

— Там был только один...

— Чтоб мне не позолотить бороды, два по крайней мере!

— Один!

— Два, говорю я.

Цыганка встала на колени и заглянула в угол. Этим воспользовался козел, он засунул за пазуху два стоящих с краю пузырька — «для рращения рогов» и «золочения бороды», третий предназначенный для королевны, он взял в копыто и сказал небрежно взвешивая его:

— Вот вам еще два золотых, добрая женщина, — и, швырнув деньги на прилавок, обманщик выскочил из фургона.

Украденные пузырьки жгли его сквозь кафтан. Козел мечтал о том, как утром его будет приветствовать весь город. Он намеревался намазаться толстым слоем мази, чтобы к утру у него выросли рога и золоченая борода. Все тогда станут кричать: «Да здравствует спаситель королевны! Да здравствует наш козел Бобковита!» Он мчался по улицам, останавливался под каждым фонарем, вынимал пузырьки, пересчитывал их, стучал по ним копытом, нюхал, лизал шершавым языком сургуч.

— Эти два для меня, а тот для девочки, — шептал козел, пробегая рысцей по переулкам, Но от подсчетов у него уже помутилось в голове.

И вдруг он вспотел при мысли, что может ошибиться.

— Эти два для меня, а тот для девочки, — почти кричал безрогий, добежав до полуоткрытых дверей трактира, откуда доносились говор и песни распивающих вино старых вояк, добродушных мещан и беспутных зубоскалов.

МЫШИБРАТ НА ПЫТКЕ

В это время в старинной башне ратуши началось следствие. Низкие покрытые плесенью каменные своды лизал огонь лучины. В углах пищали летучие мыши. Перед судьями,

позвякивая тяжелыми цепями, стоял дрожащий Мышибрат. Судьи сидели на скамье в остроконечных капюшонах с прорезями для глаз; их груди украшали черепа из посеребренной жести — в знак того, что они выносят приговор суровый и окончательный. На столе стояла клепсидра, где со звоном переливались капли воды, напоминая о том, что время истекает, — кончается час благосклонности и на рассвете будет уже поздно каяться и делать признания...

В глубине зала, в нише за почерневшей решеткой, укрылись оба короля. У доброго короля Толстопуза начался от страха озноб; он тяжело дышал и ежеминутно хватался за рукав короля Цинамона. А тот, сломленный горем и неизвестностью, замер, прислонившись к решетке в ожидании показаний.

Трижды глухо ударил молоток о топор палача. Судьи встали. Два тюремщика подтолкнули Мышибрата к скамье. Из коридорчика показался человек гигантского роста, подпоясанный алым фартуком, чтобы на нем не было видно крови осужденного. Он положил тяжелую ручищу на плечо Мышибрата и ехидно засмеялся.

«Конец мне», — подумал в отчаянии кот, угадав, кто скрывается под черной маской палача.

С давних времен никого в Тютюрлистане не казнили. Сварливых торговков водили в намордниках по улицам, а за мелкие провинности людей привязывали к позорному столбу и секли по обнаженным и порозовевшим от стыда ягодицам. Но теперь нужен был палач, который бы, не колеблясь, применил пытку: у виновного надо было вырвать признание. На это цыган охотно согласился.

Натягивая рукавицы, он скрежетал зубами и мял свою черную бороду.

В сыром воздухе подземелья трещала сосновая лучина, и две восковые свечи бросали неверные отблески на капюшоны склоненных над бумагами судей.

— Мышибрат Мяучура, рожденный от матери Серошерстки и отца Мышелapa в местности Большая Мельня, обвиняется в похищении королевны Блаблации Виолинки. Соучастниками его в этом позорном деле были: петух Мартин Пыпец и лиса Хитраска. Похищение было совершено с целью получения

выкупа. Все показания дал под присягой хозяин цирка Мердано. Признается ли обвиняемый во всем этом?

— Нет! — крикнул охваченный ужасом кот. — Все это неправда!

— Обвиняемый осмеливается утверждать, что он невиновен?

— Да! Светлейшие судьи!

— Кто же является похитителем, знает ли его обвиняемый?

— Да.

— И может назвать его?

— Да! — смело ответил Мышибрат.

В тишине слышно было громкое сопение палача, жующего в бешенстве кончик бороды. Укрытый за решеткой король Цинамон так стиснул руки, что затрещали пальцы.

— Ну, а кто же это? — спросил насмешливо судья.

Мышибрат подумал. Потом он медленно повернулся и, вытянув лапку, указал на побледневшего палача:

— Это он, цыган Нагнётот!

Воцарилось исполненное ужаса молчание, и только с шипением взлетали и гасли искры.

Палач пожал плечами и нетерпеливо обернул прядь бороды вокруг указательного пальца. Вздых облегчения вырвался из уст судей.

— Поскольку обвиняемый упорно отрицает вину и пытается направить следствие по ложному пути, суд считает необходимым для выяснения правды применить специальные меры.

— Пытать его! Пытать! — заорал палач и дал знак помощникам, чтобы они подтащили осужденного.

Мучители вмиг разложили кота на узком столе, привязали к скобам передние и задние лапки.

Пищали летучие мыши, ударяясь о своды, с которых капали фиолетовые капли... Лекарь в длинном напудренном парике щупал пульс у обвиняемого.

Дернув Мышибрата за усы, палач разжал его стиснутые челюсти и впихнул несчастному в пасть кожаную воронку со следами зубов — ее грызли в бессильной ярости те, кого прежде подвергали этой пытке. Напрасно Мышибрат пробовал выплюнуть воронку, она доставала ему до самого горла. Глаза

Мяучуры вылезли из орбит; со страхом он следил за суесящими неподалеку помощниками палача. Его беспокойно бьющееся сердце было полно решимости сохранить верность друзьям, не выдать их убежища. Они погибли бы, их тотчас выдали бы цыгану, которому удалось обмануть даже судей. За благородное дело, за освобождение королевны кот готов был идти на смерть. От ужаса шерсть у Мышибрата стала дыбом. Однако его не покидала уверенность, что петух и Хитраска доведут дело до конца. Истина восторжествует, цыгана покарают, жаль, что его, кота Мышибрата, уже не будет. Только горсточка белых костей сохранится под замшелыми плитами подземелья. Коту стало очень горько, по его усам ручьями потекли слезы.

Лекарь достал большие часы, тряхнул ими несколько раз и, убедившись, что их ход верен, дал знак — пытка началась. Помощники подали палачу жбан с молоком. Неожиданно Мышибрату показалось, что его душат. Он захлебывался, пена появилась на краешках губ, несколько капелек брызнуло из носа. Он вынужден был глотать.

«Ну, этим трудно меня сломить», — улыбнулся кот про себя. Но жбаны быстро сменяли друг друга. Прохладная жидкость лилась потоком в горло. Дико вращая глазами, цыган с удовольствием следил за искаженным от боли лицом несчастного. Живот кота вздулся, точно шар; теперь Мышибрат стал ощущать каждый нерв в своем желудке, казалось, еще один глоток — и он лопнет, и ненавистное молоко брызнет из него фонтаном. А в воронке все булькало и булькало.

«Прощайте, друзья, прощай, солнышко», — подумал кот, слабея. Лекарь почувствовал неровный пульс и велел прекратить пытку.

Воронку вынули из пасти. В глаза плеснули водой.

— Ты будешь говорить правду? — спросил судья.

Мышибрат кивнул головой.

— Кто похитил королевну Виолинку?

— Цы... ган На... гнё... ток... — прошептал Мяучура.

По пергаменту закрипели перья протоколистов.

— Да ведь это закоренелый преступник, — шептали судьи. — Ничего не поделаешь, попробуем колесо, нужно сломить это упорство...

И началась пытка на колесе.

Из угла выволокли ржавую машину, которая уже несколько веков не была в употреблении. Нагнёткок ловко привязал хвост кота к канату, лапки приковал скобами к стене. Конец каната был переброшен через деревянное утыканное гвоздями колесо. Цыган начал крутить рукоятку. Лязгнули механизмы, завертелись шестеренки, и зловеще запищало не смазанное с давних времен колесо: «Чирп, чирп, чирп!»

Мышибрат стонал, он почти повис в воздухе. Большое колесо медленно вращалось, натягивая канат. Лапки кота страшно болели, пот каплями выступил у него на лбу. Он ощущал в натянутом хвосте каждую косточку, казалось, еще одна секунда — и хвост будет вырван из места своего постоянного пребывания. Стоявший рядом помощник палача, сочувственно потягивая носом, смачивал Мышибрату мордочку влажной тряпкой.

— Хвост, — стонал Мышибрат, — вы вырвете мне хвост!

Судьи молчали, слышны были только хруст хрящей и скрежет машины.

— Я не могу на это смотреть, — шепнул король Толстопуз, — может быть, мы прекратим пытку...

— Если не можешь смотреть, закрой глаза, — прошипел король Цинамон, — должны же они, наконец, добыть из него правду!

— Ваше превосходительство, — обратился вдруг палач к судье, — могу ли я задать этому негодяю один вопрос?

Судья утвердительно кивнул. И тогда Нагнёткок с издевкой в голосе сладко заговорил:

— Мы уже знаем, Мышибрат, что ты не виновен, но скажи, может быть, капрал Пыпец принял участие в похищении королевны, может быть, он нарушил закон и тем самым смял и изорвал в клочки привилегии вольных граждан?

Истерзанный Мышибрат молчал. И тут Нагнёткок ударил кулаком по натянутому, как струна, хвосту.

— Мяууу, — заорал по-кошачьи несчастный.

— Он признался, — крикнул победоносно палач. — Говорит, что смял! А если у петуха клюв в пуху, то и этот пройдоха

виноват и Хитраска, потому что это неразлучная тройка друзей.

— Смертная казнь, смертная казнь, — забормотали судьи, ставя крестики на пергаменте.

Веревки ослабили, и Мышибрат бессильно опустился на влажные плиты.

— Именем короля Толстопуза суд приговаривает к смертной казни похитителя детей — Мышибрата Мяучуру, а также заочно лису Хитраску и петуха Мартина Пыпеца. Всякий, кто настигнет преступников, может их безнаказанно убить. Приговор над вышеупомянутым Мяучурой должен быть приведен в исполнение на рассвете!

Хлопая пюпитрами, судьи покидали зловещее подземелье. Тюремщики оставили посреди зала полумертвого Мышибрата. Король Толстопуз утешал отчаявшегося короля Цинамона:

— Потерпи, мой дорогой, может быть, завтра он проболтается, и мы нападём на след...

Король Цинамон молчал, но крепко сжатые губы и нахмуренная бровь свидетельствовали о том, что в его душе назревает грозное решение.

В подземелье с шипением догорала лучина и переливались последние капли, звеня о стекло клепсидры.

НОЧЬ ОЖИДАНИЯ

Дольше Пыпец уже не мог выдержать одиночества. Сидеть в ожидании у открытого окна ему становилось невозможно. Капралу казалось, что он скорее что-нибудь узнает, если сядет поближе к входной двери. И петух сбежал по винтовой лестнице вниз, в главный зал.

Седой дым поднимался из трубок, окутывая лампы. В уютных нишах, под расписными сводами, попивая золотой мед и рубиновое вино, болтали друг с другом рыцари, приезжие купцы и горожане. Капрала Пыпеца тотчас пригласили в компанию. Сквозь толстые стенки стакана искрилось алое вино. Петуха охватила дрожь при мысли, что такой же цвет имеет кровь его лучшего друга и товарища, которую завтра, быть

может, прольет палач. В ожидании козла он не спускал глаз с двери. Но вот друзья по старым походам начали чокаться с ним, они весело побрякивали, хлопали его по плечу. Что было делать? Капрал порядком выпил и, верно, в иное время забыл бы про все заботы. Но теперь беспокойство за попавшего в беду друга не позволяло ему отдаться бурной беззаботности медвяного хмеля.

В тщетном ожидании городских новостей он прислушивался к разговору двух пьяниц. Оба они были из числа тех мошенников и бахвалов, которые, взяв у короля вооружение и деньги на дорогу, выезжали за заставы и в ближайшей кормче пропивали и дукаты и коней. Потом они пешком возвращались в замок, рассказывали о своих приключениях и клялись: «Мы уже напали на след похитителей». Обманщики показывали синяки и шишки, полученные оттого, что где-то, задремав от крепкого вина, они свалились с лавки. Пройдохи плаксиво жаловались, что на них напали, ограбили и что в драке они едва не заплатились жизнью, защищая королевну! Но, получив новое снаряжение и набив дукатами мошну, изобретательные прохвосты мгновенно исчезали, и даже лучшие полицейские собаки, несмотря на тонкий нюх, не могли найти их следов, затерявшихся среди ароматов подогретого вина, соленого миндаля и подрумяненных на вертеле шашлыков. Потом гуляки появлялись в сумеречный предрассветный час и, поддерживая друг друга, брели пьяной толпой по улице. Старинная песня, превозносящая вино выше всех прелестей жизни, будила крепко спящих горожан. Прежде чем сбегались стражники, они уже пропадали в таинственных погребках, и лишь откуда-то из-под земли, из-за обитых железом дверок долетал на улицу мелодичный звон бокалов и бульканье вин, льющихся из жбанов.

Петух дрожал от возмущения; если бы у него были деньги и снаряжение, то цыган давно бы уже сидел за решеткой. А тут его самый близкий друг, благороднейший из котов, может заплатить жизнью... Непроизвольным движением петух осушил кубок, и в голове у него тотчас прояснилось. Он старался расслышать шаги на опустевшей улице, но лишь холодный

ветер свистел в щелях.

Везде было темно и тихо.

Не обманул ли козел?

Теперь у капрала не осталось ни гроша денег. Он уже не видел никакого спасения. Небо засеребрилось на востоке, ночь близилась к концу.

Петух невольно прислушивался к тому, что говорил, бойко размахивая руками, толстый рыцарь; глаза рассказчика напоминали поджаренные на сковородке яйца.

— Я встретил его за этой рощей. Сердце у меня ушло в пятки, я подумал, что сама смерть едет ко мне: на тощем полысевшем скакуне худой, как жердь, наездник в черных доспехах; за ним следом, ударяя голой пяткой в ослиный бок, толстый оруженосец.

— Эй, куда вы? — кричит грозно рыцарь.

— По королевскому приказу, — отвечаю я, подмигивая, потому что я уже догадался — он тоже ищет похитителя. — Я напал на след, он ведет к соседней кормче!

И тогда он мне:

— Я знаю, где скрыта королева, ее стережет великан, — и тут он обратил ко мне свое грустное лицо, которое напоминало скорее лицо аскета, нежели рыцаря, и промолвил: — Следуй за мной!

— Я узнаю его, друзья, это безусловно он! Сам Дон Кихот, храбрый безумец, знают его от Гвадалквивира до Кошмарки! — воскликнул один из собутыльников, осушая кубок и потирая нос, похожий на раздавленный помидор.

— Слушай дальше, — успокаивал его яйцеглазый. — Мы протащились вместе часть пути. Почти на вершине холма вместо того, чтобы повернуть к трактиру, он, поправив шлем, который был похож на тазик цирульника, говорит: «Ты видишь его, видишь чудовище? Этого старца, вон там, с седой бородой?» Я клянусь ему, что не вижу, а он уже дает шпоры коню и, лязгая доспехами, мчится галопом. Я протираю глаза. Или я спятил или он... Потому что там, внизу, мельница, вода падает на колесо и вздымает белую пену. Мельник выбежал на крыльцо, приветливо машет рукой. А тому хоть бы хны — мчится что

есть духу! Да так и ахнул с конем в воду!

Я не мог сказать ни слова, а толстый оруженосец...

— Санчо Панса — подсказывает приятель.

— Да, да, именно так звали оруженосца. Рыдая, стоит на берегу. Я спрашиваю мельника: «Что это за река?» Он говорит: «Белкотка». — «Что за мельница?» — «Моя, — говорит, — Блажея Сита!»

— Бррр... Ты такие мрачные истории рассказываешь, — ворчит собутыльник, и его помидорный нос становится фиолетовым. — С этакой тоски мы все перепьемся.

Дрожащей рукой он наполняет чашу, вино льется мимо, стекает со стола в широкое голенище сапога.

— Ну, и он утонул?

— Да где там! Когда мы его уже оплакали, он всплыл среди водяной пыли весь облепленный водорослями. «Великан удрал от меня, — кричит он, — я его уже за бороду держал, но негодяй обернулся сомом. Зато я похитил его сокровище, смотрите, что я добыл!» Тут он потряс найденной на дне гитарой, внутри которой перекачивалась горсть улиток. Рыцарь тронул пальцем струны и с восхищением прислушался. Голос этой гитары походил на мяуканье кота, которому наступили на хвост.

У Петуха перед глазами встает искаженная болью мордочка брошенного в тюрьму товарища.

— Горе тебе, Мышибрат, — шепчет он дрожащим голосом, — нет для нас на свете справедливости.

Пыпец больше не силах слушать болтовню пьяной компании, он открывает дверь и выглядывает на улицу. Перед ним, словно бледный призрак, стоит в лунном свете козел.

— Принес?

— Принес!

— Давай! Наконец-то! Как я тебе благодарен, что ты пришел! — радуется капрал, пряча под крыло спасительный пузырек. Если это лекарство подействует, то на рассвете выпустят Мышибрата. Петух мчится вверх по лестнице через пять ступенек и вбегает в комнату. Козел трусит по улице, довольный, что ему не пришлось дать отчета в оставшихся сребрениках.

Хитраска уже натирает сонную Виолинку. На рассвете они побегут в замок. Все сияют от радости при мысли о счастливом короле и об освобождении Мышибрата, при мысли о мире между двумя поссорившимися народами, о награде, о наказании цыгана. Виолинка, гримасничая, засыпает, она тщательно укутана в одеяло. Лисица не может утомонить громко бьющегося сердца. В мехе, накинутом на ночную рубашку, Хитраска стоит с капралом у окна. Небо начинает серебриться; звезды бледнеют. Близок желанный день.

НОВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО КОЗЛА

Пробежав несколько домов в тихом переулке, козел нетерпеливо открывает пузырьки и мажет себе мохнатый лоб и бороду. Он тоже хочет удивить новый день великолепными рогами и достойной уважения золотистой бородой. Часы бьют четыре раза, и живущие в барометрах святые выходят из своих будок, они вытягивают ладони, чтобы узнать, не идет ли дождь, но на улице холодно и ясно.

— Эй, откуда ты взялся? — раздается неожиданно над ухом козла окрик проходившего мимо патруля.

Сладкие мечтания прерваны.

— Я, я... — начал, заикаясь, козел и выронил пузырек.

— Разумеется, ты... Что там было? — Стражник тронул ногой осколки. — Признавайся... — Вдруг, ударив себя по лбу, солдат завопил, словно его осенило: — Отвечай сейчас же, где капрал Пыпец и Хитраска?

— Я только что их видел здесь, в соседней гостинице, — ответил поспешно козел, соображая: «Патруль и так уже обо всем знает, только бы меня не били».

— Ну, тогда они в наших руках! Значит, цыганка верно отгадала, — он сделал знак, чтобы алебардники арестовали козла. И его, скованного цепями, повели в ратушу.

В эту самую минуту петух крался на цыпочках по спальне пушкаря Пукло, прислушиваясь к громовому храпу хозяина. Пыпец снял со стены огромный мушкет, проверил курки и подсыпал пороху.

— Что ты делаешь, сумасшедший? — дышала ему в ухо Хитраска.

— Если не на что будет больше надеяться, я застрелю каждого, кто поднимет руку на Мышибрата, — ответил петух прерывающимся голосом. — Уже объявлен приговор. Я займу заранее удобное место, и, как только появится палач, я в него — трах! — и дело с концом.

Прежде чем лиса сумела его удержать, он выбежал через кухню на двор и, крадучись, пошел через спящие сады мимо задних дворов.

— Боже мой, он с ума сошел, он с ума сошел, — прошептала побледневшая Хитраска. Видя, что Виолинка крепко спит, она набросила на голову какой-то платок и побежала вслед за петухом, чтобы удержать его от отчаянного шага. В это время дверь шумно распахнулась и с возгласом: «Руки вверх!» — в трактир вошел отряд алебардников. Все в испуге вскочили. Лишь несколько полупьяных гуляк, услышав топот и крики и увидев над собой лес дрожащих рук, подняли кубки, фальшиво напевая: «Многая лета, многая лета...» Но при виде нацеленных в живот пистолетов они уgomонились и затихли.

— Господа, соблюдайте спокойствие, — крикнул начальник отряда, — мы пришли не за тем, чтобы прервать ваше веселье; дело в том, что среди вас есть несколько опасных преступников. Мы должны схватить их!

Гуляки отрезвели и немного успокоились, когда узнали, что не их жены прислали этот патруль, но зато они с возрастающим недоверием стали приглядываться друг к другу.

— Преступники? Под моей кровлей? — изумился пушкар Пукло, спускаясь с лестницы в ночном колпаке. В руке он держал свечу, и воск капал с нее на подол длинной бумазейной рубахи.

Стража обыскивала комнаты. Петуха и Хитраску не нашли. Когда стражники ворвались в их номер, то увидели на кровати спящего человека, его лицо было прикрыто платочком.

— Это она, Виолинка, — прошептал офицер, поднимая девочку с постели. Но тут платок спал, и из-за него показалось заспанное лицо, покрытой буйной золотистой бо-

родой.

— Ах, простите, сударь, — пролепетал начальник стражи, — произошла ошибка.

Разгневанные солдаты ушли с пустыми руками. Один из них съездил по шее связанному козлу.

— Где только какое-нибудь грязное дельце, там ты обязательно приложишь копыто!

— Не бесей, не муучай, тебе же будет лучше, — застонал козел. И вдруг повеселел — ему показалось, что у него начинают отрастать рога. Козел еще не понял, в чем дело, и потому притворился огорченным, а сам внимательно следил за алебардниками.

— Смотрите, ребята, он седеет!

И верно, рыжеватая бородка козла становилась серебряной.

— Я ошибся, — простонал козел, теперь ему стало ясно: он перепутал пузырьки. — Жадность меня сгубила! — кричал он, вырывая клочья седых волос.

При виде отчаяния козла и его трагической седины стражники смягчились.

— На всякий случай мы запрем тебя, прохвост, — говорили они, подталкивая арестованного.

— Все пропало! — скулил Бобковита.

В утренней тишине по всему городу разносилось перестукивание молотков — это помощники палача сколачивали на рынке виселицу.

ПОД ВИСЕЛИЦЕЙ

Когда ранние лучи солнца пробились сквозь перистые облака, петух прикрыл крылом глаза и стал вглядываться в дымящуюся голубоватым паром черную пасть рынка. Над головой капрала носились ласточки. Мушкет он предусмотрительно прислонил к печной трубе.

На площади было полно зевак; рынок выглядел так, будто его замостили головами. Кое-где, словно трава среди камней, развевались страусовые перья городских модниц. Порой поднимался шум, толпа волновалась и вновь затихала. Осужденно-

го еще не привезли. Около ратуши стояла простая двухколесная повозка, запряженная черной лошастью.

Внезапно с пронзительным скрипом открылись ворота ратуши. Оттуда выскочили алебардники и, растолкав толпу, освободили проход. И вот петух увидел Мышибрата, бледного и похудевшего, но с гордо поднятой головой. Мяучура твердым шагом взошел на ступени повозки. Вдруг Мышибрат покачнулся (у него были сзади связаны лапки), и тогда тюремщик грубо подтолкнул кота и захлопнул дверцы. Под пронзительные крики повозка двинулась с места. Она объехала вокруг площади. Густая толпа с трудом расступалась перед бегущими алебардниками и тотчас смыкалась за повозкой. Все напирало, стараясь разглядеть преступника. Горожане грозили кулаками и орали: «К ответу похитителя детей! Смерть извергу!»

Хитраска закричала: «Пощадите невинного! Он...» Но толпа не желала слушать о помиловании, она бушевала: «Смерть ему, на виселицу!»

Петух схватил мушкет и прицелился в палача. Нагнётюк в красном кафтане с ехидной улыбкой смазывал петлю пером, смоченным в прованском масле, чтобы покрепче затянулась веревка. Повозка остановилась, и кот взошел на помост, обитый черным крепом, траурную материю украшала изящная вышивка шелком — две скрещенные кости.

Наступила глубокая тишина. Был слышен шорох крыльев голубиных стай, парящих в потоках утреннего солнца. Осужденный поднял голову, посмотрел на синее небо, и две чистые слезы скатились по его щекам. Вся его молодая, покошачьи статная фигура выражала мужество и презрение к смерти. Он обвел взглядом людную площадь, толпы горожан, отряды алебардников и группу судейских чиновников. Вдруг он увидел полные слез глаза Хитраски. Тогда он повернул голову и кивнул в сторону цирка, точно хотел сказать: «Не беда, что я умру! Помните, там наш враг, и его нужно одолеть!»

Мышибрат спокойно встал на скамеечку. На шею ему набросили петлю.

Капрал Пыпец, взяв на мушку палача, выстрелил. Глухо стукнули курки. Огня не было. От обильно пролитых слез порох и курки отсырели. Как еще можно было спасти друга?

Петух выпустил из крыльев оружие; грохоча по черепице, мушкет скатился по крыше и застрял у водостока.

Палач выдернул скамеечку — тело Мышибрата вытянулось, повиснув в воздухе.

Хитраска застонала и закрыла глаза. Через несколько мгновений она уже видела, как цыган небрежным жестом отряхивал рукавицы, будто хотел сказать: вот и готово! Над головой палача висела та же, что и вчера, афиша и новое объявление: «Цирк Мердано. Покупаю блох за самую высокую цену!» И все это было перечеркнуто ломаной тенью виселицы.

Вдруг поднялась суматоха. Все вокруг толкались, напирая на цепь алебардников.

— Сорвался! — кричала толпа. — Веревка лопнула!

Подскочил палач и поднял шатающегося Мышибрата. Затянув новую петлю, цыган ловким движением набросил ее коту на шею и опять выдернул скамейку. Но снова, прежде чем смерть заволокла мглой глаза осужденного, веревка лопнула!

— Это верный знак! — раздались голоса. — Он невиновен!

— Отпустить его, — закричали все. — Милосердия!

— Пробуем до трех раз! — буркнул цыган и уже готовился повесить Мышибрата в третий раз, но толпа, сбив с ног алебардников, пестрой и шумной волной затопила помост. Напрасно метался цыган — его сдерживали сотни рук. Пожилые дамы, красные от гнева, с визгом дубасили его зонтиками.

— Раз мы говорим, что он не виноват, так чего же ты, цыганское отродье, рвешься его повесить, — вопил какой-то разъяренный сапожник и изо всех сил лупил палача по физиономии.

Мышибрат тяжело дышал, склонившись на плечо Хитраски. Вдруг он почувствовал, как его нежно обнимают чьи-то лапки и на его щеки посыпался град быстрых детских поцелуев.

— Крестный отец, крестный отец, — услышал он радостный голосок. — Ты меня не узнаешь! Это я, молодой Мышак! Ведь должны же мы были тебя спасти. Достаточно ты натерпелся из-за своего доброго сердца. Сегодня ночью мы перегрызли все шнуры, пояса, подтяжки — все, на чем могли бы тебя повесить! — хвастался малыш, поблескивая черными глазками.

— О, мой дорогой мышонок! — воскликнул растроганный Мышибрат и, отирая слезы, прижал ребенка к бьющемуся сердцу.

Но времени для нежностей не оставалось. Воспользовавшись суматохой, царившей на площади, где горожане с треском ломали виселицу, Мышибрат и Хитраска помчались к воротам города.

А тулебцы неистово напирали, ликующий петух швырял черепицей, пытаясь попасть в торчавшую над толпой голову цыгана.

Меж тем растроганные горожане проводили Мышибрата до маленьких боковых ворот. Они подарили ему на дорогу узелок с провизией, из которой торчало горлышко завернутой в салфетку бутылки со сливовой настойкой, и велели как можно скорее уходить из города.

САМООТВЕРЖЕНИЕ ХИТРАСКИ

— Что же нам делать, друзья? — спросил петух, когда прошел первый порыв радости. — Нужно ее как-то выручать, — он указал на королевну. Лицо девочки было обвязано платком, словно у нее болели зубы, но и из-под платка ветер выдувал завитки буйно разросшейся бороды.

— Я уйду к любезным пчеловодам, — заявила Виолинка и грозно посмотрела на зверей.

— Славно ты выглядишь, — тяжело вздохнул Мышибрат.

— Как молодой разбойник, — покачала головой Хитраска.

— Беда беду родит... — начал петух.

— бедой погоняет, — угрюмо закончила лиса. — Я не уверена, знаете ли вы всю правду. Сегодня на рассвете король Цинамон покинул столицу, обещая вернуться со всей армией, чтобы предать огню и мечу эту коварную страну.

— Значит, начнется война?

— Да, мои друзья, это так!

— Слушайте, — сказал петух, — речь идет уже не о королевне — тут нужно спасти родину. Я не вижу иного выхода. Мы должны обо всем известить короля и задержать армию на границе.

— Но ведь он не узнает малютки...

— Отдадим ее такой, как есть... — петух поднял ободранное крыло и почесал свой седеющий гребень.

— На какие средства ты поедешь к королю? Ни провизии, ни лошадей, ни денег.

— Целых четыре рта прокормить нужно...

— Только не рта, а ротика, — обиделась Виолинка.

— А мы? — тихо запищали блохи Хитраски.

— Не шумите, детки, не вмешивайтесь в разговоры взрослых. Для вас никто не пожалеет горсти крошек. Вы любите меня хоть немножко?

— Всех вас мы страшно любим и никогда вас не покинем! Ох, можете на нас рассчитывать!

Стали сгущаться сумерки, а у друзей еще не было никакого плана. Напрасно Мышибрат морщил лоб, а петух почесывал гребень.

*Мчит дорогой колымага;
Глаз остер, надежна шпага,
Порох сух, взведен курок.
Эй, давайте кошелек! —*

напевала, маршируя по кругу, Виолинка и прицеливалась палкой в проезжающие кареты.

Еще час, и ворота закроют. Друзья останутся в темноте за стенами, около виноградников, никому не нужные и отвергнутые.

— Я совсем забыла, — воскликнула Хитраска, — ведь у меня в городе есть приятельница. Подождите одну минутку, — слышится уже издалика, — я скоро вернусь!

Ждут. Разве можно уйти без нее?

Мышибрат выстрегивает перочинным ножом красивый меч для Виолинки. Петух, обхватив голову крыльями, припоминает пройденные пути. Можно сократить дорогу, есть одна опасная тропа, она ведет прямо к границе через болото Утопленника.

На городских стенах начинают трубить. Заходящее солнце брызжет из медных труб пучками рыжих игл. Надвигается ночь. Что таится в ней под покровом темноты? Кто угрожает? Какие новые приключения ждут друзей?

Из-за кустов показывается Хитраска, она запыхалась, ее чепец сбился набок, на лице следы слез. Прежде чем друзья успевают спросить, в чем дело, она уже торопливо говорит, показывая на сумочку:

— Я принесла вам денег!

— Гип, гип! Урра! — кричит королева.

— Где ты их достала? — удивляется Пыпец. Но лиса не отвечает, она только показывает на тарахтящую по дороге крестьянскую телегу и говорит:

— Давай сядем! Нас подвезут немного!

Деревенский парень посадил друзей на охапку соломы, и телега с грохотом покатила под гору вдоль густой аллеи, пересеченной длинными голубыми тенями. Словно факелы, горели в лучах заходящего солнца вершины тополей.

— Ну и времена настали, — вздыхает крестьянин. — Вы слышали о том, которого сегодня вешали? Звали его Котуляк; говорят, он делал первосортную колбасу из детей. Палач ему набросил петлю на шею, а тот палача бух! Сорвался с веревки, повалил виселицу, город весь взбаламутил, да и убежал. Страшно вот этак-то ночью ехать... Но, малютки! — понукал он лошадок.

— Ты прославился, Мышибрат, — толкнул его в бок петух, — исполнилось твое желание, весь город о тебе говорит! Видишь, я не врал тебе насчет этого колодца.

— Отстань от меня. Очень мне нужна эта слава! Если бы я знал, что это за дьявольский колодец, то я бы площадь обходил за целую версту, — ворчит Мышибрат, потирая шрам на шее.

Уже совсем стемнело, когда друзья въехали в деревню.

Собаки лают, пахнет дымом и свежевыпеченным хлебом. Хозяйка приглашает в хату. На чистом льняном полотенце она ставит перед друзьями миску с молоком. Петух рассказывает о страшном похитителе и подмигивает Мышибрату, который недовольтно морщится. Поужинав, друзья отправляются спать на сеновал. Кот подходит к лисице и шепчет:

— Хитрасонька, вот тебе горсть крошек, мы-то наелись, а о твоих блошках совсем забыли.

— Не вспоминай о них, — шепчет, вздыхая и всхлипывая, Хитраска.

— Что же ты с ними сделала? — взволнованно спрашивает петух.

— У нее уже нет блох! — восклицает Виолинка, заглянув в мех лисицы.

— Я продала их, — признается со слезами на глазах Хитраска, — ох, как тяжело у меня на сердце!.. Но я это сделала для вас, надо же на что-то жить!

— Кому ты их продала?

— Цыгану, в цирк, ему не хватало блох, он вывесил объявление... Впрочем, крошки были на все согласны.

— Как ты могла! Как ты могла? — кричит Мышибрат.

— Такие хорошенькие, такие миленькие блошки, — плачет Виолинка.

Хитраска садится на солому и, оперев голову о стропило, начинает рыдать.

— Не упрекайте меня, — шепчет она, — ведь я это сделала для вас...

И петух понимает — это самоотвержение.

— Не плачь! Придет время, и мы их освободим, не огорчайтесь, ты наш верный друг, — говорит он, глядя ее кудри и целуя влажную от слез лапку.

ПОСЛЕДНЕЕ СТРАНСТВИЕ

Три дня пути сильно утомили друзей. После представления на рынке цыган тоже уехал из города, пустившись в погоню за зверями. Об этом им сказал один знакомый почтовый голубь, который летал к границе на разведку.

Капрал Пыпец все время подгонял друзей: «Родина в опасности — мы не должны щадить своих сил!»

Однажды в полночь, когда звери на минутку вздремнули — теперь они продолжали свой путь и ночью, — мимо, осветив неподвижные лопухи, промелькнули желтые огни фонарей. Скрежеща, скрипя и колыхаясь, вдоль канавы проехал цирковой фургон. Тогда друзья удалились от дороги и пошли тропин-

ками через молчаливые старые боры. Потом они вновь вышли на раскаленную ленту дороги. Теплая пушистая пыль пудрила их утомленные лица.

Иногда путники встречали нищих, бедных стариков и старушек, которые охотно вели их в свои лачуги, где на плите варился скромный ужин.

Кто давно уже не брился, а у петуха торчали колени из рваных и поношенных штанов. Меха лисицы был помят, к нему пристали солома и сосновые иглы — следы последнего ночлега. Элегантные башмачки Хитраска несла, перекинув их через плечо.

И только королевна не унывала; она выросла, и ее розовое личико румянилось сквозь золотистый пух кудрявой бородки.

Девочке нравилось бродяжничать. Она любила слушать рассказы товарищей у костра, опустошать кладовые белок и, шагая по обрызганной солнцем тропинке, будить задумавшиеся деревья радостными криками. Она пробовала научить эхо петь разбойничьи песенки, но эхо ничего не понимало; бессмысленно гикая, оно повторяло лишь последние слова.

Иногда кто-нибудь подвозил друзей или давал им провизии на дорогу. Иногда петух зарабатывал несколько грошей игрой на рожке.

Однажды днем они натолкнулись на грозных разбойников. Это были старые знакомые: Юлий Пробка — бывший поэт, который повесил лиру на гвоздь, променяв ее на более выгодное занятие — потрошение богачей; Гуляйнога, который радостно приветствовал зверей, салютуя из пистолета; и сам атаман Уголек, который накормил друзей сытным обедом и поклялся обезвредить цыгана.

— Мы подкараулим злодея, — обещал он. — Чтобы не пропустить его, я выставлю свой ус поперек дороги. Даже задремав, я очнусь, потому что лошадь заденет мой ус дышлом.

И друзья отправились дальше. Гуляйнога лежал под деревом, обмахивая свой пунцовый носище шляпой, и отгонял стаю бабочек. Словно паук в паутине, затаился в кустах Уголек, выставив ус на дорогу.

ЖЕРТВА МЫШИБРАТА

Когда было далеко за полдень, петух распорядился сделать привал. С утра друзья ничего не ели; они шли сквозь чашу едва заметной тропинкой, ведущей скорее к жилищу кабана или оленя, чем к хатам той деревушки, где они намеревались остановиться на ночлег. Мышибрат, опустив лапу в котомку, нашел там лишь горсть крошек.

— Этого, пожалуй, только для блох хватит, — сказал он и тотчас раскаялся в своих словах, потому что при каждом напоминании о своих питомцах Хитраска разражалась рыданиями.

— Вы думаете, что я буду питаться одной ежевикой? — крикнула Виолинка, утирая перепачканное соком личико.

— Нам попросту не везет, — ворчал петух, всматриваясь в гущу леса. — Деревни нет как нет...

Друзья двинулись в путь, их тени вытянулись далеко вперед, предвкушая близкий ночлег и ужин.

— У меня нет уже ни гроша, — шепнула Хитраска, когда они взбирались по песчаной дороге на пригорок.

— Хуже всего то, что нечего продать; мы пропадем, если нам не помогут добрые люди.

*Если в лес с зарей уйду я,
Ноги до колен сотру я, —*

начала, сопя, Виолинка; ей ужасно нравились стихи Пробки.

*Вот так мука, вот так страх —
возвращаться на руках! —*

закончила Хитраска.

Все рассмеялись. Махая узкими крыльями и вереща, над головами друзей кружились ласточки.

— Смотрите, ласточки!

— Что же тут особенного?

— Раз есть ласточки, должны быть и дома.

Прибавив шаг и миновав огромные, сонно вздыхающие поля клевера, друзья остановились на холме. Перед путниками сверкала речушка, над ней шелестели раскидистые вербы. До-

рога вела через мост и была перегорожена шлагбаумом, который кто-то украсил затейливыми лиловыми полосками. Чуть дальше виднелись зеленые домики городишка. Разрезая предвечернюю тишину, словно серебряная наковальня, звонил церковный колокол.

Звери перешли мост. Королевна не утерпела и бросила два камня в сонную воду.

Вскоре друзья разыскали трактир. Приоткрыв дверь, они слышали веселое бульканье супа в кастрюлях. Мышибрат потянул носом.

— Здесь и заночуем. Поужинаем, а утром — ищи ветра в поле, — шепнул коту Пыпец. Но, прежде чем друзья положили котомку на скамью, к ним подбежал хозяин и, подозрительно оглядев их залатанную одежду и запыленные лица, грозно крикнул:

— Хотя это харчевня третьего класса, но и она для вас слишком хороша!

— Дайте нам минутку отдохнуть и чего-нибудь перекусить, — просила Хитраска.

— Денежки на стол или вон со двора! — закричал трактирщик, массивным животом подталкивая друзей к двери. — Коли вам нечем платить, так марш в трактир «Под ста клопами», но я заранее вас предупреждаю, что их там гораздо больше.

— Что теперь делать? — огорченно спросил капрал Пыпец.

— Я голодна и хочу спать, — грустно и тихо жаловалась Виолинка.

Как раз в это время мимо проходил какой-то старичок. Его синие очки были подняты высоко на лоб, в широко открытых глазах отражалось ясное бледнеющее небо.

— Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? — спросил он.

Это был местный настройщик роялей и приходской органист Тимпан Звонящий. Он начал рыться в карманах и достал по очереди: табакерку, в которой ползала гусеница, два грязных клетчатых носовых платка, кусочек пиленого сахара, который старичок быстро спрятал, потому что это предназначалось для канарейки, как он тотчас же объяснил; три связки ключей, камертон, сломанную стамеску и перышко для смазывания оливковым маслом органичных труб. По мере того как росла эта куча, Тимпан Звонящий худел, и его можно было бы принять

за сбежавшую с партитуры ноту, если бы не седые волосы, спадавшие на хрустящий резиновый воротничок.

— Надежды, пожалуй, нет, а я хотел с вами поделиться...

Но тут он нашел дыру в кармане; исследовав ее направление и удостоверившись, что дыра соединяется с брюками, Тимпан снял ботинок, потом штопанный носок и с триумфом достал потерянный медяк.

— Это все, — грустно объявил старичок. Медяк он вручил петуху, а самый чистый из платков — Хитраске. — У меня больше ничего нет, — печально надулся органист и, заложив руки за спину, собрался уйти.

— Дорогой господин Тимпан, — удерживал его Мышибрат.

— Дорогой маэстро Звенящий, — ухватился за полы его сюртука петух, — может быть, за какую-нибудь работу... Дров наколоть, воды принести?..

Тимпан замечтался, подняв глаза к небу. Но вдруг очки соскочили у него со лба и уселись на носу, вернув старичка к земным делам.

— Вероятно, вы могли бы что-нибудь продать... Есть тут один старьевщик, вот там, — показал он, — где стучат огромные ножницы на ветру. Видите эту портновскую вывеску?

Органист сунул в карман платок и ключи. Он коснулся пальцем гусеницы в табакерке. Та покачала брюшком.

— Грози мне, грози, — улыбнулся старик, закрывая крышечку. — Дальше действуйте сами, — бросил он друзьям, засмотревшись на драку воробьев, которые собрались в лозах дикого винограда, пышно разросшегося на глухой стене дома.

— Пойдем, попробуем что-нибудь продать.

И друзья побрели к портновской мастерской, где на вечернем ветру щелкали ножницы, словно клюв хищной птицы.

Двери бесшумно отворились, на улицу высунулся мужчина с черной остренькой бородкой. На нем была старая жилетка; на шее — клеенчатый сантиметр. Мужчина криво улыбнулся друзьям одной половиной рта, потому что в другую половину у него было засунуто несколько булавок. Потертый сантиметр соскользнул с тонкой шеи и, обвивая руку, затрепетал в струе ветра.

— Меня зовут Лаокоон Фуляр, я — не обыкновенный портной. Не обыкновенный, — подчеркнул он, а сантиметр тем

временем зашевелился, начал ползать по земле, измеряя утомленные тени друзей.

— Может быть, вы купите куртку? — предложил петух, подталкивая Мышибрата, чтобы тот заслонил заходящее солнце, которое просвечивало сквозь продранные рукава. — Совсем новая вещь... — нахваливал он, бойко размахивая курткой.

— Это не для меня, — покачал головой портной, — но я купил бы кое-что у него, — и тут он указал на Мышибрата.

— Одежду, сапоги? — спросил удивленный кот, глядя, как сантиметр ползает по тени около его ног и снимает точную мерку.

— Я купил бы тень, — криво улыбнувшись, процедил сквозь зубы портной. — Я хорошо заплачу!

— А зачем вам моя тень?

— Ведь я уже говорил, что я не обыкновенный портной. О, если кто-нибудь разбогатеет и пополнеет... Вы подумайте только! Идет такой богач с брюхом, а тень у него еще со старых времен, худая да тощая, — просто срам. И тогда у таких, как вы, я покупаю тени, штопаю их, крою, переметываю. Вы и без теней обойдетесь, а люди зажиточные, известные должны иметь достойные себя тени. И они имеют их благодаря моему волшебному портновскому искусству.

— Не продавай, — пискнула Виолинка, и ее тень прижалась к самым ногам девочки.

— Возьми мою, — предложил петух, — прямую солдатскую тень.

— У тебя слишком стара, а у лисички изношена по бокам; годится только твоя, славный кот! Ну, соглашаешься? Даю дукат золотом!

Мышибрат задрожал. Он почувствовал на себе вопросительные, тревожные взгляды друзей.

— Нет, Мышибрат, — шепнула Хитраска, — она была с тобой с самого рождения, всюду верно следовала за тобой, не отдавай ее. Пусть лучше голод и ночлег в канаве...

— Сегодня выдержите, а завтра? — засмеялся портной. — Затягивая пояс потуже, не прибавишь сил. Вам предстоит долгий путь. Посмотрите, как вы измучены и слабы.

— Ничего нам не надо, не верь ему! Мы еще и не то

выдержим, думай только о себе, Мышибрат, — пробовали улыбнуться Хитраска и Пыпец, но это были жалкие попытки. Мышибрат посмотрел на худую мордочку лисицы, на впалую грудь петуха, и сердце у него защемило.

— Бери! — крикнул он, отворачивая голову.

Лаокоон Фуляр встал на колени, разгладил тень ладонью и пришил ее несколькими булавками, потом свистнул. Сантиметр пополз вверх, оплетая бедро портного, и со вздохом облегчения исчез в кармане. Налетел порыв ветра, ножницы сами соскочили на землю и, алчно скрежеща, начали резать тень у ног Мышибрата. После чего они звонко звякнули и, сверкнув лезвиями, повисли над вывеской.

— Это хорошо, что ты решился сейчас — в это время дня тень длиннее всего: она растет перед закатом, выходя навстречу ночным теням. — Портной сунул дукат Мышибрату в лапку и пропал в темной внутренности мастерской, держа в руке сверток более тонкий, чем рулон черного шелка.

— Я самое несчастное из существ, — сетовал бедный кот, — у меня нет даже собственной тени... Впрочем, это чепуха, зато у вас будет хороший ужин и отдых.

— Дорогой друг, верный товарищ, заслужили ли мы такую жертву! — шептали взволнованные звери, обнимая и целуя Мышибрата.

Ярко светило заходящее солнце, когда друзья поднялись на ступеньки трактира. Виолинка внимательно посмотрела на Мышибрата. «Смотрите, — крикнула она, хлопая в ладоши, — смотрите и удивляйтесь!» И действительно, рядом с их длинными вытянутыми тенями на побеленную стену падала куцая и кривая тень Мышибрата, похожая на тень мыши.

Когда друзья ложились в эту ночь на перины и петух, шлепая ночными туфлями, напевал колыбельную песню сыну, заточенному в яйцо, никому из них в голову не пришло, что это была последняя ночь, которую они проведут вместе. Друзья говорили о многом и радовались тому, что Блаблация уже близко.

Чтобы скорее попасть туда, оставалось пройти через Скупницы, через пуши Столесья, а там и граница.

ХИТРОСТЬ ЦЫГАНА

Рано утром окрыленные надеждой друзья двинулись в путь. На оставшиеся деньги они накупили запасов, которых им должно было хватить до постоянного двора Завтрака. Там они намеревались отдохнуть и подождать, пока появится король Цинамон с войском. Но в Скупцах их обступила толпа сорванцов.

Кто бы видел?

Кто бы слышал?

Кот-котище

С тенью мыши! —

дразнили они Мышибрата и бежали следом визгливой надоедливой стаей.

— Брысь! Камнем его! Сломайте ему ходули!

Засвистели камни.

Виолинка огрела ближайшего мальчишку палкой по уху, да так, что тот присел. Но остальных это не устрасило. Когда петух грозно прикрикнул на них, поднялась суматоха, из хат сбежались крестьяне.

— Я узнаю их, — вопил Грошик, сняв с губ замок, — это приятели тех негодяев, которые каждый год обворовывают нас!

— На дерево их! — заревела толпа.

Увидев веревочную петлю, Мышибрат стал улепетывать, звери поспешили за ним.

Скряги упорно гнались за друзьями, размахивая палками. Только попав в лес, звери могли замедлить бег и отереть пот с мордочек.

— Я бы расправился с этим сбродом, если б не боялся за Виолинку, — сопел Мышибрат.

— За меня не беспокойся, я бы им устроила такую баню, что они помнили бы меня до самой смерти, — грозила королевна.

— Тихо, тихо, — умолял петух, прижимая крыло к тяжело бьющемуся сердцу.

— Боже мой, — крикнула Хитраска, — они оборвали у меня котомку! Пропали наши запасы...

— Хорош сюрприз, — простонал петух.

— А у этого все сюрпризы в голове, темная птица, —

обрушилась на петуха Виолинка.

— Я говорю «хорош сюрприз» в другом значении, — проворчал Пыпец, — в смысле «неприятность» — вот и все...

— Тогда говори яснее!

— Не злись!

— Тихо! — крикнул капрал, прислушиваясь; ему показалось, что к ним приближается повторяемое деревьями громыхание какой-то повозки. В этих лесах трудно было надеяться на приятную встречу.

— В довершение ко всему, кажется, цыган, а? — покрутила носом Хитраска.

— Были цветочки, а теперь — ягодки, — мяукнул Мышибрат.

— А у этого ягодки на уме! Я и без того есть хочу, как собака!

— Скажи, — обратился кот к капралу, — что она ко мне прицепилась?

— Постыдитесь, перестаньте ссориться!

— Хитраска! Виолинку за руку и скорей на опушку. Я пойду впереди, а Мышибрат — в арьергарде! Слышите, как забеспокоились птицы, будьте начеку!

— Боже мой! Такая утрата, что мы будем теперь есть?

— Чего ты ноешь? Какая там утрата! Виолинку мы не потеряли, у меня целы рожок и яйцо. И Мышибрат с нами.

— Действительно, друзья, когда я в вашей компании, мне ничего не нужно больше, чтобы чувствовать себя счастливым. Хоть мы иногда и ссоримся, но я бы душу за вас отдал, — мурлыкнул кот, ступая по мягкому мху.

Сделав несколько шагов, друзья увидели на придорожном камне маленького мальчика в красном беретике; он горько плакал.

— Что с тобой случилось, малыш? — спросила Виолинка, привстав на цыпочки и расправив внушительным жестом бородку.

— Страшное несчастье, — зарыдал мальчуган, — страшное несчастье!

— А кто ты такой?

— Я Красная Шапочка, и час тому назад волк проглотил мою бабушку. Спит этот волк неподалеку отсюда, и, если у вас есть перочинный нож, мы распорем ему брюхо, бабушка вый-

дет оттуда — и все будет в порядке. Пойдемте скорее!

— Пыпец, Мышибрат, нужно спасти бабушку!

— Я кое-что слышал об этой истории. Хотя никогда не думал, что мы столкнемся с этим делом вплотную. Но послушайте! Ведь Красная Шапочка была маленькой девочкой!

— Девочкой? — удивился малыш. — А мне папа говорил, что это был мальчик.

— А где твой папа? Ты можешь его позвать? Он, наверное, не побоится этого волка?

— Мой папа ничего не боится!

— Не может быть, — притворно удивилась Хитраска.

— Он справляется с самыми страшными зверями... Эх, если бы вы видели его блох! — начал горячиться мальчонка.

— А может быть, мы все-таки его знаем? — расспрашивала Хитраска.

— Откуда же? — прошептал мальчик, опустил глаза и покраснев.

— Слушай-ка, твой папа — такой маленький человечек с головой гладкой, как яйцо?

— Ну что вы? Косая сажень в плечах, борода и усы по пояс!

— Бежим, братья, это цыган Нагнётот!

— Держи их, Кляпон, каналья, лоботряс, бездельник, — заорал цыган, выбегая из орешника, — он лежал там, укрывшись под зонтиком папоротника.

Но наши друзья уже ринулись в лес и скрылись в зарослях. Тяжело дыша, они бежали едва заметными тропами, по которым лесные звери ходят на водопой к реке Кошмарке, через болото Утопленника.

Издалека к ним донесся громкий плач Кляпона.

— Ты что же это, родной сын, даже врать не умеешь?! Разве вырастет из тебя порядочный мошенник? — тряс Нагнётот мальчишку, схватив его за горло.

Сняв с пояса ремень, он стал лупцевать сына. И долго потом сороки, летающие над верхушками деревьев, злорадно стрекотали:

*Наш Нагнётот бил мальчишку,
бил мальчишку,
чик!*

*А мальчишка плакал громко,
плакал громко,
хнык!*

НА БЕРЕГАХ КОШМАРКИ

Над лесом нависла душная гнетущая тишина полудня. Нагретая хвоя источала дурманящий запах; рябины на полянах примеряли коралловые бусы, а лесные орехи были полны мягкой и терпкой ваты.

— Мне уже надоело слоняться по этим дебрям, — расплакалась Виолинка. — Если бы вы знали, как мне хочется пить!

— Мне кажется, где-то шумит вода, — шепнула Хитраска, прислушиваясь.

— Это не вода, это лес...

— Пройдем еще немного и увидим, — подбадривал друзей петух.

Сам он шел, тяжело волоча ноги. За дни скитания капрал сильно постарел и похудел, как щепка. Он часто отдыхал и, наклонив голову, круглым глазом всматривался в пустое небо, посыпанное серебряным пеплом.

Мяучура, высунув розовый язык, тяжело дышал.

— У меня отваливаются ноги, — ныла королевна, — понесите меня, хоть немного. Разве у вас не найдется сил для меня, для Виолинки?

— У этого ребенка каменное сердце, — шумели деревья, видя, как трое друзей, сплетя лапки и крылья, шатаясь от усталости, несли тяжелую ношу по извилистым тропинкам.

Так друзья дошли до того места, где среди дикой чащи, поросшей конским щавелем, осокой, аиром и седой мятой, струит свои зеленые воды таинственная река Кошмарка.

Звери положили королевну под деревом. Ослабевший петух прислонил голову к стволу и стоял так, прикрыв глаза. Виолинка легла на спину и принялась срывать травинки; она жадно жевала их и тут же выплевывала. Вдруг королевна начала бить пятками по земле.

— Я хочу есть! — запищала девчонка. — Из-за вас я умру с

голоду...

— Не пожалел бы для тебя собственной крови, — шепнул петух.

— Она и вправду голодна, — мяукнул Мышибрат.

— Успокойся, детка, — гладила ее спутанные волосы Хитраска. Но Виолинка с силой отстранила зверей и крикнула:

— Вместо того чтобы стонать надо мной, ищите чего-нибудь для меня, бегайте, вынюхивайте... Ну, чего вы еще ждете?!

По щекам Хитраски скатились две слезы и упали на ручку королевны. И — о чудо! — там, куда капнула слеза, кожа побелела и выступило светлое пятнышко.

— Я хорошою, смотрите! — крикнула королевна. — Ах, если бы я могла, я бы тебя била, била... А потом выкупалась бы в твоих слезах и освободилась, наконец, от чар цыгана.

— О ужас! — прошептал Мышибрат, закрыв лапками уши. — Я не в силах тебя слушать.

Из-за деревьев показалась странная фигура. Это был худой и высокий старик в соломенной шляпе. Длинный сюртук табачного цвета и узенькие брючки делали его похожим на старый пень. Из всех его карманов торчали стебли растений; множество трав высывалось из высокой зеленой банки, которую он прицепил к поясу.

— Как ваше здоровье, путники? — приветливо спросил пришелец.

— Добрый день, — ответили оторопевшие звери.

— Не бойтесь меня; я изучаю загадки вечной природы, открываю тайны растений. Пойдемте, здесь неподалеку моя мастерская.

И тут друзья увидели домик из толстых бревен, прилепившийся к скале, словно ласточкино гнездо. Из расщелины, хихикая, струился ручеек. Шелестели серебристые тополя. А вдали журчала и манила в болота подернутая мглой таинственная река Кошмарка.

Около домика на узких грядках, подступая к самому порогу, росли хвощи, шалфей, ромашки. Казалось, что они сбежали со всего леса, чтобы как можно скорее открыть свои секреты.

Прежде чем ботаник дотронулся до ручки, дверь сама открылась, и изнутри пахло ароматом лугов. Это были уже не

запахи, а голоса тимьяна, мяты. В благоуханном цветочном разговоре слышались тихие вздохи лесных фиалок, красного корня и аира. Всем казалось, что они вошли в тот мир, который был знаком им с детства, но лишь сегодня он стал им понятен и заговорил с ними ласковым языком.

— Добрые растения сами рассказывают мне, какие лекарства можно из них готовить. Хуже с ядовитыми травами. — Хозяин показал на огромные серые листы бумаги; на них в беспамятстве распластались прикованные серебряными ленточками растения. Они выдавали тайну своих ядов лишь с последним одурманивающим вздохом. — Не подходите к ним! Они всегда стремятся навредить человеку; но если уметь с ними обращаться, то и они приносят пользу.

В углу комнаты, на большой плите, стояли бесчисленные реторты и стеклянные бутылки, над плитой висел большой кожаный колпак. В колбах поблескивали разноцветные жидкости. Пучки сушеных трав висели под потолком. На полке лежали похожие на стиснутые кулаки цветочные луковицы.

— Садитесь, — старичок подвинул гостям табуретки, разломил калач и в чашу с родниковой водой налил несколько капель из зеленой бутылочки. — Пейте смело, это вас подбодрит!

Друзья попробовали. Напиток освежил их, словно березовый сок в марте. Видя, как жадно друзья едят и с каким любопытством осматриваются, биолог начал рассказывать:

— Не одну ночь я провел над опытами, прежде чем собрал эту коллекцию, — он показал рукой на бутылки и баночки. — Меня называют Белокнижником, потому что легче поверить в чары, чем в разум, который открывает тайны природы. Смотрите, что я умею!

Он взял в руки колбу с надписью «Розарий»; в ней, на самом доньшке, виднелась горсть черного порошка.

Ученый подул из меха на покрытые пеплом углы, подбросил несколько смолистых щепок и поставил банку на огонь.

Изумленные звери следили за тем, как порошок начал кипеть, расширяться, и вдруг за стеклом густо расцвели розы, их чашечки напирали друг на друга, раскрывая атласные лепестки, и сладкое благоухание просочилось через пробку в комнату.

Но вот ученый снял с огня колбу, лепестки стали вянуть, морщиться, чернеть, пока, наконец, на дне колбы не осталась горсть звящего порошка.

— Маэстро, — воскликнул петух, — избавь от чар королевну!

Старичок посмотрел из-под нахмуренных бровей на Виолинку.

— Стоит ли ей помогать, подумайте; у каждого из вас есть свои заботы, вы так несчастны, а в зельях скрыта сила, которая может многое изменить!

«Ох, — подумала Хитраска о своей грустной доле, — мне уже надоело учить чужих детей, этих несносных сорванцов; я так бы хотела стать хозяйкой постоянного двора! Весь день я проводила бы в сверкающей медной посудой кухне и в кладовой, уставленной банками и мешками. Нет, — пробудилась она от мечтаний, — для себя я ничего не хочу, только бы излечить от чар эту малютку».

Ученый-ботаник улыбнулся ее мыслям.

— А ты чего бы хотел?

Петух провел крылом по седеющему гребню.

— Я тоже прошу за Виолинку, — сказал он, прижимая девочку к груди.

— И я, — мяукнул Мышибрат, но, когда ученый посмотрел ему в глаза, он начал быстро сметать крошки и изо всех сил сжал губы, боясь, что расплачется и знаменитый ботаник прочтет в его глазах весь позор проданной тени.

— Ну, а теперь посмотрим, что вам принесет будущее, какая вас ожидает судьба...

Взяв плоскую серебряную чашу, ботаник налил в нее родниковой воды. Потом закрыл окна. В комнате стало темно, лишь несколько лучей пробивалось в щели между бревнами да янтарные от смолы ветви искрились, точно золотистые зрачки волшебницы.

Четыре курительные свечи источали тонкие дымки, образуя в воздухе туманный занавес.

— Подойдите поближе!

Звери наклонились над водой; ученый ореховой веткой разгонял дым. Две мордочки, клюв и личико девочки, тесно прижатые друг к другу, отразились, как в зеркале.

Кругом стояла тишина, порой вздыхали только какие-то травы и верещали ласточки над крышей.

Сначала ничего не было видно, кроме голубоватого тумана и серебристого поблескивания воды, но, чем шире друзья открывали глаза, тем быстрее росло и увеличивалось пространство, пока, наконец, чаша не стала окном, через которое они выглядывали, полные желания узнать будущее.

С левой стороны виднелись ворота, сплетенные из молодых зеленых побегов.

Из-за этих ворот показались дети.

Это были розовые малютки, еще совсем крохотные. На ходу они постепенно одевались в платица и бежали, толкая перед собой разноцветные обручи, гоняясь за мячами; жеребята на длинных негнущихся ногах; ежи, похожие на клубки; лисенята; едва оперившиеся, желтоклювые птенцы неслись, окруженные облаком стрекоз и мотыльков. Внизу колыхалась волна трав, нехоженных, цветущих, зеленых. Вся стайка так быстро мчалась, что с трудом можно было разобраться в этой весенней суматохе. Но все продолжалось лишь мгновение. Девочки становились девушками, у мальчиков отрастали усы и бороды, они старели, толстели, горбились и с жестом облегчения пропадали за другими воротами, сплетенными из мака и желтых листьев.

— Вы видите меня? — воскликнул капрал Пыпец. И все различили бойкого петушка, гарцующего на деревянной лошадке. Неожиданно конь преобразился; он был уже настоящим скакуном, а петух — ветераном Блаблацкой войны. Прежде чем он исчез в маковых воротах, друзьям показалось, что он блеснул неподвижным крылом, подобно статуе, которую отливают из бронзы.

— Слава ждет тебя, капрал, — прошептал ученый.

— Хитраска, — пискнула Виолинка. Лисица с розовым бантом на хвосте бежала, покачивая ранцем с книжками. Ничего не было слышно, но по веселой мордочке все догадались — плутовка что-то весело напевает. Вдруг ноги ее стали заплетаться в длинной юбке — она подрастала. Нос вытянулся и заострился. Уверенным шагом дошла Хитраска до противоположных ворот, изящно переступила порог и исчезла.

— Мышибрат, Мышибрат, — шепнул петух. В толпе статных юношей промелькнул кот.

Цветы увядали, и наливались соком плоды. Кот, раскинувшись в богатой бричке и закрутив седой ус, въехал в маковые ворота.

— Обоим вам улыбнется судьба, жить будете в достатке, без забот, — объяснил ученый.

— А это я, это я! — заверещала Виолинка. В толпе детей появилась золотокудрая девочка. — Смотрите, какая я хорошенькая! — восхищалась собой королева.

Она хотела показать на себя пальцем и коснулась зеркала воды. Пошли круги — и видение пропало.

Над головами сгустился дым.

— Ну, — крикнул мудрый отшельник, — конец забавам! А знаете ли вы, как называется это зеркало?.. Воображение!

Друзья стояли с широко открытыми глазами. Чаша была обычной серебряной миской, а вода — водой. На столе догорали курительные свечи. У всех кружились головы.

— Что это было? — спросила Виолинка.

— Ворота слева — ворота рождения, ворота справа, где все исчезали, — ворота смерти, или ворота макового сна.

— А в середине мы видели всю нашу жизнь! — воскликнул петух.

— Жизнь, — улыбнулся ученый, — жизнь, которую создает наша воля и терпеливый труд... Однако пора вам помочь.

Из нескольких пузырьков он слил в один стакан какие-то настои. Жидкость запенилась. Ботаник подал стакан королеве.

— Выпей это, — сказал он, — не бойся.

— А я от этого похорошею? — начала препираться Виолинка. — И моя кожа побелеет?

— Не разговаривай, пей! Сначала нужно подумать об отравленном сердце, а потом можно позаботиться и о красоте.

Виолинка выпила.

Неожиданно с ее груди сошла тяжесть, она вспомнила свои прежние капризы, те минуты, когда она была несносной и неблагодарной. Потом девочка подумала о терпении и доброте

своих спутников. Пробужденное сердце заболело. Из-под густых ресниц на ее смуглые щеки брызнули слезы. Яд чернокнижника улетучивался. Девочка почувствовала, что в ней наступает перемена. Виолинка вновь стала доброй.

— Спасибо тебе, — прошептала она, прижимаясь влажным от слез личиком к жилистой руке ученого.

— А теперь мы покончим с этим маскарадом. — Он провел лезвием аирового меча по бороде, словно сбривая ее. И — о новое чудо! — золотистые завитки опали, но, прежде чем они коснулись земли, влетевшие в открытую дверь ласточки схватили их в клювы. Они уносили этот пух, чтобы выстлать им гнезда. Королевна стояла, открыв рот от изумления. Ее слезы внезапно высохли.

— А когда я похорошею, — спросила она, — папа узнает меня?

— Это уже от тебя зависит. Я пробудил твое омертвевшее от чар сердце; оно тебе подскажет остальное.

— Ты наш спаситель; я не знаю, как тебя и благодарить, — начал петух, но ботаник только махнул рукой, прервав его речь.

— Не меня благодарите, а эти мудрые растения, поведавшие мне свои тайны.

Несколько ласточек, посвистывая, ворвались через открытые двери и уселись на стропилах под потолком.

— Мышибрат, — вдруг заговорил мудрец, — мы сейчас прогоним твои заботы — я вижу, они не дают тебе покоя. Смотри, — и он снял висевшую на стене скалку. Потом ученый опустился на пол и схватил лоскуток тени, это смехотворное подобие мыши, начал растягивать и разминать ее. Натертая косматыми листьями коровяка, тень вытягивалась и росла. Она уже была такой, как прежде, но ботаник не прекращал своей работы.

Петух, наклонив голову, в изумлении следил за ним. Виолинка взвизгивала от восхищения. Отшельник поймал несколько солнечных лучей и вплел в эту новую огромную тень золотую ленту. Вздвигив шерсть, Мышибрат смотрел, как с каждым движением его тела по стене передвигается полосатая тень тигра.

— Ну что? Теперь ты доволен? — улыбнулся ему ботаник, выпустив из кулака остаток пойманных лучей.

— Ты самый великий в мире ученый, — мяукнул Мышибрат и подпрыгнул от радости. Его полосатая тень бесшумно изгибалась по стене, пугая щебечущих ласточек.

— Я покажу вам кратчайшую дорогу до границы. Вам пора в путь.

— Мы не проберемся через чащу, — прошептала Виолинка, — ежевика так царапается!..

— Не бойтесь... Смотрите, вот здесь проходит тропинка, — и ботаник указал на открывшийся вдруг между стенами бора просвет. Под сводами деревьев было темно и сыро, но далеко-далеко друзья увидели белую ленту дороги и плывущие в солнечном небе облака.

— О, да ведь тут легко пройти! — крикнула Хитраска.

— Спасибо тебе за исцеление, спасибо за доброту и ласку, — звери крепко жали ему руки.

— Идите спокойно.

Хотя некоторое время ученый неподвижно стоял, глядя им вслед, его фигура расплывалась и исчезала, тая среди деревьев. В последний раз блеснул берестой седой волос и сверкнули голубизной глаза, словно смеющийся в зелени родник. Когда друзья прошли еще немного, они увидели, что лес закрывается за ними, точно книга. Просвет смыкался, в гуще ветвей пел птичий хор, травы струили пьянящий запах.

Друзей охватила необыкновенная радость. Вместе с лучами дневного солнца их сердца наполнили покой и вера в быстрый конец тяжелых странствий. При взгляде на Виолинку, такую же некрасивую, как и прежде, но все же изменившуюся и полную какой-то внутренней прелести, глаза взволнованного петуха подернулись влагой, он схватил рожок и начал играть старые военные песни. Изумленные деревья зашумели, а птицы только посвистывали от удивления. Петуху подпевали его друзья, и среди их веселых голосов особенно выделялся дискант Хитраски:

Ехали драгуны на Блаблацию... —

или старинная песня разлуки:

*Милая, рожок поет,
Бутерброд не лезет в рот,*

*Ах, прощай!
К седлам пригнаны колбасы,
Ротный в гневе — дай припасы,
Едем в дальний край!
Возвращусь я знаменитым,
С орденами, с аппетитом —
Лавром увенчай!*

Вы знаете это время... Небо становится мягче и ласковее, в безветренную полуденную пору плывут в лазури, тихо шелестя, сбитые из сухой пены сентябрьские облака. Внизу тучные деревья колышут листвой. Минуло уже время бутонов, цветов, жадного роста веток. Соки загустели и текут лениво. Лес пахнет увядающими травами и влажной листвой. Земля созрела для жатвы и отдыха.

Петух останавливается. Лес кончился. Дорога, петляя, сбегает вниз. Там, в долине, пастушьи дымы косыми струями поднимаются в небо, синие окна озер просвечивают среди рощ — там уже граница.

Где-то в этой дали, прислушиваясь к стуку повозок, фырканию скакунов, стоит постоянный двор «Под копченой селедкой». Набежавшие со всех сторон подсолнухи протягивают к солнцу свои золотые чаши. Хозяин постоянного двора Завтрак, выйдя из дверей, поглядывает на печную трубу: по первым искрам, вылетающим из дымохода, он навораживает себе множество гостей. И все это далеко, далеко...

А тут, вблизи, вправо через журчащий по камням ручей, извилистая дорожка ведет по березовому мостику на высокий холм. На самой его вершине, за усеянной бойницами стеной, среди деревьев поблескивают тусклые купола монастыря братьев Горемык.

ЧАРЫ ИСЧЕЗЛИ

Монастырский привратник приникает глазом к замочной скважине и смотрит на дорогу, не видно ль там пилигримов. Заходящее солнце сыплет золотую пыль в

его слезящиеся глаза. Но вот брат Кампанулий дергает за веревку. Маленький колокольчик начинает петь. По всему монастырю раздается стук деревянных сандалий. Отец Живокость покидает свою аптечку с сушеными травами, а отец Чернилий вытирает гусиное перо и посыпает песком исписанную страницу хроники. Дневная работа окончена. А колокольный звон все плывет по небу, витает среди птиц и белок, развесивших свои пушистые хвосты на вершинах монастырских кедров.

Старый капрал распорядился сделать привал. Друзья видят, как из долины к ним приближается кто-то в черной рубашке, темноволосый и курчавый. На спине он несет шарманку, на шарманке сидит попугай. Хитраска приподнимается на локтях и говорит: «Смотрите, какой-то шарманщик!» Нашим друзьям знакома буйная итальянская шевелюра и цветастый галстук. В подернутых поволокой глазах артиста отражается очарование тихого вечера. Приятная улыбка раздвигает его толстые губы, и он изящно кланяется.

— Где ты бывал, Черный Баран? — спрашивает его капрал.

— Здесь играл, там играл, господин мой милостивый, — отвечает баран, устанавливая шарманку на палке.

Как это всем известно, бараны — самые музыкальные животные, даже в своем теле они скрывают неистошимые запасы гармонии — это знаменитые бараньи кишки.

Баранелло начал крутить ручку. Поплыл ласковый, как струйка дыма, старинный блаблацкий вальс. Под звуки этого вальса шумели кринолины наших прабабушек, мелькали, словно крылья бабочек, веера.

По навощенному паркету, обрызганному огнями хрустальных люстр, в помноженных зеркалах залах кружились напудренные парики, улыбались коралловые уста, украшенные лукавой черной мушкой. А вальс развевался, словно выцветшая лента.

Баранелло крутил ручку, закрыв от удовольствия глаза; звери слушали, будто замороженные.

*Быть может, я последний раз
Плыву под вальс в веселый час;
Настала ночь, и день погас,*

Быть может, ночь разделит нас —

двоих друзей!

— Трех друзей, — поправляет Мышибрат, обводя нежным взглядом отдыхающих спутников.

Сбоку, привязанные красными тесемками, болтались около шарманки соломенные туфли. И петух, поглядев на опаленные ноги Виолинки, тяжело вздохнул. «Босая, босая, точно нищенка; как я ее такой королю отдам?» — сокрушался он, потирая крылом наморщенный лоб.

— Дай нам эти туфли, Черный Баран, — попросил Пыпец, подойдя к шарманщику.

— Если хочешь, я продам их за серебро, господин мой милостивый.

Петух обшарил карманы, потом посмотрел на Мышибрата, но тот отрицательно покачал головой.

— У меня нет денег, Черный Баран.

— Дай рожок, дай рожок, щедрый капрал.

— Ты с ума сошел, Пыпец! — крикнула Хитраска. — Это не имеет ни малейшего смысла! — Но Пыпец снял уже с плеча перевязь и небрежным жестом протянул барану свой старый рожок.

— Довольно ты мне послужил. Иди теперь в эти славные копыта; Баранелло — истинно акустическая душа, не тревожься, он тебя будет беречь.

Музыкант вынул палку, закинул шарманку за спину. Когда он, пробуя звук, поднес рожок к губам, все услышали жалобный стон прощания.

— Это свинство! Не смей забирать рожок! — крикнул кот. — Такой обмен — это подлость, мошенничество!

— Прощайте! Прощайте, господа милостивые! — поклонился Баранелло, быстро удаляясь.

— Это самая высокая цена, которую когда-либо заплатили за обыкновенные туфли.

— Какой ты добрый, Пыпец, — поцеловала его Виолинка. — У меня еще никогда не было таких хорошеньких туфель.

— Ничего не поделаешь, — кряхтя, говорит петух и скромно

потирает крылья. — Впрочем, я сделал бы то же самое для каждой босой девочки.

Пыпец уселся на камень и стал набивать трубку табачными крошками, которые он выклевывал из кармана.

Счастливые друзья сидели и отдыхали. Мышибрат, достав дратву, пришивал отстающую подметку; Виолинка побежала к ручью. Укрывшись в зарослях, она сбросила платице и начала плескаться в воде. Девочка долго мылась, а потом стала стирать свое выцветшее платье. Вода около мостика текла тихо, и множество незабудок отражалось в ней сапфировыми пятнышками. Даже не заметив этого, Виолинка зачерпнула их отражение, и вся ткань окрасилась в ярко-голубой цвет. Девочка развесила платье на ветвях кустарника, а сама по пояс села в воду и принялась расчесывать спутанные волосы зеленых водорослей, густо разросшихся у подводных камней. Каждую минуту раздавался веселый смех Виолинки: стайки маленьких серебряных рыбок щекотали ей пятки.

Багровое зарево заката сверкало из-за деревьев; птицы возвращались в гнезда. Было тепло, как летом. Королевна набросила платице, всунула босые ноги в соломенные туфли и, охваченная внезапной нежностью, помчалась через луг к своим задремавшим друзьям. Она увидела изнуренные мордочки зверей, их озабоченные глаза. Как бы ей хотелось отблагодарить их, доказать им свою любовь и привязанность!

— Смотрите, — вскочил изумленный Мышибрат, — королевна, — прошептал он, — настоящая королевна!

И действительно, ручей смыл с Виолинки дорожную пыль и чары цыгана. Ее посветлевшие волосы спадали на плечи золотистыми кудрями. Платице было голубым, как небо, а соломенные туфли стали золотыми туфлями — на них поблескивали капли росы, как настоящие бриллиантовые пряжки.

— Какой ты стала красивой! — шепнула Хитраска.

— И какой у тебя величественный вид! — склонился перед ней петух.

Девочка нежно обнимала зверей, целовала и в клюв и в мордочку, гладила и изо всех сил прижимала к себе.

Лишь теперь взволнованные друзья почувствовали, что она по-настоящему их любит.

— Для вас я совсем не королева, я просто ваш друг, с которым вместе вы прошли этот тяжелый путь! — воскликнула девочка.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Багровое солнце опускалось все ниже, в долине клубился туман.

— Нам пора в путь, — сказал Пыпец.

Взявшись за руки, друзья зашагали по дороге.

— В моей жизни еще не было такого счастливого дня, — вздохнул петух. — Теперь я за вас спокоен...

— И я тоже, мои деточки, — рявкнул, вылезая из леса, цыган Нагнётток. — Ну, добрый вечер! Что ж это, паралич вас хватил, что ли?

Звери стояли окаменев. Огромная фигура цыгана с развевающимися космами и взлохмаченной бородой, обрызганной кровавым солнцем, надвигаясь из сумерек, неумолимо приближалась к друзьям. Полчаса тому назад он встретил на дороге Баранелло. Нагнётток сразу заметил в копытах шарманщика ненавистный рожок. И, перекупив его, он рысью побегал через лес, уверенный, что скоро настигнет беглецов.

— Отдавайте мне малютку и улепетывайте отсюда! — гаркнул Нагнётток на зверей.

— Бежим! — крикнула Хитраска.

Словно проснувшись, друзья повернули назад и помчались по крутой тропинке в сторону монастыря. Вслед за ними, сопя, ринулся цыган. Но, прежде чем звери добежали до первого поворота, петух понял, что им не спастись. Необходимо было встретить врага лицом к лицу.

— Возьми это, — крикнул Пыпец Хитраске, подавая ей свой узелок, потом он шепнул: — Мчитесь к калитке... Я вас догоню!

— Я останусь с тобой, — дышал ему в ухо Мышибрат.

— Нет, ты должен быть с ними до конца.

— Капрал, — умолял кот, — позволь и мне...

— Нет! Теперь моя очередь!

Петух собрал все силы и крикнул: «Стой!» — загородив дорогу цыгану.

— Прочь! — заревел Нагнётток, но, видя решимость капрала, убавил шаг. Оба стояли на склоне холма у поворота тропинки. Сверху слышны были крики убегающих, камешки, постукивая, скатывались вниз.

Петух выпрямился, нахохлился и прицелился в темноту своим затупленным клювом; он опустил крылья и принял гордую воинственную позу. Увидев это, Нагнётток вытянул вперед обе руки и, скрежеща зубами, стал медленно приближаться.

Они стояли так на расстоянии одного шага друг против друга, словно бронзовые изваяния, в неверном свете восходящего месяца.

Старое сердце петуха стучало: «Ты вышел на последний бой; помни об этом, будь мужествен».

Над Пыпцом наклонился громадный, как дуб, цыган.

Неожиданно внизу зацокали копыта и раздались крики: «Держись, старина! По зубам его! Мы тебе сейчас поможем!»

Высекая шпорами искры и поблескивая дулами пистолетов, в гору карабкались какие-то люди.

Петух повернул голову, чтобы лучше рассмотреть всадников. Этой неосторожностью воспользовался Нагнётток, он выдернул из-за голенища длинный нож и, заорав: «Ах ты, куриное отродье!» — дважды ударил петуха ножом в грудь.

— Не закрывайте калитки, сейчас капрал прибежит, — долетел до него еще сверху голос Хитраски. Пыпец запрокинул голову и увидел высоко над собой у полуотворенной монастырской калитки мерцающий фонарик. Его друзья были в безопасности. Горячая кровь текла из пробитого сердца, дрожь пробежала по телу — и он весь вытянулся. Приоткрыв клюв, петух умер без стоны.

Цыган вытер нож о траву. Повел вокруг черными глазами. И тут он снова услышал снизу топот и крики; тогда злодей перешагнул через преграждавшие ему путь останки и помчался к монастырской калитке.

В этот момент из-за поворота вынырнули три фигуры.

— Высеки огня! Посвети сюда!

Посыпались искры. Кроваво сверкнул факел. Пришельцы склонились над капралом.

— Он убил его! — воскликнул кто-то. — Один раз этому бандиту удалось обмануть нас, но теперь мы его поймаем!

— Поздно! Братья-разбойники, слишком поздно! — ответил другой голос.

Это были Гуляйнога, Уголек и Пробка. Час тому назад цыган прокрался мимо них и, в довершение всего, отрезал пол-уса задремавшему атаману. Когда пчеловоды заметили следы, они бросились в погоню, стараясь сдержать слово.

И вот они опоздали всего на одну минуту.

Взяв скамью, на которой отдыхают бредущие к монастырю пилигримы, и положив на нее тело, они образовали траурное шествие, освещенное багровым пламенем факела.

Когда пчеловоды постучали в дубовые ворота, привратник осторожно выглянул и тотчас в ужасе отпрянул. Засовы отодвинул Мышибрат. Братья-разбойники вошли во двор.

Месяц был уже за башней. Он заливал мощеный двор волной серебряного света. Среди ветвей монастырских кедров с грустным криком летали совы.

— Не говорите ей ничего, — прошептал кот, указывая на комнату, где находилась Хитраска. — О, бедный друг! — рыдал Мяучура, целуя безжизненное крыло петуха.

Тело внесли в угловую келью. Зажгли свечи, и Мышибрат дрожащей лапкой закрыл мертвому глаза.

РОЖДЕНИЕ ЭПИКУРИКА

В узком решетчатом окне тускло мерцал месяц. В полумраке комнаты искрились, отекая слезами, восковые свечи. Тени монахов двигались по стенам, шелестели страницы молитвенников.

— Я не могу ничего есть, — шепнула Хитраска, отставляя дымящуюся миску с тминным супом.

— Что, вам не нравится? — огорчился повар, брат Мускат, стоявший в дверях с учтиво сложенными на толстом брюшке пухлыми руками.

— Нет, великолепно, но у меня нет сил, чтобы есть. Я вся дрожу, — шепнула лиса. — Почему он не возвращается? Я чувствую, что с ним случилось что-то нехорошее...

Подгоняемая предчувствием, слыша печальный шорох молитв, Хитраска вскочила со скамейки и, прижимая к сердцу узелок петуха, вбежала в угловую келью.

С минуту она стояла, ничего не понимая. И вдруг с душераздирающим стоном Хитраска подняла вверх лапки и рухнула без чувств на пол. Узелок выпал из ее рук и покатился по каменному полу.

Подбежали разбойники и подняли лису, а Уголек, окунув руку в кропильницу, брызнул на нее водой.

Постепенно Хитраска пришла в себя; боль исказила ее мордочку; из глаз ручьями хлынули слезы.

Неожиданно из упавшего узелка, из вороха тряпок, разбрасывая скорлупки и отгибая проволоку, выкарабкался задорный петушок. Он был невелик, но оперен почти как взрослый, красный гребень драчливо свешивался на левый глаз. Было похоже на то, что он уже никогда не вырастет: цыпленок слишком долго пробыл в яичной скорлупе.

— Я Киркорек, — представился петушок. Потом, к удивлению всех, он подошел к мертвому телу отца и, поцеловав его в похолодевшее крыло, что-то долго шептал и обещал со слезами на глазах.

Хитраска нежно обняла малютку и прижала к груди.

— Бедный ребенок, сиротка! — Но петушок резко отстранил лисицу и промолвил писклявым, но уже ломающимся голосом:

— Тяжело, ничего не поделаешь, умер отец, но нужно за него отомстить!

— Да ведь ты совсем маленький, — зарыдала Хитраска.

— Не такой уж маленький, — вызывающе нахохлился петушок.

— Ты наш друг, лучший товарищ, — обнимали его разбойники. — Завтра ты поймает преступника, и справедливость восторжествует.

Они увели малыша в соседнюю комнату и там строили планы погони и мести. А когда добрый настоятель послал к ним брата Муската с мисками тминного супа, они попросили у

него только горсть соленых бобов, и приор был приятно удивлен их покаянной суровостью. Потом, как пристало бесстрашным головорезам, пчеловоды пили вино из оплетенных тростником бутылок и заедали его солеными бобами, которые, как известно, делают напиток еще вкуснее и усиливают жажду.

И тут Киркорек начал со слезами на глазах припоминать подвиги отца.

— Эх, — говорил он, — когда мы были под стенами Блабонны...

— Не ври, — возмутился трезвеющий Гуляйнога.

— Чтоб у меня не вырос хвост, — божился петушок, — разве мало носил меня отец в походном ранце по полям славы... Разве мало выслушал я рассказов у ночных костров?

— А ведь он говорит правду! — воскликнул Пробка и ударил себя по лбу. — Братья, — воскликнул он, — в нем ожил наш друг!

— Выше чашу! — радостно крикнули разбойники.

Вдруг в темноте, за оградой, послышались ужасающие вопли. От них дрожь пробегала по телу и волосы вставали дыбом.

ПИР ДЕМОНОВ

Слышался стук сандалий и шорох ряс — по коридорам бежали монахи. Взводя курки пистолетов, пчеловоды выскочили из кельи. Но в темноте за монастырской оградой видны были только очертания деревьев, среди которых метались какие-то зловещие тени и дрожал освещенный месяцем плющ, словно могучие звери точили когти о камни монастырских стен.

А дело было так. Когда притаившийся за деревьями цыган увидел, что привратник, звякая ключами, запирает калитку за пчеловодами, он поднялся с земли, ударил рожком о ствол ракиты и прохрипел:

— С одним я расправился, а тут еще троих черти принесли...

Нагнёт, крадучись, стал пробираться вдоль стен, высматривая выступы и углубления, на которые он мог бы опереться ногой.

Так шел он, задрав голову, с вожделением поглядывая на

свисающие из-за бойниц ветки. Над ним бесшумно кружились совы, щелкая искривленными клювами.

Вдруг цыган заметил, что из-под горы к нему приближаются странные фигуры. Они напоминали людей, но у них не было ни носа, ни рук — они скорее походили на видения кошмарного сна или на грозные призраки. Это были семь Страшных Пороков. Не имея доступа на освященную землю монастыря, они подкарауливали закоренелых грешников около стены, осаждая и штурмуя ворота обители.

— Прочь! — крикнул им цыган, угрожая ножом.

Чудовища захохотали, и этот хохот был так ужасен, что черная душа цыгана задрожала в испуге и побледнела. Шествие возглавлял карлик с синим и опухшим лицом; он схватил Нагнётка за ноги и повалил его на землю. Сбитого с ног цыгана свысока измерило Высокомерие. Краснобородый Гнев разгневал его. Подскочило Убийство и ловко убило злодея, а Нечистость вымазала его с головы до ног. Потом подбежало Обжорство и стало объедать еще теплый труп. Когда остался начисто вылизанный скелетик, притащилась Ленъ и принялась стонать, что для нее ничего уже не оставили. Потом она схватила рожок и попробовала сыграть, но рожок в руках демона отчаянно завыл. Чудовища, жалобно скуля, стали вырывать его друг у друга.

Именно эти грозные звуки и всполошили пчеловодов, они затрубили тревогу, и демоны исчезли в черных борах на берегах Кошмарки.

Монахи отправились спать. Но вдруг из глубины ночи за сверкали багровые огни, эти огни стали расти и шириться. Кровавое зарево залило небо; разбуженные птицы, думая, что наступил рассвет, отряхнули мокрые от росы крылья и весело защелкали. Огненные гривы плавали по небосводу, брызгая ввысь искрами. Земля гудела. Все застыли в изумлении. Может быть, пришли какие-нибудь новые беды?

— Отец, — крикнул Гуляйнога, — я сяду на коня, чтобы узнать все поскорее!

— Не делай этого, — ответил монах, — тропа извилиста, ночью всякая нечисть подкарауливает сбившегося с дороги путника, лучше поезжай на рассвете.

— Что это за пламя?.. — волновались все.

Зарево отбрасывало неверные отблески на встревоженные лица.

— Это горит в стороне трактир «Под копченой селедкой».

— Я все понял, — крикнул, ударив себя по лбу, Эпикурик, — и как я раньше не догадался...

— Говори, Киркорек, говори скорей! — все обступили петушка.

— Это армия короля Цинамона, она перешла границу и жжет костры на привале.

Точно в подтверждение этих слов, издалека донеслись мрачный рокот военного барабана и хриплые голоса труб, призывавшие быть начеку.

СЧАСТЛИВОЕ ОКОНЧАНИЕ

Ярко горело восходящее солнце; крупные зерна росы поблескивали в седых травах. Темной полосой на поляне обозначился след, где проскакали разбойники. Киркорек, наблюдая за ними с зубчатой стены, увидел, как разбойники вынырнули на дорогу. Внизу гудел лес от их бешеного галопа. Любезные пчеловоды мчались, припав к конским гривам; развевались перья на шляпах, сверкали стволы пистолетов. Всадники то пропадали за поворотом, то вновь появлялись; мелькая среди тенистых деревьев, они уносились вдаль, становясь все меньше и меньше.

Над лесом редет туман, и прямехонько в небо поднимается столб дыма из трактира Завтрака. Даже отсюда, из монастыря, видны стройные шеренги войск: черные толпы пехотинцев и подвижные эскадроны знаменитой блаблацкой кавалерии. Волнение душит юного петуха при мысли о смерти отца, о его героической, полной самоотвержения жизни и о спасении королевны. «Да, — думает он гордо, — если бы не отец, вся эта армия вторглась бы, разрушая и сжигая родной Тютюрлистан». Петушок, прикрыв крылом глаза от солнца, видит, как трое разбойников, которые кажутся отсюда меньше муравьев, выезжают на широкую пограничную дорогу.

«Ох, если бы и в моей жизни было столько же походов, столько же приключений, — мечтает Киркорек, — то ты, отец, наверняка не постыдился бы за меня!»

Вдруг он заметил, что под стеной, у самого склона, что-то блестит среди травы, как раз там, где вчера неистовствовала нечистая сила. Петушок ловко соскочил со стены, пролез через кусты и... конечно, это был рожок.

Прижав находку к груди, Киркорек помчался во двор.

Он остановился в приоткрытых дверях часовенки.

Свечи догорали. Только двое монахов находились у гроба. Охваченный внезапной надеждой, Киркорек приложил рожок к клюву и заиграл простую и жалобную мелодию:

*Петух недавно умер,
Он злым врагом сражен;
Когда б ему сыграли,
Воскрес бы тотчас он.*

Дрожь пробежала по телу Пыпеца, веки заморгали, но душа слишком далеко улетела в иной мир, она не могла уже вернуться на зов. Большая слеза медленно скатилась по клюву и, сверкнув, упала в темноту. Удрученный Киркорек стал на колени.

За стенами гудело. Не обращая внимания на отчаянные приглашения Завтрака, рыцари сели на коней. Как только король Цинамон узнал, что Виолинка ждет его в монастыре, целая и невредимая, он всадил смертоносный меч в землю и в окружении пчеловодов помчался к дочери. И как раз в этот момент он соскакивал с коня.

— Дочурка! — воскликнул король, протягивая руки.

— Папочка! — взвизгнула Виолинка, побежала ему навстречу и, словно голубая бабочка, затрепетала, повиснув на его шее. Они долго обнимались и целовали друг друга. Тютюрлистан был спасен.

***

В этом месте и отец Чернилий вытирает перо, потому что слезы радости застилают глаза и мешают ему писать.

Повсюду суматоха, возгласы и крики — и я не могу собрать мыслей.

Что бы вы еще хотели узнать?

Хитраска стала хозяйкой постоянного двора. Она живет сейчас в Тулебе и с клеенчатой сумкой, шелестя накрахмаленными юбками, спешит каждое утро за покупками на рынок.

Мышибрат унаследовал мельницу после старика Сито, но дела у него идут плохо, ведь вам хорошо известна его дружба с мышинным родом.

Прыг и Узелок дают представления в цирке «Мердано». Колдунью Друмлю солдаты не поймали: обернувшись совой, она, рыдая, улетела в лес.

А что касается трех милых разбойников, то я сам был свидетелем следующего разговора. Юлий Пробка сказал, что он возвращается в столицу, так как ему недостает восторженной публики. Он заявил, что друзья его слишком необразованны, чтобы оценить всю несказанную прелесть его поэзии.

И тогда обиженный Гуляйнога крикнул:

— Позволь, мой Юлий, я тебе процитирую поэта:

Ступай же в город, о глупец,

А я — я в лес пойду...

— Во-первых, не «глупец», а «купец»! — обиделся в свою очередь Пробка. — А кроме того, мы все поедем в столицу. Мы заслужили под старость немного отдыха...

Чтобы познакомить вас с неизвестным, но великолепным талантом, я процитирую вам первые строки поэмы Пробки.

Поэма воспевает приключения петуха и его друзей, причем не последнюю роль играют и три разбойника:

Муза, воспой петуха, — завоеватель Бабоны

В дальних скитался краях, долгим путем изнуренный.

Недугом злобным гоним, с верными шел он друзьями,

По лесу, по полю шел, переступая ногами...

Обращаю ваше внимание на необыкновенную меткость этого наблюдения.

Что вы еще хотите знать, кто вас еще интересует? Может быть, козел Бобковита? Мне стыдно признаться, но он один ни в чем не изменился. Он основал тайную аптеку и торгует запрещенными снадобьями.

Это, пожалуй, все...

— А петух? А капрал Пыпец?

СКАЗОЧНОЕ НЕБО

Когда я припоминаю этот осенний золотой день, полные гордого молчания деревья, которые склонились, словно боевые знамена, слезы туманят мой взор.

Петух лежал в гробу, весь усыпанный живыми цветами. Блестело оружие почетного караула. Несмотря на то, что толпы людей проходили через часовню, там царила тишина... Искали средства, чтобы спасти героя, никто не верил в его смерть.

Поскольку врачи обоих королевств, прибывшие в войсковых обозах, заявили, что они не смогут вернуть ему жизнь, созвали мудрецов, знахарей и астрологов, определяющих судьбы по бегу планет. Они поглядели в небо через большие телескопы, посмотрели на солнце через закопченные стеклышки, поморгали глазами, в которых кружились остренькие звездочки. Потом, наморщив лбы, они долго шелестели пергаментными страницами. И, наконец, пришли к странному решению.

Какое небо ближе всего к земле?

Разумеется, сказочное, то, которое лежит между облаком и сном. Именно туда прокрадываются дети, туда приходят поэты, дорогу на это небо так просто найти, что я, зажав глаза, мог бы ее вам тотчас нарисовать.

Если душа капрала находится на этом небе и, согласно закону летучести, не может вернуться на землю, то что же еще остается, кроме как послать к ней тело героя? Ох, душа, наверное, придет в восхищение от того, что она вновь сможет оживить его и затрепетать в этих доблестных перьях.

Не очень-то было это все понятно опечаленным монархам.

Но тотчас портные выкроили длинные, страшно длинные языки из розового шелка и, сидя на траве, принялись сшивать части огромного апельсина. Потом зажгли костер.

— Мало огня! Еще огня! — кричали почерневшие от дыма кочегары. В костер кидали ветви, хворост, швыряли тяжелые буковые поленья. Когда братья Горемыки бросили в огонь свои сандалии, вверх стал подниматься теплый и ароматный сандаловый дым. Он постепенно наполнил шар и огромным чуди-

щем заколыхался в нем. Апельсиновый диск повис над деревьями, точно осенний месяц, когда он готов скрыться за горизонтом, с тем, чтобы покатиться по орошенным росой травам другой стороны света.

Солдаты держали веревки.

В пурпурной гондоле лежало тело ветерана, одетое в парадный мундир, сверкающий орденами Тютюрлистана и Блаблации.

— Пускайте шар, — дали знак маги.

Уносимый дыханием могучего пламени, шар умчался в светлеющую лазурь. Он медленно поднимался, точно раздумывая, в какое окно между облаками ему удобнее погрузиться. Вдруг брызнул сноп горячих лучей, указывая дорогу полосой света. Теплый ветерок отцветшего лета качнул деревья и разбудил стаи скворцов, которые улетели, прощаясь жалобной песней с остывающей землей. Целая туча птиц устремила след за шаром, словно кто-то до срока поманил ее умчаться к солнечному югу. Теряя листья, шелестели деревья, медленно склонились боевые знамена.

Шар уносился все выше, и каждому было ясно, что он уже никогда не вернется на землю. Все стояли в глубоком молчании — и оба короля и вытянувшая мордочку Хитраска. Поптичьи наклонив голову набок, смотрел круглым глазом в небо Киркор Эпикурик. Плакала Виолинка, плакал Мышибрат, разбойники и весь, весь цвет рыцарства обоих королевств.

Хотя шар был не больше черешни, с земли все увидели, как вокруг него зароилось множество замечательных фигур; он уже влетел в сказочное небо, где царит Андерсен. По вспененным облакам там плывут фрегаты корсаров и капитан Сильвер, с попугаем на плече, устремил свой взгляд в неведомую даль. Там лежит Пятница у ног Робинзона и из Страны Чудес выбегает Алиса.

Смотрите! Там с нетерпением ждут доблестного петуха. Там, в небе испорченных игрушек и вечной молодости!

Я вижу, как все приветствуют старого ветерана, влетающего к ним в блеске немеркнувшей славы. Глядите-ка, да ведь это наша старая знакомая, Точка, кружится над ним, садится к нему на грудь, как капелька крови, и восклицает: «Здравствуй, герой!»

Всем показалось, что перед тем, как шар растворился в лазури, петух высунулся из гондолы и приветственно махнул крылом. А может быть, слезы туманили миг расставания.

Долго стояли мы с запрокинутыми головами. И вдруг с неба начало падать одно, одно-единственное перо. Оно кружилось, сверкая на солнце. Я жадно схватил его в тоскующие руки.

И этим пером, еще дымящимся красками неба и сиянием просторов, я написал свою повесть.

Содержание

КОРОЛЕВСКИЕ ЗАЙЦЫ

Братья ГРИММ

ГНОМ-ТИХОГРОМ (<i>пересказ Т.Габбе</i>)	7
КОРОЛЕВИЧ-ЛЯГУШКА, ИЛИ ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕНРИХ (<i>пересказ Т.Габбе</i>)	13
КОРОЛЬ-ДРОЗДОБОРОД (<i>пересказ Т.Габбе</i>)	17

Петер Кристен АСБЪЁРНСЕН

КОРОЛЕВСКИЕ ЗАЙЦЫ (<i>пересказ А.Любарской</i>)	24
---	----

Эдуард Рене ЛАБУЛЕ де ЛЕФЕВР

ПАЛЬЧИК (<i>перевод и обработка Т.Габбе и А.Любарской</i>)	36
--	----

Жорж САНД

ИСТОРИЯ ИСТИННОГО ПРОСТОФИЛИ ПО ИМЕНИ ГРИБУЛЬ (<i>пересказ И.Кузнецовой</i>).	55
--	----

СЕМЬ ПРИНЦЕВ

Карел ЭРБЕН

ТРИ ЗОЛОТЫХ ВОЛОСКА (<i>пересказ М.Лялиной</i>)	95
УМ И СЧАСТЬЕ (<i>пересказ М.Лялиной</i>)	103

Бела БАЛАЖ

СЕМЬ ПРИНЦЕВ (<i>перевод А.Трошина</i>)	107
---	-----

Ханс ФАЛЛАДА

СКАЗКА ПРО КУРИЦУ-НЕУДАЧНИЦУ (<i>перевод и обработка Вс.Розанова</i>)	119
--	-----

Элеонор ФАРДЖОН

ХОЧУ ЛУНУ! (<i>пересказ Н.Шерешевской</i>)	131
--	-----

Карел ЧАПЕК

БРОДЯЖЬЯ СКАЗКА (<i>перевод Б.Заходера</i>)	145
---	-----

ПОХИЩЕНИЕ В ТЮТЮРЛИСТАНЕ

Войцех ЖУКРОВСКИЙ

ПОХИЩЕНИЕ В ТЮТЮРЛИСТАНЕ (<i>перевод С.Свяцкого</i>)	159
--	-----

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга — из 20-томной серии «Сказка за сказкой», к выпуску которой приступили издательско-производственный центр «КИМОС», фирма «РИТА» (г. Москва) и ТОО «Библиополис» из г. Санкт-Петербурга.

Серия поможет Вам открыть безграничное богатство сказочного мира. Он принадлежит всем нам, но прежде всего детям, им и адресованы наши книги.

Группой молодых художников подготовлено красочное оригинальное оформление. Оно станет сюрпризом для Вас, как и многие мало известные тексты сказок.

Вышли и выходят из печати:

Братец Лис и Братец Кролик.

Сказочные истории из жизни птиц и зверей.

Заколдованный халат.

Арабские сказки, не вошедшие в «1001 ночь».

**Джованнини и Пульчероза, а также
Чиполлино и другие.**

Итальянские сказки.

Жил-был король...

Сказки писателей Европы.

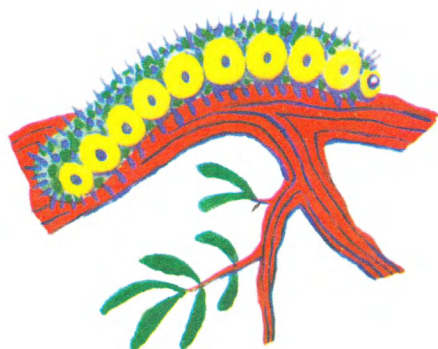
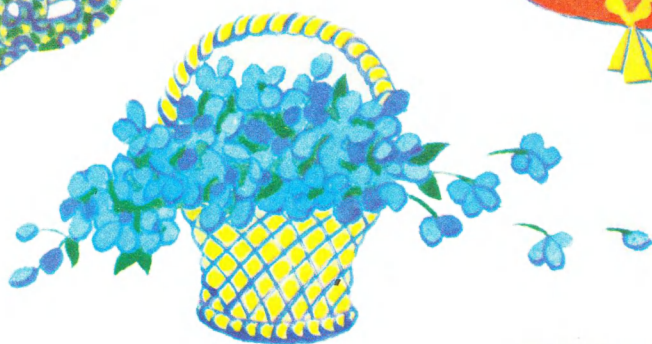
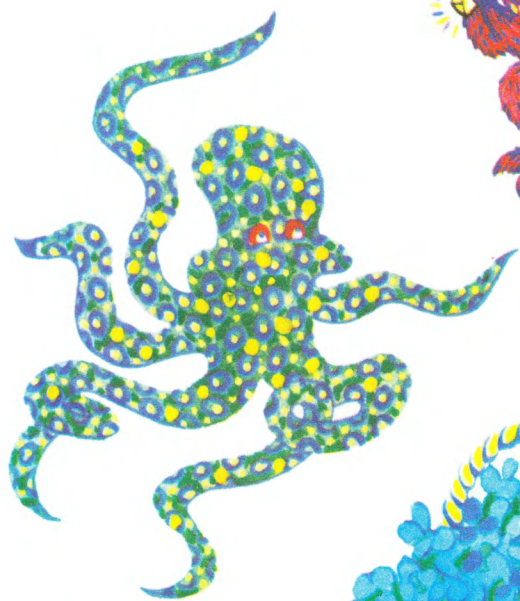
Золотая ладья.

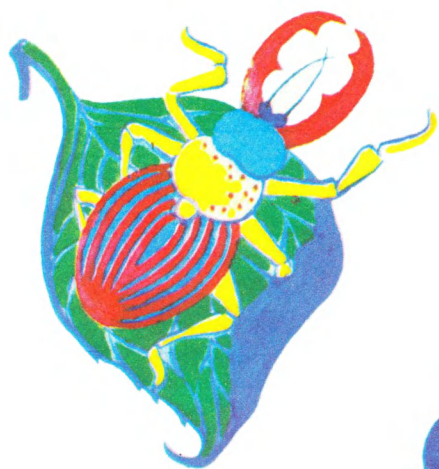
Сказки и легенды с лазурной Адриатики.

Шутка Черного Лешего.

Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе.

***По вопросам реализации обращаться:
г. Москва, тел. (095) 176-8004***

ЖИЛ-БЫЛ КОРОЛЬ...

Редактор

Е. Мовчан

Художник

В. Волипец

Технический редактор

В. Соболев

Корректор

С. Цыганова

Сдано в набор 23.III.93. Подписано в печать 20.IV.93. Формат 70x100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 22,6 Тираж 100000 экз. Заказ № 30651.

Полиграфкомбинат Государственного департамента Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
277004, г. Кишинев, ул. Митрополита Петру Мовилэ, 35.

Наша серия - сказки всех
времен и континентов -
многотомная сказочная
энциклопедия для дома